

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
Институт истории и социальных наук,
кафедра социологии
Русское социологическое общество им. М.М. Ковалевского
Фонд им. А.А. Хованского

СОЦИОЛОГИЯ В ТРУДАХ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КАРЕЕВА

СБОРНИК к 170-ЛЕТИЮ Н.И. КАРЕЕВА

ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ
ГЕРЦЕНОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Санкт-Петербург
2022

УДК 316
ББК 60.5
С69

Рецензенты:

доктор исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного ун-та **Е. А. Долгова**

кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского гос. морского ун-та **С.Н. Войцеховский**

С 69 Социология в трудах Николая Ивановича Кареева: Сборник к 170-летию Н.И. Кареева: По материалам конференции Герценовского университета / Отв. ред. А.В. Воронцов; Науч. ред. С.Н. Малявин; Ред.-сост. Г.А. Иоффе. – СПб: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2022. – 380 с.

ISBN 978-5-8064-3175-3

Николай Иванович Кареев (1850–1931) – выдающийся русский историк, социолог, педагог, философ. В своем обширном наследии Кареев затрагивает обществоведческую проблематику и многие проблемы социологии как молодой науки, в том числе с целью способствовать ее дальнейшему развитию. Обобщить, систематизировать и включить в контекст современной социологической науки все аспекты творчества Н.И. Кареева, так или иначе затрагивающие социологию – до сих пор актуальная и амбициозная задача. Выход в свет настоящей книги приурочен к 170-летию со дня рождения ученого. Кроме того, издание отмечает 90-летие со дня смерти ученого и продолжает традицию «Кареевских Чтений», конференции кафедры социологии Герценовского университета. Сборник включает материалы научно-теоретической конференции «Социология и историософия Николая Ивановича Кареева. К 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева», библиографический указатель послереволюционной социологической литературы о Н. И. Карееве и ряд других материалов. Издание адресовано специалистам по истории и теории отечественной социологии, а также читателям, интересующимся современными научными дискуссиями о прошлом и настоящем социологической науки.

УДК 316
ББК 60.5

ISBN 978-5-8064-3175-3

© Коллектив авторов, 2022
© РГПУ им. А. И. Герцена, 2022

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 2020 году в Герценовском университете состоялась конференция «Социология и историософия Николая Ивановича Кареева. К 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева», по сути первое в истории российской социологии научное событие всероссийского масштаба, предметно посвященное социологическому наследию ученого и статусу Кареева как социолога. Идея проведения конференции принадлежала профессору А.О. Бороноеву. Организацией конференции занимались заведующий кафедрой социологии Герценовского университета профессор А.В. Воронцов и профессор кафедры социологии С.Н. Малявин.

Здесь стоит отметить вклад профессора Воронцова, отпраздновавшего в 2021 году восьмидесятилетие, в создание на кафедре социологии РГПУ им. А.И. Герцена определенной традиции, связанной с Николаем Кареевым. Кареев, как известно, – прежде всего, историк. Но именно кафедра социологии в свое время инициировала поиск места захоронения Кареева и создала ежегодную конференцию «Кареевские чтения», которая имеет уже более пятнадцати лет истории и семь специальных изданий¹. Вообще, это любопытный казус. В начале 90-х годов в период долгожданного для многих «освобождения» наук, в связи с появлением новых кафедр (социологии, политологии, религиоведения), исторический факультет бывшего ЛГПИ был переименован в факультет социальных наук. Собственно, социальными из них были только социология и политология, и то отчасти. Исторических же кафедр

¹ См.: **Социологическое наследие Н.И. Кареева** / Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб., 2007; **Вторые Кареевские чтения** / Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб., 2009; **Третьи Кареевские чтения** / Науч. ред. и сост. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб., 2012; **Четвертые Кареевские чтения: История и теория социологии: Материалы конф.** / Сост. А.В. Шевцов; Отв. ред. А.В. Воронцов; Науч. ред. С.Н. Малявин. СПб., 2015; **Пятые Кареевские чтения: История и теория социологии: Материалы конф., 18 дек. 2015 г.** / Науч. ред. и сост. С.Н. Малявин; Отв. ред.: А.В. Воронцов. СПб., 2017; **Шестые Кареевские чтения: История и теория социологии: Материалы конф. 16 дек. 2016 г.** / Сост. В.М. Копейкин; Отв. ред. А.В. Воронцов; Науч. ред. С.Н. Малявин, СПб., 2016; **VII Кареевские чтения: История и теория социологии: Материалы междунар. науч. конф. 18 дек. 2018 г.** / Каф. социологии РГПУ им. А.И. Герцена; Ред.-сост. Г.А. Иоффе; Отв. ред. А.В. Воронцов; Науч. ред. С.Н. Малявин. СПб., 2020.

на факультете оставалось большинство. И при этом именно кафедра социологии взяла на себя ответственность за фигуру историка Кареева. Так же социолог А.В. Воронцов был главным действующим лицом при восстановлении исторической справедливости: в 2017 году факультет стал факультетом «истории и социальных наук» а затем и одноименным институтом.

Конференция «Социология и историософия Николая Ивановича Кареева» 8 и 9 октября 2020 года собрала представительный список участников, специалистов по социологии и философии истории Кареева. Дискуссия развернулась прежде всего вокруг вопросов о социологическом статусе творчества Кареева и об актуальности работ ученого¹.

Несмотря на то, что Кареева сложно назвать социологом «в чистом виде», он занимался анализом, историей и методологией социологической науки и внес существенный вклад в отечественную социологическую традицию. Настоящий сборник – попытка раскрыть многообразие этого участия.

Как комментатор и критик, Кареев, в частности, в полемике с П. А. Сорокиным внес вклад в разработку социологической теории действия (см. статью Н.А. Головина настоящего сборника).

Как историк социологии, Кареев проследил развитие отечественной социологической мысли в «Основах русской социологии», в том числе занимаясь вопросами определения социологической специфики творчества ряда выдающихся русских публицистов, в частности Н.С. Чернышевского.

Как систематизатор социологической мысли, Кареев создал одну из первых типологий социологических воззрений как в рамках анализа отечественной социологии (см. статью С.Н. Малявина настоящего сборника), так и при подходе к современной ему социологии вообще во «Введении в изучение социологии».

Как биограф, Кареев создал ряд ценных портретов своих современников, в числе которых ученые, непосредственно имеющие отношение к становлению социологии в России: Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, М.М. Ковалевский, И.В. Лучицкий и др.

¹ См.: Воронцов А.В., Иоффе Г.А. Социологический дискурс о Карееве: по материалам конференции // Социологические исследования. 2021. №4. С. 158-160.

Как историограф, Кареев внес вклад в создании парадигмы исторических исследований социологической науки (см. статью А.О. Бороноева настоящего сборника).

Есть и более нейтральные определения этого направления работы Кареева, например, «аналитик социальной философии» (см. статью Д.З. Мутагирова настоящего сборника).

Вклад Кареева в социологию своего времени также очевиден с точки зрения эпистемологии, методологии и философии социологии (см. статью Г.А. Иоффе настоящего сборника). К этой части творчества ученого относится и неопубликованная до сих пор полностью работа «Общая методология гуманитарных наук» (см. статью А.В. Малинова настоящего сборника).

Как педагог и преподаватель социологии, Кареев принципиально включал в исторические курсы социологическую проблематику, формируя как мировоззренческую широту личности своих студентов, так и структурную возможность для интереса к новой науке (см. статью М.И. Романовой настоящего сборника).

Как теоретик образования, Кареев создал определенную концепцию социологического образования (см. статью М.Б. Булановой настоящего сборника).

Как просветитель, Кареев создал популярные пособия, способствовал развитию интереса к науке и научному этосу среди молодежи, пытался воздействовать на политическую ситуацию своего времени (см. статью А.В. Шевцова настоящего сборника).

Как организатор образования, Кареев участвовал в некоторых ключевых для процесса институционализации социологического образования в России событиях (см. статью М.Б. Глотова настоящего сборника).

Историософская ипостась творчества Кареева так же разнообразна и связана с социологией. Вклад в это разнообразие вносит сам Кареев, в своей попытке создать классификацию исторических наук. С точки зрения своей же модели, он является и историком, и философом истории, и историологом, и историографом, и историософом (см. статью А.Н. Гребенкина настоящего сборника). Ряд статей сборника раскрывают социологические идеи внутри осмысления истории Кареевым.

Некоторые авторы предполагают отношение Кареева к становлению социальной психологии (см. статью Н.В. Абросимовой настоящего сборника) и его вклад в изучение проблемы психологической адаптации в образовании (см. статью О.С. Мосиенко и Г.И. Чикаровой настоящего сборника).

Е.А. Долгова отмечает, что Кареева причисляли с «своему» психологи, правоведы, политологи и философы¹. Раннее творчество Кареева позволяет говорить о нем еще и как о филологе (см. статью А.И. Лазарева настоящего сборника), хотя речь скорее вновь идет об истории и методологии. Кроме того, в настоящем сборнике проводятся попытки найти социологические аспекты исследований Кареевым политических феноменов в истории (см. статьи О.Л. Гнатюк и Д.З. Мутагирова), предположить в трудах Кареева элементы современной урбанистики (см. статью Бесчастной А.А. настоящего сборника).

Кареев, прежде всего, был выдающимся историком своего времени. В этой связи существует ряд аргументов в защиту возможности причисления ученого к предшественникам направления исторической социологии (см. статью Л.А. Козловой настоящего сборника).

Структура сборника отчасти соответствует тематике и организационной форме проведения конференции октября прошедшего года. Книгу предваряет статья профессора А.В. Воронцова, содержащая в том числе обширный перечень работ Кареева, которые можно отнести с социологическим.

Первые семь разделов отражают аспекты исследовательского интереса современных ученых к социологическому наследию Кареева. Это историко-социологический интерес к поиску, публикации и анализу неизвестных ранее трудов Кареева, анализ работы Кареева по истории и систематике социологической мысли, осмысление его вклада в отечественную и мировую социологическую теорию, размышления об особенностях его идей в области социологической эпистемологии и методологии, исследование

¹ См.: Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / Под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2019. С. 14.

идей и деятельности Кареева в области социологического образования, поиск социологического содержания историсофских и социально-философских работ русского историка, обнаружение связей между социологическими взглядами историка и его общественно-политической деятельностью. В этой структуре, прежде всего, важно выделить различие трех отдельных жанров в творчестве самого Кареева: социология, история социологии и методология социологии. При этом социология, как правило, содержалась в его исторических исследованиях, а вот вторым двум он посвятил несколько самостоятельных работ.

Следующий раздел, восьмой, довольно обширен по объему и включает статьи, авторы которых пытались оттолкнуться от идей Кареева в анализе современного общества. Задачей раздела в структуре книги является ответ на вопрос о современном содержательном присутствии фигуры Кареева в дискурсе социальных наук. Какие идеи мы имеем в виду, когда произносим имя Кареева? Как правило, это проблемы соотношения личности и общественных процессов, образования и просвещения молодежи, воспитания критически мыслящей личности.

Отдельной удачей настоящего издания является девятый раздел – библиографический указатель послереволюционной литературы о Карееве как социологе, созданный профессором кафедры социологии Герценовского университета Шевцовым А.В. Данный указатель уже с исчерпывающей полнотой раскрывает картину социологического интереса к Карееву и тематически и во временном измерении. Раздел предваряется авторским введением, поэтому здесь далее комментировать этот труд не имеет смысла.

В приложении публикуется статья Н.И. Кареева «Что такое история литературы?», знакомящая читателя с научным стилем автора и некоторыми особенностями систематики, а также ряд материалов о связях социологии и филологии в творчестве ученого.

Настоящий сборник выходит в печать много позже юбилейной конференции, и в связи с этим следует вспомнить еще об одной дате. Если в 2020-м состоялось 170-летие со дня рождения Н.И. Кареева, то в 2021 году прошло 90 лет со дня его смерти. Конец жизни Кареева трагически совпадает с «исчезновением» социоло-

гии в России на долгое время (по крайней мере, теоретической социологии). Именно Кареева можно считать «последним социологом» русской классической эпохи. Уйдя из жизни в 1931 году, перед этим выслушав по сути вердикт «отлучения» от профессии, первый историк отечественной социологии стал немым свидетелем ее смерти в России. Действительно, из тех, кто внес вклад в отечественную традицию социологии поколения Кареева и далее, С.Н. Южаков умер в 1910 году, Я.А. Новиков в 1912 году, Е.В. Де Роберти в 1915 году, М.М. Ковалевский умер в 1916, В.П. Воронцов, И.В. Лучицкий и Г.В. Плеханов в 1918, А.С. Лаппо-Данилевский и М.И. Туган-Барановский в 1919, Б.А. Кистяковский и В.М. Хвостов в 1920, П.А. Кропоткин, С.А. Муромцев и М.Я. Острогорский в 1921, А.А. Исаев и В.И. Ленин в 1924, К.М. Тахтарев в 1925, В.М. Бехтерев в 1927, А.А. Богданов в 1928. В России Кареева пережили, пожалуй, разве что С.И. Гальперин, А.В. Чаянов, Н.И. Бухарин и А.К. Гастев, расстрелянные в 1936, 1937, 1938 и 1939 годах соответственно, а также экономист С.И. Солнцев (ум. в 1936 г.) и криминолог А.С. Звоницкая (ум. в 1942 г.). А выдающиеся эмигранты в лице Л.И. Петражицкого (ум. в 1931 г.), П.Б. Струве и С.Н. Булгакова (умерли в 1944 г.), Н.А. Бердяева (ум. в 1948 г.), С.Л. Франка (ум. в 1950 г.), Е.В. Спекторского (ум. в 1951 г.), В.М. Чернова (ум. в 1952 г.), Н.Н. Алексеева (ум. в 1964 г.), Г.Д. Гурвича и Ф.А. Степуна (ум. в 1965 г.), П.А. Сорокина (ум. в 1968 г.), Н.С. Тимашева (ум. в 1970 г.) продолжили вести нити судьбы отечественной социальной науки вне России. Это обстоятельство, вместе с рядом других, делает фигуру Кареева особенно значимой для истории российской социологии. В этом помимо прочего заключается необходимость подобных изданий (см. в т. ч. в этой связи статью М.В. Ломоносовой настоящего сборника).

Приветствую читателей и благодарю авторов за долготерпение.

Выражаю отдельную благодарность за отклик и дополнения к составу книги Н.А. Головину, А.И. Лазареву, А.В. Малинову и А.В. Шевцову. Без вас эта книга в таком виде не состоялась бы.

СОЦИОЛОГИЯ

В ТРУДАХ

НИКОЛАЯ

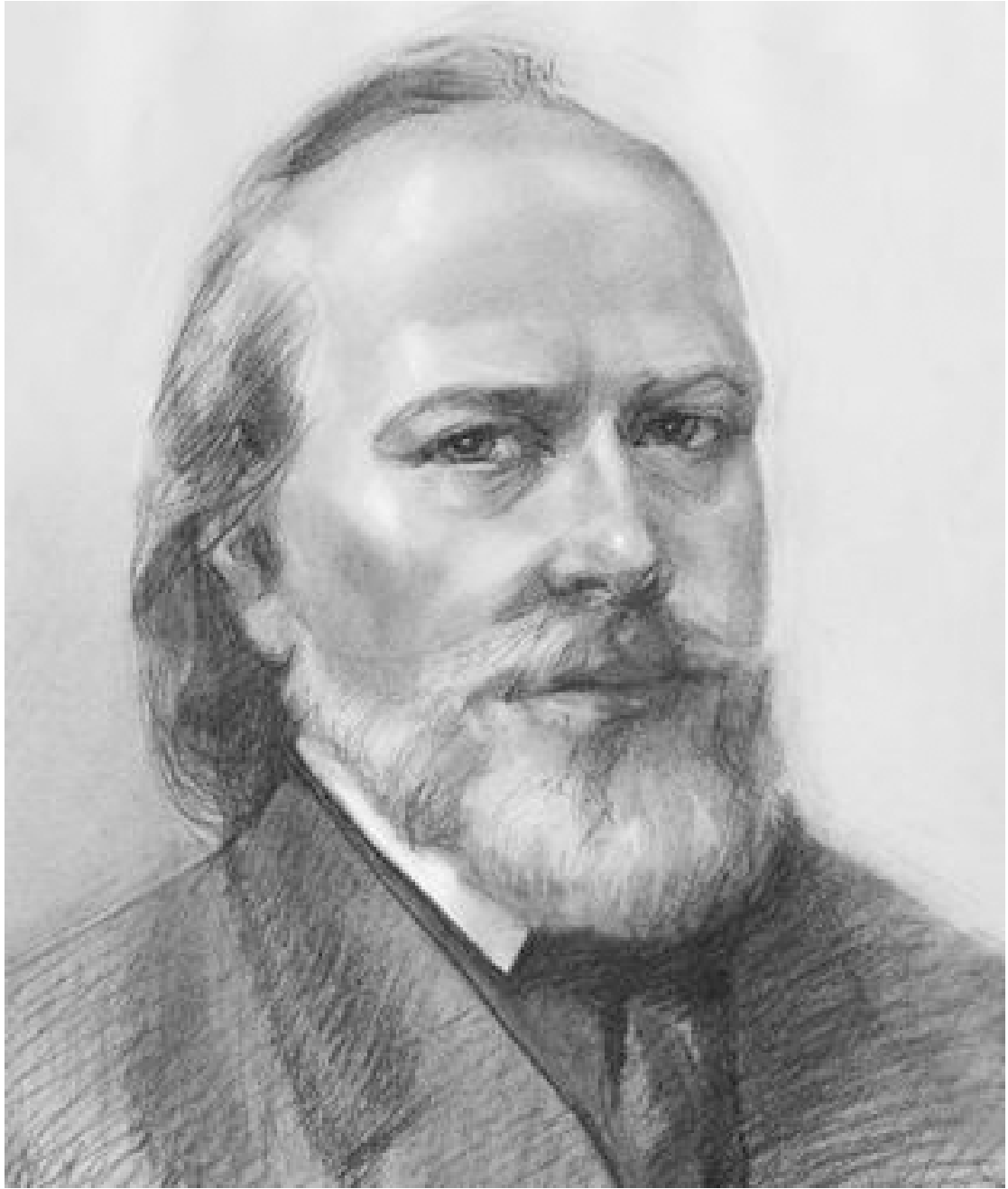
ИВАНОВИЧА

КАРЕЕВА

А. Кареев

**НИКОЛАЙ
ИВАНОВИЧ
КАРЕЕВ**

1850 – 1931

Портрет Н.И. Кареева выполнен современным петербургским художником

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ:
СОЦИОЛОГ, ФИЛОСОФ, ЧЕЛОВЕК
Вместо вступительного слова

Прежде всего я хотел бы приветствовать дорогого читателя! Настоящая удача – то, что Вы держите в руках это издание, посвященное 170-летию со дня рождения Николая Ивановича Кареева и также связанное с тем, что в прошлом году прошло 90 лет со дня смерти русского ученого. Обе даты важны, так как судьба Кареева интересна для нас не только с точки зрения достижений выдающегося ученого, но и как свидетельство трагической и неоднозначной судьбы нашей Родины.

Здесь я, во-первых, обращусь к биографии Николая Ивановича Кареева и, в частности, к проблеме уточнения некоторых биографических данных. Во-вторых, попытаюсь кратко описать вклад Кареева в социологическую науку.

Николай Иванович Кареев – выдающийся русский историк, социолог, философ, педагог. Если говорить о масштабе фигуры Кареева в контексте интеллектуальной среды последней четверти XIX века и начала века XX, то стоит отметить его заметное положение: дружеское общение в юности с Вл. С. Соловьевым, теплое общение с П.Л. Лавровым, встречи с Фюстелем де Куланжем и др. Кареев находился в самом центре и социологических дискуссий своего времени, полемизируя с выдающимися современниками: Г. Тардом, П.А. Сорокиным, Г. Гурвичем и др.

Так сложилась судьба, что я родился и вырос в соседней с имением Кареевых деревне. Этим обусловлен мой интерес к отдельным эпизодам биографии русского историка и социолога. В частности, я часто сталкиваюсь с неточностями биографических данных, представленных даже на таких крупных интернет-ресурсах как «Википедия»¹. Так, не только и не столько детство Кареева связано с усадьбой в Аносове; он проводил там значительную часть жизни, много работал там в зрелые годы.

¹ См.: Кареев Николай Иванович // Википедия [Электронный документ]. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кареев,_Николай_Иванович.

Надо отметить, что биография Кареева до сих пор вызывает научный интерес¹. Особо стоит отметить деятельность таких исследователей как В.А. Филимонов, Е.А. Долгова.

До обустройства усадьбы в Аносове, Кареев некоторое время своего детства провел в деревне Муравишники (ныне не существует), в имении своего деда по матери, Осипа Ивановича Герасимова (1792–1864). Деревня Аносово находится в 4 километрах от села Днепровское Новодугинского района Смоленской области. Обустройство усадьбы началось здесь в начале 60-х годов отцом историка, дворянином Иваном Васильевичем Кареевым (1822–1887). Последний владелец до 1917 года – брат историка – отставной полковник Василий Иванович Кареев (1852 – после 1927). После Революции усадьбой официально владела его дочь Екатерина Васильевна. Здесь родились и провели детские годы братья – геолог Николай Верейский и известный художник-график Орест Верейский, первый иллюстратор поэмы А.Т. Твардовс-

¹ Приведу неполную библиографию, посвященную этому вопросу. Во-первых, не приходится сомневаться в сведениях, предоставляемых самим Кареевым в: **Кареев Н.И. Прожитое и пережитое** / Подгот. текста, вст. ст. и комм Н.И. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. С. 84–87, 267–268, 271, 277–283, 297 и др. Во-вторых, ценными являются работы Долговой Е.В.: **Долгова Е.В. Социально-бытовые контуры частной жизни Н.И. Кареева в 1917–1931 гг.** // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20–22 октября 2011 года, Ярославль. М.: ИЭА РАН, 2011. Т.1. Долгова Е.А., Тихонова А.В. «Тяжелое материальное положение должно будет отразиться и на ходе научных работ...»: частная жизнь Н.И. Кареева 1917–1931 гг. // Родина. 2012. №7. С. 158–160. Долгова Е.А. **Неизученные страницы жизни Н.И. Кареева** // Вопросы истории. 2012. №8. С. 131–137. Долгова Е.А. «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой...»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора // Российская история. 2015. Вып. 4. С. 77–89. Долгова Е.А. **Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1917–1931 гг.** М.: Росспэн, 2015. По крупницам отдельные ценные указания биографического свойства представлены в статьях краеведа Д.И. Будаева: **Будаев Д.И. Аносово** // Смоленская область. Энциклопедия. Т.2. Смоленск: СГПУ, 2003. С. 12. **Будаев Д.И., Левитин М.Н. Неизвестное об известном.** Смоленск: Маджента, 2003; С. 156–163. Кстати, эта важная информация о Карееве и ссылки на приведенные статьи удобно расположены в: **Чижков А.Б., Гурская Н.Г. Смоленские усадьбы. Каталог с картой расположения усадеб.** Смоленск: Свиток, 2009. Также см.: **Тихонова А.В. Смоленское имение Кареевых Аносово: история расцвета и разрушения** // Русская усадьба. Вып. 7 (23), С. 509–514; **Трофимов И.Т., Писатели Смоленщины.** М.: Московский рабочий, 1973. С. 101–103. и др.

кого «Василий Теркин» (не только поэтический, но и живописный образ Теркина вдохновлен Смоленским краем). Их мать, дочь Н.И. Кареева и Софьи Андреевны Линберг, детский писатель Елена Верейская, а отец – ее муж – художник, портретист и пейзажист Георгий Семенович Верейский.

Будучи хозяином провинциальной усадьбы, В.И. Кареев многое сделал для просвещения крестьян. Его главным детищем стал народный дом в селе Воскресенское (ныне п. Днепровское), где ученый читал многочисленные популярные лекции по истории и естественным наукам. В Воскресенском также была библиотека, книги из которой Кареев использовал в работе. Там же работала дочь Кареева, Елена.

Непроста была последняя часть жизни выдающегося русского ученого, а судьбу его наследия вплоть до 90-х годов и вовсе можно назвать трагичной. Кареев избежал физической расправы и высылки за рубеж. Существует полулегендарная версия, согласно которой на принятие такого политического решения повлияла память о положительном внимании к русскому ученому К. Маркса: в свое время в письме М.М. Ковалевскому он назвал превосходным труд молодого Кареева «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века»¹. Тем не менее, последний крупный труд Кареева вышел в 1924 году, а в 1930 году, за год до смерти ученого, на заседании методологической секции Общества историков–марксистов его председатель, Н.М. Лукин, обвинил Н.И. Кареева в стремлении «реставрировать свергнутые классы» и в «выкриках против марксизма»² и для Николая Ивановича, почетного члена Академии наук СССР, с этого момента по сути был объявлен запрет на память. В течении практически шестидесяти лет работы Кареева не переиздавались, а фигура его была известна только специалистам.

Кафедра социологии РГПУ им. А.И. Герцена внесла свой вклад в дело сохранения памяти об Н.И. Карееве как о социологе.

¹ См.: [Маркс К.] Маркс – Максиму Максимовичу Ковалевскому в Москву (Лондон, апрель 1879 г.) / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. М.: Из-во полит. лит. 1964. Т. 34. С. 286.

² См.: Долгова Е.А. Неизученные страницы жизни Н.И. Кареева // Вопросы истории. 2012. №8. С. 134.

Начиная с 2007 года, мы провели уже семь «Кареевских чтений» по социологии, выпустили семь сборников статей и материалов. Особенно стоит отметить самый первый сборник «Социологическое наследие Н.И. Кареева». В нем различные аспекты социологического творчества Кареева освещены в статьях ведущих ученых нашей кафедры: М.Б. Глотова, И.А. Громова, В.Т. Дронова, С.Н. Малявина, А.В. Шевцова и др. Отдельно отмечу работы профессора М.Б. Глотова об институциализации социологии и социологического образования в России и труды профессора И.А. Громова как отдельно¹, так и в составе нашей совместной книги «История социологии»².

Стоит подчеркнуть, что Николай Иванович Кареев прежде всего занимался методологическими проблемами социологии. Темы, которыми он интересовался в связи с социологией, были как правило масштабны и тесно связаны с насущными потребностями молодой науки. Можно попытаться очертить это проблемное поле: вопрос о самостоятельности социологии в ряду других социальных и гуманитарных наук и в целом междисциплинарных отношениях социологии (прежде всего, в ее связи с историей и психологией); анализ и критика позитивизма как первой методологической парадигмы социологии; вопрос о систематизации социологического знания; вопрос об историческом развитии и современном состоянии социологической науки; вопросы о различиях в особенностях обобщения в естественных и гуманитарных науках; проблемы определения предмета социологии; разработка общесоциологических понятий (общество, личность, прогресс); в связи с этим попытки описать родовое для социологии различие коллективного и индивидуального, общего и личного; уточнение т. н. субъективного метода и методологическое обоснование этической точки зрения в научном исследовании; проблемы анализа

¹ См.: Громов И.А. Социологическая концепция Н.И. Кареева // Актуальные проблемы социологического образования: Герцен. чтения, 2005. СПб, 2005. С. 30–44.

² См.: Воронцов А.В., Громов И.А. История социологии. XIX – начало XX века: в 2-х ч. Ч. 2. Русская социология: учеб пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 540400 «Соц.-экон. образование». М.: Гуманитарн. изд. центр ВЛАДОС, 2005. С. 143–165.

экономического аспекта общества в связи с анализом марксизма; методологическое различие культуры и социальных структур; и другие¹.

Перечислю основные труды Н.И. Кареева, которые так или иначе затрагивают проблемы социологии (в скобках указаны годы первых изданий): «Основные вопросы философии истории»² (1883-1890), включая «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»³ (1890), «Суд над историей»⁴ (1884), «Личное начало и роковые силы в истории»⁵ (1889), «Историко-философские и социологические этюды»⁶ (1895), [Программа для чтения по социологии]⁷ (1895), «Старые и новые этюды об экономическом материализме»⁸ (1896), «Введение в изучение социологии»⁹ (1897), «Указатель социологической литературы»¹⁰ (1897), «Мысли о сущности общественной деятельности»¹¹ (1901), «Философия

¹ См. прежде всего: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии] / Отв. ред, предисл. и сост. А.О. Бороноев. СПб: Изд-во РХГА, 2008.

² См.: Кареев Н. Основные вопросы философии истории. 2-е изд., перераб. Ч. 1–2. С.-Петербург: издание Л.Ф. Пантелеева. 1887. Также: Кареев Н. Основные вопросы философии истории: Т. 1–3. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883–1890.

³ См.: Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд., с доб. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. (Книга является переизданием 3-й части «Основных вопросов философии истории» Кареева).

⁴ Суд над историей (Нечто о философии истории) / Вст. статья и комм. В.П. Золотарёва // Рубеж (альманах социальных исследований). 1991. №1. С. 6–32.

⁵ См.: Кареев Н. Личное начало и роковые силы в истории. С.-Петербург: Журн. «Рус. богатство», 1889.

⁶ См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. 2-е изд., с перем. С.-Петербург: Издатель, 1899.

⁷ См.: [Кареев Н.] Социология [Энциклопедическая программа] // Программы чтения для самообразования. [Сборник для содействия самообразованию] С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 17–18.

⁸ См.: Кареев Н.И. Старые и новые этюды об экономическом материализме: материалы для истории и критики экономического материализма. 2-е изд. [Репр.] М.: URSS; Ленард, 2015.

⁹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. М.: Изд-во Юрайт, 2020. Также: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии].

¹⁰ См.: Кареев Н. ...Указатель социологической литературы. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича. 1897.

¹¹ См.: Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности. 2-е изд., доп. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.

культурной и социальной истории нового времени»¹ (1902), «Историка (Теория исторического знания)»² (1913), «Критика экономического материализма»³ (1913), «Историология (Теория исторического процесса)»⁴ (1915), «Общие основы социологии»⁵ (1919), «Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время»⁶ (1923), а также ряд статей: «О субъективизме в социологии»⁷ (1880), «Социология и социальная этика. Возражение проф. Н. Гроту»⁸ (1884), «Теория культурно-исторических типов»⁹ (1889), «Новая историческая теория. G. Tarde. Les lois de l'imitation. Etude sociologique. Paris, 1890»¹⁰ (1890), «Задачи социологии и теории истории»¹¹ (1897), «“Теория личности” П.Л. Лаврова (К истории социологии в России)»¹² (1901), «Основные направления социологии и ее современное

¹ См.: Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800). Введение в историю XIX века. (Основные понятия, главные обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII веков). [Репр.] М.: Ленард, 2016.

² См.: Кареев Н.И. [Историка.] Теория исторического знания. [Репр.] М.: Красанд, 2020.

³ См. ряд статей в кн.: Кареев Н. Собрание сочинений [в 3-х т.] Т. III. Критика экономического материализма. (Старые и новые этюды). С.-Петербург: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1913.

⁴ См.: Кареев Н.И. Историология. Теория исторического процесса. [Репр.] М.: Либроком, 2020.

⁵ См.: Кареев Н.И. Общие основы социологии. [Репр.] М.: Либроком, 2015.

⁶ См.: Кареев Н. Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время. Пг.: Кн-во «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1923.

⁷ См.: Кареев Н.И. О субъективизме в социологии // Н.И. Кареев Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии]. С. 501–526.

⁸ См.: Кареев Н.И. Социология и социальная этика. Возражение проф. Н. Гроту // Там же. С. 548–554.

⁹ См.: Кареев Н. Теория культурно-исторических типов. (Н.Я. Данилевский: «Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к романо-германскому»). Издание четвертое. СПб., 1889) // Н. Кареев Собрание сочинений [в 3-х т.] Т. II. Философия истории в русской литературе. С.-Петербург: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1912. С. 67–107.

¹⁰ См.: Кареев Н.И. Новая историческая теория. G. Tarde. Les lois de l'imitation. Etude sociologique. Paris, 1890 // Н.И. Кареев Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии]. С. 723–752.

¹¹ См.: Кареев Н.И. Задачи социологии и теории истории // Там же. С. 479–500.

¹² См.: Кареев Н.И. «“Теория личности” П.Л. Лаврова (К истории социологии в России)» // Там же. С. 630–693.

состояние»¹ (1903), «Огюст Конт как основатель социологии»² (1903), «Что такое общественные науки»³ (1903), «Памяти Н.К. Михайловского как социолога»⁴ (1904), «М.М. Ковалевский как историк и социолог»⁵ (1917), «Социология г. Тахтарева»⁶ (1917), «Категории долженствования и возможности в русской субъективной социологии»⁷ (1918), «П.Л. Лавров как социолог»⁸ (1922), «Метафизик о “методологии общественных наук”»⁹ (1923), «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”»¹⁰ (1929), Стоит упомянуть и неопубликованные при жизни Кареева «Основы русской социологии»¹¹, изданные полностью в 1996 году, «К вопросу о классификации образов правления в “Политике” Аристотеля»¹², частично опубликованную «Общую методологию гуманитарных

¹ См.: Кареев Н.И. Основные направления социологии и ее современное состояние // Там же. С. 16–36.

² См.: Кареев Н.И. Огюст Конт как основатель социологии // Там же. С. 6–15. (Статья является воспроизведением речи, произнесенной Н.И. Кареевым на заседании «Исторического общества» при петербургском университете 18 февраля 1898 г. по случаю сотой годовщины со дня рождения О. Конта).

³ См.: Кареев Н.И. Что такое общественные науки / Кареев Н.И., Чупров А.И., Водовозов В.В. // Введение в изучение социальных наук [Сб. статей под ред. Н.И. Кареева.]. Социология, политическая экономия, правоведение. 2-е изд. [Репр.] М.: Либроком, 2012. С. 1–5.

⁴ См.: Кареев Н.И. Памяти Н.К. Михайловского как социолога // Н.И. Кареев Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии]. С. 694–710.

⁵ См.: Кареев Н.И. М.М. Ковалевский как историк и социолог // Там же. С. 711–722.

⁶ См.: Кареев Н.И. Социология г. Тахтарева // Русское богатство. 1917. №4–5. С. 201–211.

⁷ См.: Кареев Н.И. Категории долженствования и возможности в русской субъективной социологии (По поводу одной новой книги) // Там же. С. 527–547.

⁸ См.: Кареев Н.И. П.Л. Лавров как социолог // Там же. С. 555–629.

⁹ См.: Кареев Н.И. Метафизик о «методологии общественных наук» (о книге С. Франка «Очерк методологии общественных наук») // Анналы. №2. 1923. С. 267–271.

¹⁰ См.: Кареев Н.И. «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”» / Подгот. текста М.В. Ломоносовой // Социологические исследования. 2019. №8. С. 101–112. (Вторая публикация дополняет первую материалами рукописи Кареева).

¹¹ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. статья, прим., И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.

¹² См.: Кареев Н.И. К вопросу о классификации образов правления в «Политике» Аристотеля / Вст. статья В.П. Золотарева, прим. и комм. В.А. Филимонова // Рубеж (альманах социальных исследований). 1996. №8-9. С. 4–11.

наук»¹, а также рецензии на книги Гурвича², Сорокина³ и Тахтарева⁴. Последняя версия библиографии Кареева включает более 450 позиций⁵. Ряд рукописей Кареева, которые имеют определенное отношение к социологической проблематике, неизвестны до сих пор: «Взаимоотношение главных сторон духовной культуры»⁶, «Исторические причины культурной отсталости России»⁷, «Страны, народы и языки главного исторического мира»⁸ (все – после 1917 г.).

Хотя это и давно обсуждаемая тема, далее я хотел бы кратко затронуть вопрос о методологической границе между историей и социологией, как ее мыслил Н.И. Кареев и границе между историческим и социологическим в творчестве ученого.

¹ См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук [**Предисловие; Глава 3. Гуманитарные науки, их классификация и методология**] / Подгот. текста и предисл. А.В. Малинова // Вече. 2011. №22 С. 147–174; Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. **Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии** / Подгот. текста и комм. А.В. Малинова, Е.А. Долговой // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. №3. С. 327–365; **Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 4. Непосредственное наблюдение и констатация фактов в гуманитарных науках** / Подгот. текста В.В. Слисковой, Е.А. Долговой, А.В. Малинова // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. №2. С. 64–85; Кареев Н.И. **Теоретические гуманитарные науки (фрагменты главы VI** рукописи «Общая методология гуманитарных наук») / [Подгот. текста А.В. Малинова, Е.А. Долговой] // Социологические исследования №8, 2020. С. 130–134.

² См.: Кареев Н.И. Новое истолкование политического учения Руссо. Рец. на книгу г. Гурвича «Руссо и Декларация прав» // Ж.-Ж. Руссо: Pro et Contra. / Сост. А.А. Златопольская. СПб.: Издательство РХГА, 2015. С. 545–561.

³ См.: Кареев Н.И. Два новых научных труда по социологии (НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 2–54. Автограф. Подлинник. Черновик). [Система социологии П.А. Сорокина] / Подгот. текста Е.А. Долговой // Социологический журнал. 2014. №4. С. 95–120.

⁴ См.: Кареев Н.И. Два новых научных труда по социологии [Часть 2] «Наука об общественной жизни» К.М. Тахтарева / Подгот. текста Е.А. Долговой // Социологический журнал. 2015. Том 21. №1. С. 78–100.

⁵ См.: Николай Иванович Кареев: библиографический указатель (1869–2007) / [сост.: В.А. Филимонов]. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2008.

⁶ См.: Кареев Н.И. Взаимоотношение главных сторон духовной культуры // НИОР РГБ. Н.И. Кареев. Ф. 119. П. 37.

⁷ См.: Кареев Н.И. О причинах культурной отсталости от Запада // НИОР РГБ. Н.И. Кареев. Ф. 119. П. 37.

⁸ См.: Кареев Н.И. Страны, народы и языки главного исторического мира: Очерк исторической географии и этнографии // НИОР РГБ. Н.И. Кареев. Ф. 119. П. 33.

Н.И. Кареев понимал историю как науку феноменологическую, конкретную. В его системе наук, построенной с учетом критерия степени обобщения, история занималась выявлением источников, их критической проверкой, описанием фактов, индивидуальных и неповторимых явлений прошлого. При этом история может делать умозаключения о неизвестных или предполагаемых фактах, судить о неизвестном по известному, пользуясь при этом особой методологией. Это необходимо в том числе и для того, чтобы иметь возможность охарактеризовать конкретное общественное состояние.

Социология же является наукой, занимающейся состоянием общества как такового, внеисторически и не может пользоваться исторической методологией. Это абстрактная, наука, которая только использует исторический материал. В этой связи особенно важным являются размышления Кареева о роли сравнительно-исторического метода.

Кареев одновременно определял возможности взаимодействия двух наук и ограничивал притязания каждой из них на лидерство в гуманитарной сфере.

Если оценивать роль Кареева в истории социологии, можно смело заявить о том, что он был крупнейшим методологом социологического познания своего времени и по сути первым систематизатором методологических идей отечественной социологической мысли.

Воронцов Алексей Васильевич

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, д. филос. н., профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
vorontsov.spb@yandex.ru

РАЗДЕЛ I

О ВНОВЬ ОБРЕТЕННЫХ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТРУДАХ
Н.И. КАРЕЕВА

А. Кареев

**СОХРАНЯЯ ИСТОРИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ:
РУКОПИСЬ Н.И. КАРЕЕВА «УИЛЬЯМ ГОДВИН
И ЕГО “ПОЛИТИЧЕСКАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ”»
В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА¹.**

Документы, хранящиеся в архивах, да и сами архивы овеяны ореолом тайны и интриги. О том, что в современной России они открыты для исследователей и обычных граждан, знают многие, но в читальных залах этих учреждений не часто работают социологи, и только историки обращаются к архивным материалам, как источнику информации без лишних рассуждений о целесообразности их использования – это часть их профессии. Безусловно, существует ряд ограничений к архивным документам в соответствии с международными соглашениями, законодательством Российской Федерации, а также с распоряжением собственника или владельца архивных документов, находящихся в частной собственности, но эти ограничения сегодня не могут значительно повлиять (в силу многообразия источников) на качество историко-социологических исследований. Открытые архивные документы составляют подавляющее большинство (96%) от общего количества документов, хранящихся в федеральных архивах. Именно с этими документами свободно знакомятся исследователи.

Архивный фонд Российской Федерации выступает в качестве важного источника документов, представляющих большой интерес не только для историков, но и для социологов. Тем не менее, социологи не в полной степени используют возможности архивных исследований. Исключение составляют профессиональные социологи «старшего поколения», получившие высшее образование (как правило, философское, историческое, психологическое, экономическое) и защитившие кандидатские (докторские) диссертации в СССР. Социологи–выпускники вновь открывшихся в 90-е годы прошлого века факультетов социологии многих российских ВУЗов, не владеют навыками проведения историко-архивных

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного РФФИ, грант №18-011-01168 А.

исследований. Во многом это обусловлено отсутствием таких дисциплин как «Архивоведение» и «Историческая социология» в системе подготовки специалистов-социологов, а с переходом образования на программы бакалавриата, сократилось количество часов и по таким дисциплинам как «История социологии» и «Методология социологии». Этот фактор, наряду с сокращением финансирования фундаментальных научных исследований в гуманитарных дисциплинах, неизбежно оказывает негативное влияние на качество подготовки социологов и на развитие социологии как научной дисциплины, так как происходит постепенное забывание достижений российской социологии XIX и XX веков.

Научно-исследовательская работа в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (Москва) позволила обнаружить утраченную рукопись Николая Ивановича Кареева «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”. Очерк из истории анархизма». Рукопись Н.И. Кареева, отправленная им в издательство «Задруга» в конце 1921 года или начале 1922 года (об этом свидетельствуют ссылки на используемую в рукописи литературу), в идеальном состоянии сохранилась в фонде Алексея Алексеевича Борового (1875–1935) – публициста, журналиста, историка и философа, теоретика анархизма. Можно с большой долей уверенности предположить, что ему, как специалисту по теории анархизма, рукопись была отдана на рецензирование перед публикацией в издательстве «Задруга», но после закрытия издательства в 1922 году так у него и осталась. Само издательство принадлежало Сергею Петровичу Мельгунову (1879–1956) – историку, публицисту, одному из лидеров «Партии народных социалистов» и участнику антибольшевистской борьбы после Русской революции 1917 года. Стоит отдельно отметить, что ранее в РГАЛИ в фонде издательства «Задруга» была выявлена неизвестная рукопись Питирима Сорокина 1918 года «Существует ли нравственный прогресс человечества?»¹. Фонды наших архивов открывают большие возможности для историко-социологических исследований.

¹ См.: Ломоносова М.В. Российская социология на изломе эпох (1918–1919): Питирим Сорокин и Социо-Библиологический Институт // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 2(79). С. 5–14.

Нужно сказать несколько слов о фонде А.А. Борового (РГАЛИ, Фонд 1023). «Архив Борового был передан по воле покойного его вдовой Эмилией Васильевной в 1936 г. в Государственный литературный музей (Алексей Алексеевич целенаправленно формировал свой архив и хорошо осознавал его значимость), откуда он был в основном (кроме иллюстративных материалов) передан в ЦГЛА (ныне РГАЛИ) и открыт для исследователей в начале 1990-х годов. Значимость фонда Борового для изучения истории философии определяется еще и поразительной скрупулезностью отбора, и комплексностью материалов самого разного рода: от собственных рукописей, конспектов лекций, мемуаров и дневников до полученных им писем от многочисленных адресатов, афиш о публичных лекциях и документов различных издательств и общественных организаций»¹. Фонд уже давно был открыт для исследователей, но его уникальным материалам (1200 дел) в настоящее время уделяется недостаточно внимания. Работа с рукописью Н.И. Кареева позволит внести существенный вклад как в изучение его научного наследия, так и в реконструкцию сложного и переломного периода в истории российской социологии – последующего за Русской революцией 1917 года десятилетия, когда в условиях формирования новой идеологии работа ученых и издательств подвергалась контролю или была прервана.

Рукопись Н.И. Кареева «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”». Очерк из истории анархизма» имеет большое значение для истории отечественной социологии, поскольку показывает, что отечественная социальная мысль по своей тематике не только развивалась в русле мировой социологии, но в разработке некоторых фундаментальных, теоретических проблем предвосхищала социологию западную.

Историко-социологические исследования требуют особо взвешенного подхода к источникам, как традиционным, так и историографическим. Методом, позволяющим верифицировать сведения из различных научных работ, является анализ документов. Важным источником документов для социолога выступают архи-

¹ Рябов П.В. Хорошо забытое старое: обзор архивного фонда А.А. Борового в РГАЛИ // Культурология. 2009. № 1. С. 113–114.

вы и библиографические базы данных. После обнаружения в РГАЛИ рукописи Н.И. Кареева, созданной в 1920-е годы (этот период указан в архивной описи документа), автором также был проведен библиографический анализ. Как оказалось, в 1929 году часть этой рукописи была опубликована Н.И. Кареевым в виде статьи «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”». Со времени своего выхода в 1929 году в сборнике научных статей «Ученые записки» (издаваемого Институтом Истории РАНИОН¹), она ни разу не переиздавалась, а тираж самого сборника был настолько мал, что к нашему времени сохранились лишь отдельные экземпляры. Они находятся в нескольких крупнейших библиотеках страны и являются библиографической редкостью.

Начиная с 30-х годов XX века и само имя Николая Кареева было надолго и незаслуженно изъято из оборота советской историко-философской науки. Здесь важно, что история создания и публикации статьи о Годвине отражает сложный период в творчестве ученого – период идеологического давления. Несмотря на это, Н.И. Карееву все-таки удалось опубликовать часть своего труда, посвященного Уильяму Годвину и его теории анархизма, а по сути – очерк по истории анархизма.

В 2019 году в журнале «Социологические исследования» была полностью переиздана статья Н.И. Кареева 1929 года с комментариями и пояснениями редколлегии². Спустя 90 лет после своего первого выхода в свет, она поражает своей актуальностью. В результате сверки двух вариантов, – рукописного в РГАЛИ и опубликованного в «Ученых записках», – было установлено, что опубликованная версия отличается от архивной рукописи значительными сокращениями. Можно с уверенностью утверждать, что сокращения были связаны с идеологическими ограничениями и цензурой. Поскольку полный вариант очерка не был подписан в печать, а Н.И. Кареев искал возможность его опубликовать, в конечном итоге, значительно сократив текст, он представил его

¹ Институт Истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) – научно-исследовательское учреждение в РСФСР. Существовал в 1921–1929 годах в Москве.

² См.: Кареев Н.И. Уильям Годвин и его «Политическая справедливость» // Социологические исследования. 2019. №8. С. 101–113.

в «Ученых записках». Цензурные ограничения были вызваны самой темой исследования Н.И. Кареева – историей анархистской мысли.

Идеи анархизма возникли в античное время, но одну из первых попыток теоретически изложить политические и экономические основы анархизма предпринял в конце XVIII в. английский философ и писатель Уильям Годвин, который в своей книге «Исследование о политической справедливости»¹ (1793) впервые в истории социальной мысли сформулировал понятие «общество без государства». У. Годвин и, вслед за ним спустя полвека, философ-младогегельянец Макс Штирнер в своей работе «Единственный и его собственность»² (1844) обозначили контуры анархического мировоззрения³. Жесткая критика общества и экономики, основанных на эксплуатации человека человеком, обоснование необходимости общественной собственности в качестве основы для процветания общества будущего, творческого развития и свободы каждой отдельной личности – именно эти идеи У. Годвина в конечном итоге внесли свой вклад в развитие теории марксизма. В своих трудах У. Годвин убедительно доказывал, что только труд должен являться единственным источником дохода и богатства. Предусматривая всеобщую обязательность труда для всех членов общества, решающее значение философ отводил коллективному началу в экономической жизни общества. Характер труда, таким образом, является общественным, но форма организации трудового процесса – сугубо индивидуалистическая. Именно Годвин был автором ставшего впоследствии популярным среди анархистов тезиса о том, что «государство есть зло». Именно поэтому в условиях становления новой государственности и связанной с этим идеологии в 1920-х годах анархистские идеи активно вытеснялись из научного и политического дискурса, в том числе и цензурными ограничениями. В результате работа Н.И. Кареева «Уиль-

¹ William Godwin. Enquiry Concerning Political Justice and its Influence on Morals and Happiness. London: G.G and J. Robinson, 1793. Также см. фрагменты книги в: Годвин У. О собственности. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958.

² См.: Штирнер М. Единственный и его собственность. Харьков: Основа, 1994.

³ См.: Ломоносова М.В. Заново обретая утраченное: о малоизвестном очерке Н.И. Кареева // Социологические исследования. 2019. №8. С. 97.

ям Годвин и его “Политическая справедливость”» в те годы так и не была опубликована в полном объеме.

До недавнего времени считалось, что работы У. Годвина были недостаточно осмыслены отечественными социологами и философами как в прошлом, так и в настоящем, но взяв на вооружение рукопись Н.И. Кареева, можно пересмотреть эту точку зрения. Кареев не только сам критически переосмыслил научное наследие У. Годвина, но и показал, как его идеи повлияли на эволюцию отечественной социальной мысли.

На первых страницах статьи 1929 года Н.И. Кареев приводит общую информацию о Годвине: «Имя Вильяма Годвина (1756–1836), на которого мы теперь смотрим как на родоначальника теоретического анархизма, чуть не до конца прошлого века было известно большинству образованной публики только по связи его с двумя именами: знаменитого экономиста Мальтуса, полемизировавшего с Годвином, и великого поэта Шелли, его зятя. “Опыт о народонаселении” первого, написанный в опровержение социальных идей Годвина, изучался, излагался, комментировался, опровергался, но чем была “Политическая справедливость” Годвина, возражением на которую явился трактат Мальтуса, это обыкновенно оставалось неведомым <...> Только позднее, когда стали распространяться идеи анархизма, вспомнили о Годвине, как о родоначальнике этого течения, и содержание “Политической справедливости” стало делаться более известным в широких кругах читателей. Но время более серьезного, чисто научного исследования *социологической теории* (курсив – М.Л.) Годвина еще пока не наступило»¹. Затем, после описания наиболее значимых работ о У. Годвине, ученый приводит интересную информацию, отражающую некоторые этапы генезиса отечественной анархистской мысли: «Сам Кропоткин необычайно высоко ставил Годвина, как первого теоретика анархизма, хотя он и не употреблял этого термина. В своей книге “Современная наука и анархия” (1921) Кропоткин, как известно, отвел достаточно места Годвину, но, кроме того, мне известно, что только смерть не дала ему написать о Год-

¹ Кареев Н.И. Уильям Годвин и его «Политическая справедливость». С. 101.

вине особую книгу»¹. Далее Н.И. Кареев уделяет особое внимание истории создания Годвином «Исследования о политической справедливости» и это не случайно, поскольку эта история непосредственно связана с одной из излюбленных научных тем самого Кареева – историей Великой Французской революции.

Н.И. Кареев не только фокусируется на «Политической справедливости» Уильяма Годвина, но также показывает историко-научные взаимосвязи многих философских течений XVII и XVIII столетий, обращаясь к работам Кондорсе, Руссо, Мальтуса, Гольбаха, Пэна, Макинтоша и многих других.

В опубликованной в 1929 году статье об Уильяме Годвине Н.И. Кареев в общих чертах описывает его теоретические воззрения, приводит некоторые биографические данные, изъяв из статьи большую часть материала, который мог бы вызвать нападки рецензентов и цензоров и стать поводом для идеологических дискуссий и разногласий. Так, например, готовя к публикации статью, Н.И. Кареев исключил первые страницы рукописи, на которых приводит краткую информацию из истории Англии, характеризуя эту страну как внёсшую значительный вклад в развитие концепции прав и свобод человека.

«Родина Годвина – страна ранней политической свободы и развития свободы личности. Ещё более нежели за пять веков до рождения Годвина английские люди вырвали из рук деспотического короля знаменитую Великую хартию Вольностей 1215 года, одна из статей которой гласит: “ни один свободный человек не может быть задержан, заключен, лишен имущества, поставлен вне закона каким бы то ни было образом иначе, иначе, как по суду равных ему и по закону страны”. Сколько раз потом этот принцип подтверждался в других актах <...> пока этому обеспечению личной свободы не была придана особая юридическая форма и санкция в знаменитом Habeas Corpus² – акте 1679 года. Годвин пра-

¹ Там же. С. 102.

² От лат. *habere* – «иметь» и *corpus* – «тело»; является фрагментом латинской фразы *habeas corpus ad subjiciendum* – «представь арестованного лично в суд». Так же называют соответствующий институт английского уголовно-процессуального права, тесно связанный с принципом неприкосновенности личности, личных свобод; затем распространяется в правовых системах других стран (*Прим ред.-сост.*).

вильно говорит, что характер и нравы народа создаются его учреждениями: нигде дух независимости и личного достоинства не был так развит как в английском обществе. В этом смысле Годвин был достойным сыном своего народа. Гарантия личной свободы в самом законодательстве распространялась на жилище англичанина, который мог начать с гордостью говорить “мой дом – моя крепость»” (my home – my castle). Без этого обеспечения неприкосновенности личности, жилища, а также достояния гражданина не могли бы иметь реальной основы под собою все виды личной и общественной свободы... Всему этому на материке Европы пришлось учиться у англичан, и первую попыткой зарождения всех этих свобод была французская революция, показавшая однако, как трудно было достичь этого в стране, где идея свободы не имела глубоких корней в сознании, в нравах и обычаях и в прежних учреждениях нации, наоборот, воспитавшейся в строгом повиновении власти и в неуважении к личности человека. Во Франции выработалась и царила система правительственной опеки, убивавшей личную инициативу, и правительственной централизации, опутывавшей общество, тогда как Англия сделалась родиной самоуправления, которой на материке опять-таки пришлось учиться у англичан»¹. Кроме этого, Н.И. Кареев доказывает, что политический идеал У. Годвина находился в большом родстве с религиозным идеалом английских сектантов конгрегационалистов (индепендентов), развивавших в своей религиозной жизни принципы личной свободы в делах веры и общинной автономии единоверцев. Таким образом, и в религиозной области англичанам оказывались не нужны ни особые договоры, ни тем более сложные организации с централизованным управлением. Н.И. Кареев подчеркивает, что если к конгрегационалистам применить название анархизма, то сектанты XVII века были религиозными анархистами, а Уильям Годвин проповедовал анархизм политический, выступая критиком не только государственных, но и церковных

¹ Кареев Н.И. Вильям Годвин и его «Политическая справедливость». Очерк из истории анархизма. Машинопись с правкой [автора]. 1920-е // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 912. Л. 4–5.

учреждений. В своей рукописи Н.И. Кареев, обращаясь к трудам У. Годвина, акцентирует внимание на тех вопросах, которые были актуальными для современного ему российского общества. Например, он пишет о законах, как орудии классового господства меньшинства общества над большинством; о законах, которые бывают несправедливые, но человек не видит этой несправедливости; о священниках, которые должны быть учителями истины добродетели, но для этого они должны быть искренни и независимы; о том, что принуждение ни коим образом не может быть долгом общества, никогда, ни в виде постоянного, ни в виде временного средства, а также не может составлять части политической системы, основанной на разуме.

Очевидно, что этот материал вступал в явное противоречие с идеологической доктриной, формирующейся в Советской России в первые два десятилетия после Русской революции 1917 года, а потому не мог быть опубликован и в последующие годы. Несмотря на то, что в XX веке с работой Н.И. Кареева, посвященной Уильяму Годвину и его мировоззрению, обществоведам не удалось познакомиться в полной мере, имя Годвина было хорошо известно советским читателям. Завершая работу над «Исследованием о политической справедливости», У. Годвин одновременно написал большую часть романа «Калеб Вильямс»¹, который в СССР был переведен на русский язык и издан крупным тиражом в 1949 и 1961 годах (а в 1959 году издан «Иностранной литературой» на английском языке). Здесь Уильям Годвин пытался пропагандировать идеи «Политической справедливости». «Говоря о романе “Калеб Вильямс”, невозможно обходить стороной, как правильно отмечают многие советские литературоведы, социальную направленность произведения. Нельзя забывать, что первоначально роман назывался “Things as they are” (“Вещи, как они есть”), и эпиграфом ко всему произведению стояли следующие слова: “Среди лесов леопард щадит себе подобных, и тигр не нападает на детенышей тигра. Лишь человек всегда враждует с человеком”»².

¹ См.: Годвин У. Калеб Вильямс. Л.; М.: Гослитиздат, 1961.

² Решетов В.Г. Анархист: Статьи о творчестве Вильяма Годвина. Магнитогорск: МГПИ, 1999. С. 79.

В заключение стоит отметить, что использование архивных методов при проведении историко-социологических исследований и теоретическая реконструкция истории российской социологии периода Русской революции 1917 года и последующих десятилетий, позволяют не только ввести в корпус социологического знания новые имена и факты, но и актуализирует внимание на современных явлениях и процессах общественной жизни. Как и столетия назад, в XXI веке революции являются мощным импульсом социальных трансформаций, пробуждая у одних социальных групп надежду на лучшую жизнь, а у других – неприятие любых изменений. Это связано с тем, что сама революция как специфическое явление общественно-политической жизни имеет глубокие исторические корни и входит составной частью в фундаментальное и проблемное явление человеческого мира – применение насилия ради достижения определенных целей. Уильям Годвин и Николай Иванович Кареев, будучи одновременно и учеными, которые изучали революцию как социальное явление и современниками крупнейших революций ушедших эпох – Великой Французской и Русской революций, – надеялись на то, что новейшие революции, составляющие вид анархии, дадут лучшие результаты, нежели революции прошлого.

Ломоносова Марина Васильевна

Санкт-Петербург, СПбГУ, к. соц. н., доцент, lomonosovamv@mail.ru

ПОСЛЕДНИЙ КУРС Н.И. КАРЕЕВА¹

В Санкт-Петербургском университете Н.И. Кареев преподавал с перерывами более тридцати лет (1885–1899, 1906–1923, 1925–1929), читая разные курсы, в первую очередь по всеобщей истории. Закончив Московский университет и проработав с 1879 г. в должности экстраординарного профессора в Варшавском университете, он в 1885 г. перешел на должность приват-доцента в Петербургский университет, на кафедру всеобщей истории. Намереваясь подать документы в столичный университет, Кареев в ноябре 1884 г. направил «прошение» декану историко-филологического факультета В.И. Ламанскому, в котором писал: «по случаю освобождения в С. Петербургском Университете кафедры всеобщей истории честь имею покорнейше просить Историко-филологический факультет о зачислении меня в кандидаты на вакантную кафедру»². В.И. Ламанский, желая навести справки о Карееве, обратился к своему ученику А.С. Будиловичу, который в то время занимал в Варшавском университете кафедру русского и церковнославянского языка. Убежденный славянофил А.С. Будилович признался своему учителю, что русская партия в Варшавском университете не будет сожалеть об уходе Кареева. «Наш Университет, бесспорно только выиграл бы, избавившись от такого ярого западника, которого даже “Новости” признали крайним в своих взглядах», – писал А.С. Будилович³. В.И. Ламанский в письме А.С. Будиловичу следующим образом описывал ситуацию: «О Карееве я лично не высокого мнения, но знаете ли Вы, какие у нас кандидаты? Трачевский, он и Лучицкий. Можно ещё прибавить еврея Гуревича. Вот Вам и выбор. Молодой будущий магистр Форстен – ученик Бауэра лютеранин и швед, хороший очень парень, но ещё совсем не опытен. Да, многие у нас боятся, что его точка зрения и мирозерцания уже слишком односторонни и узки. Первые три – одинаково легки и западники. И всё же из них Кареев лучше тем, что он молод ещё и может ещё выра-

¹ Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного РФФИ, грант №20-011-000719.

² Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 48. Л. 130.

³ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 112.

ботаться. При том же по наружности он порядочнее других и след[овательно] обещает больше. Наконец у нас ещё ничего не решено. Да и мы не знаем, теперь по новому уставу возьмут да и назначат»¹. В 1884 г. был принят новый устав, существенно урезавший университетскую автономию, и В.И. Ламанский опасался, что выбор кандидатуры останется за министерством народного просвещения. Свой же выбор он остановил на Карееве. Определенную роль в этом сыграла «порядочная наружность» Кареева и его молодость. Он, вероятно, произвел благоприятное впечатление на декана, а его молодость оставляла надежду на то, что из него может выработаться национальный мыслитель, крайнее западничество которого останется увлечением молодости. В.И. Ламанский был одним из самых заметных петербургских славянофилов, хотя и не навязывал свои убеждения даже своим ученикам, в том числе и Карееву, который до конца жизни останется последовательным западником. Кареев вспоминал, что Ламанский «в самом начале моей профессуры в Петербурге относился ко мне не очень благосклонно и вследствие моего “западничества”, и по тем сведениям обо мне, которые ему сообщил Будилович»². В личной беседе А.С. Будилович мог дать более детальную оценку Карееву, но в письмах В.И. Ламанскому сохранилась только приведенная характеристика. Скорее всего, Кареев напрасно грешил на А.С. Будиловича. Со временем между Ламанским и Кареевым установилась отношения, основанные на уважении и личной симпатии, а не идейной близости. «Потом как-то, – отмечал Кареев, – его отношение ко мне улучшилось <...> но теперь я увидел, что Ламанский и по-человечески ко мне расположен»³.

Уже в следующем, 1886 г., Кареев был избран экстраординарным, а в 1890 г. – ординарным профессором по кафедре всеобщей истории. Он сам признавал, что его путь к ординарной профессуре несколько затянулся и полагал, что его неоднократно «обходили» с избранием на должность. В университете Кареев проработал до

¹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 35. Оп. 3. Ед. хр. 51. Л. 21.

² Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1990. С. 203.

³ Там же.

1899 г., когда был уволен вместе с рядом других преподавателей. Протестуя против отстранения своих коллег, тогда же подал в отставку и В.И. Ламанский. Кареев смог вернуться в университет только в 1906 г. на должность приват-доцента, но уже через несколько месяцев он был восстановлен в профессоруре. В 1919 г. историко-филологический факультет вошел в состав факультета общественных наук, профессором которого Кареев оставался до 1923 г., после чего перешел на этнографическое отделение Географического института, который в 1925 г. вошел в состав Ленинградского университета. Так Кареев снова вернулся в университет, правда, уже как сверхштатный профессор. Хронология и обстоятельства последних лет жизни ученого подробно рассмотрены в книге «Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг.»¹.

Основной научной специализацией Кареева в университете оставалась всеобщая история. Он читал многочисленные курсы и вел «семинарии» по европейской истории, прежде всего, Нового времени: «История Западной Европы в XVIII в.» (1885–1886)», «Новая Западноевропейская история» (1886–1921), «Специальный курс по истории Польши во второй половине XVIII в.» (1887–1921); «Семинарий по новой истории» (1888–1910), «Историография Нового времени» (1889–1897), «Практические занятия по истории реформации» (1899–1900), «Эпоха абсолютной монархии на Западе» (1907–1908), «Семинарий по изучению наказов (cahiers) 1789 г.» (1909–1919), «Общий руководящий курс истории Англии в новое время» (1914–1915), «Просеминарий по истории английского парламента» (1914–1915), «Главные этапы культурного развития Западной Европы в новое время (общий курс)» (1918–1919). К этим курсам надо прибавить множество дисциплин, которые Кареев вел в Александровском лицее, Политехническом институте, Психоневрологическом институте и на Высших женских курсах. В 1890-х к университетским предметам ученого добавились «Обзор главнейших явлений средневековой истории» (1890–1897) и «Историческая энциклопедия» (1891–1900). Тогда же он прочитал и философско-исторический курс «Теория

¹ См.: Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. / Авт.-сост. Е.А. Долгова. М.: Росспэн, 2015.

исторического процесса (Роль личности в историческом движении)» (1888–1889), который два десятилетия спустя вновь появился среди его дисциплин, но уже с названием «Общий курс социологии (с точки зрения теории исторического прогресса)» (1918–1919). Еще в докторской диссертации¹ Кареев фактически ставил знак равенства между социологией и теорией исторического процесса или историологией, сопоставляя последнюю с социальной динамикой. В годы мировой войны историк также вел занятия по «Основным вопросам методики преподавания истории» (1915–1917), а в период преобразования университета в 1920-е гг., когда общественные и гуманитарные науки были выведены из состава учебного заведения, он читал на географическом факультете курс «Этнографии» (1925–1929). Последним же подготовленным к печати лекционным курсом ученого стала «Общая методология гуманитарных наук» (1923).

Кареев регулярно издавал как сами лекционные курсы, так и пособия к ним. Начиная с работы в Варшавском университете, он опубликовал: «Введение в курс новейшего времени»² (1881), «Введение в курс истории Древнего мира»³ (1882), «Введение в курс истории Нового времени»⁴ (1884), «Философия культурной и социальной истории Нового времени»⁵ (1893), «Главные обобщения всемирной истории»⁶ (1903), «Общий ход всемирной истории»⁷ (1903), «Монархии Древнего Востока и греко-римского

¹ См.: Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: Т. 1–3. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883–1890.

² См.: Кареев Н. Введение в курс новейшего времени. Варшава: Тип. И. Носковского, 1881.

³ См.: Кареев Н. Введение в курс истории древнего мира (Греция и Рим). 2-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1886.

⁴ См.: Кареев Н. Введение в курс истории нового времени. Варшава: Тип. И. Носковского, 1884.

⁵ См.: Кареев Н. Философия культурной и социальной истории нового времени (1300–1800). Введение в историю XIX века. (Основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII веков). С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893.

⁶ См.: Кареев Н. Главные обобщения всемирной истории: учеб. пособие для сред. образования. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1903.

⁷ См.: Кареев Н. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших ист. эпох. С.-Петербург: Брокгауз-Эфрон, 1903. (Б-ка самообразования. [Вып. 2]).

мира»¹ (1908), «Западно-европейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков»² (1908), «Общий курс истории XIX и XX века до начала мировой войны»³ (1919), «Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время»⁴ (1923). Лекции по истории Нового времени нашли отражение в главном труде Кареева – семитомной «Истории Западной Европы в Новое время»⁵ (1892–1917) – вероятно, до сих пор одному из лучших исследований по европейской истории. Как писал В. Бузескул, «по широте масштаба, точности и объективности равного этому труду нет ни в русской, ни в западноевропейской литературе»⁶.

Видно, что Кареев почти не читал лекций философско-исторической и социологической направленности. Однако в его творчестве теоретико-методологические вопросы и проблемы философии и социологии занимали значительное место. Его докторская диссертация была, пожалуй, наиболее полным обзором известных философско-исторических концепций того времени. Сам Кареев отдавал предпочтение позитивизму, поэтому половина его 400-страничного труда фактически была связана с социологией. Для позитивистской философии в целом был характерен поливариантный взгляд на историю⁷. Ему следовал и Кареев. Диссертация ученого не отражала его педагогический опыт. Ее главная задача состояла в том, чтобы найти те философские основы, которые позво-

¹ См.: Кареев Н. Монархии Древнего Востока и Греко-римского мира. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908.

² См.: Кареев Н. Западно-европейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «Старого порядка». С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. (Типологические курсы по истории государственного быта).

³ См.: Кареев Н.И. Общий курс истории XIX и XX века до начала мировой войны: в двух частях. 2-е изд., доп. М.: О.П. Герасимов и И.И. Трояновский, 1919.

⁴ См.: Кареев Н.И. Очерки социально-экономической истории Западной Европы в новейшее время. Пг.: Кн-во «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1923.

⁵ См.: Кареев Н.И. Истории Западной Европы в Новое время: Развитие культур и социальных отношений. Т. 1–7. С.-Петербург: Тип. И.А. Ефрона, 1892-1917.

⁶ Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Часть первая. Л., 1929. С. 164.

⁷ См.: Михайлова Е. Смысловая значимость славянофильства в оценке К.Д. Кавелина // Философский полилог. Журнал Международного центра изучения русской философии. 2017. №2. С. 130.

лят историографии встать вровень с положительной наукой и оправдают ее познавательные претензии. Кареев не проводил строгого различия между философией истории и социологией, (не редкость для последней трети XIX в.; социология часто еще была синонимом философии истории), но обозначал точку их соприкосновения – теорию исторического процесса (историологию). Последующие работы по этим предметам повторяли или развивали эти положения: «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»¹ (1890), «Программы социологии»² (1895), «Введение в изучение социологии»³ (1897), «Из лекций по общей теории истории. Ч. 1. Теория исторического знания (Историка)»⁴ (1913), «Из лекций по общей теории истории. Ч. 2. Историология. Теория исторического процесса»⁵ (1915), «Общие основы социологии»⁶ (1919).

Изменения в системе образования, вызванные революцией, открывали новые возможности. Так, по инициативе А.С. Лаппо-Данилевского в 1918 г. был подготовлен проект Института социальных наук в Петрограде, который должен был войти в состав Академии наук, но в то же время сохранить преподавание. Отделение социологии этого института должен был возглавить Кареев⁷. Проект не был поддержан новой властью. Кареев вместе с Лаппо-Данилевским были сторонниками преподавания социологии на новообразованном факультете общественных наук. После

¹ См.: Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд., с доб. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914.

² См.: [Кареев Н.] Социология [Энциклопедическая программа] // Программы чтения для самообразования. [Сборник для содействия самообразованию] С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 17–18.

³ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.

⁴ См.: Кареев Н. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. 1–2. 2-е изд. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. Часть I. Историка: (Теория ист. знания).

⁵ См.: Кареев Н. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. 1–2. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. Часть II. Историология: (Теория ист. процесса).

⁶ См.: Кареев Н.И. Общие основы социологии. [Репр.] М.: Либроком, 2015.

⁷ См.: Малинов А.В. Социологическое наследие А.С. Лаппо-Данилевского: исследования и материалы. СПб.: РХГА, 2017. С. 23–37.

смерти в 1919 г. А.С. Лаппо-Данилевского, Карееву был передан курс «Методологии истории», который его коллега читал в университете с 1906 г. Однако Кареев так и не успел его начать, поскольку вместе с семьей уехал из голодного Петрограда. Переименованный в «Методологию общественных наук», курс был закреплен за И.М. Гревсом¹. Через год за Н.И. Кареевым и Н.А. Гредескулом числился курс «История социологических и социалистических учений». Кареев смог прочитать курс «Методологии общественных наук» только в 1922 г.² В деревне он подготовил три книги – пособия по новым университетским предметам: «Общие основы социологии»³ (1919), «Основы русской социологии»⁴ (1926) и «Общая методология гуманитарных наук». Изменение в названии последнего труда не было принципиальным: Кареев относил к гуманитарным и обществоведческие дисциплины. В 1923 г. Кареев попытался опубликовать его в том же издательстве, «Наука и школа». Однако готовая рукопись, введение и первые три главы которой были набраны в типографии, была запрещена. Это был единственный случай цензурного ограничения в биографии Кареева⁵. Рукопись «Общей методологии» сохранилась в фонде ученого в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки⁶ и до сих пор опубликована только частично.

Текст «Общей методологии гуманитарных наук» состоит из «Введения», 7 глав, разбитых на 400 параграфов со сквозной нумерацией: 1) «Понятие науки и классификация наук», 2) «Логические предпосылки всякой методологии», 3) «Гуманитарные науки, их классификация и методология», 4) «Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках»,

¹ См.: Буланова М.Б. Социология и социологи на факультете общественных наук Петроградского университета // Наследие. 2019. №2 (15). С. 91.

² См.: Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое. С. 285.

³ См.: Кареев Н. Общие основы социологии. Пг.: Наука и школа, 1919.

⁴ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. статья, прим., И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.

⁵ См.: Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922–1924) // Вестник архивиста. 2012. №1. С. 239–245.

⁶ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 39. Д. 1–15.

5) «Научная работа в области исторических повторений», 6) «Теоретические гуманитарные науки», 7) «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках». В рукопись входят примечания, библиография, выписки из трудов по истории, социологии и психологии, список социологических работ Кареева. Часть рукописи сохранилась в виде двух типографских корректур с авторской правкой. Это был последний подготовленный Кареевым к изданию курс лекций. В нем он во многом развивал принципы предыдущих работ. В частности, Кареев сближал теоретико-методологические вопросы гуманитарных наук с социологией, видя в ней науку синтетическую, интегрирующую знания всех частных наук. Научность последних гарантируется установлением закономерности изучаемых явлений. Такой «номологической» дисциплиной является социология. Общим методом гуманитарных наук признается сравнительно-исторический метод, поскольку он позволяет обозначить общие черты, сходство общественных процессов в качестве проявления их закономерности. «Для теоретических гуманитарных наук важно не просто-историческое, а именно сравнительно-историческое изучение, которое в конечном итоге может привести к обнаружению законосообразности в человеческой общественной жизни по вопросам, что как бывает, что за чем следует, что из чего получается, что к чему ведет и т. п. в той или другой области культурных явлений»¹.

Среди современников и коллег по Петербургскому университету Кареев, безусловно, выделялся интересом к социологии и философии истории. Однако он так и не стал «своим» в «петербургской школе историков»². «Как представитель московского научного сообщества, – отмечает Е.Е. Михайлова, – Кареев привнес в петербургскую историческую науку интерес к философии истории и социологии. В свою очередь, петербургское научное сообщество стимулировало интерес Кареева к критике источников

¹ [Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук /] Научно-исследовательский Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 119. К. 39. Д. 7. Л. 8.

² См.: Ростовцев Е.А. Н.И. Кареев в среде историков петербургской школы // Николай Иванович Кареев: человек, учёный, общественный деятель. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 2002. С. 183–186.

и способствовало формированию его методологических и типологизаторских способностей»¹. Кареев не был единственным, кто разрабатывал философские и теоретико-методологические вопросы истории. Традицию изучения теоретических и методологических аспектов историографии в Петербургском университете заложил К.Н. Бестужев-Рюмин, который оставил преподавание в 1884 г., как раз накануне прихода Кареева. Упомянувшийся А.С. Лаппо-Данилевский читал курсы по методологии истории и истории социологии, а Л.П. Карсавин уже в эмиграции опубликовал «Философию истории»², написанную в духе философии всеединства. Ближе всего к подходу Кареева стоял А.С. Лаппо-Данилевский, также отчасти позитивист. Однако никто из них не мог конкурировать с Кареевым в отношении количества опубликованных работ по социологии и философии истории.

Малинов Алексей Валерьевич

Санкт-Петербург, СПбГУ, д. филос. н., профессор, a.v.malinov@gmail.com

¹ Михайлова Е.Е. Эволюция историософских воззрений Н.И. Кареева: от Москвы до Петербурга // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. №1 (51). С. 219–220.

² См.: Карсавин Л.П. Философия истории. СПб.: Комплект, 1993.

РАЗДЕЛ II

ИСТОРИЯ И СИСТЕМАТИКА
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
В ТРУДАХ Н.И. КАРЕЕВА

Н. Кареев

Н.И. КАРЕЕВ И ТРАДИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СОЦИОЛОГИИ

Любая наука имеет свою историю развития идей и исследований, которые связаны с определенным временем (связи со средой), именами и школами. Знание истории науки чрезвычайно важно, так как это основа интеллектуального развития ученых, их теоретико-методологической подготовленности и поиска новых, инновационных подходов.

Поэтому знание истории мировой и отечественной социологии, изучение реальных достижений (и неудач) имеет большое значение. Это отмечается многими, без этого нет культуры исследования и присутствует усеченное понимание проблем в истории и в перспективе, а также происходит нарушение важного принципа человеческого мышления – преемственности.

Известный исследователь истории отечественной социологии И.А. Голосенко писал: «Хорошее знание прошлого дисциплин резко повышает профессиональную эрудицию социолога».

В этом плане чрезвычайно актуальным является изучение истории отечественного социологического творчества. Начало этому было положено, как утверждал Н.И. Кареев, Петром Лавровичем Лавровым в 1872 году в статье «Социологи-позитивисты», где речь шла не только о европейских социологах, но и об отечественных¹. С этого времени, можно сказать, возникло понятие «история российской социологии», которое получило фундаментальную разработку в трудах Н.И. Кареева. Он был первым отечественным социологом, посвятившим многие работы истории социологии в стране. Началом обращения к творчеству русских социологов было чтение им курса «Введение в изучение социологии» (1887), а затем издание одноименной книги, где освещались вопросы становления социологии, основные направления и назывались имена ученых, с деятельностью которых связано развитие социологических идей в мире. В этой книге впервые в России были представлены основные направления социологии, сложившиеся

¹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии] / Отв. ред., предисл. и сост. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 579.

в Европе, разработана методология анализа истории социологии, которая послужила основой изучения истории отечественного социологического движения. В самом названии книги заложен исторический аспект. Она названа не «Введение в социологию», а «Введение в изучение социологии».

Активное изучение истории идей российских социологов Кареев начал в первые годы 20 века, с представления идей сторонников русской субъективной школы социологов: П.Л. Лаврова (1901, 1922), Н.К. Михайловского (1904). В статье «Памяти Н.К. Михайловского как социолога» он писал, что в начале 20 века в России «социологическая литература распадается на два больших отдела, один – сравнительно-исторического изучения социальных форм (общественного строя, учреждений и т. п.), другой – абстрактного исследования социальной эволюции»¹. В рамках второго раздела, считал он, развиваются основные направления отечественной социологии: органическая школа, психологическая школа, экономический материализм и т. д. со своими разновидностями. Их история была раскрыта Кареевым во многих статьях и в книге «Основы русской социологии», написанной в 1928 году, но опубликованной только в 1996 году Игорем Голосенко. Это фундаментальный труд по истории отечественной социологии. Книга начинается рассмотрением истории возникновения социологии в мире, представлением идей О. Конта. В последующих разделах (главах) впервые осуществлена классификация социологов по направлениям и описание их идей. Нужно отметить, что представление разных направлений российской социологии конца 19 и начала 20 веков чрезвычайно объективно, автор излагает не только основные принципы, но приводит критику, дискуссии, имеющиеся внутри складывающегося социологического сообщества России. В книге впервые представлен трудный путь становления социологии в стране на примере дискуссии о соотношении предмета этой науки с предметами других социогуманитарных наук – права, истории, экономики. Он утверждал, что одной из причин задержки прихода социологии в университеты было противодействие представителей других наук, что наблюдалось также в Германии.

¹ Там же. С. 704.

Кареев, имея в виду эту проблему, писал, что «возникновение... новой науки... не могло пройти бесследно как для наук, уже раньше занимавшихся теоретическим изучением общественных явлений, отвлеченно взятых, так и для истории»¹. Историческое рассмотрение соотношения социологии с другими науками было не абстрактным мудрствованием, а путем решения многих теоретических и практических проблем, которые влияли на судьбу новой науки в системе знания и в университетском образовании. В связи с этим, Кареевым представлена сложная история становления «русской социологической литературы» в лицах, т. е. с представлением и сравнением разных позиций субъективного порядка.

Взгляды отечественных социологов часто в текстах Кареева соотносятся с идеями зарубежных авторов, при этом уточняется их значимость и утверждается, что отечественные социологи в конце 19 и в начале 20 веков не всегда были учениками. Например, в статье «Памяти Н.К. Михайловского как социолога» он пишет, что идеи Тарда о подражании были высказаны Михайловским на восемь лет раньше (1882), приводит блестящую критику последних идей Спенсера, Дюркгейма и выражает сожаление, что они не знают его мнения².

Подобного сравнительного анализа развития идей в нашей социологии разных стран сегодня нет, процветает дух ученичества и скептицизма. Понятно, что для этого необходимы фундаментальные знания и дух причастности к национальной школе.

Говоря об исследовании Кареевым «социологической литературы» России, необходимо подчеркнуть, что он был первым основательным исследователем истории становления и господства марксистской социологии. В книге «Основы русской социологии» этому направлению, которое господствовало в России 60 лет, посвящены фактически две главы (гл. 5 и 7)¹. Труд Кареева раскрывает этапы становления марксистской социологии, отвлекаясь от

¹ Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. статья, прим., И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 103.

² См.: Кареев Н.И. О памяти Н.К. Михайловского как социолога // Русское богатство. 1904. №3. С. 137–149.

¹ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. статья, прим., И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996.

тех философско-догматических дискуссий, которые существовали в 20–30-х годах. Недостатками этого направления он считал, во-первых, «экономизацию» социальной жизни; во-вторых, сведение теоретической работы к поиску «искривления правильной линии» среди последователей Маркса по социальным вопросам; в-третьих, чрезмерную веру в правильность принципов своей теории, что сужало их кругозор и взаимодействие с другими направлениями и послужило основой глубокого догматизма, этого страшного тормоза развития социального мышления.

Н.И. Кареев – первый отечественный социолог, который представил в разных формах (книга, статьи) полную картину российской социологии от ее зарождения до 30-х годов 20 века. Других исследований подобного уровня не было. Печально наблюдать, как некоторые современные исследователи истории нашей социологии не обращаются к фундаментальному труду Кареева «Основы русской социологии».

После усиления некоторой «ретроспективной ориентации» в духе И.А. Голосенко среди наших социологов в постсоветское время, сегодня наблюдается снижение интереса к истории отечественной науки, что чревато потерей идентичности, массовым ученичеством, потерей ориентиров теоретизирования и фундаментальности. Более того, это состояние не способствует диалогу с другими национальными школами.

Боронев А.О.

Санкт-Петербург, СПбГУ, д. филос. н., профессор,
заслуженный работник высшего образования РФ,
pavlovasoc@mail.ru

ОБ ОПЫТЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ РУССКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Николай Кареев известен как автор одной из первых попыток систематизации социологической мысли России. Небезынтересным является сравнение его модели с аналогичными попытками в исторической перспективе. Ниже в хронологическом порядке представлен неполный ряд попыток, в том числе Кареева, представить историю отечественной социологии так или иначе в виде типологических моделей, а также некоторые комментарии к ним. Критерием отбора прежде всего выступало наличие у автора развернутой модели истории русской социологии в виде определенного единства, системы направлений или последовательности этапов. Год, указанный рядом с именем автора, обозначает время первого издания работы, в которой представлена типология (в случае Кареева сделано исключение – структурно на первое место поставлен год написания текста книги, так как ее публикация не была осуществлена при жизни автора).

Осип Давидович Лурье. 1902.

Первая работа, в интересующем нас аспекте, издана в Париже на французском языке русско-французским философом и публицистом Осипом Давидовичем Лурье (1868-1955) – «*La Philosophie Russe Contemporaine*»¹. Текст содержит порядка 270 страниц, все персоналии в нем разнесены по трем большим группам: философы, психологи, социологи. Обращает на себя внимание одно обстоятельство. Лурье в первой части называет только четырех философов, в разделе о психологии не выносит в оглавление ни одной персоны, обозначая только общую проблематику и межпредметные отношения, а вот социологов он представляет достаточно много, одиннадцать персон:

- I. Философы. В.С. Соловьев, Н.Я. Грот, В.П. Преображенский, М.М. Троицкий.
- II. Психологи.

¹ См.: Lourié Ossip. *La Philosophie Russe Contemporaine*. Paris: F. Alkan, 1902. (Bibliothèque de philosophie contemporaine).

Ш. Социологи. Н.И. Кареев, П.Л. Лавров, П.А. Кропоткин, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, М.М. Ковалевский, Е.В. Де-Роберти, Н.К. Михайловский, Я.А. Новиков, Б.Н. Чичерин, К.П. Победоносцев.

В основу всей типологии общественных наук положен предметный принцип: философия, психология, социология. При этом внутри раздела, названного автором социологией, никакой типологии нет, более того очевидно смешение социологов и социальных философов, а ряд из них, – А.И. Герцен и К.П. Победоносцев, – более ни у каких авторов, рассмотренных нами, не встречаются.

Julius Friedrich Hecker. 1915.

В 1915 году, в Нью Йорке, на английском языке вышло первое исследование по истории и теории русской социологии под авторством Юлиуса Геккера¹. Данное издание было представлено отечественной научной общественности Н.И. Кареевым². С некоторыми дополнениями и изменениями книга была переиздана в 1934 году в Лондоне, третье издание (без изменений) пришлось на 1969 год. В первом издании автор структурировал материал по трем разделам:

- I. Часть первая, «Начало русской социологии», в которой Геккер представил славянофилов и западников.
- II. Часть вторая. Субъективная школа.
- III. Часть третья, «Разнообразные школы и тенденции в русской социологии», в которой автор расположил основную массу представителей русской социологии различных направлений.

В издание 1934 года были внесены изменения: в третий раздел был добавлен П.А. Сорокин, а весь марксизм изъят из третьего и собран в новый, четвертый раздел под названием «Коммунистическая социология, ревизионизм марксизма».

¹ См.: Hecker. J.F. Russian sociology; a contribution to the history of sociological thought and theory. NY., 1915. Частично в пер. Золотарёва: Геккер Дж.Ф. Вклад Н. Кареева в социологию // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. №3. С. 37–52.

² См.: Кареев Н.А. Американская книга о «русской» социологии // Русские записки. 1916. №6. С. 295–303.

В итоге его типология выглядит следующим образом:

I. Начало русской социологии.

1. Славянофилы. Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев.
2. Западники. П.Я. Чаадаев, В.Г. Белинский, А.И. Герцен, М.А. Бакунин, Т. Н. Грановский, Н.Г. Чернышевский.

II. Субъективная школа.

1. Социологическая теория П.Л. Лаврова.
2. Социологическая система К.Н. Михайловского.
3. Вклад в социологическую теорию Н.И. Кареева.
4. Вклад в социологическую теорию С.Н. Южакова.

III. Разнообразные школы и тенденции в русской социологии.

1. Русский анархизм и революционная социология. П.А. Кропоткин, В.М. Чернов.
2. Юридическая социология Н.М. Коркунова и генетическая социология М.М. Ковалевского.
3. Франко-русская социология. Е.В. Де-Роберти, Я.А. Новиков.
4. Вклад в социологическую теорию П.А. Сорокина.

IV. Коммунистическая социология, ревизионизм марксизма.

1. Марксистско-ленинская теория общества.
2. Вклад Г.В. Плеханова в марксистскую социологию.
3. Ревизионизм марксизма. М.И. Туган-Барановский.
4. Эмпириомонистический ревизионизм А.А. Богданова.
5. Ретроспектива и будущее русской социологии.

Как видно, Геккер разграничил социологов и социальных мыслителей, славянофилов и западников, указал на принадлежность С.Н. Южакова к несубъективистам, весь комплекс социологов объединил под нейтральным обозначением «разнообразные школы». Также он отличил марксистов, увидел их различия, отличил группу юридической социологии.

По сути, здесь не представлено истинной классификации. В основание классификации присутствует методологическая эклектика: национальный принцип (франко-русская социология), социально-политический принцип (анархизм, революционная социология), социологический: субъективный метод, юридическая социология, научно-философская классификация (марксизм).

Николай Иванович Кареев. [1920]. 1996.

Труд «Основы русской социологии»¹ Н.И. Кареева стоит третьей в общей хронологии фундаментальных исследований по русской социологии. Н.И. Кареев приступил к его написанию в 1919 году; через год, в 1920 году рукопись была завершена, однако, в печать она вышла лишь в 1996 году. Как пишет И.А. Голосенко, редактор издания 1996 года, Н.И. Кареев всегда работал быстро². Материала для книги было много, но сказалась старость, социальная неразбериха, хаос, и множество марксистской литературы, порой противоречивой, которую было трудно систематизировать. В итоге рукопись была закончена в 1920 г., но первые публикации и то, только по главам (1, 5, 7), появились в период 1985–1995 года. Рукописей было два варианта: московская, находившаяся в Российской государственной библиотеке и петербургская – в архиве Российской академии наук. Вторая рукопись легла в основание известной монографии.

В русской социологии Н.И. Кареев обнаружил четыре раздела: этико-социологическое направление, юристов-социологов, подразделенных на две подгруппы, марксистскую социологию, подразделенную на три подгруппы и группу социологов, объединенных им под именем «представители других направлений». В итоге, персонально типология Н.И. Кареева выглядит следующим образом:

- I. Этико-социологическое направление. П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков, Н.И. Кареев, Л.Е. Оболенский, В.М. Чернов.
- II. Представители других направлений в русской социологии. Д.Г. Глинка, В.В. Флеровский, А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд, Е.В. Де-Роберти, Н.В. Теплов, А.П. Кропоткин.

¹ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии /Подгот. текста, вст. ст., прим. И.А. Голосенко. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1996.

² См.: [Голосенко И.А. Предисловие. Историко-социологические взгляды Н.И. Кареева] / Н.И. Кареев // Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. ст., прим. И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, С. 5–24.

III. Юридическое направление.

1. Русские юристы-социологи. В.И. Сергеевич, С.А. Муромцев, М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, Б.Н. Чичерин, В.М. Хвостов, Е.В. Спекторский, С.И. Гальперин, Г.Ф. Шершеневич, Н.А. Гредескул.
2. Юристы – противники позитивизма в юриспруденции. П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий.

IV. Марксистская социология.

1. Диалектизм (диалектики). Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, П.П. Маслов, С.И. Солнцев, Н.А. Гредескул.
2. Историки-марксисты. М.Н. Покровский, Н.А. Рожков.
3. Систематоры экономического материализма. Н.И. Бухарин, И.П. Разумовский, С.А. Оранский.

Положение «представителей других направлений» в середине перечня обусловлено тем, что Кареев помимо содержательного, использовал хронологический принцип систематизации. В этой связи главе «марксистская социология» у Кареева предшествует глава «Социологическая литература XX века», где он рассматривает труды: Б. Львова, И.А. Давыдова, И., Катаева, Ю. Делевского, А.С. Звоницкой, Н.Г. Воронова, К.М. Тахтарева, П.А. Сорокина, В.М. Бехтерева и самого себя. Описание марксизма также сопряжено с временным аспектом. Так, Кареев рассматривает творчество П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, А.А. Богданова в контексте их ухода от марксизма. В отдельной главе «Отношение историков к социологии» Кареев в числе прочих упоминает А.С. Лаппо-Данилевского.

Анализ труда Н.И. Кареева показывает, что автор достаточно четко локализовал социологов, исключил представителей славянофильства и религиозных философов. Наиболее полно рассмотрел группу, названную им юридической социологией и марксистскую социологию, в которых он вычленяет подгруппы. Не включил в свою типологию названия «Субъективная социология», хотя писал об этой теме статьи и сам принадлежал к этому направлению. Здесь он употребляет «этико-социологическое направление». Такое название из всех рассматриваемых типологий встречается только у него. Он совершенно не употребляет термина

термина «психологическое направление», используя вместо этого другой – «противники позитивизма в юриспруденции». Единственный из историков социологии, кто причисляет М.М. Ковалевского к юристам.

В основание типологии Н.И. Кареев кладет предметную классификацию, эклектики мы не наблюдаем: этическая социология, юридическая социология, марксистская социология. При этом очевидно, что классификация не доработана, на что указывает не системная единица в классификации, «представители других направлений в русской социологии», и некоторые другие моменты.

Питирим Александрович Сорокин. 1927.

Питирим Александрович Сорокин (1898–1968) в США публикует небольшую статью «Русская социология в XX веке»¹, вошедшую позже в фундаментальные *Contemporary sociological Theories*². В России текст опубликован в 1992 году³.

Питирим Сорокин выделяет социологию второй половины XIX века и социологию XX века. Применительно к XIX веку он перечисляет ряд отечественных авторов: П.Ф. Лилиенфельда, Я.А. Новикова, П.А. Кропоткина, М.М. Ковалевского, Б.А. Кистяковского, Л.И. Мечникова, Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, указывая на фундаментальный, а в некоторых случаях и пионерский характер их трудов в сравнении с европейской социологией. Применительно к школам и направлениям он упоминает субъективную школу, авторов трудов по «экономическим проблемам истории и социальным явлениям», а также авторов, внесших «большой вклад в юридическую социологию, или социологию этики и права». Сколько-нибудь четкой типологии

¹ См.: Sorokin P.A. Russian sociology in the Twentieth Century // *American Journal of Sociology*. 1927. Vol. 31. P. 57–69.

² См.: Sorokin P.A. *Contemporary sociological Theories* / Harper's social science series. New York: Harper & Brothers, 1928.

³ См.: Сорокин П.А. Русская социология в XX веке. // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. №4. С. 9–21. Затем в кн.: Сорокин П.А. Русская социология в XX веке // П.А. Сорокин о русской общественной мысли / Под ред. И.А. Голосенко. СПб.: Алетейя, 2000.

русской социологии второй половины XIX века П.А. Сорокин не дает, представляя лишь направления деятельности.

Социологии XX века уделено большее внимание, что ожидаемо, исходя из названия самой работы. Сорокин дает основные отличия нового этапа и представляет четкую типологию в форме основных школ и адептов. Ученый выделяет марксистскую школу и русскую субъективную школу, хотя она дана не как самостоятельная в своем содержании, а как «близкая к психологической социологии Л. Уорда». Далее следует психологическая школа Л.И. Петражицкого, которая работает со сложными и конкретными социальными явлениями, и в которой, по мнению Сорокина, автор дает новую редакцию принципов логики, научной методологии и психологии, создает новую «эмоциональную психологию» и на этой основе дает свое понимание социального мира, права и этики. Психологическую школу Л.И. Петражицкого П.А. Сорокин отличает от «Психологической социологии в духе Г. Тарда, Л. Уорда, Ч. Кули, Ф. Гиддингса», представленных в России рядом авторов. Затем Сорокин выделяет русскую бихевиористскую школу, к которой, помимо несоциологов (И.П. Павлов, В.М. Бехтерев и др.) он относит себя и Е.В. Спекторского. Завершают список социальная философия и философия истории. Помимо методологических направлений Сорокин обозначает некоторые важные, на его взгляд, тенденции в социологии: социологизация юриспруденции, политической науки и экономики, социальная статистика, исследования в области общей социологии. В итоге типология П.А. Сорокина выглядит следующим образом:

I. Социология второй половины XIX века.

1. Субъективная школа. П.Л. Лавров, Н.И. Кареев, С.Н. Южаков.
2. Труды экономическим проблемам истории и социальным явлениям. М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин.
3. Юридическая социология, или социология этики и права. В.О. Ключевский, А.С. Лаппо-Данилевский, Н. Коркунов, Б. Чичерин.

II. Социология XX века.

1. Марксистская школа. Г.В. Плеханов, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, С.И. Солнцев, Н.И. Бухарин.
2. Русская субъективная школа. Н.К. Михайловский.
3. Психологическая школа. Л.И. Петражицкий.
4. Психологическая социологии в духе Г. Тарда, Л. Уорда, Ч. Кули, Ф. Гиддингса. Входят: Е.В. Де-Роберти, Н.К. Михайловский, П.Л. Лавров, Н.И. Кареев, В.В. Лесевич, В.М. Чернов.
5. Русская бихевиористская школа. И.П. Павлов, В.М. Бехтерев, Е.В. Спекторский, П.А. Сорокин.
6. Социальная философия и философия истории. С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, П.Б. Струве, евразийцы.

Итак, П.А. Сорокин выделил следующие социологические школы в XX веке: марксистская, субъективная, две психологические, бихевиористская и социально-философское направление. В основании типологии – два варианта психологизма и производный от него же бихевиоризм, а также субъективизм, марксизм и социальная философия. Ни позитивизма с его многочисленными вариациями, ни неокантианства, скрытого за «юридической социологией» у многих авторов, Питирим Сорокин не отмечает, хотя прекрасно знаком с ними.

Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Под редакцией Б.А. Чагина. 1976.

«Социологическая мысль в России»¹, по сути, – первая вышедшая в печать история русской социологии на русском языке. В написании коллективной монографии приняли участие И.А. Голосенко (глава 1 «Теоретико-методологические основы русской немарксистской социологии»), глава 7 «Социальная философия неославянофильства», глава 8 «Социологические воззрения русского неокантианства», глава 11 «Неопозитивизм в русской со-

¹ Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века / Под ред. Б.А. Чагина. Л.: Наука, 1976.

циологии»; В.М. Зверев (глава 2 «Вопросы немарксистской социологии в русской периодической печати (1870–1917)», глава 10 «Философия истории русского религиозного идеализма»); И.Г. Лиренцевич (глава 3 «Натуралистические направления», глава 4 «Социологические теории народничества», глава 5 «Психологическое направление в буржуазной социологии», глава 6 «Плюралистическая теория М.М. Ковалевского»); Б.А. Чагин (глава 9 «Легальный марксизм», глава 12 «Методологические аспекты критики немарксистской социологии Г.В. Плехановым и В.И. Лениным»). Социологическая мысль немарксистской социологии типологизирована авторским коллективом следующим образом:

- I. Натуралистическое направление. Л.И. Мечников.
- II. Социологические теории народников.
 1. Анархисты. М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин.
 2. Субъективное направление.
П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков.
 3. Психологическое направление.
В.П. Воронцов, И.И. Каблиц.
 4. П.Н. Ткачев (методологически не атрибутирован).
- III. Психологическое направление в буржуазной социологии.
Е.В. Де-Роберти, Н.И. Кареев, Н.М. Коркунов.
- IV. Плюралистическая теория. М.М. Ковалевский.
- V. Неославянофильство (социальная философия).
Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев (термин В.С. Соловьева, который Леонтьева к этому направлению не относил).
- VI. Неокантианство. А.С. Лаппо-Данилевский, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, В.М. Хвостов, Л.И. Петражицкий.
- VII. Легальный марксизм (не представлен творчеством отдельных персоналий).
- VIII. Религиозный идеализм (философия истории).
В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев.
- IX. Неопозитивизм. А.С. Звоницкая, К.М. Тахтарев, П.А. Сорокин.

Основной проблемой представленной типологии является отсутствие видимого признака, положенного в основание. Нетрудно увидеть, что вопреки названию научного труда в типо-

логии представлены не только социологические теории, но и социально-философские: в V и VIII пунктах – социальная философия неославянофильства и философия истории религиозного идеализма. Но главное, наряду с понятиями, обозначающими школы и направления в теоретической социологии («натуралистическое направление», «психологическое направление», «субъективное направление», «неокантианство», «неопозитивизм») в данной типологии мы находим общественно-политические и идеологические понятия: «народники», «анархисты», «легальные марксисты».

Андрей Николаевич Медушевский. 1993.

Выпускник Московского историко-архивного института, кандидат исторических наук, за год до защиты своей докторской диссертации по философии («Политическая философия русского конституционализма») опубликовал монографию по истории русской социологии¹. В ней русская социология предстала в довольно любопытном виде:

- I. Юридическая (классическая, государственная) школа в социологии. Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, А.Д. Градовский.
- II. Юридическая позитивистская школа. С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, В.И. Сергеевич.
- III. Юридическая социально-психологическая школа. Л.И. Петражицкий.
- IV. Сравнительно-историческая социология М.М. Ковалевского.
- V. Социология и история. Н.И. Кареев, В.О. Ключевский.
- VI. Политическая социология. М.Я. Острогорский.
- VII. Современная социология. П.А. Сорокин.

Из семи типов три приходятся на юридическую школу. Из двенадцати персон семь – юристы. Из оставшихся пяти – историк, юрист и политолог М.Я. Острогорский, ни у каких авторов более не упомянут, историка В.О. Ключевского выносим за скобки, остается М.М. Ковалевский, Н.И. Кареев, и П.А. Сорокин, который обозначен типологическим признаком «современная социология».

¹ Медушевский А.Н. История русской социологии. М.: Изд. Высшая школа, 1993.

Очевидно, что А.Н. Медушевский типологизирует русскую социологию по следующим признакам: юридическая социология, политическая социология, сравнительно-историческая социология. То есть по отраслевому принципу.

Не вдаваясь в анализ книги остановимся на интересующем нас аспекте. Типология с сильным акцентом на юриспруденцию. Неокантианское основание автор выносит за скобки своей типологии. Из чистых, несомненных, социологов представлены лишь трое.

Игорь Анатольевич Голосенко, Владимир Вячеславович Козловский. 1995.

В серии книг по учебной литературе «Программа обновления гуманитарного образования» с обозначением «пособие» два автора издали настоящий научный труд¹. Авторская типология выглядит следующим образом.

I. Пионеры социологической науки в России.

В.Н. Майков, Э.К. Ватсон, П.Л. Лавров.

II. Субъективная школа. Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков (упоминается также П.Л. Лавров и Н.И. Кареев, но текстов о них в этом разделе нет).

III. Историческая социология. В.О. Ключевский.

IV. Географическое направление. Л.И. Мечников.

V. Генетическая социология. М.М. Ковалевский, К.М. Тахтарев.

VI. Неокантианская социология.

Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов.

VII. Марксистская социология. Г.В. Плеханов.

VIII. Бихевиористическая социология. П.А. Сорокин.

Очевидно, что в основании типологии положены как отраслевые принципы (историческая социология, географическое направление), так и парадигмальный подход (неокантианство, марксизм, бихевиоризм). Есть некоторая путаница с двойственным местом П.Л. Лаврова, а также спорное присутствие историка В.О. Ключевского в последовательном ряду социологов.

¹ Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995.

Анатолий Андрианович Галактионов. 2002.

Один из авторов первого в советской философской традиции фундаментального труда по истории русской философии¹, А.А. Галактионов издал обширную монографию по истории русской социологии². В шести разделах и 36 главах он представил широчайший круг авторов: просветителей русского средневековья, социальных философов, социологов, представителей марксизма. Главы и персоналии (каждой персоналии уделена отдельная глава) расположены в хронологическом порядке и сгруппированы в шесть разделов, подчиняющихся историко-социальной и историко-политической классификации.

- I. Социологическая мысль русского средневековья. Илларион, Филофей, И.С. Пересветов, Ермолай-Еразм, Ю. Крижанич.
- II. Социология эпохи петровских реформ и становление дворянской монархии XVIII века. Ф. Прокопович, В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, Я.П. Козельский, С.Е. Десницкий, А.Н. Радищев.
- III. Социология периода кризиса помещичье-крепостнического строя. Первая половина XIX века. П.И. Пестель, Н.И. Надеждин, П.Я. Чаадаев, Т. Н. Грановский, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, А.И. Герцен.
- IV. Социология эпохи реформ и революционной ситуации 50-60х. годах XIX века. Б.Н. Чичерин, Ф.М. Достоевский, Н.Я. Данилевский, Н.Г. Чернышевский.
- V. Социология переходного периода 70-90х. годах XIX века. В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Толстой, Л.И. Мечников, М.М. Ковалевский, П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.Н. Ткачев, Н.К. Михайловский, Г.В. Плеханов.
- VI. Социология накануне радикальных преобразований в России. Начало XX века. П.Б. Струве, С.Н. Булгаков, П.Н. Миллюков, Н.И. Кареев, Р.В. Иванов-Разумник, В.И. Ленин.

¹ Галактионов А.А., Никандров П.Ф. История русской философии. Л.: Соцэкгиз, 1961.

² Галактионов А.А. Русская социология XI–XX веков. СПб.: Лань, 2002.

Очевидно, что структура труда, его внутренняя логика и персональный подбор авторов отечественной общественной мысли повторяют работу 1961 года по русской философии. Как следствие социологические и социально-философские основания в типологии не разделены, основная масса персон принадлежит к разряду социальных мыслителей, но не социологов, в основу типологии положен исторический принцип, ни отраслевого, ни парадигмального подхода не наблюдается.

Алексей Васильевич Воронцов, Игорь Александрович Громов. 2003.

В 2003 году в сборнике «Герценовские чтения» выходит объемная статья¹ (почти 4 п.л.), в которой один из крупнейших отечественных специалистов по западной теоретической социологии И.А. Громов² вместе с проф. А.В. Воронцовым впервые обращаются к проблеме изложения истории социологии русской. Авторы выделили четыре магистральные направления развития русской социологии, причем отмечая определенную историческую последовательность, стадиальность их смены:

- I. Позитивистская социология.
- II. Теория экономического детерминизма.
- III. Религиозная социальная философия.
- IV. Социологическая школа русского неокантианства.

Через два года выходит учебник³, в котором предложена более эклектичная модель, где начинает господствовать персоналистский подход. Так же как и в предшествующих случаях, книга выходит за рамки жанра учебной литературы. Вот что предлагают авторы:

¹ Громов И.А., Воронцов А.В. К истории русской социологии // Герценовские чтения 2003. Актуальные проблемы социологии / Отв. ред. С.Н. Малявин; Науч. ред. А.В. Воронцов. СПб, 2003. С. 6-62.

² См. его: Социология стран Западной Европы и США. История и современность / И.А. Громов, А.В. Воронцов. СПб.: Наука: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2013.

³ Воронцов А.В., Громов И.А. История социологии. XIX - начало XX века. В 2-х частях: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 540400 «Социально-экономическое образование». Часть 2 Русская социология. М.: Владос, 2005.

- I. Социологический натурализм в России.
 1. Органическая социология. И.А. Стронин. П.Ф. Лилиенфельд.
 2. Географическая школа. Л.И. Мечников.
- II. Теория культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского
- III. Субъективная школа социологии. П.Л. Лавров.
- IV. Социологические взгляды Н.К. Михайловского и С.Н. Южакова.
- V. Н.И. Кареев: теоретико-методологическое обоснование русской субъективной школы.
- VI. Социологический неопозитивизм Е. де Роберти.
- VII. Генетический метод и теория плюрализма факторов в социологической концепции М.М. Ковалевского.
- VIII. Марксистская социология в России. Г.В. Плеханов, В.И. Ленин
- IX. «Легальный марксизм». П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский.
- X. Христианская социология. С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев (отмечено, что оба – социальные философы).
- XI. Русская социологическая школа неокантианства. А.С. Лаппо-Данилевский, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов, П.И. Новгородцев.
- XII. Социологическая концепция П.А. Сорокина (русский период).

Как видно, в этой схеме учтены почти все известные направления и авторы. Заметно, что мало внимания уделено неопозитивизму (нет Тахтарева, Звоницкой, Сорокин к этому направлению не отнесен). Важно, что Кареев ясно указан в качестве методолога, а не социолога. Из всех типологий эту выделяет прежде всего нарочитый отказ от укрупненных групп; а названия направлений иногда подбираются под конкретного автора: творчество Данилевского, Лаврова, Михайловского, Кареева, Ковалевского и Сорокина персонализированы. А это ровно половина позиций. О типологии уже вряд ли можно говорить. Но такой подход ставит перед исследователем справедливые вопросы: до какой степени возможно и нужно строго типологизировать научную мысль, если это может идти в разрез с ее содержанием?

Елена Иосифовна Кукушкина. 2004.

В учебном пособии под редакцией Е.И. Кукушкиной¹, также выходящем за рамки учебной литературы, представлена очередная типология русской социологии:

I. Позитивизм в русской социологии

1. Органицизм. Н.Д. Ножин, А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд, П.А. Кропоткин, Я.А. Новиков.
2. Географическое направление. Л.И. Мечников, Я.А. Щапов.
3. Классический позитивизм.
Е.В. Де-Роберти, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский.
4. Неопозитивизм.
П.А. Сорокин, К.М. Тахтарев, А.С. Звоницкая.

II. Субъективная социология.

П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский, С.Н. Южаков.

III. Марксистская социология. Н.И. Зибер, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, А.А. Богданов, Н.И. Бухарин.

IV. Неокантианство. П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, В.М. Хвостов.

V. Русские религиозные философы (представлены проблемно, а не персонально).

VI. Психологизм в социологии.

Е.В. Де-Роберти, Н.И. Кареев, Г.В. Плеханов.

VII. Евразийство (представлено проблемно-исторически).

Типология в наибольшей степени отвечает классическому принципу построения и внутренней логике. Есть два самостоятельных раздела: социологи (позитивизм, субъективная социология, неокантианство, психологизм) и социальные философы (религиозные философы, евразийцы). Социологи подразделяются по парадигмальному принципу на самостоятельные классы: позитивисты, неокантианцы. В рамках систематизации позитивизма возникает рассогласование. Первые два типа отвечают одному принципу. Следовало Е.В. Де-Роберти, М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева отнести к рядоположенному направлению, скажем психоло-

¹ Развитие социологии в России (с момента зарождения до конца XX века). Учебное пособие / Под ред. Е.И. Кукушкиной М.: Высш. шк., 2004.

гическому или генетическому, ибо обозначение «классическое» подразумевает родовое обобщение по отношению к видовым, соподчиненным. Также вызывает сомнение неопозитивизм в качестве подраздела позитивизма. Неопозитивизм, или бихевиоризм, или второй позитивизм в советской классификации – совершенно иная парадигма, отличная от позитивистской.

Гарольд Ефимович Зборовский. 2014.

У Г.Е. Зборовского есть несколько фундаментальных трудов по истории мировой социологии¹. В данной статье мы рассмотрим один из последних², где русской социологии посвящена половина текста. У автора мы находим следующую типологию:

I. Субъективная школа (содержательный обзор, без персоналий).

II. Позитивизм и натурализм.

1. Генетическая социология. М.М. Ковалевский.

2. Органицизм. А.И. Стронин, П.Ф. Лилиенфельд.

3. Географическое направление. Л.И. Мечников.

4. Н.Я. Данилевский (без атрибутов).

III. Неокантианство. В.М. Хвостов, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, Л.И. Петражицкий.

IV. Неопозитивизм. А.С. Звоницкая, К.М. Тахтарев, П.А. Сорокин.

Это работа самая близкая по времени к нашим дням. Типология четкая, лаконичная и логичная. Выделены парадигмы. Позитивизм подразделяется на направления.

Некоторое сомнение вызывает персона Н.Я. Данилевского, который в дополнение к блестящей исторической иллюстрации обратился к органистическим аргументациям роста, развития, распространения цивилизаций. Даже из-за этого незначительного обращения его только с большими оговорками можно отнести к позитивистам.

Малявин Сергей Николаевич

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, д. филос. н., профессор,
malyavins@mail.ru

¹ См.: Зборовский Г.Е. История социологии. М.: Гардарики, 2007.

² См. напр.: Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап. Учеб. для вузов. Сургут [и др.]: РИО СурГПУ, 2014.

РАЗДЕЛ III

ВКЛАД Н.И. КАРЕЕВА
В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ И МИРОВУЮ
СОЦИОЛОГИЮ

Н. Кареев

**КРИТИКА Н.И. КАРЕЕВЫМ
БИХЕВИОРИЗМА П.А. СОРОКИНА:
К ВОПРОСУ О ВКЛАДЕ КАРЕЕВА В СКЛАДЫВАНИЕ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ**

Теория социального действия развивается с начала XX в. на основе социологии Макса Вебера, где действие становится новым предметом науки вместо общества. Считается, что это теоретическое направление получило интенсивное развитие в межвоенный период в ходе дифференциации теоретических направлений. На этом историко-социологическом фоне вклад Н.И. Кареева в разработку основ теории действия долгое время оставался неизвестен. Лишь недавно архивные документы были опубликованы историком социологии Е.А. Долговой. Они включают текст выступления Н.И. Кареева с рецензией сочинения П.А. Сорокина «Система социологии»¹, сделанного на заседании Русского социологического общества в сентябре 1920 года, а также черновые записи к выступлению на диспуте о данном сочинении в Петроградском университете 22 марта 1922 года². Н.И. Кареев также опубликовал две рецензии на «Систему социологии».

Внимание Н.И. Кареева к этой работе связано с ее влиянием на социологию. Прежде всего, тогда мало кто мог предложить целостную структуру молодой науки: первый том работы Сорокина включал разработку теории поведения в социуме (микроуровень), второй том был посвящен генезису социальных групп и иных общностей (макроуровень). Во-вторых, книга затрагивала проблему отдифференциации социологии от бихевиористской психологии, которой следовал сам автор в разработке теории социального поведения. Актуализировался спор между психологами-«субъективистами» и «объективистами». П.А. Сорокин вслед за авторитетными физиологами русской школы И.П. Павловым и В.М. Бехтеревым верил в возможность корректного исключения всего субъективного из анализа социального поведения. Это и выз-

¹ См.: Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1-2. М.: Наука, 1993.

² См.: Кареев Н.И., Долгова Е.А. Два новых научных труда по социологии (НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 2-54. Автограф. Подлинник. Черновик) // Социологический журнал. 2014. №4. С. 95-120.

вало критику¹. Сорокин колебался в этом вопросе, а Кареев отметил для себя и публично высказал своему визави неприемлемость объективистской рефлексологической научной позиции в теории поведения. В этой полемике, в которой участвовал и Бехтерев², содержатся идеи Н.И. Кареева к теории социального действия.

Их изложение представляет собой критическую альтернативу бихевиоризму П.А. Сорокину в качестве начальной посылки теории действия (эти посылки противоположны: теория поведения полагает источник поведенческой активности в окружающем человеке мире; теория социального действия – в его активном сознании). Раскроем это различие через разную трактовку тезиса о задержке поведенческой реакции человека. Физиолог В.М. Бехтерев, влиявший на П.А. Сорокина (оба – члены Русского социологического общества), связывал задержку реакции с медленной проводимостью электрического сигнала по нейрону при участии химической реакции, что и требует дополнительного времени³. Н.И. Кареев дает задержке поведенческой реакции совершенно иное объяснение.

Прежде всего, он обращается к единичному акту социального взаимодействия и приводит его теоретическое описание: «Взаимодействие, или, как у нас раньше писали (напр[имер] П.Л. Лавров) “взаимнодействие”, есть именно действие взаимное, двустороннее, действие А на Б и ответное действие Б на А, акция одного и реакция (реагирование) на нее другого»⁴. В полемике о специфике взаимодействия он возвращает критикуемого коллегу П.А. Сорокина к рассмотрению социального контакта в режим реального времени, отклоняя такие примеры взаимодействия как чтения книг. «Чтение научных книг кажется автору тоже каким-то взаимодействием... Ведь мы-то ни на Спенсера, ни на Маркса не влияем... Усматривается взаимодействие и в том случае, когда А

¹ См.: Кареев Н.И. Книга о социальной аналитике [Рец. на кн.: Сорокин П.А. Система социологии] // Вестник литературы. 1920. №7 (19). С. 7–9.

² См.: Бехтерев В.М. Коллективная рефлексология / Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М.: Наука, 1994. С. 18–354.

³ Бехтерев В.М. Химическая основа возбуждения клеточных элементов / Бехтерев В.М. Психика и жизнь. М.: Книжный клуб Книговек, 2012. С. 201.

⁴ Кареев Н.И., Долгова Е.А. Два новых научных труда по социологии. С. 104.

бьет Б, а Б на это не реагирует...»¹. Критикуется и понятие «одностороннего взаимодействия», напоминающее юридическое понятие односторонней сделки. С точки зрения Кареева, в социологии должны быть рассмотрены только взаимно обусловленные контакты.

Реферируя теорию социального взаимодействия П.А. Сорокина, Н.И. Кареев выделяет три составные части последнего: индивиды, акты, проводники. Акт-раздражитель индивида А – проводник – акт восприятия и реакции индивида Б. Данная схема фиксирует согласие обоих социологов в концептуальной части теории социального действия. Вклад Кареева в разработку основ этой теории становится заметнее при дальнейшем анализе различий в подходах теоретиков. Кареев обращает внимание на существенное различие теоретических описаний взаимодействия: в бихевиоризме «акт восприятия влияния индивидом и его реакция рассматриваются как один момент», что бывает в чисто механических и рефлекторных явлениях. Это напоминает шары в игре на бильярде, столкновения прохожих, их вежливые извинения либо грубая брань. «Все это такие случаи, когда схема П.А. Сорокина вполне применима: между актами восприятия и реагирования на них нет особого промежуточного момента. Но вот такой случай: А оскорбляет В, но В по той или другой причине не реагирует немедленно, а хранит обиду в сердце своем и долго думает о том, как и когда отомстить обидчику, т. е. между обидой-акцией и местию-реакцией существует длительное психическое переживание, которого не было бы, не будь обиды, и без которого не было бы, в свою очередь, мести»².

Длительное психическое переживание, отложенная поведенческая реакция – это работа сознания, которая, по Н.И. Карееву, не сводится к реакции на наличные обстоятельства ситуации, а является обращением сознания к культуре с ее тезаурусом значений, в которых действующий и взаимодействующий интерпретируют ситуацию в широком горизонте смыслов. Эти случаи бихевиоризм П.А. Сорокина игнорирует, но в обществе такая работа сознания

¹ Там же.

² Там же. С. 105–106.

значима, что подробно изложено в книге Н.И. Кареева «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»¹, как утверждает сам Кареев².

Обобщая свою критику, Н.И. Кареев отмечает, что П.А. Сорокин находится под влиянием коллективной рефлексологии, предполагая, что «когда-нибудь психические моменты были бы вытравлены из социологии»³. «Все [здесь] сводится к таким “толканиям”, “давлениям”, “дерганиям”»⁴. Незадолго до рассматриваемой дискуссии (1919) П.А. Сорокин уподобил общественные институты и организации самостоятельным электростанциям, которые «дёргают» своих абонентов (граждан) наподобие ударов током. Например, это приказ о мобилизации, послание патриарха, партии, общественные организации, объединения по интересам. Они «дёргают нас и заставляют отвечать на эти “дёрганья”»⁵. Кареев пишет: «Для П.А. Сорокина человек является буквально каким-то граммофоном, в который извне социальными группами, его, человека, в себе заключающими, вкладываются то одни, то другие пластинки. Постоянным для него остается только наш организм как “телесный носитель различных душ”, то вынимаемых из него, то в него вкладываемых»⁶. Так Кареев подчеркивает бихевиористские упрощения П.А. Сорокина. Он продолжает: «“Мы похожи на шар, который с разных сторон непрерывно толкают разные силы. Шар крутится. Его движение будет... равнодействующей этих сил. Поведение индивида – равнодействующая давления тех (социальных) групп, вольным или невольным абонентом коих он состоял и состоит” ...Все это очень рефлексологично... и очень односторонне»⁷. Сам Н.И. Кареев, рассматривая тезис о задержке поведенческой реакции, подчеркивает самостоятельное участие

¹ См: Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд., с доб. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914.

² См.: Кареев Н.И., Долгова Е.А. Два новых научных труда по социологии. С. 106.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Сорокин П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. С. 48.

⁶ Кареев Н.И., Долгова Е.А. Два новых научных труда по социологии. С. 107.

⁷ Там же.

сознания как особой психической реальностью, обращенной к культуре, в формировании социального поведения, и признает психическую реальность самостоятельным уровнем детерминации последнего *sui generis*¹.

Данный фрагмент критики Н.И. Кареевым бихевиоризма (коллективной рефлексологии) П.А. Сорокина согласуется с теоретическими положениями классиков теории социального действия. Уже у Дж.Г. Мида можно встретить тот же самый тезис о задержке поведенческой реакции (он сформулирован физиологами), в связи с которым поставлена активная работа сознания по интерпретации ситуации, предшествующей поведенческой реакции. Это подтверждает, что в трудах Кареева содержатся разработки основ теории социального действия.

Другой известный теоретик социологии М. Вебер в комментариях к своей типологии социального действия (напомним четыре базовых типа: целерациональное, ценностно-рациональное, традиционное и аффективное) называет действия I и II типов понятными исследователю и признает ограниченность понимания в отношении действий традиционного и аффективного типов. Типология действий М. Вебера также может служить подтверждением прозорливости идей Кареева в контексте развития теории социального действия.

К сожалению, эти идеи Н.И. Кареева долгое время оставались малоизвестными. И если в целом вряд ли можно утверждать прямое влияние Кареева на разработку социологической теории действия в мировой социологии, то по крайней мере можно с уверенностью говорить о том, что ученым было оказано определенное влияние на отход П.А. Сорокина от методов социологической рефлексологии.

Головин Николай Александрович

Санкт-Петербург, СПбГУ, д. соц. н., профессор, n.golovin@spbu.ru

¹ От лат. – своеобразный, единственный в своём роде (*Прим. ред.-сост.*).

УРБАНИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Н.И. КАРЕЕВА

Преобразования в обществе, наблюдаемые в настоящее время, побуждают исследователей обращаться в поисках ответов к историческому наследию. Изменения, происходящие в настоящее время, затрагивают глубинные основы взаимодействия людей и организации общества. Информационно-цифровые технологии трансформируют технологические процессы и, следовательно, экономику, производственные и социальные отношения между людьми. Осмысление значения и перспектив технологических, экономических, политических, культурных и, в целом, социальных изменений является необходимым компонентом попыток моделирования траекторий общественного развития.

Доступной и наглядно моделью развития общества являются города. В настоящее время одной из активно развивающихся научных отраслей знания является урбанистика – наука о городском развитии, комплементарно объединяющая в себе сведения из экономики, политики, права, экологии, логистики, управления, психологии и т. д. и показывающая плотную взаимозависимость всех сфер жизни человека и города, его благоустройства, организации и будущего развития. Примечательно, что именно подобные аспекты рассмотрения развития общества просматриваются в работах Николая Ивановича Кареева.

Работы Н.И. Кареева, по общему сегодня признанию, являются отражением историко-философского взгляда на проблемы развития общества и места человека в этом процессе. Но в связи с тем, что Николай Иванович на основе исторических данных и философских обобщений стремился вывести закономерности развития общества, проявляемые вне места и времени, то совершенно справедливо, что посредством написания базовых и первых в России трудов по основам социологического знания, он причислял себя и к социологам.

Спектр социологических размышлений Н.И. Кареева распространялся на анализ городского развития в интеграции с развитием общества и государства в целом. Так, в работе «Государство-город античного мира» мы находим анатомию возникновения,

организации и обустройства городской жизни и территорий в Древней Греции и в Древнем Риме. Кареевым подробно рассматриваются вопросы географического расположения городов, экономического механизма взаимодействия людей, способствующего их объединению в городское сообщество, социальному расслоению, политическому управлению и формированию гражданского самосознания. Н.И. Кареев, опережая социологов-урбанистов, дает свое определение городу. Он пишет: «В настоящее время городами – в отличие от деревень – мы называем населенные места с особенной скученностью населения, занятого главным образом промышленно-торговой деятельностью (в отличие от сельского хозяйства), притом населенные места, имеющие в силу указанных обстоятельств особое, отличное от деревенского устройство и управление и даже являющиеся средоточием местных властей для окружающих местностей»¹. Определяющими признаками городов ученый считал бóльшую скученность населения и развитие торгово-промышленной деятельности, которые оказывали свое моделирующее влияние на внутреннее устройство и на управление окрестными деревнями.

Отметим ряд значимых тезисов урбанистического характера, просматриваемых в размышлениях Н.И. Кареева.

Во-первых, первоначально люди образовывали поселения в местах, которые обладали естественными барьерами безопасности за счет использования географического ландшафта. Увеличение независимости человека от природно-климатических особенностей среды обитания и расширение возможностей человека по созданию защитных приспособлений позволило обществам осваивать пространства с большей ресурсной базой и отвоевывать их друг у друга. Так, вслед за Л.И. Мечниковым, Н.И. Кареев проводит анализ преобразований, происходивших на Ближнем Востоке (Египет, Ассирия-Вавилония) до VII в. до н. э.² Он обосновывает

¹ Кареев Н. Государство-город античного мира. Опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. С-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. С. 8.

² См.: Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. Тульская обл., пос. Заокский: Источник жизни, 1993. С. 38–42.

переход цивилизации от речного характера к морскому. Речные цивилизации располагались внутри материка, ограждаемые от внешних, с моря исходящих, интервенций посредством наличия ландшафтных преград – гор и болотистых топей. Эти поселения сосредоточились на земледельческом производстве и его совершенствовании. Их благополучие было привлекательным для финикийских, критских, малоазиатских и греческих пиратов, приплывавших по реке с моря. Это касалось городов-полисов Греции и поселений римлян. Там, где их не защищало море, защищали горы. Благодаря таким естественным барьерам на Пелопоннесе существовало множество мелких, самостоятельных и разъединенных греческих государств и наблюдалось столь быстрое развитие их культур¹. Поэтому первоначально города выполняли оборонительные функции – здесь население из ближайших окрестностей могло укрыться от вражеских нашествий².

Во-вторых, городские поселения являются источниками формирования культуры, возникновения знаний и наук. Города, благодаря интенсивным социальным взаимодействиям по причине активной миграции людей, становятся местом производства информации и научных открытий. Однако, как отмечает ученый, отвлеченное от реалий и прикладного применения знание не способно придать потенциал развитию. Так же, как и знание, существующее внутри определенного поселения, в замкнутом пространстве. Такие городские поселения и общества в целом обречены на стагнацию и порабощение. Так, преобладание в сфере художества и поэзии греков уступило практическому подходу и творчеству в государственном строительстве римлян, что выразилось в гибели разделенной Греции и превращении Рима из города-государства в столицу государства³. Рассуждения о свободе человека, религия как форма мирозерцания и идеализм, культивируемые греками, получили утилитарное оформление и применение у римлян в виде гражданских прав, религии как инструмента

¹ См.: Там же. С. 64.

² См.: Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 8.

³ См.: Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 68, 72–74, 92.

государственной власти и реализма, соответственно¹. Поэтому перспективами развития и существования обладают те социально-поселенческие объединения, которые создают знание, распространяемое и практически используемое на других территориях в интересах их развития.

В-третьих, города являются оплотом формирования нового класса, который возникает при освоении новых производственных технологий и в новых экономических отношениях. Н.И. Кареев раскрывает этот тезис на примере возникновения и развития европейских городов в Античности и в Средние века². Города, превращаясь в центры для окрестных территорий, становятся благоприятной средой для формирования торгово-промышленного класса. Город как место обмена продукции домашнего хозяйства преобразовывался в место рыночной торговли и конкуренции промыслов и ремесленной деятельности. Городские жители, освоившие ремесленное производство и цеховые объединения, стали основой среднего класса, самостоятельной и зажиточной буржуазией. Она показала пример обладания движимым имуществом (капиталом), стремления к свободе и регулирования отношений посредством юридических норм. Ученый также называет этих предприимчивых жителей города городским классом, дабы подчеркнуть их антагонистическое положение с негородскими жителями и их историческую роль в трансформациях социальной структуры общества. При этом Н.И. Кареев не идеализирует городских жителей. Он также указывает, что успешный городской класс все более выдвигается вперед, соперничая с дворянством в господстве и продвижении собственных интересов.

В-четвертых, городские жители первыми апробируют на себе успехи и побочные эффекты инноваций как в производстве, так и в быденной жизни. Как подмечает Н.И. Кареев, ожидания, что механизмы и машины, заменившие ручной труд и инструменты, увеличат силы человека и ускорят производство и, таким образом, облегчат труд и окажут благоприятное действие на жизнь рабочих,

¹ См.: Там же. С. 69.

² См.: Там же. С. 259–261; Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 8.

в действительности не оправдались¹. Техническая модернизация стерла границы между полами и возрастами людей, обслуживающих новую технику. Мужчины, женщины, дети, сильные и слабые, здоровые и больные – все уравниваются перед лицом изобретения и необходимостью выжить в условиях города. Стремление к увеличению производства, затем перепроизводство и кризис гибельным образом отражались на материальном благосостоянии производителей и благополучии в целом. Так, согласно статистике XIX в., в промышленных городах Англии «в периоды кризисов всегда падали цифры браков и вкладов в сберегательные кассы и, наоборот, поднимались цифры смертности и преступности»².

В-пятых, города заложили основу для формирования представительной системы управления. Городская организация жизни, (государственное устройство в античный период), сформировала традицию народных собраний демоса. К демосу не принадлежали рабы и метэки. Участие же демоса в государственной власти выразилось в непосредственной народовласти, а не через представителей. Происходило это в античных государствах-городах на холмах, на рыночных площадях, на форумах, в театрах, в портах и т. д.³. Благодаря торговому оживлению, в феодальной Европе XII–XIII вв. города вновь стали местом движения за освобождение от произвольной власти сеньоров и введения внутреннего самоуправления. Результатом таких нововведений стало возникновение городов с республиканскими порядками и выборными властями, а также участие в сословных сеймах (во Франции) городских голов (мэров) и выборных депутатов⁴. Их избрание и сама институционализация данных практик получили распространение в связи с активностью горожан, образованием коммун

¹ См.: Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 307.

² Там же. С. 310.

³ См.: Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 126–127.

⁴ См.: Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия Средних веков. Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе. С-Петербург, 1906. С. 170–172; Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2014. С. 134–143

и общественного самоуправления. Традиции участия городского населения в жизни города и управлении им прошли тернистый путь и преобразовались в представительную демократию, регламентирующую обязанности и права власти и избирающих ее граждан.

Таким образом, в исторических обзорах Н.И. Кареева городам принадлежит значимое место, а его умозаключения характеризуются вневременностью. Так, факторы возникновения и развития городов – войны и торговля – намечают будущие направления безопасного существования. Поэтому в развитии городов должны решаться стратегические и коммерческие вопросы¹. Очевидно, что залог благополучного развития городов заключен в решении ряда тактико-стратегических задач: обеспечение защиты, контроль и управление развитием прилегающих территорий, создание условий для успешной самореализации и комфортной жизни горожан, снижение рисков их деприваций и девиаций, предоставление и поддержание возможностей для гражданского участия населения в управлении городом в интересах жителей и т. д.

Безопасность и благополучие современных городов уже не находятся в непосредственной зависимости от географии. Поэтому особенно интересны наблюдения и выводы Н.И. Кареева об общественном и государственном значении городов. Исследователь указывает, что многие особенности развития государства зависят от того, какая роль отводится городу в политической жизни и в принятии решений по управлению территориями. Поэтому город выступает прообразом государства². Потенциал развития общества сосредотачивается не в самой технике, а в возможностях и умении людей использовать знания и технологии с предвидением их негативного эффекта, в участии горожан в контроле и управлении изменениями. Человек является не только рабочей силой, манипулирующей механизмами, но и субъектом социального действия, от которого зависит социально-экономическое положение и социальное самочувствие города как социально-терри-

¹ См.: Кареев Н.И. Государство-город античного мира. С. 9.

² См.: Там же. С. 325.

ториальной общности. Утилитарное отношение к человеку и городу является бесперспективным для общества и государства. Как в прошлые эпохи, так и в настоящее время в городах в качестве средства по поиску компромисса между абсолютизацией доминирующих интересов экономически сильного класса и зависимого большинства выдвигаются институты самоуправления. Современные урбанистические проекты развития городов, основанные на концепции «умного города», подтверждают справедливость исторического опыта городского и государственного развития и мысли Н.И. Кареева, об ориентации на человека и его интересы в модернизации и обустройстве городов.

Бесчасная Альбина Ахметовна

Санкт-Петербург, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
при Президенте РФ, д. соц. н., профессор, aabes@inbox.ru

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ Н.И. КАРЕЕВА

В наследии Н.И. Кареева содержится ряд идей, некоторые из которых опередили не только отечественную, но и западную политическую науку.

Кареев создал версию этико-субъективной социологии, под влиянием Н.К. Михайловского и П.Л. Лаврова. В ее центре была личность, «личная инициатива», изменяющая в истории культуру и социальную организацию, духовные взаимодействия между людьми; в социологии подчеркиваются социально-психологическая и нравственно-этическая компоненты. По Карееву, философия истории как абстрактная феноменология социальной и культурной жизни человечества, должна ответить на вопрос, что получило, получает и может получить человечество от своей исторической жизни; это искание смысла в целом общественно-исторического процесса. Философия истории включает теорию истории (проблемы гносеологии и социологии) и конкретно-историческую часть. Феноменологические науки (история) имеют дело с явлениями и фактами, номологические (социология, психология) – с законами. Впоследствии Кареев использует термин В. Виндельбанда «идиографический» и выделяет типологические науки, изучающие и обобщающие на основе сравнительного метода признаки какой-либо группы предметов: это политэкономия, политика, право¹.

Идеи к политической социологии у Кареева содержатся в работах: «Типические черты истории конституционного государства»² (1907); «Происхождение современного народно-правового государства»³ (1908); «Город-государство античного мира»⁴ (1903); «Монархии Древнего Востока и греко-римского

¹ См.: Кареев Н. Общие основы социологии. Пг.: Наука и школа, 1919. С. 5–9.

² См.: Кареев Н. Типические черты истории конституционного государства // Известия Санкт-Петербургского Политехн. института, 1907, Август, Т. VII. Вып. 1 и 2. С. 85–137.

³ См.: Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства: Исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. 2-е изд. М.: Ленард, 2015.

⁴ См.: Кареев Н.И. Город-государство античного мира. М.: Вече, 2018.

мира»¹ (1904); «Поместье-государство и сословная монархия средних веков»² (1906); «Западноевропейская монархия XVI–XVIII вв.»³ (1908) и др. Кареев рассматривал важнейшие проблемы политической мысли: историю и теорию конституционного государства; власть и властвование; гражданское общество, правовое государство и права личности. Он анализировал формы правления («политические формы») в истории, признаки абсолютной и сословно-представительной монархии и республики, соотношение понятий государства, нации, культуры, национализма; политико-правовые учения; критерии политического прогресса и социального либерализма и др. По Карееву, социальная организация есть совокупность трех сторон: экономической (народного хозяйства), юридической (права) и политической (государства). Защищаемые государственной властью частные отношения (юридический строй), роль личности в экономической жизни (экономический строй) есть показатели степени свободы личности и ее положения в обществе.

В этих работах, а также в «Мыслях о сущности общественной деятельности»⁴ (1895) и «Историологии (Теории исторического процесса)»⁵ (1915), он рассматривает «всеобщие формы свершения истории», психологизируя феномен властвования – как деятельности, состоящей из отдельных актов командования и исполнения велений, закрепляемых силой привычки; власть опирается на право распоряжения и принуждения. Кареев предвосхитил системный подход к политической системе и ее структуре, включен-

¹ См.: Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира: очерк политической, экономической и культурной революции Древнего мира под господством универсальных монархий М.: Гос. Публич. Историческая б-ка России, 2015.

² См.: Кареев Н.И.: Поместье-государство и сословная монархия Средних веков. Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в Средние века [Репр.] М.: URSS, 2014.

³ См.: Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка» М.: Гос. Публич. Историческая б-ка России, 2009.

⁴ См.: Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности. 2-е изд., доп. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.

⁵ См.: Кареев Н.И. Историология. Теория исторического процесса. [Репр.] М.: Либроком, 2020.

ность в нее политической культуры, психологии, «очерченность» ее границ в политическом пространстве, взаимосвязь с другими подсистемами. Задолго до американцев, Д. Истона (1953)¹, Г. Алмонда и С. Вербы (1963)², Кареев в работе «Историология» описывает условия открытости политической системы, взаимовлияния народов и государств – «месологические» («месология» – среда) и морфологические (заимствованные, «перенимаемые») формы их материальной (техника), духовной (образование) и общественной (гражданственность) культуры. Он рассматривал структуры и различные формы межгосударственных отношений (центросиловых отношений, узловых противоречий, системно-структурной надстройки); фактические и договорные международные политические отношения, торговые отношения, народную дипломатию, тенденцию государств к интеграции (коалиции, союзы, гегемонии, перегруппировки). Стремление к усилению связности народов и государств приводило к культурному объединению (эллинская культура), к мировым религиям (христианство, буддизм, ислам), к политическим объединениям (международная социал-демократия) и др.

Рассматривая соотношение понятий «государство» и «нация», Кареев считает нации «этнографическими», а государства – «политическими» целыми, которые могут совпадать (унитарное государство) и не совпадать (полиэтническое государство). В основе национальных связей лежат процессы «интерментальной психологии», т. е. психического взаимодействия между отдельными «душами»; народы объединены общей духовной культурой: языком, обычаями, мирозерцанием, историей, национальным самосознанием. В основе государства лежат внешние политические связи; это политическое целое, объединенное властью, законодательством, экономическими интересами. Если в обществе, в массовом политическом сознании отсутствует чувство свободы, а у «власть имущих» – уважение к праву, если наличествуют два

¹ См.: Easton D. The Political System. An Inquiry into the State of Political Science. 2nd ed. New York: Knopf, 1971.

² См.: Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014.

полюса – «инстинкт власти» и «инстинкт повиновения», если «отказ от свободы происходит вследствие разочарования в ней», то такое отношение к свободе является «почвой для торжества реакции». Кареев писал это в 1907 г. об абсолютизме, «убивающем в населении дух свободы», и эти его выводы предвосхитили идеи Э. Фромма (1941)¹. В работе «Типические черты истории конституционного государства» Кареев подробно исследует происхождение, признаки, особенности типической формы государства Нового времени – конституционного государства, первостепенными признаками которого являются участие населения во власти, всеобщее политическое равноправие, принцип равенства перед законом, свобода личности, признание за своими подданными личных прав. При условии реализации этих принципов конституционное государство становится правовым, основанным на правовом порядке, а его идеология строится на идее права, имеющего свой источник в нравственном достоинстве личности. Он отмечает «компромиссный характер многих конституций», компромиссное происхождение верхних палат представительных органов власти. В историческом развитии конституционное государство становится правовым и народно-правовым, существующим для народа и через народ в смысле бессловного гражданства².

Одним из первых в социологии, независимо от М. Острогорского (1903 и 1912)³ и раньше Р. Михельса (1911)⁴, Кареев уже в 1907 г. дает классическое определение понятия, функций (политической, идеологической, электоральной, социальной, политиче-

¹ См.: Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2014.

² См.: Гнатюк О.Л. Русская политическая мысль начала XX века: Н.И. Кареев, П.Б. Струве, И.А. Ильин. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1994. С. 30–40, 40–42, 44–45.

³ См.: Ostrogorski M. La Démocratie et l'Organisation des parties politiques. Paris: Calmann, 1903; Острогорский М.Я. Демократия и политические партии / Отв. ред., вст. ст. и комм. А.Н. Медушевского. М.: Роспэн, 1997.

⁴ См.: Michels R. Zur Soziologie des Parteilebens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens. 2-e erg. Aufl. Leipzig, 1925. Также: Михельс Р. Демократическая аристократия и аристократическая демократия / [Подгот. А.А. Зотова] // Социологические исследования. 2000. С. 107–114; Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии // Политология: Хрестоматия / Под ред. проф. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2000. №1. С. 540–550.

ского рекрутирования, формирования общественного мнения, парламентской деятельности) политической партии, способов ее организации и деятельности, ее «прямых и обратных» связей с гражданским обществом. Он обосновывает партийные разделения в зависимости от социальной дифференциации общества, характеризует способы связи партий и общества в системе власть – партии – коммуникации. Он отмечает необходимость многопартийности в правовом государстве и подчеркивает, что «борьба за конституционный строй всегда была делом политических партий». Кареев предвосхитил современную типологию «кадровых» и «массовых» партий, введенную М. Дюверже (1951)¹, использовал понятие партии как «неписанной части конституции государства». Эти идеи стали «рабочей» позицией в исследованиях американской и французской политологии. Дефиниция политической партии Кареева достойна включения ее в современные научные словари:

«Партии... являются постоянными политическими организациями... не только... народных представителей в парламентах, но и общественных сил в... стране, и охватывают не только лиц, имеющих право выбирать, ...но всех сочувствующих данной партии, ...несущих... работу в пользу партии. Такая организация мыслима... под условиями определенных политических идеологий, ...программ, ...партийной прессы, ...органов, решающих все вопросы партийной жизни... Каждая развитая партия представляет собой одно политическое целое, связанное общностью идей, стремления действий, ...внутренней дисциплиной, ...собраними членов, делегатскими съездами и иерархией распорядительных и исполнительных комитетов.

Партии формируют общественное мнение, руководят выборами, ведут парламентскую борьбу, а в странах, где конституционный режим достигает высшей ступени развития, победа той или другой партии сопровождается установлением соответствующего правительства... Партийные разделения общества в зависимости от ...мировоззрений, темпераментов, интересов и... от принадлеж-

¹ См.: Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2000.

ности их к ...социальным группам – племенным, вероисповедным, сословным или классовым и профессиональным, существуют в каждом государственном строе, но только в конституционном строе эти разделения могут охватывать наибольшее количество членов общества... Партии – это неписанная часть конституций, ...органы проявления реального соотношения сил в ...данный момент политической жизни страны... способами, какие даются правом и свободой»¹.

Особым направлением в спектре русского либерализма начала XX в. был социальный, или «новый» либерализм, имевший свои специфические черты, проблематику, идеи по сравнению с консервативным либерализмом, и представленный Н.И. Кареевым, М.М. Ковалевским, Б.А. Кистяковским, П.И. Новгородцевым, С.И. Гессеном, П.Н. Милюковым, С.А. Муромцевым, Л.И. Петражицким и др. Идеино социальный либерализм сформировался в условиях размежевания земского либерального движения и противостояния идее правового государства со стороны как леворадикальных, так и реакционных сил, особенно обострившегося в годы I-ой русской революции.

Если *консервативный либерализм* пытался «примирить» социально-политические реалии России начала века (промышленное отставание, слабое развитие гражданского общества, отсутствие представительных учреждений, «отщепенство» интеллигенции) с принципами европейского экономического, политического либерализма в синтезе с духовно-ценностным консерватизмом, то *социальный либерализм* ориентировался на синтез либеральных ценностей с идеями социализма – но не в его ортодоксально-марксистской форме, а в традиции социал-реформизма европейской социал-демократии и неолиберализма. Образно говоря, консервативный либерализм – это более «правый» вариант русского либерализма, а социальный либерализм – его более «левый» вариант. Оба направления русского либерализма признавали приоритет важнейших либеральных ценностей, а различались они

¹ [Кареев Н.] Типические черты истории конституционного государства Н.И. Кареева // Известия Санкт-Петербургского политехн. ин-та, 1907. Август. Т. VII. Вып. 1–2. С. 134, 135–137.

прежде всего пониманием проблемы равенства и социальной справедливости. Теоретики социального либерализма расширяли представления консервативного либерализма о формально-правовом равенстве. Именно социальный либерализм осуществил синтез равенства и свободы¹.

Концепты о правовом народно-представительном, или народном государстве, и о социальном прогрессе, смысл которого исследуется историей (феноменологически) и социологией (номологически), Кареев создает в традиции социального либерализма. В его оригинальной теории социального прогресса рассмотрено единство пяти элементов прогресса: умственного; нравственного; экономического; политического («развитие свободы и улучшение государства») и юридического («развитие равенства и улучшение права»). Для него очевидна взаимообусловленность всех видов общественного прогресса и совершенствование политических институтов, а также взаимозависимость свободы, равенства, права, закона и справедливости. Он рассматривает общество как «надорганическую» культурно-историческую среду, как духовно-материальную целостность. В истории «личная инициатива изменяет культуру и социальную организацию, делая невозможным однообразное подчинение обществ законам статики и динамики». Все пять элементов культуры имеет свою эволюцию: эволюция миросозерцания состоит в познании окружающего; этики – в творчестве идеалов; политической организации – в постепенном подчинении общества единой власти; правовой регуляции – в создании способов организованной защиты интересов; экономической кооперации – в соединении общественных сил для добывания материальных средств к жизни.

Для Кареева общая тенденция нравственного и социального прогрессов – едина, поскольку оба характеризуются уничтожением проявлений борьбы за существование, постепенно наполняясь все большим альтруизмом в нормах поведения. Нравственный прогресс выступал мерой, критерием оценки социального идеала, и наоборот, поскольку основой нравственности является альтру-

¹ См.: Гнатюк О.Л. П.Б. Струве как социальный мыслитель. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1998. С. 281–282.

изм, а основой общественности – солидарность. Прогресс нравственности связан с идеалом справедливости, т. е. с распространением формулы «каждому по достоинству» на все большее количество людей.

Для социального либерализма Кареева главным в прогрессе права было не столько его совершенствование в смысле «юридической техники», сколько «все большее проникновение в право принципов справедливости и уважения к человеческой личности». Справедливость он понимает не только как принцип совершенствования права (показатель юридического прогресса), но и как свободу и равенство, сопряженные в идее справедливости как в высшем ориентире общественных устремлений, что является важнейшей особенностью социального либерализма по сравнению с консервативным.

В социальном прогрессе он выделяет две эволюции: во-первых, эволюцию социальных организаций и институтов (их интеграция и дифференциация, диалектика организаций и организма); во-вторых, эволюцию индивидуализма (диалектику свободы личности и коллективных форм социума). Прогресс права аналогичен прогрессу этики, и тремя ступенями в их развитии, по Карееву, являются: «равенство всех в бесправии», «право, основанное на неравенстве» и, наконец, «равенство, основанное на праве»¹.

Гнатюк Ольга Леонидовна

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, д. соц. н., профессор, gnatuk_05@mail.ru

¹ См.: Кареев Н. Основные вопросы философии истории. 3-е изд., сокр. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 133, 264–265, 350, 383, 390, 398, 414, 444–445.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ПОЛИТИКИ И РЕЛИГИИ В РАБОТАХ Н.И. КАРЕЕВА И М. ВЕБЕРА

Тема Реформации и становления протестантизма как новой формы религиозного бытия проходит красной нитью в творчестве современников: Н.И. Кареева и М. Вебера. Оба, изучая данную проблематику, не обходят стороной вопрос о связи «религиозного» и «политического», но в работах каждого эта связь выглядит несколько по-разному.

Необходимо отметить, что тема западного протестантизма занимает довольно большое место в работах Кареева, начиная от трудов по истории Реформации¹ и заканчивая изучением возникновения протестантских сект в Польше. Любопытной с точки зрения современной политической социологии и политологии кажется попытка Кареева сопоставить религию и государство на макроуровне². По мнению русского мыслителя, именно протестантизм дает возможность государству обзавестись своей собственной религией, которая встает ему на службу. Если в Средневековье существовала общая религия, и католическая церковь доминировала над всеми европейскими государствами, то в процессе Реформации ситуация изменилась. Реформация разрушила церковное единство Средневековья и привела к тому, что «протестантские страны обзавелись своими местными церквями, сделавшимися своего рода государственными учреждениями, т. е. орудиями государственного властвования»³. Так религия встает на службу политике.

Одним из требований к религии как к орудию государства было единство религиозных воззрений его подданных. Этот принцип одинаково действовал в католических и в протестантских странах. И только продолжительные религиозные войны XVI и XVII веков привели к утверждению идеи веротерпимости в рам-

¹ См.: Кареев Н. Лекции по истории Реформации: СПб университет, 1885 год. С.-Петербург: Литография Гробовой, [1885].

² См: Кареев Н.И. Отношения между религией и политикой у философов XVIII века // Вольтер: pro et contra: личность и идеи Вольтера в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб.: Издательство РХГА, 2013. С. 461–479.

³ Там же.

ках одного государства. Это не означало, что государство давало право иноверия своим подданным, но выглядело как некоторое послабление принципа единоверия во избежание бессмысленного религиозного кровопролития.

В своей критике работы А.Г. Вульфiusа «Очерки по истории идеи веротерпимости и религиозной свободы в XVIII веке. Вольтер, Монтескье, Руссо. Критическое исследование» (1911) Н.И. Кареев высказывает мнение, что автор упустил из виду необходимость рассматривать труды этих мыслителей с политической точки зрения. Дело в том, что философы XVIII века относились к религии ни как к индивидуальному выбору, но как к орудию государства. «Рационализм XVIII века не был приспособлен к проникновению в психику встревоженной совести, и для него доступнее был взгляд на религию как на одну из сторон политического бытия народов»¹. Мыслители эпохи Просвещения, по мнению Кареева, пытались создать теорию рационального правления народом с учетом его религиозных верований и практик.

Несколько по-иному рассматривает связь между политикой и религией Макс Вебер: на уровне субъекта. В своей работе «Политика как призвание и профессия» (1919) Вебер высказывает идею о том, что человек, который выбирает политику сферой своей профессиональной деятельности должен быть призван к ней². Именно здесь прослеживается идея религиозного призвания как способа подтвердить свою избранность ко спасению, описанная в «Протестантской этике и духе капитализма», центральная для протестантского мировоззрения, особенно кальвинистов. «Совершенно очевидно, что в немецком слове *Beruf* и, быть может, в еще большей степени в английском *calling* наряду с другими мотивами звучит религиозный мотив – представление о поставленной Богом задаче... Следовательно, в понятии *Beruf* находит свое выражение тот центральный догмат..., который единственным средством быть угодным Богу считает не пренебрежение мирской нравственностью с высот монашеской аскезы, а исключительно выполнение

¹ Там же.

² См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия / Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 517

мирских обязанностей так, как они определяются для каждого человека его местом в жизни; тем самым эти обязанности становятся для человека его “призванием”»¹. В одной из своих работ Вебер также говорит, что современное ему правительство Германии часто ищет помощь в лице церкви, но это лишь свидетельство неразвитости политической культуры и сознания населения данной страны².

Таким образом, обоими мыслителями проводилась попытка установить связь между религией и политикой в процессах Реформации. Но в их работах эта связь прослеживается по-разному. Н.И. Кареев оценивает взаимосвязь двух сфер на макроуровне общественных отношений. Вебер рассматривает ее на уровне субъекта – политика через идею призвания, а также на уровне государства. Различные подходы к соотношению политики и религии дают возможность более полного проникновения в сущность и взаимосвязь этих двух феноменов.

Игнатьева Ольга Анатольевна

Санкт-Петербург, СПбГУ, к. соц. н., доцент, olga7919@mail.ru

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.: РОССПЭН, 2006. С. 43–44.

² См.: Вебер М. Национальное государство и народнохозяйственная политика (1895) / Вебер М. Политические работы 1895–1919. М.: Праксис, 2003. С. 38.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.И. КАРЕЕВА В АМЕРИКАНСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Дореволюционный период в истории русской социологии считается плодотворным. Будучи знакомы с развитием западных теоретических моделей, наши ученые часто их критически перерабатывали и создавали оригинальные концепции с учетом исторических, социально-экономических, социокультурных, духовных особенностей России. В начале XX века один из иностранных обозревателей связывал быстрое становление социальных наук в стране не только со сложившимися условиями, но и с природной склонностью представителей «образованного класса» к аналитическому мышлению. «Русский ум, – указывал автор, – чрезвычайно быстр и восприимчив, и он смел в поисках аргументов, ведущих к логическому заключению...»¹. Уровень научного осмысления законов функционирования и развития социальной жизни в отечественном обществознании был столь высок, что, по мнению А.Н. Медушевского, «русская социология предреволюционного периода не только находилась на уровне мировой науки в целом, но и в некоторых отношениях опережала ее»².

К «столпам» отечественной социологии того времени относится Н.И. Кареев (1850–1931 гг.) – один из важных теоретиков субъективной школы, автор одной из первых попыток осмысления истории русской социологии и ее методологических проблем, внесший существенный вклад в институционализацию социологического образования в России и т. д.³

В связи с этим интересна тема признания за рубежом вклада русского ученого в развитие социологии, а именно: зарождение

¹ Mackail J.W. Russia's gift to the world. L.: Hodder & Stoughton, 1915. P. 40

² Медушевский А.Н. История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993. С. 291

³ См. подробнее: Буланова М.Б. Модель социологического образования, разработанная Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским // Вестник РГГУ. Серия «Социология». 2009. №2. С. 113–123; Мальгаева Х.И. Теория и методология социологического знания Н.И. Кареева // Вестник Моск. Университета. 2013. Сер.18. №2. С. 167–173; Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев как историк отечественной социологии. Автореф. дисс... канд. соц. наук. Саратов, 2010; Поздеева Г.Г. Исторические взгляды Н.И. Кареева: монография. Глазов: Глазовский гос. педагог. ин-т, 2010.

традиции обращения к имени Н.И. Кареева и характер интереса западных социологов к творчеству Карееву?

Выбор нами американской социологической литературы не случаен. В 1915 году в Нью-Йорке была опубликована монография Ю. Геккера «Русская социология. Вклад в историю социологической мысли и теории», которая внесла вклад в популяризацию русской науки об обществе за рубежом. (В своей рецензии на эту книгу Н.И. Кареев отмечал, что автор впервые показал американской научной общественности важный теоретический вклад русских ученых в развитие мировой социологической мысли¹). До выхода в свет этой работы представления о русской социологии на Западе носили фрагментарный характер. Они базировались на знакомстве с творчеством тех русских ученых, чьи публикации выходили на иностранных языках (в первую очередь, английском и французском) или имели переводной характер. К числу известных в то время в США авторов можно отнести анархистов П. Кропоткина и М. Бакунина, позитивистов Я. Новикова, Е. Де Роберти, М. Ковалевского и некоторых других².

Ю. Геккер впервые дал системный анализ истории русской социологии, показал ее вклад в развитие мировой социологической мысли, «открыл» одну из самых оригинальных теоретических концепций – субъективную социологию. Среди ее представителей он выделил Н.И. Кареева как представителя академического направления, стремившегося с помощью социологических исследований придать философии истории научный характер. В «Русской социологии» на основе анализа научных работ русского социолога подробно раскрываются методологические и философские основы его теоретической концепции, описывается его понимание устройства общества, природы исторического процесса, роли личности в истории и понимание социального прогресса, которое, по мнению Ю. Геккера, было главной социологической идеей Кареева³.

¹ См.: Кареев Н.И. Американская книга о «Русской социологии» // Русские записки. 1916. №4. С. 296.

² См.: The American economic review. 1916. Vol. 6. №1–2. P. 350.

³ См.: Hecker J. Russian Sociology. A contribution to the history of sociological thought and theory. N.Y.: Kelley, 1915. P. 174–202.

Монография Ю. Геккера стала отправной точкой в формировании традиции включения теоретического наследия Н.И. Кареева в сокровищницу мировой социологии. В начале XX века ряд западных исследователей социологической теории стали обращаться к творчеству Н.И. Кареева, акцентируя внимание на тех или иных аспектах его социологических идей.

Во-первых, отмечалась теория социального прогресса Кареева. Анализируя различные концептуальные подходы к выделению критериев прогрессивного развития общества, сложившиеся в общественной мысли на рубеже XIX–XX веков, А. Тодт выделял и концепции русских субъективистов П. Лаврова и Н. Кареева. Взгляды последних на критерии социального прогресса он сопоставлял с взглядами западных мыслителей либертарианского направления (J. Crozier, H. George). Формула социального прогресса, предложенная Н. Кареевым, в наибольшей степени отвечала общему методологическому подходу, согласно которому важнейшим критерием развития общества является развитие и совершенствование человеческой индивидуальности при создании равных для всех материальных и социальных условий¹. На значимость теории социального прогресса в социологической теории Н. Кареева указывал и Н. Тимашев, анализируя теоретическое содержание субъективной социологии в дореволюционной России².

Во-вторых, внимание отдельных западных историков социологии привлекла теория роли личности в истории Н.И. Кареева. Э. Эубанк, анализируя концепт индивидуальности в мировой социологической литературе, выделял ряд дореволюционных русских мыслителей, внесших существенный вклад в изучение роли и значения личности в общественной жизни. Так, наряду с упоминанием известного на Западе имени П. Кропоткина, американский исследователь отсылает читателя к теории Н.И. Кареева³.

¹ См.: Todd A. Theories of social progress: a critical study of attempts to formulate the conditions of Human advance. N.Y.: The Macmillan Company, 1918. P. 116.

² См.: An Introduction to the History of Sociology. Chicago: The University of Chicago Press, 1917. P. 442.

³ См.: Eubank E. The concepts of sociology, a treasure presenting a suggested organization of sociological theory in terms of its major concepts. Boston: Heath and Co., 1932. P. 114.

М. Лазерсон считал, что вопрос о роли личности в истории оставался центральной проблемой на протяжении всего творчества русского ученого¹.

В-третьих, социология Н. Кареева привлекала внимание в контексте борьбы марксистской и немарксистской социологии. По мнению М. Лернера, на рубеже XIX–XX веков монистическому взгляду на историю в рамках экономического детерминизма была противопоставлена идея множественной каузальности (*multiple causation*), которая объединила в острой критике марксизма представителей русской субъективной социологии (П. Лаврова, Н. Михайловского, Н. Кареева) и французских солидаристов. Воодушевленные идеями либертарианской демократии, и те, и другие обсуждали вопросы соотношения личных и безличных факторов в историческом, а индивида и общества в социальном процессе².

Основной акцент зарубежные исследователи делали на социологической теории Н.И. Кареева. Тот факт, что вклад русского ученого в становление социологической науки был значительно шире, в большинстве случаев не отражался на страницах их работ. Среди тех, кто пытался расширить представления американского читателя о творчестве Н.И. Кареева, был Н. Тимашев. Он указывал на роль ученого в решении методологических проблем социологии, отмечая, что его «Введение в изучение социологии»³ (1897) было первой попыткой в русской науке серьезного анализа социологических теорий того времени⁴.

Несмотря на возникший интерес к творчеству Н.И. Кареева в американской социологической литературе, информация носила характер кратких упоминаний об авторе и о тех или иных аспектах его теоретических взглядов, интересовавших зарубежных исследователей. Этому мешало отсутствие переводных работ русского

¹ См.: *Twentieth century sociology* / Ed. by G. Gurvitch. N.Y.: The Philos. library, 1945. P. 681.

² См.: Lerner M. *The Ideas are weapon. The History and Uses of Ideas*. N.Y.: The Viking Press, 1939. P. 496–497.

³ См.: Кареев Н. *Введение в изучение социологии*. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.

⁴ См.: *An Introduction to the History of Sociology*. P. 442.

социолога, что делало традиционными ссылки на материал, представленный в монографии Ю. Геккера «Русская социология». Однако оценка последним Н.И. Кареева как социолога, на наш взгляд, не во всем соответствовала историческим реалиям. По мнению Ю. Геккера, основные работы, в которых были выражены оригинальные социологические идеи ученого, были опубликованы в конце XIX века, а все написанное позже ничего существенного в науку об обществе не внесло¹. Неправомерно принижать значение социологической мысли Н.И. Кареева, выраженной, например, в «Историологии (Теории исторического процесса)»² (1915), где исследователь подводит итог размышлениям о сути общества и дает определение социума, достаточно сильно отличающееся от тех, что присутствуют в более ранних произведениях. То же можно сказать и о работе «Общие основы социологии»³ (1918), в которой он занимается типологизацией наук и определяет место социологии в их ряду.

Подводя итог, отметим, что в первой половине XX века, благодаря монографии Ю. Геккера «Русская социология», американская научная общественность знакомится с творчеством Н.И. Кареева. Особый интерес вызывали его теория социального прогресса, концепция роли личности в истории, а также их место в борьбе марксистского и немарксистского направлений в социологии.

Кажанов Олег Александрович

Смоленск, Смоленский государственный университет, к. филос. н., доцент,
kazhanov@bk.ru

¹ См.: Hecker J. Russian Sociology. P. 173.

² См.: Кареев Н.И. Историология. Теория исторического процесса. [Репр.] М.: Либроком, 2020.

³ См.: Кареев Н. Общие основы социологии. Пг.: Наука и школа, 1919.

РАЗДЕЛ IV

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
СОЦИОЛОГИИ
В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Н.И. КАРЕЕВА

А. Кареев

**ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ?
«ПЕРЕХОД ОТ ИСТОРИИ К СОЦИОЛОГИИ»
В ТРУДАХ Н.И. КАРЕЕВА**

В статье предполагается связь некоторых идей Н.И. Кареева с современным направлением социально-гуманитарного знания, называемым *исторической социологией*. Взгляды Кареева были близки представлениям современных исторических социологов «первой» и отчасти «второй» волн. Временем возникновения исторической социологии считаются 1960–1970-е гг., и первенство в этом вопросе отдается немецким ученым. (Дату институционализации относят к 1983 г., связывая ее с созданием секции исторической социологии в Американской социологической ассоциации). Возможно, ранний вклад в развитие будущей дисциплины внес и Н.И. Кареев.

Сказанное – гипотеза. Во-первых, для более точного ответа необходим глубокий анализ учения Н.И. Кареева с точки зрения критериев, применяемых к определению специфики дисциплины сегодня. Однако они весьма размыты и разнятся в представлениях как историков, так и социологов, хотя и те, и другие в течение десятилетий сходятся в том, что история и социология нуждаются друг в друге. Единомыслия по вопросам объединения этих наук в историческую социологию до сих пор нет ни в зарубежной, ни в отечественной науке. И, напротив, есть много взаимной критики, споров между историками и социологами. Если же говорить о России, то историзация ее социологии пока не произошла, исследований по исторической социологии – как теоретических, так и эмпирических – крайне мало. Междисциплинарные исследования в основном принадлежат историкам, а значит, акцент в них делается на историческом методе и задачах исторического, а не социологического познания. Так что почва для сравнения с точки зрения социологических критериев не представляется богатой. Во-вторых, тема Н. И. Кареева как одного из пионеров исторической социологии, работавшего задолго до появления этой дисциплины на Западе, насколько нам известно, в историко-социологической лите-

ратуре пока не стала предметом специального рассмотрения; можно встретить лишь редкие намеки на эту тему. Хотя историки довольно активно анализируют творчество Н.И. Кареева в отношении его вклада в социологию и методологию социально-гуманитарных наук¹.

Анализу вклада Кареева в другую родственную дисциплину, а именно *социальную историю*, напротив, посвящено большое количество работ. Причем, к этой теме также чаще обращались историки, нежели социологи. В качестве вклада социологов назовем сборник «Социология истории Николая Кареева», изданный к 150-летию ученого². Среди социологических работ, где уделялось бы внимание теме о связи идей Кареева с исторической социологией, назовем лишь одну. Так, В.В. Козловский вместе с И.Д. Осиповым в статье «Синтез истории и социологии в трудах Николая Кареева» делают вывод о том, что обобщающие труды Кареева «положили начало отдельной области социального знания, находящейся на стыке социологии, философии и истории – исторической социологии, или социологии истории»³. Однако эти авторы, основывая свой вывод главным образом на анализе теории Н.И. Кареева о соотношении личности и общества, роли личности в истории – теории, которая также и в интерпретации самого Н.И. Кареева свидетельствует о тесной связи истории и социологии. А также на идеях историологии Кареева.

В этой статье речь пойдет о другой концепции Кареева, давшей ученому еще один повод для обоснования необходимости и возможности синтеза истории и социологии, – о «*типологической точке зрения в изучении истории*». Насколько нам известно, этой концепции Кареева пока не уделено специального внимания в литературе. На наш взгляд, заложенные в ней цели и подходы имеют

¹ См.: Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» // Вестник архивиста. 2012. №1. С. 239–245; Малинов А.В. Теория исторического процесса Н.И. Кареева // КЛИО. 2013. №2(74). С. 23–27.

² См.: Социология истории Николая Кареева: К 150-летию со дня рождения: Межвузовский сборник / СПбГУ; Под ред. А.О. Бороноева, В.В. Козловского, И.Д. Осипова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

³ Козловский В.В., Осипов И.Д. Синтез истории и социологии в трудах Николая Кареева // Ж-л социологии и соц. антропологии. 2000. Том III. №4. С. 89.

определенную общность с основаниями исторической социологии. Необходимо учитывать, однако, что концепция Н.И. Кареева разработана средствами истории и социологии начала XX века, чем обусловлены ее особенности и отличия от современных идей, а также то, что в силу объективных причин она не получила продолжения и развития в современной науке.

Но насколько мы вообще правомочны проводить параллель между современной исторической социологией и концепциями Н.И. Кареева? Чтобы найти основания для такой параллели вкратце следует остановиться на другом вопросе: что представляет собой современная историческая социология?

Как отмечалось, и для социологов, и для историков понимание задач, структуры, объекта, методов исторической социологии и по сей день многозначно как в западной, так и в российской науке. Если говорить об отечественных авторах, то историография исторической социологии, ее основания и практическое применение в первую очередь описаны в работах историков (М.Я. Бобров, Е. А. Долгова, М.М. Кром, Б. Н. Миронов, А. В. Полетаев, И. М. Савельева, и др.) и реже социологами (М. В. Масловский¹, Н.В. Романовский², А. И. Черных³ и др.). К настоящему времени в историографии западной исторической социологии выделяют три «волны». Первую определили социологи-классики К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм и др., показав *переход европейских обществ от традиционного состояния к модерному*, выделив механизмы этого перехода, в частности в теориях революций, классовой борьбы, бюрократизации и т. д. Представителей второй волны» (1960–1980-е гг.), – Ш. Айзенштадта, Р. Бендикса, П. Бурдьё, И. Валлерстайна, С. Липсета, М. Манна, Б. Мура, Т. Скокпол, Ч. Тилли, Н. Элиаса и др. – занимало уже не

¹ См.: Масловский М.В. Историческая социология // Большая российская энциклопедия. Том 12. Москва, 2008, С. 119.

² См.: Романовский В.Н. Историческая социология в России: плоды и тревоги // Социологические исследования. 2018. №6. С. 79–90; Романовский Н.В. Историческая социология. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2009.

³ См.: Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социологические исследования. 2002. №2. С. 87–92.

социальное развитие вообще, а его *отдельные феномены* типа революций, власти, протестных движений, насилия или идентичностей, анализирувавшиеся в категориях структуры, классов, сословий, институтов, норм и интересов. Эти авторы работали в логике сравнительных моделей и типологий. По мнению И.М. Савельевой, эта волна характеризуется большей *социологичностью*, нежели историчностью, поскольку бóльшая часть социологических объяснений в ней – это «компаративы, обобщения, не темпоральные по своей логике, а основанные или на логических сравнениях нескольких кейсов... или на анализе статистических регулярностей, или на логическом отнесении конкретных случаев к широким историческим обобщениям и “всеобщим законам”»¹.

В самом деле, в 1960–1980-е гг. историческая социология понималась еще как наука о закономерностях общественного развития. В 1980 г. Т. Скокпол призывала историков и социологов к сближению: «В 1987 году одна из ведущих ученых когорты, утвердившей историческую социологию в США в 1970-е годы, Теда Скокпол на ежегодном симпозиуме Американской социологической ассоциации... призвала историков и социологов к “наведению мостов”. При этом первые должны были двинуться в сторону теории (предложенной социологами), стать более “каузальными”, менее “дескриптивными”, а вторые – сделать теорию более привязанной к месту и времени...»². Социология лишается историчности³. Пристальное внимание к пространственно-временному аспекту исторической социологии, пожалуй, возникло в связи с направлением т. н. «новой исторической социологии»,

¹ Савельева И.М. Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы // «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. / Отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М.: Совпадение, 2012. С. 121–122.

² Савельева И.М. Американская историческая социология об изменчивости и специфичности прошлого // Постнаука. 2014 [Электронный документ]. Режим доступа: <https://postnauka.ru/longreads/37740>.

³ См., например, определения исторической социологии западных словарных источников, относящихся к 1980-м гг., американского и немецкого в: Черных А.И. Историческая социология на Западе (конец XX в.) // Социологические исследования. 2002. №2. С. 87–88.

изучающей современный глобальный мир и использующей иную эпистемологию. Обобщение определений исторической социологии, данных западными учеными в 2000-е гг., приводит в своей работе В. Шпон: «...социальная теория служит основанием для связи пространственно-временного контекста, рефлексивно связана с историческими изменениями социальной реальности и занимается его структурными и случайными, постоянными и переменными, универсальными и культурными аспектами»¹².

«Третья волна» исторической социологии, представители которой (по определению И.М. Савельевой, это Р. Аминзаде, Л. Гриффин, Б. Дилл, Э. Клеменс, У. Сьюэлл, Д. Фрэнк, Дж. Хайду и др.) заявили о себе в 1990-е гг., характеризуется, напротив, преимущественной *историчностью* применяемых подходов, «столь важным для историка стремлением объяснить сложные переплетения самых разных факторов, тенденций, событий... Предлагается модель решения задач (problem solving model), по условиям которой общество не “предзадано”, а ситуативно конструируется, типологизируется, изобретается индивидом в качестве предпосылки решения проблемы»³. Главным для представителей «третьей волны» стало *исследование множества темпоральных процессов, порой случайных и непредсказуемых*. Вместо структурных и типологических моделей, характерных для социологов «второй волны», они широко используют нарративные модели объяснения, а кроме того, «радикально изменили угол зрения, поставив в центр исследований “единичное”, индивидуальное, уникальное в перспективе времени»⁴. Таков вкратце выстраиваемый историками разнообразный спектр интересов исторической социологии от ее зарождения до современности,

¹ Шпон В. Историческая и сравнительная социология в глобальном мире // Ж-л социологии и соц. антропологии. 2014. Том 17. №2. С. 56–57.

² См. также определения современных российских социологов, выделяющих в исторической социологии темпоральный аспект, в: Масловский М.В. Историческая социология. С. 119; Попов А.С. Истоки исторической социологии В.О. Ключевского // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. №28. С. 58; Романовский Н.В. Историческая социология в России: плоды и тревоги. С. 81.

³ Савельева И.М. Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы. С. 123.

⁴ Там же. С. 123-124.

знакомство с которым важно для нашей попытки ее сравнения с идеями Н.И. Кареева.

Одним из первых в российской науке ввел в обиход понятие «историческая социология» историк В.О. Ключевский, выделив это направление в корпусе исторических наук¹. Последователями стали лишь немногие историки, – П.П. Виноградов, И.В. Лучицкий, Н.А. Рожков, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, – поскольку в своей массе на рубеже XIX–XX вв. они предпочитали разделять историю и социологию, видя во второй конкурентку, претендующую вобрать в себя задачи и функции истории². Социологи же того времени часто вообще отказывали истории в праве называться наукой. За социологией признавался теоретический статус, но в отличие от истории она не апеллировала к категориям пространства и времени; история же была описательной наукой, сосредоточенной на хронологии фактов. Это разъединяло историю и социологию и требовало «наведения мостов».

Н.И. Кареев, чье творчество пришлось на время исторического перелома, стремился обозначить пути будущего развития социальных и гуманитарных наук. Развитие их теоретико-методологического арсенала Н.И. Кареев видел в синтезе наук, в междисциплинарных исследованиях, в соединении различных принципов и «частных истин» внутри каждой из наук. Помимо собственно исторических изысканий, он исследовал в обозначенном ключе теорию и методологию истории. Во-первых, в рамках теории исторического знания («историка»). Во-вторых, в рамках теории исторического процесса («историология»), основанной на синтезе различных научных принципов, «и весь вопрос заключается в том, чтобы определить ту долю истины, которая заключается в том или другом историологическом учении, и установить взаимное отношение добытых подобным путем частных истин»³.

¹ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 35.

² См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. статья, прим., И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 151–186.

³ Кареев Н.И. Политическая экономия и теория исторического процесса // Ист. обозрение. Сборник Ист. об-ва при Императорск. С.-Петербур. ун-те, изд. под ред. Н.И. Кареева. Том 2. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891. С. 111.

В рамках теории исторического процесса Н.И. Кареев ставил вопрос о синтезе истории с науками о человеке (психология, философия, биология), придавая особое значение социологии в следующих аспектах: в каком соотношении друг к другу находятся история и социология, как возможен их синтез, переход от одной к другой, каковы будут результаты. Ученый также хотел видеть встречное движение, если учесть, что социология «рассматривает общество, не как неизменное бытие, а как развивающееся явление, то мы поймем, почему историческая наука имеет особое право на внимание со стороны социологов»¹. Фактически работая над проблематикой исторической социологии, Кареев называл это по-другому. Используемые ученым термины «историология», «историка», «философия истории», «историософия», в его описаниях имели видимые коннотации определений исторической социологии. Историю Н.И. Кареев считал наукой о конкретном, «идиографической», или «феноменологической», а социологию – «чистой и абстрактной», т. е. «номологической». «Социология есть наука об обществе вообще и об историческом процессе, отвлеченно взятом, как он совершается везде и всегда в тех или других данных условиях»², – пишет он, полагая, что социология может дать обоснование историческим изменениям, подвести их под общие законы, «дать научную интерпретацию истории»³. С социологией (как и с психологией) Кареев связывал теоретические надежды во многих работах еще в конце XIX в.⁴, а в 1913 г. писал: «Сравнительное изучение исторических фактов представляет собою мост, перекинутый с берега истории на берег социологии. Оно может служить и задачам исторического (идиографического) знания и целям знания социологического (номологического)»⁵.

¹ Кареев Н. Введение в изучение социальных наук: Сборник статей. С.-Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1903. С. 26.

² Кареев Н.И. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. СПб.: [Санкт-Петербургск. Политехн. ин-т], 1905. С. 22–23.

³ См.: Геккер Дж.Ф. Вклад Н. Кареева в социологию // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. №3. С. 37.

⁴ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897; Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. С.-Петербург: Издание О.Н. Поповой, 1895; Кареев Н. Общие основы социологии. Пг.: Наука и школа, 1919.

⁵ Кареев Н.И. Теория исторического знания. 2-е изд.. М.: Красанд, 2010. С. 193.

Удалось ли Карееву «объединить» историю с социологией, а точнее, социологизировать историю¹, приблизив ее к исторической социологии в ее нынешнем понимании? Во времена Кареева социология еще не оперировала категориями места и времени. Но как историк Кареев, по нашему мнению, в рамках позитивистской традиции сумел применить темпоральный аспект к социологическому исследованию, «привязать» социологическую теорию к месту и времени, к чему призывала Т. Скокпол. Иными словами, Н.И. Кареев совместил темпоральность истории с теоретичностью социологии, соединив историческое описание с методом исторического сравнения и типологическим анализом, при этом придерживаясь принципов каузальности и эволюционизма, характерных для социологии его времени. Подтверждения этому, в частности, можно найти в слабо освещенной в литературе работе Н.И. Кареева «Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории», и уже в достаточно хорошо изученной книге «Историология (теория исторического процесса)»², а также в уже упоминавшейся работе В.В. Козловского и И.Д. Осипова, подробно рассматривающей синтез истории и социологии в историологии Н. А. Кареева.

Вот ряд положений отмеченной статьи. В ней Кареев опирался на социологическую, историческую и философскую задачи истории, о которых писал ранее: «Это все разные задачи, а именно задача социологическая, заключающаяся в изучении “движения человеческого общества” вообще, потом задача частно-историческая – в исследовании того, “какие силы возникали и работали” внутри отдельных народов, и, наконец, всемирно-историческая, историко-философская по преимуществу, – в изображении обще-

¹ См. интересный анализ теоретико-методологических различий между социологизацией истории и историзацией социологии в: Кром М.М. Сравнение в истории и исторической социологии: общность метода и различие дисциплинарных подходов // «Стены и мосты II»: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2013 г. / Г.Г. Ершова (отв. ред.), М.М. Кром, Б.Н. Миронов и др. М.: Академический Проект, 2014. С. 30–45.

² См.: Кареев Н. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. 1–2. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. Часть II. Историология: (Теория ист. процесса).

го хода истории человечества, постепенно объединяющегося и прогрессирующего»¹.

В курсе всеобщей истории для Политехнического института Н.И. Кареев провел типологический анализ античных «государств-городов», описывая их политическое, социальное и экономическое устройство и развитие. В развитии Спарты, Афин и Сиракуз он обнаружил много общего, несмотря на «индивидуальные черты». «Такой способ изучения истории можно назвать типологическим, поставив его в ближайшее родство с изучением сравнительно-историческим, имеющим дело не с целыми социологическим единицами, каковы государства или национальности, а с отдельными сторонами их быта, т. е. с известными категориями культурно-социальных явлений, каковы религиозные верования, формы брачных и семейных отношений, способы пользования землею и пр. и пр.»². На еще одну точку зрения, «всемирно-историческую», или «универсалистическую», Кареев встал при рассмотрении древних деспотий – Ассирии, Персии, Римской империи и др., – «последовательно объединявших под своею властью значительные части исторического мира» и испытывавших с ними взаимные культурные влияния³. В статье автор дает теоретическое обоснование типологической точке зрения и защищает от критики всемирно-историческую. Вопрос о третьей, философской точке зрения, мы оставим в стороне.

Типологическое изучение истории Кареев определяет как «занимающее середину» между изучением историческим и социологическим. Так, для историка Афины будут «единичным объектом истории», для социолога – одним из государств, «общим понятием», вне времени и места. Но между единичным объектом и общим понятием может находиться «тип государства», который Кареев называет социологическим. «Типологическое изучение, – заключает Кареев, – есть одна из дорог, ведущих от конкретного ма-

¹ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / С.-Петербург: [Брокгауз-Эфрон; Прил. к журналу «Вестник и библиотека самообразования»], 1903. С. 19.

² Кареев Н.И. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. С. 2.

³ См.: Там же.

териала истории к абстрактным формулам социологии или, пожалуй, одно из мест, где происходит встреча истории и социологии, своего рода этап на пути от индивидуального к общему»¹. «Другими словами, <типологическое изучение> это переход от истории к социологии»². Типологизация, по Карееву, – это схема, не передающая действительность как она есть, но помогающая *понимать и объяснять* ее «в порядке общих правил, пренебрегая исключениями»³. Так, черты античных политий мы встречаем и в городах-государствах других эпох.

На наш взгляд, соединив пространственно-временной аспект, свойственный историческому изучению, с социологической теоретичностью, Н.И. Кареев для своего времени навел «мосты» между двумя науками. Однако и сейчас они остаются зыбкими. И.М. Савельева о «третьей волне» исторической социологии выносит такой вердикт: «...похоже, для вторжения в “мир и время историков” социологи навели не мост, а “переправу”, поскольку ни заимствование методов исследования, ни общение в предложенном теоретическом формате, в том числе и критическая рефлексия со стороны историков, пока не кажутся возможными»⁴.

Козлова Лариса Алексеевна

Москва, Институт социологии ФНИСЦ РАН, к. соц. н.,
ведущий научн. сотрудник, LarissaKozlova@yandex.ru

¹ Там же. С. 5–6.

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 7.

⁴ Савельева И.М. Историческая социология и социальная история в XXI веке: мосты и переправы. С. 126.

О СОВРЕМЕННОСТИ НЕКОТОРЫХ МЕТАСОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ Н.И. КАРЕЕВА

Н.И. Кареева можно считать социологом в чистом виде только в одном случае – как метасоциолога. Сегодня такой взгляд не должен вызывать возражений, потому что метасоциология стала вполне легитимным элементом в структуре социологического знания. Оговорюсь, что в данном случае я не провожу различия между метасоциологией (термин, сегодня активно применяемый благодаря Ритцеру¹), рефлексивной социологией², социологической эпистемологией или методологией (в значении учения о методе) и критикой³.

Кареев пытался внести вклад в решение ряда ключевых метасоциологических проблем. И. Голосенко отмечает: «Кареев был первым, кто стал заниматься у нас конструктивно-типологическим анализом, также значительно раньше неокантианцев он стал выяснять особенности обобщения в исторической сфере и других сферах бытия (предваряя знаменитый спор о “номотетических” и “идиографических” методах)»⁴. Хотя чаще Кареев писал об общеметодологических проблемах социальных и гуманитарных наук, им фиксировалась необходимость обратить внимание на методологию социологической науки в частности⁵. Характерно, что в своих рассуждениях порой он вставал на позицию даже не над наукой, а над методологией науки. При этом, очевидно, что пери-

¹ См.: Ritzer G. *Metatheorizing: Key Issues in Sociological Theory*. California and London, SAGE Publications, Newbury Park, 1992.

² См. напр.: Юдин Г.Б. Рефлексивная социология между действительностью и недействительностью // *Социологический журнал*. 2009. №3. С. 96–117.

³ См.: Куклин Г.А. Структура рефлексивного анализа в истории социологии // *Клио*. 2015. №10 (106). С. 9-13. В этой работе я предлагаю трехчастную модель этого уровня социологического знания, включающую метасоциологию, рефлексивную социологию и социальную критику.

⁴ [Голосенко И.А. Предисловие. Историко-социологические взгляды Н.И. Кареева] / Н.И. Кареев. // *Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. ст., прим. И.А. Голосенко* СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 5.

⁵ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии] / Отв. ред., предисл. и сост. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 226.

од творчества историка – скорее соответствует исторической стадии ухода от универсальной науки к спецификации, завершением периода которой вновь становится появление метанаук как институциональных механизмов для новой междисциплинарности. Отсюда не стоит преувеличивать значимость «предвосхищения» Кареевым некоторых идей последующих лет.

Кроме того, Кареев еще в ряде пунктов своей научной биографии связан с самим духом метаисследований. Во-первых, это касается пристального внимания ученого ко всему спектру мысли, так или иначе касающемуся основного предмета его научных поисков. Например, редко кто вспоминает сегодня его достаточно объемный разбор историософии русской литературы и в частности Толстого¹ или рукопись «Французская революция в историческом романе»². Во-вторых, это страсть Кареева к «историям»: начиная от совсем ранней и незавершенной статьи об истории лингвистики³ и заканчивая очерком об историках Французской революции⁴. В-третьих, Кареев всю жизнь активно откликался на работы множества современников, пытался охватить всю современную ему социологическую литературу, став автором первого ее указателя. Были здесь и просчеты. В этой связи любопытна беглая критика Кареевым общей методологии Дюркгейма, которую русский ученый вряд ли до конца понял: «Некоторые авторы высказывали даже мысль, что из множества индивидуальных я – членов общества складывается некоторое высшее, общественное я...» И далее: «В подобных теориях к тому же естественные отношения психологии и социологии совершенно извращаются, т. е. не общественные явления объясняются из духовных, а наоборот, общество рассматривается как бытие, порождающее другое

¹ Кареев Н. Философия истории в русской литературе / Н.И. Кареев. Собрание сочинений. Т. II. С.-Петербург: Прометей, 1912.

² Пг., 1923. Цит. по: [Золотарев В.П. Научные труды Н.И. Кареева (1917–1931)] / Н.И. Кареев // Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990. С. 366. Прим. Золотарева: этот труд написан Кареевым в 1918 г.

³ Очерки из прошедшего и настоящего науки о языке [часть 1] // Филологические записки. Воронеж. 1873. Вып. 1. С. 2–22.

⁴ Историки Французской революции: В 4 т. // НИОР РГБ. Н.И. Кареев. Ф. 119. П. 36. Д. 1–16. Л. 1–268. Цит. по: [Золотарев В.П. Научные труды Н.И. Кареева (1917–1931)] / Н.И. Кареев // Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990. С. 366.

другое бытие...»¹. Так же Кареев не угадал в своем выборе спенсеровой модели наук, предпочтя ее контовской. Еще при жизни Кареева тот же Дюркгейм в «Элементарных формах религиозной жизни» показал, как социальные процессы могут формировать психические структуры.

Второй момент, который следует предварительно уточнить, – это понятие современности. В этом тексте я бы хотел предложить структуру анализа актуальности идей Кареева, отталкиваясь от трех основных смыслов категории «современность» с добавлением еще одного смыслового разворота: современность как культурно-философская парадигма модерна, современность как повседневность сегодняшнего дня, современность как положительная оценка и, как добавление, ракурс проблематики определения границы между современной и несовременной социологией.

С точки зрения первого смысла, что такое модерн? Прежде всего, это характеристика определенной культуры (мировоззрения и практик), включающая: историческое сознание (идея истории, а затем и прогресса); сочетание идеи человека-демиурга (управление вещами) и законообразности устройства мироздания. Наиболее глубоко сущность модерна показал Хайдеггер, возведя его принципы к общей идее *пред-*ставленности мышления, появлению «субъекта». Отсюда эта идея сразу раскрывается в двух направлениях. С точки зрения времени, если вещи представлены человеку, как и он сам, если он начинает в их отношении проектную деятельность, то обнаруживается различие между синхроническим и диахроническим. Возникает история. С точки зрения бытия, оказывается, что вещи конструируемы, а значит одновременно структурны и управляемы. В другой плоскости историчность и участие в истории с одной стороны, структурность и управляемость с другой, дают раскол, вокруг которого возник т. н. дискурс о модерне, наиболее ярко выраженный в споре между Юргеном Хабермасом и Мишелем Фуко², дискуссии о таинственном соединении в модерне свободы и порядка. Для социологии

¹ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 147.

² См. по этому поводу: Фурс В.Н. Социальная философия в непопулярном изложении. Вильнюс: ЕГУ, 2006.

эта различие становится полюсностью структуры и действия. Ему соответствует и соединение в научной практике исследования реальности и создания новой реальности. При том, что в самом исследовании сочетаются относительно автономные сферы логического описания и эмпирической проверки. Наука здесь структурно становится тем же в отношении философии, чем магия является по отношению к религии.

Кареев – безусловный модернист, поскольку позитивист. Более того, его субъективистские дополнения к позитивизму контовского «Курса» в сущности продиктованы вышеприведенной дихотомией порядка и свободы. (Здесь важно отметить как Кареев продолжает неверно, вслед за Контом, критически употреблять термин «метафизика»¹. Это схоже с «коррекцией» Марксом категории идеологии. Метафизику – у Канта, который придал философский смысл этой искусственной словоформе, – образует любое высказывание о сущности вещей. Это ограничение для притязаний высказываний науки на онтологическую исключительность. Которую и постулирует позитивизм, при этом подменяя философский смысл понятия метафизического, используя его скорее в значении мистического). Позитивизм Кареева заключается в самых основаниях философских посылок его рассуждений о методологии науки, прежде всего в том, что он утверждает эмпирическую природу синтетических суждений². Но есть и более сложные места: «Такие (экзистенциальные, как их можно было бы назвать) суждения в науке необходимы, неизбежны, и притом необходимы и в отрицательной форме, когда заявляется о несуществовании чего-либо, признающего тем не менее за реальность, но все содержание науки заключается в суждениях, в которых сказуемое сообщает нечто большее, нежели простое существование»³. Здесь

¹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 69.

² См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии / Подгот. текста и комм. А.В. Малинова, Е.А. Долговой // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. №3. С. 335.

³ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 4. Непосредственное наблюдение и констатация фактов в гуманитарных науках / Подгот. текста В.В. Слисковой, Е.А. Долговой, А.В. Малинова // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. №2. С. 77.

одновременно утверждается онтологическая прерогатива науки, реальность вне науки и, при этом, кантианское постулирование сущности науки в исследовании связей, то есть известное ограничение науки. Таким образом, в центре методологического творчества Кареева, как позитивиста, оказываются центральные для модерна темы: возможности познания и определение роли исследователя в исследовании. Сам характер творчества Кареева современный – это стремление к систематизации, типологизации, созданию структур. В этих смыслах он «современен».

При этом метасоциология Кареева, его рассуждения о социологии сегодня производят странное впечатление. Их странность – в их современности во втором указанном смысле этого слова, как обыденного, пошлого. К примеру, многие формулировки «Введения в изучение социологии» мало чем отличаются от формулировок среднего современного учебника по социологии или истории социологии. Темы, поднимаемые Кареевым, не потеряли своей актуальности в смысле банальности: парадигмальный статус социологии, предмет социологии, этика социологического исследования, междисциплинарность. Например: «Среди самих социологов не установилось еще никакого общепринятого взгляда на предмет, задачу, содержание, расчленение, метод социологии, на ее отношение к психологии, к истории, к политике, к юриспруденции, к экономике, к этике и по массе других вопросов»¹. Это, прежде всего, связано с тем, что сегодня, как и во время самого Кареева, мы имеем дело в основном с достаточно бесхитростным обобщением западных текстов после периода отсутствия гуманитарной науки как таковой. Отчасти благодаря конструкциям диамата, отчасти естественно и без подготовки отвечая на вызовы постмодерна, мы оказались в ситуации повторения идей начала XX века. Основной риторической формой социологического дискурса оказывается «С одной стороны..., с другой стороны...», а сам он превращается в символическую жвачку. Характерна и следующая деталь: Кареев сетовал на то, что в России на тот момент не был пе-

¹ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук [Предисловие; Глава 3. Гуманитарные науки, их классификация и методология] / Подгот. текста и предисл. А.В. Малинова // Вече. 2011. №22. С. 157.

реведен «Курс позитивной философии» Конта¹. Мы и сегодня не имеем этого текста на русском языке. Любопытно и совпадение исторических моментов рецепции. Когда Кареев фиксировал медленное развитие социологии («за сто лет ничего не поменялось»²), уже активно работали Дюркгейм, Вебер, Зиммель, формулировались важнейшие и сегодня аналитические оппозиции. Кареев не смог оценить глубину этих открытий, так же, как и куда более «продвинутый» Сорокин. Это очевидно: мы не видим параллельного нам самим. Сегодня можно обнаружить то же самое. Идеи современной философии и социологии возвращают нас в мир реальных вещей: мы вновь открываем истину религии, онтологическую глубину народной традиции, реальность искусства, непереваемость, а точнее непостижимую переводимость языка, трагическую реальность геополитики и прочее. В самой же социологии мы продолжаем стремиться к «нормальности» в куновском смысле. В этом плане Кареев пугающе современен, и если это можно считать комплиментом ему, то уж никак не нашему сегодняшнему дню.

Современным мы так же называем то, что считаем положительно своевременным или свежим, связанным с чувством ценности нового как более чистого или более удобного. В современности такого типа присутствует и надежда. Такая современность во многом противостоит современности как повседневности. Читая Кареева сегодня, в области метасоциологии можно выделить ряд таких свежих позиций. Часто их приходится «вытаскивать» из кареевского текста. Эти элементы можно разделить на собственно метасоциологические и смежные. К первым можно отнести:

- Идея этической точки зрения³ как необходимой оптики в исследовательском процессе в отношении человеческого мира. Важно в этой связи подробнее рассмотреть т. н. «законный»⁴ субъективизм, предполагаемый Кареевым в изуче-

¹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 14.

² См.: Там же. С. 21.

³ Там же. С. 67–68.

⁴ Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Ч. 1–2. 2-е изд., перераб. С.-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1887. Часть I. Сущность и задачи философии истории. С. 234–264.

нии общественных явлений. Здесь нужно развести два пункта: этическую точку зрения ученого и субъективизм как принцип процедуры понимания. Сам Кареев ясно эти вещи (конечно, связанные) не разводил. Кстати, здесь имеет место двойной смысл (нормативность и естественность) идеи «законности». В первом случае «Становясь на точку зрения личности и признавая законность творчества общественных идеалов, и субъективисты находят возможным говорить об историческом прогрессе или регрессе, вкладывая в эти слова смысл известного рода оценки»¹. Такая позиция позже оказалась неизбежной в связи с интеллектуальной оценкой социальных трагедий XX века, например, франкфуртской школой или левыми американскими и французскими теоретиками. Отсюда ведут традиция критическая теория общества и идеи критической социологии. И если Кареев говорил об этике в связи с идеей прогресса, то более современные авторы уже мыслили здесь способы избежать повторения определенных процессов. Во втором случае, «Понять падение камня не то, что понять движения радующегося чему-то человека: в последнем случае понять, значит пережить чужой внутренний опыт, уловить внутреннюю связь с вызвавшей его причиной, с вызванным им действием, словом, стать на чужую точку зрения или разделить чужое состояние духа»². И далее: «...понять чужое душевное настроение значит им проникнуться, а этого нельзя сделать, не отнесшись к нему с сочувствием или несочувствием; равным образом понять чужую оценку состояния общества и хода истории значит принять ее или ей противопоставить свою. Таким образом исторические факты вызывают нас необходимо на субъективное к себе отношение даже тогда, когда мы не находимся случайно в особом к ним отношении, как члены известного общественного союза, как представители известного направления»³.

¹ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 384.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. С. 239–240.

³ Там же. С. 245.

Отмечу, что эти мысли Кареевым высказаны несколько определеннее и позже в работе «История с философской точки зрения», нежели в статье «О субъективизме в социологии», поэтому цитаты я привожу оттуда. Тем не менее, точно те же мысли по существу, у Кареева повторяются в тексте последней¹, и касаются социологии.

При этом критерием, отделяющим законный субъективизм от пристрастия Кареев называл саму человеческую личность. Это место является одним из наиболее темных в текстах Кареева и в сущности обращает мысль в сторону идей субъекта и свободы. По мысли Кареева, отбросив последовательно влияния социальных союзов, нужно «за главный объект, за верховный принцип социальной науки признать не ту или иную социальную форму... не тот или другой продукт человеческой деятельности..., а человеческую личность, посредством и для которой существует все изучаемое в социологии... ..Социолог должен выступить прежде всего, как человеческая личность, свободная от всяких пристрастий..., и – что еще важнее – свободная от произвольного возведения в принцип одного какого-то социального явления...; тогда главным предметом его изучения должна сделаться личность... мыслящая, чувствующая, желающая и тем самым требующая, чтобы быть понятой, симпатичного, а не апатичного к себе отношения. Выбор ее в главный объект социологии не произволен – это самое реальное существо...»². Очевидно, что принцип этот с одной стороны, совсем не ясен (Кареев сводит его к некой самоочевидности), с другой – также ограничителен, так как и личность – есть представление, связанное с определенным мирозерцанием, если пользоваться терминологией самого Кареева.

Третьим пунктом кареевской «метасоциологии» является ограничение субъективности исследователя. Кареев разли-

¹ См.: Кареев Н.И. О субъективизме в социологии // Кареев Н.И. Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии]. С. 513–526.

² Там же. С. 523.

чает эмоциональную и этическую субъективность¹ (есть еще один вариант, менее удачный: случайная и необходимая субъективность²). «...Нужно устранять влияние среды, нужно освободиться от тех определяющих субъективность влияний, которые препятствуют объективному познанию»³.

Есть у Кареева и еще один пункт рассуждений о субъективизме, на мой взгляд, наиболее интересный. Он связан с первыми двумя, но содержит нечто новое. Он пишет: «...самое безличие есть не что иное, как очень крупная односторонность, ограниченность, т. е. опять-таки некоторое, хотя и отрицательное, определение субъекта. \diamond ...определение индифферентный имеет такую же силу, как католический, консервативный, славянофильский, либеральный и т. п.»⁴ В этом принципе в сочетании с подходом к исследованию личности личностью же проявляется элемент принципиальной свободы самого исследователя, свободы, понятой как открытость себя перед своим отношением к миру и, отсюда, свободы от самой «научности».

- Идея нормативного характера объективистских теорий, в которых «известного рода требование определяется общественным благом как целью, и это требование предъявляется человеку, как норма его социального поведения»⁵. Любопытно, что эту мысль Кареев обращает в том числе против экономического материализма, хотя позже именно левые теоретики сделали ее центральной в критике т. н. гранд-теорий и критической социологии, о которой шла речь выше. Тем не менее, к сожалению, в этом и состоит основное противоречие марксистского учения: его этический пафос противоречит пафосу научному. Отметим в связи с этим и еще одно замечание Кареева: «...популярность теории [экономического материализма] у людей, которые

¹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 394.

² См.: Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. С. 237.

³ Кареев Н.И. О субъективизме в социологии. С. 513.

⁴ Там же.

⁵ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 70–71.

ценят ее по чисто практическим соображениям»¹. И: «Наконец, и в изучении хозяйственной жизни одно дело понимание естественного хода вещей, другое – теоретическая разработка экономического идеала, что мы и видим в социализме»². Здесь Кареев связывает эту сторону социалистического учения с различием между двумя направлениями теории: сущего и должного. Кареев также отмечает: «Недаром мы все проявления борьбы за существование... относим на счет дурного устройства общества. Недаром также идеалом общественного устройства мы признаем полную солидарность... и в этом смысле принимаем за образец солидарность, существующую между отдельными частями организма...»³. И далее: «Эта нравственная солидарность, полное осуществление которой составляет основной идеал всех теоретиков и практиков общественной реформы...»⁴. Кареев обнаруживает противоречие социологических «законов» и общественных идеалов.

Ряд замечаний о нормативности знания Кареев делает в «Общей методологии гуманитарных наук». Так, он фиксирует нормативность т. н. общих законов, содержащуюся в природе человеческого мышления. Мы можем мыслить противоречие, тем самым допуская его реальность, но не следуя ему тем не менее⁵. Человек выбирает логичность. Закон противоречия, по Карееву, «...следовало бы называть законом непротиворечия или непозволительности противоречия»⁶. Кареев также вспоминает в этом смысле то, что само слово «закон» пришло в естественные науки из права и имело нормативный смысл⁷, о чем уже шла речь при рассмотрении т. н. «законного субъективизма».

¹ Там же. С. 129.

² Кареев Н.И. Теоретические гуманитарные науки (фрагменты главы VI рукописи «Общая методология гуманитарных наук») / [Подгот. текста А.В. Малинова, Е.А. Долговой] // Социологические исследования №8, 2020. С. 132.

³ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 112–113.

⁴ Там же.

⁵ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 335.

⁶ Там же.

⁷ См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 3. С. 170.

– Ряд замечаний относительно так называемого «самонаблюдения». Здесь стоит разделить социальное и социологическое самонаблюдение. В отношении первого Кареев пишет: «Не в одной еще стране в сознание всего населения еще не вошло отношение к собиранию статистических сведений, как к массовому самонаблюдению, каковым бы оно должно было быть, чтобы результаты были полными и точными»¹. Здесь чувствуется протоидея социальной рефлексивности. Не случайно Кареев со вниманием относился к идеям Фуллье об обществе, как сознающим себя организму и скрепляющим себя посредством договора². Кареев также осознавал структурную особенность социальных изменений, связанную с влиянием последствий действий. Характеризуя каузальные и эволюционные законы общества, он отмечает, что они «образуют все вперед и вперед идущие цепи из причин и следствий с превращением самих следствий в причины дальнейших новых следствий...»³.

С точки зрения методологических возможностей описания явлений субъективного опыта, Кареев считает «...самонаблюдение основным методом при изучении душевных явлений, потому что душевные явления даны нам непосредственно только в нашем собственном внутреннем опыте...»⁴. Только через самонаблюдение ученый может провести операцию «понимания» в идиографической науке. Это схоже с феноменами переноса в психоанализе или поздним социоанализом Бурдьё. В этом контексте также любопытно заблуждение Кареева относительно критикуемой Контом способности человека к наблюдению за мышлением. Кареев здесь пытается решить философскую проблему посредством научного факта, на самом деле просто добавляя к сказанному новый «черный ящик»⁵. Никакое знание факта сознательности не может помочь помыслить

¹ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 4. С. 70.

² См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 104–105.

³ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 352.

⁴ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 360.

⁵ См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 360.

само рождение мысли. Мы можем мыслить только уже появившуюся мысль. Кареев путает здесь самонаблюдение вообще с конкретно самонаблюдением за мышлением; возможно это даже невольная оговорка, которую сам автор исправил бы в окончательном тексте рукописи, если бы таковой состоялся. Тем не менее, здесь очень важно зафиксировать понимаемое Кареевым четкое расхождение с позицией Конта относительно самонаблюдения¹, которое дает возможность для всей последующей метасоциологии.

- Упоминание такого раздела науки, как «научная критика», которая «должна пользоваться теми же методами рассуждения, наблюдения и экспериментации, какими пользуется и научное исследование. Только последние направлены на самое действительность, а первая на действительное познание этой действительности»². Ранее Кареев пишет: «Критическая проверка достоверности чужих свидетельств обязательна не в одной исторической науке, но и в других»³. Ученый в данном случае ориентируется на традицию исторической критики в рамках источниковедения⁴. Но это не только метафора. Кареев через критику (хотя это скорее вежливое обхождение стороной) солипсизма, выводит необходимость считаться с «чужой одушевленностью» в самой науке, считаться, но не отвергать на основании идеи ее невозможности для познания, все, что мы «знаем» от других. Отсюда «свидетельства» в данном случае означают не исторический материал, а эпистемологическую общую категорию для любого знания, не добытого непосредственно самим ученым. Кареев в этом же смысле говорит в сущности о процедуре фальсификации, только не выделяя ее как-то особо. «...и в экспериментальных [науках], где каждый новый физический “опыт” тотчас же проделывается специалистами. Да и в естествознании наблюдательного характера,

¹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 383.

² Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 363.

³ Там же.

⁴ См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 4. С. 73–74.

когда, например, заявление одного астронома об открытой им комете, малой планете и т. д. заставляет других астрономов направлять свои трубы на определенную часть небесной сферы»¹. Далее Кареев говорит о «проверенности» как признаке науки и в плане содержания, и в плане формы, то есть метода², что вполне соответствует программе метасоциологии П. Фюрфи, созданной несколько в Штатах³. Кареев также отмечает допустимые в науке различия в характерах ученых, что предопределяет их критический интерес⁴. Выделяется гиперкритика, противоположная излишней доверчивости⁵.

- Элементы, связанные с неоднозначным статусом социологии и социальных явлений. Так, говоря о девинации, «...вводящей в область своего рода интуитивного знания, т. е. руководимого более чутьем, тактом, вкусом, нежели логическими умозаключениями»⁶, Кареев уже на уровне методологии исследования пытается найти место для творческой личности ученого в социальных науках. Еще: «В этом воспроизведении действительности для научных целей известную роль играет воображение, без которого идиографическое знание обойтись не может»⁷. Несмотря на то, что Кареев социологию относил к номологическим дисциплинам, его замечания относительно наук идеографических весьма точны. Простой перенос их в область идеографической части социологии снимает многие вопросы. Кроме того, Кареев признает деление наук условным и то, что часто отнесение науки к определенному типу зависит от характера конкретного исследования⁸. В третьей главе «Общей методологии гуманитарных наук» Кареев сначала утверждает

¹Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 363.

² См.: Там же. С. 363–364

³ См.: Furfey P.H. The Scope and Method of Sociology. A Metasociological Treatise. New York, Cooper Square Publishers, 1965.

⁴ См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 4. С. 74.

⁵ См.: Там же.

⁶ Там же. С. 75

⁷ Там же. С. 82-83.

⁸ См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 3. С. 155–156.

строго номологический характер социологии («...идиографическим соответствием которой является история»¹), а затем говорит о втором полюсе социологического знания – исследовании «самостоятельных, хотя и очень сложных целых, или индивидуальностей вроде русского государства, римского права, английского народного хозяйства... Это изучение – идиографическое, только направленное на некоторые части и стороны предметов, взятые искусственно в качестве самостоятельных целых»². Кареев подчеркивает номиналистическую атрибуцию, но выделяет эти феномены как социологические. При этом изучение религии и искусства Кареев уже относит к другим наукам. Здесь важно вспомнить о его, как считают некоторые авторы, первом употреблении термина «культурология»³. Во многом, подход Кареева к таким смежным явлениям был более верен с точки зрения добросовестности познания (как и подход Парето, например), но не так эффективен с точки зрения институциональных процессов в самой социологии. Куда более продуктивным стало объявление религии и искусства социальными феноменами.

- Размышления о непротиворечивости позитивизма и субъективизма. Это общее место, но Кареев понимал и предполагал соединение в социологии позитивизма с субъективизмом (в сущности, веберизмом), что и стало действительным путем развития социологии.

К элементам творчества Кареева, смежным с метасоциологией и так или иначе связывающим ученого с современностью, можно отнести следующее:

- Включение в предметную область социологии т. н. мирозерцания⁴. Сегодня эта сторона социологического многообразия кажется несправедливо маргинализованной в рамках общего дискурса универсализма и утилитаризма. Кате-

¹ Там же. С. 157.

² Там же. С. 160.

³ [Голосенко И.А. Предисловие. Историко-социологические взгляды Н.И. Кареева]. С. 20.

⁴ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 24.

гория мирозерцания близка тому, что мы сегодня философски не совсем корректно называем картиной мира. Кареев включал в предмет социологии широкий спектр явлений (помимо политики, экономики и права – язык, нравы и обычаи, религию, искусство) и, через категорию «мирозерцания» – образы мышления социального мира.

- Различные вариации осмысления морфологического анализа общественных явлений. Эту тему Кареев затрагивает очень часто, так как она лежит и в центре исторической методологии. Это вытекающая из различия синхронического и диахронического времени (а отсюда известное разделение сравнительного и эволюционного метода у самого Кареева¹) идея морфологии как анализа пресловутых «элементарных форм». «Сходные явления могут возникать и при отсутствии общего источника или без помощи заимствований»². И далее: «...обнаружение сходств в тех случаях, когда и речи быть не может об общем источнике или заимствовании, всегда является первым шагом к установлению какого-либо социологического закона»³. Кареев воспроизводит миллевскую формулу индукции, смысл которой в том, чтобы установить единство явления для разных случаев его проявления⁴. Вот что отмечает Кареев: «В настоящее время социологическая литература пользуется вот каким приемом: берется какая-либо частная эволюция (эволюция брака и семьи, эволюция общественной власти и государства, эволюция собственности и разделения труда и т. д.) и изучается на фактах, взятых из истории разных стран и народов, живших в разные эпохи, причем отмечаются пункты сходства и различия...»⁵. Ошибкой здесь является употребление термина «эволюция». Современная Карееву социология стала обращать внимание на вневременные инварианты социальных отношений, делая их базовыми

¹ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 328, 354.

² Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 78.

³ Там же.

⁴ См.: Там же. С. 237.

⁵ Там же. С. 259.

элементами социальных отношений как таковых. (А социальная теория, воспользовавшись идеей реальности *sui generis* стала говорить и о таковой, «элементарной» сущности этих явлений; сущность явлений свелась к социальным примитивам). Так, сравнительный метод, по Карееву, «обнаруживает параллелизмы в развитии культурных состояний и форм, которые, в свою очередь, скрывают под собою эволюционные закономерности»¹. Но сравнительный метод, напротив, показал, что базовые формы социальной жизни не эволюционируют. Более того, именно морфология стала основой глобального культурологического скепсиса в отношении прогресса. Сам Кареев намеком указывает на значимость сравнения в случае выяснения социальных универсалий: «Историческое изучение предполагает, что факты, составляющие научный материал, берутся приуроченными к известным местностям и периодам времени (в чем и заключается идиографичность исторической науки), тогда как доисторический быт изучается больше, как некоторое общее всему человечеству исходное состояние (социологически) и почти исключительно на основании этнографического материала, в котором значение имеют и наблюдения над жизнью современных дикарей...»². Другое дело, что Кареев не связывает эти исходные состояния с современностью, в отличие от того же Дюркгейма.

- Литературные реминисценции. Помимо раннего интереса Кареева к филологии, известны его достаточно свободные обращения с терминологией. Отчасти в связи с тем, что эти вопросы были у нас или слабо разработаны, или просто заимствованы, ученый часто пытался одновременно с внесением ясности русифицировать некоторые аспекты логики и методологии науки. Он пользуется термином «догадки» (вместо гипотез) и «угадывания» (вместо дивинаций)³, хотя не настаивает на этом, как бы предлагая альтернативы.

¹ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 354.

² Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 4. С. 84.

³ См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 341–342.

Индукцию часто называет наведением¹. Предлагает различать «неповторяемость» и «невозвратимость»². Обращает внимание на некорректность смысла немецкой кальки «закономерность» и предлагает употреблять термин «законосообразность»³. Предлагает заменить контовские, заимствованные из механики, имена «статистических» и «динамических» законов на «синхронические» и «консекутивные»⁴. И многое другое.

В контексте давней связи ученого с филологией, важно и следующее замечание Кареева: «Филологические науки заключают в себе громадный психологический материал. Между ними и психологией желательно было бы более тесное общение»⁵. Это замечание справедливо фиксирует глубинную связь, лучше всех, наверное, выраженную в XX веке Лаканом, между психикой и дискурсом. Кареев здесь чувствует центральную для гуманитарных наук будущего тайну, открытую по-разному Ницше и Фрейдом.

- Элементы системной теории, формулируемые Кареевым в критике механистических и организменных аналогий общества, прежде всего у Спенсера⁶, с позиции действия индивидов. Кареев, отмечая противоречие органической аналогии и индивидуализма в творчестве Спенсера, явно предполагал иным образом выстроенную теорию общества, скорее согласованную с понятием личности и идеями Н.К. Михайловского. «...Не в интеграции общества, сопровождаемой дифференциацией его членов, видит он этот прогресс, а в постепенном увеличении целостности индивидуумов, причем разделение труда (дифференциация) должно быть возможно большим между органами индивидуума и возможно меньшим между самими индивидуумами»⁷. Сегод-

¹ См. напр.: Там же. С. 336.

² См.: Там же. С. 350.

³ См.: Там же. С. 350.

⁴ См.: Там же. С. 352.

⁵ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 3. С. 161.

⁶ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 90–91.

⁷ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 100.

ня мы видим тенденцию к возвращению универсального человека, так что эти идеи вряд ли можно назвать архаическими в своей сути. Другое дело, видим ли мы в новом человеке личность в столь высоком смысле, который вкладывали в это понятие русские субъективисты.

- Разделение Кареевым мира фактов на культурные и прагматические¹ не оригинально, но интересно сегодня. Это разделение (особенно в связи с религией; Кареев так же говорит и о науке) схоже с подходом Парето, разделившим мыслимое на остатки и деривации примерно в то же время. Конечно, Кареев ограничивается намеками, в то время как итальянец глубоко разрабатывает проблематику гуманитарной феноменологии. Важнее всего здесь то, что Кареев не указал на принципиально описательную природу культуры; в его изложении разделение двух родов фактов происходит скорее по принципу уровня абстракции. Хотя Кареев в другом месте приводит уже тройную модель: идеи, реальные отношения и формы². С другой стороны, Кареев предлагает иной ракурс с точки зрения онтологии: для него стиль, форма правления или мода на шляпы существуют, а не являются просто фикциями, теоретическими обобщениями. Скорее, это ближе соотносится с соссюрдовским различием языка и речи. В этом же смысле Кареев относил феномены различных общностей (культурных, языковых, религиозных, литературных, национальных) к реальным феноменам, которыми должна была заниматься коллективная психология. Здесь у Кареева не многообразие культуры редуцируется до психических феноменов, а, напротив, категория «психологии» значительно расширяет свой специальный смысл (в духе «психологии народов»). Важно внимание Кареева к явлениям «наиболее сложным и наименее общим»³. В этом месте, пожалуй, Кареев может оказаться «перескочившим» историю социологии и опередившим и наше вре-

¹ См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 4. С. 79–80

² См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 3. С. 161.

³ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 45.

мя в том числе. Но будет далеко не один в этом ряду. Онтологический реализм, как кажется, только готовится к своему ренессансу. Далее, разделяя культуру (как форму) и быт (как совокупность действий)¹, Кареев вплотную подходит к категории повседневности.

- Выраженное отдельными фрагментами в текстах Кареева предчувствие дальнейшего развития позитивизма в философии. Вообще, связь Кареева с философией сугубо инструментальна. Он обращался к философии в описаниях известных ему подходов к методологии истории, а затем и социологии. Методологический ракурс, интерес к философии как области разработки научной методологии, прежде всего логической, роднят Кареева с представителями философии логического позитивизма. По крайней мере, Кареев здесь неосознанно оказывается во вполне современном контексте. Так он повторяет известную формулу достоверного знания: «логическая непротиворечивость плюс эмпирическая верификация», хотя и не раскрывает этих понятий: «Никакая наука не должна находиться в противоречии ни с установленными или доказанными фактами, ни с законными требованиями логики»².
- Идеи бессознательного в психологизме Кареева. Относительно «саморазвития» и также бессознательного влияния, он, например, замечает: «...такая эволюция [саморазвитие] происходит не иначе как путем умственных, эмоциональных и волевых влияний одних людей на других, хотя бы это совершалось без всякой преднамеренности...»³. Здесь любопытно начало идеи, которая сегодня влиятельна в связи с ренессансом прагматизма: о предшествовании действия рефлексии. Или внимание Кареева к «...действиями, по своей обыденности не обращающими на себя особого внимания...»⁴. Здесь Кареев говорит о подражании, но в сущнос-

¹ Глава 4. С. 80.

² Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. С. 341.

³ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. С. 145.

⁴ Там же. С. 152–153.

ти эта категория фактов связана и с будущими открытиями в микросоциологии.

- Методологический историзм Кареева. Многочисленные высказывания ученого о возможностях применения исторического метода в социологии, роли исторической фактуры при анализе общественной жизни дают повод говорить о Карееве как о предшественнике исторической социологии¹.

Говоря о современности трудов Кареева с точки зрения границы между классической и современной социологией, и проводя эту границу в месте появления идей рефлексивности (у Парсонса как характеристики социальной системы и у интеракционистов как характеристики социального действия), можно признать, что ряд методологических идей Кареева предвосхищают социологию, которая появилась после него. А взяв во внимание сдержанность суждений и широту взгляда ученого, можно заявить и о том, что как методолог он во многом опередил того же Сорокина и других более молодых современников.

Данный обзор не является полным и представляет скорее очерк метасоциологии Кареева. Так или иначе, очевидно, что тексты Кареева соответствуют своему и нашему времени в разных плоскостях, а то, что не соответствует, скорее обусловлено исторической базой ученого и взглядом «со стороны». Важен и стиль. Голосенко вслед за критиками Кареева² отмечал тяжеловесность текстов историка. С этим можно согласиться: стиль Кареева очень мешает доставать из его текста мысли. Хотя их там достаточно.

Иоффе Гавриил Анатольевич

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, преподаватель,
gavriilioffe@yandex.ru

¹ См.: Козлова Л.А. «Переход от истории к социологии» в учении Н.И. Кареева и историческая социология // Социологические исследования. 2020. №4. С. 15–24.

² См.: [Голосенко И.А. Предисловие. Историко-социологические взгляды Н.И. Кареева]. С. 7–8.

Н.И. КАРЕЕВ О МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ: ОТ НАТУРАЛИЗМА К ЕГО КРИТИКЕ

XIX в. стал веком, когда сформировались конкретные социально-гуманитарные дисциплины – психология и социология, до этого бывшие скорее разделами философии. Их формирование сопровождалось интенсивными дискуссиями о природе и специфике гуманитарного познания и его методологии. Параллельно обострился интерес к проблемам методологии истории – гуманитарной дисциплины, которая уже существовала. В XIX в. формируются две противоположные линии в трактовке гуманитарного познания – натуралистическая и антинатуралистическая. Первая не видит принципиальных отличий гуманитарных наук от естественных. Ее можно связать с именем О. Конта, который считал, что науки о человеке и обществе просто отстали в своем развитии от естествознания и должны как можно скорее научиться перенимать методы успешно развивающихся наук. Натуралистический подход обосновывался и другим классиком – Г. Спенсером. Среди первых социологов к нему склонялись также Э. Дюркгейм и В. Парето. В XIX в. натурализм привлекал многих своей апелляцией к научным методам, к изучению «самих явлений», к очищению познания от метафизики. Противоположный подход впервые получил философское обоснование у В. Дильтея. Далее этот подход был по-своему разработан неокантианцами и Г. Зиммелем. В психологии антинатуралистическая линия была представлена интроспекционистами. В социологии – сторонниками направления понимающей социологии, ключевая роль в складывании которого принадлежит М. Веберу.

Подобная тематика обсуждается во многих работах Н.И. Кареева. Проблемы природы и специфики гуманитарных наук, а также их методологии интересовали его постоянно. В основном речь у него идет об истории и социологии, но попутно высказываются соображения и о других дисциплинах – психологии, юриспруденции и т. д. Кареев постоянно ссылается в своих трудах на Конта и Спенсера, но не упоминает ни Дильтея, ни неокантианцев,

с работами которых он, похоже, не был знаком. Ему были известны работы Дюркгейма, по крайней мере книга «О разделении общественного труда»¹, но, скорее всего, неизвестны работы более молодого Вебера. При этом в целом его интересуют те же методологические проблемы. Его анализ этих вопросов достаточно оригинален и позволяет выявить новые повороты в обсуждении знакомых проблем, стимулирует дальнейшие размышления на эти темы. При этом позиция Кареева явно двойственна: испытывая явные симпатии к научному подходу в изучении общества, он в то же время стремился выйти из тесных рамок натурализма.

Натурализм Конта и Спенсера, несомненно, повлиял на Кареева, который, как и многие его современники, не устоял перед наукообразным обаянием позитивизма. Он связывает зарождение социологии как отдельной «положительной» науки с идеей Конта о том, что общество должно изучаться так же, как природа в естествознании, что метафизический метод должен быть заменен при изучении общества естественнонаучным. Мыслитель высоко оценивает стремление Конта освободиться от метафизики и теологии и принимает всерьез претензии Конта на то, что его рассуждения об обществе свободны от всякой метафизики. Именно в этом он видел существенное отличие и преимущество позитивизма по сравнению с «экономическим материализмом» Маркса². Да и в целом, он разделяет позитивистское противопоставление науки и метафизики. Говоря о философии истории, он постоянно критикует гегелевский подход к ней как метафизический. О духовных явлениях, как говорит Кареев, мы тоже узнаем из опыта³. Поэтому исследование природы и человека осуществляется по одной схеме: от наблюдений к обобщениям и установлению законов. Возникновение социологии и позволило перейти от творчества идей к изучению самих социальных явлений.

Как и натуралисты, Кареев недооценивает специфику наблюдения и установления данных в гуманитарном познании. Он не

¹ См.: Durkheim E. De la Division du Travail social. Paris: Librairie Felix Alcan, 1911.

² См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. Изд. 3-е. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1913. С. 5–6, 14, 93–94.

³ См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. 2-е изд. с перем. С.-Петербург: Издатель, 1899. С. 107.

углубляется в эту тему, похоже, потому что не видит здесь особой проблемы: мы наблюдаем социальные явления и фиксируем их регулярные связи. Кареев признает лишь, что опыт, благодаря которому познаются духовные явления, особый – внутренний¹. А как познаются явления социальной жизни? Основной принцип натурализма выражен в знаменитой фразе Дюркгейма: «Социальные факты нужно изучать как вещи»². Карееву не нравится то, что при таком понимании, факты существуют как бы помимо индивидов, навязываются им. Но здесь есть и еще один момент, касающийся установления фактов. Изучать их как вещи – значит фиксировать их по внешним признакам, доступным для наблюдения. Кареев, как и Дюркгейм, не рассматривает проблему «понимания-что», то есть понимания того, что имеет место в том или ином случае. Можно ли только на основе внешних наблюдаемых признаков определить социальное событие как, например, лекцию и отличить ее от партийного собрания, или научной конференции? Или для определения того, что происходит, нужно обязательно учитывать мотивы участников события? Что делает лекцию лекцией? Есть основания считать, что это некие взаимные ориентации участников, а не просто их пространственное расположение и наблюдаемые движения. Но мотивы и ориентации вряд ли наблюдаемы в том же смысле. Мы легко опознаем социальные события скорее потому, что сами погружены в социальную жизнь, в тот мир значений, в рамках которого лекция является обычным рутинным событием. Такое «включенное наблюдение» – не то же, что внутренний опыт.

С другой стороны, Кареева никак нельзя назвать последовательным натуралистом. Он прямо критикует «грубый натурализм», игнорирующий личность с ее внутренней психической жизнью³. Кареев постоянно пишет об обязательности субъективного момента в гуманитарном познании – этической оценки происходящего на основе сравнения с идеалом. Здесь он следует за

¹ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 289–290.

² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: Канон, 1995. С. 40.

³ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 330–332.

русскими социологами-народниками, П.Л. Лавровым и Н.К. Михайловским, но возражает против их термина «субъективный метод». Но субъективное отношение считает необходимым. Оценка с точки зрения должного дополняет знание общих законов¹. С идеалами связана постановка целей общественной деятельности. Кареев критикует представление об общественном развитии как естественной эволюции, совершающейся помимо человеческой активности. Такой подход он видит и у Конта, и у Спенсера, и у Маркса. То же самое находит он и в метафизической философии истории Гегеля². Кареев сопротивляется отрицанию за человеческой личностью какой-либо роли в истории. При этом, когда речь заходит об отличии социально-гуманитарных наук от естественных, у него на первый план выходят этические моменты: пренебрежение к личности – тоже проявление субъективного отношения к ней, что этически неверно считать, что личность – орудие общества³. Меньше внимания обращается на чисто гносеологические отличия, связанные со спецификой субъектно-объектных отношений в различных группах наук. Хотя Кареев пишет и об этом: изучать общественные явления, игнорируя мысли, чувства, настроения личностей, с его точки зрения, ненаучно⁴. Эту тему стоило бы развить дальше. Что меняется, когда объектом изучения становится человек и общество? Мысли и чувства людей – важнейшая сторона социальной реальности. Более того, ее важнейшей частью являются и представления людей о самой этой реальности. Это принципиально меняет статус нашего знания об обществе – ведь это знание оказывается частью того, что мы пытаемся изучать. С этим связан трансцендентальный характер социально-гуманитарного познания, о котором будет сказано ниже.

Кареев настаивает на том, что духовная и социальная жизнь развиваются закономерно. Но существуют ли какие-либо принципиальные отличия законов, устанавливаемых социальными наука-

¹ См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. С. 111–112, 222–225.

² См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 22–25, 98–99; Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. С. 338–341.

³ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 326–335.

⁴ См.: Там же. С. 326–330.

ми от естественнонаучных? Кареев различает причинные и эволюционные законов. Первые касаются отдельных событий, вторые устанавливают закономерности исторического процесса в целом. Он писал, что социология не должна заниматься только эволюционными законами¹. С другой стороны, рассуждая о методе социологии, Кареев утверждал, что метод «изолирующей дедукции» (гипотетический) не может объяснить социальные явления во всей сложности, так как годится для рассмотрения отдельных причинных связей. Он хорош в конкретных социальных науках. Для социологии лучше подходит индуктивно-сравнительный метод². Думается, что тогда вряд ли стоит ждать от социологии установления причинных законов. Она будет давать нам в лучшем случае эволюционные: сравнивая пути развития различных народов, мы будем выявлять общий порядок такого развития. Тем не менее, в работах Кареева все время идет речь о важности установления причинных законов.

Именно на знании таких законов основана успешная практическая деятельность. Здесь мыслитель не видит особого отличия наук о человеке и обществе от естественных. Практическая деятельность по отношению к природе может быть основана лишь на знании законов физики, химии и т. д. Мы используем эти законы как средство достижения наших практических целей. Точно так же нужно действовать и в истории – найти в законах средства для достижения наших идеалов³. В работах Кареева постоянно проводится мысль о том, что дисциплиной, которая сможет дать объяснение (видимо, причинное) человеческим действиям и взаимодействиям, должна стать коллективная психология. Нужна, пишет он, теория причинности человеческих дел на основе коллективной психологии. Она сможет объяснить взаимное воздействие людей друг на друга⁴. Тут можно задать вопрос: а сводятся ли законы социальной жизни к этому взаимному воздействию? Не будет ли та-

¹ См.: Там же. С. 143–144.

² См.: Там же. С. 145, 200–202, 211–213.

³ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 231–234; Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. С. 180.

⁴ См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. С. 289.

кая позиция аналогична попыткам найти объяснение биологических явлений, например, в биохимии? Взаимное воздействие людей – это некий механизм, который участвует в формировании социального процесса. Так же, как биологические явления имеют своей основой биохимические процессы. Но биология к биохимии при этом не сводится. Точно так же – сводится ли социология к коллективной психологии?

Важно, кроме того, понять, что за причинные законы будут устанавливать коллективная психология и социология. Это разнообразные законы, определяющие человеческие действия. В том числе, видимо, те, которые определяют наши желания и стремления, а, значит, и идеалы. Кареев не сомневается, что воля подчинена законам, что психические процессы – это не царство свободы, а просто другой вид причинности¹. Так что в отличие от законов физики и химии, которые мы должны учитывать при достижении поставленных нами целей, причинные законы в науках о человеке будут касаться в том числе формирования самих наших целей и стремлений. Кареев признает специфику социально-гуманитарных наук лишь в том отношении, что они требуют дополнять познание субъективным отношением – оценкой с точки зрения должного. Если действительно считать человеческую личность особым объектом познания, не таким, как природа (а Кареев об этом пишет), то нужно признать и особый статус законов, которые науки о человеке могут открыть. Социально-гуманитарное познание имеет трансцендентальный характер. Кант относил к сфере трансцендентальной философии анализ всеобщих условий опыта, что определяют наш опыт даже тогда, когда мы о нем рассуждаем. Познание человеческих действий и взаимодействий имеет как раз такой характер. Мы пытаемся понять здесь то, что определяет в том числе и нашу духовную деятельность, а, значит, и постановку нами целей и идеалов.

Конечно, относительно законов физики и химии можно также сказать, что человек находится в сфере их действия. Но, к примеру, закон всемирного тяготения никак не ограничивает нашу способность его познать. А закон формирования идеологических

¹ См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. С. 149–150.

иллюзий, сформулированный Марксом и Энгельсом в «Немецкой идеологии», это делает, так как в нем причинно объясняются некоторые явления общественного сознания: каждый класс, стремящийся к господству, писали они, пытается представить свой интерес как всеобщий¹. Мы, конечно, можем попытаться найти и в этом законе средство для достижения наших идеалов. Но кто может гарантировать нам, что сами эти идеалы не являются очередной идеологической иллюзией, механизм возникновения которых объяснил Маркс? Кареев данную проблему не рассматривает: для него научный подход заведомо предполагает свободу от интересов. Пристрастность является чертой недоброкачественного «случайного» субъективизма, связанного с эмоциями или с неосознаваемым влиянием национальности, религии и т. п. От таких влияний нужно освобождаться². Но как возможно достичь такой свободы от интересов, когда объектом познания является общество, в котором социолог живет? Кареев не видит здесь серьезной проблемы, хотя она характеризует как раз специфику социально-гуманитарного познания.

Кареев был уверен, что духовную культуру изучает коллективная психология³. Видимо, она и должна будет объяснить механизм формирования человеческих целей и стремлений. Но тогда мы уже не сможем говорить о постановке целей и оценке с точки зрения идеала как вещах, независимых от причинных законов. Признание специфики социально-гуманитарного познания, если проводить его последовательно, лишает нас возможности рассматривать законы человеческой деятельности так же, как законы природных процессов – как средство достижения наших целей. Если в человеческой жизни, в том числе духовной, все так же строго закономерно, как в природе, то приписывать личности активную роль в истории сложно. Наше субъективное отношение к ходу событий тогда будет лишь закономерным порождением этого самого хода событий. Как это получалось, между прочим, в теории Маркса, постоянно критикуемой Кареевым.

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 47.

² См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. С. 225–232.

³ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 124–125.

Русский мыслитель, судя по всему, склоняется к так называемой технологической модели знания в социально-гуманитарных науках, что также характерно для натурализма. Целью познания здесь является успешная практика. Однако, социально-гуманитарные дисциплины изучают саму человеческую познавательную и практическую деятельность. Те законы, которые они формулируют, продолжают действовать и тогда, когда мы их осознаем. Общество стало бы обычным объектом познания для того, кто смог бы освободиться от своей принадлежности к нему. Он изучал бы законы поведения других как средство достижения идеалов и, например, мог бы разоблачать чужие идеологические иллюзии, будучи гарантированно избавлен от иллюзий собственных. Но кто может всерьез на это претендовать? Технологическая модель знания в гуманитарном познании стала бы реально применимой, если бы было возможно четко поделить общество на тех, кто изучает других и эффективно управляет ими на основе своих знаний, и тех, кто является объектом изучения и манипулирования. К тому же последних нужно было бы лишить доступа к знаниям о самих себе: ведь иначе у них будет оставаться возможность усваивать знание о себе и менять свое поведение.

Знание причин должно позволить нам делать предсказания для практики. Но, по Карееву, есть еще и эволюционные законы, которые определяют закономерности последовательной смены фазисов общественного развития. Социология должна предсказывать будущие фазисы эволюции. Утопизм здесь руководствуется нашими чувствами и желаниями. Но будущее, считает Кареев, можно изучать научно¹. При этом он все-таки не хочет принять точку зрения сторонников безличной эволюции, отрицающих возможность воздействия личности на ход истории. Фатализм Кареев не принимает, как и точку зрения, что личность есть пассивный продукт среды². Хотя, если эволюционные законы есть, то как мы можем влиять на ход развития общества?

Возникает важнейший вопрос соотношения причинных и эволюционных законов. Возможно, направление эволюции – всего

¹ См.: Там же. С. 234–235, 242.

² См.: Там же. С. 114–115.

лишь результат пересечения множества причинных законов, и никаких особых эволюционных законов нет? Кареев вряд ли согласился бы с такой точкой зрения. Он, в частности, видит недостаток контовской социальной динамики в том, что она не выявляет законы исторического процесса, а лишь изображает действительные (фактические) судьбы человечества¹. Следовательно, Кареев считал, что мало описать сложившуюся эволюцию общества, нужно обязательно найти управляющие ее ходом законы. Это, видимо, и сделало бы возможным научное изучение будущего. И здесь уместно поставить вопрос о том, возможно ли в принципе говорить об эволюционных законах как о законах, детерминирующих генеральное направление развития общества. Этот вопрос является одновременно вопросом о том, может ли философия истории рассматриваться как наука.

Подобные проблемы продолжали обсуждаться на протяжении всего XX в. В связи с этим можно вспомнить, например, попперовскую критику историцизма². Поппер считал, что законы науки фиксируют регулярные связи повторяющихся событий, но не последовательность смены состояний каких-то сложных систем. Например, в биологической эволюции действует множество законов, которые определяют направление эволюции конкретных видов в конкретных ситуациях. Но на общее направление эволюции влияют изменения природных условий, которые представляют собой переменную, совершенно независимую от эволюционного процесса. То же самое – и в историческом процессе: нет законов, определяющих общий ход истории. Иначе придется признать, что фоном всех наших действий и взаимодействий является некий замысел, или план, который через них реализуется. Но такая концепция будет совпадать с гегелевской, а от нее Кареев упорно дистанцируется. Он последовательно сопротивляется отрицанию роли личности в истории, но не признает никакой свободы как беспричинности: то, что кажется личной свободой, представляет собой результат действия другой причинности – психологической и биологической, которые определяют формирование личности.

¹ Там же. С. 22–25.

² См.: Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.

Социальная необходимость нарушается вторжением психологической и биологической¹. Но можно ли тогда говорить об эволюционных законах вообще? Скорее получится, что переплетение множества действий и событий, причины которых объясняют конкретные причинные законы, определяет общую линию исторического процесса.

В заключение можно сказать, что в своих рассуждениях о специфике и методологии социально-гуманитарных наук Кареев вполне в духе своего века уповает на научность положительных наук об обществе. Он искренне верит в то, что в XIX столетии в познании человека и общества наука наконец-то вытеснила метафизику, что мировоззренческие по сути вопросы, например, существует ли личность для общества, или наоборот, социология будет решать теперь на основе научных понятий. Однако Кареев прекрасно видел тупики и проблемы радикального натурализма и искал выход из них. Его не привлекали ни теория развития общества как безличной эволюции, ни игнорирование внутренней жизни личности как фактора социальной жизни, ни отказ от этической оценки социального процесса. Анализ его идей стимулирует дальнейшие размышления об особенностях тех научных дисциплин, которые берут на себя задачу изучения общества и человека.

Медведев Владимир Иванович

Санкт-Петербург, С.-Петербург. гос. морск. техн. ун-т, д. филос. н., профессор,
21medvedev.vl@gmail.com

¹ Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 313–314.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Н.И. КАРЕЕВА: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИЗНАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ФАКТОРА

Становление отечественной социологической науки имело свою специфику по сравнению с Западом, а потому первые русские социологи поднимали в своих работах совершенно иные темы и проблемы. Такие категории, как правда, истина и справедливость, тема несчастного, бедного народа, который нуждается в спасении, проблема социального устройства и поиска идеального типа общества, а самое главное – вопросы социальной динамики, общественного прогресса и места в нем личности, ее свободы и воли – это основные темы, поднимаемые первыми отечественными социологами и сформировавшие специфику социологии в России. Основным ее лейтмотивом выступают размышления о пути русского общества – должна ли Россия двигаться по пути Запада и перенимать его опыт (основное влияние на развитие подобных идей оказало западничество), либо же Россия должна развивать собственную самобытность, встать в оппозицию Европе, учитывая, к тому же, что Запад «гниет», а за славянским культурно-историческим типом будущее¹. Из этих размышлений о динамике русского общества и возникает идея общественного прогресса – одна из основных в отечественной социологии. Но очень важным дополнением в этой теме становится человек, а точнее – критически мыслящая личность, которая в достижении прогресса играет ключевую роль.

Особый взгляд на вопросы прогресса и роли в нем личности высказывали представители т. н. субъективного направления в отечественной социологии, которое, как принято считать, сформировалось в общественной науке к концу 1860-х гг. Наиболее крупными его представителями были П.Л. Лавров, С.Н. Южаков и Н.К. Михайловский. Главным социальным субъектом, на их исключительно номиналистический взгляд, выступает субъект (отсюда – название направления), который является важнее общества.

¹ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991.

Именно субъект представляет собой наибольший интерес для ученого-исследователя, а изучать он должен в первую очередь его внутренние устремления, ценности и мысли. Суть научного метода представителей этого направления заключалась в принципе «сопереживания» исследователя изучаемому объекту¹.

Основной субъект исторического процесса, по мнению представителей субъективного направления, – критически мыслящая личность, – отличается творческой, созидательной деятельностью; она уникальна, поскольку может лучше и успешнее других построить универсальную модель развития и убедить остальных ей следовать. Такая личность выступает не только главной движущей силой общественного прогресса, но и его мерилom, поскольку прогресс должен способствовать созданию условий для всестороннего развития личности. Кроме того, во всей проблематике взаимодействия личности с общественным прогрессом и ее роли в изменении общественного устройства представители субъективного направления всегда искали нравственное начало, этическую сторону любой деятельности². Этот поиск был сопряжен с решением одной из главных задач, которую ставили перед собой российские социологи, – выявить такие возможности личности, такой ее потенциал, который мог бы быть направлен на совершенствование как общества в целом, так и конкретных человеческих отношений³.

Еще один представитель субъективного направления в отечественной социологии – Николай Иванович Кареев (1850–1931). Именно ему социология в России обязана появлением термина «субъективная школа»⁴. М.М. Ковалевский дал Карееву очень краткую, но впечатляющую характеристику – «пионер русской социологии»⁵. Однако несмотря на то что научные взгляды Кареева частично пересекаются с общими тезисами представителей субъективного направления, он идет дальше в своих размышлени-

¹ См.: Зборовский Г.Е. История социологии: классический этап: учебник для вузов. Сургут и [др.]: РИО СурГПУ, 2014. С. 168.

² См.: Там же. С. 169.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же. С. 170.

⁵ См.: Там же.

ях о личности и социальном прогрессе, а также в своих метанаучных изысканиях – анализе социально-гуманитарных наук (прежде всего, социологии) и их классификации. Безусловно, он разделяет идею о важности изучения субъекта и личности как исходного пункта всех социальных процессов. Конечно, социология как наука должна изучать объективную реальность (прослеживается некоторое влияние позитивизма на идеи Кареева), но построить теорию без субъективной составляющей невозможно, поэтому Кареев подчеркивает важность именно субъективного метода для социологии. Он же, вслед за представителями субъективного направления, признает роль личности в истории и прогрессе и считает ее его движущей силой, а потому отмечает, что необходимо отказаться от идеи эволюции и признать только идею общественного прогресса. Тем не менее во взглядах Кареева появляется и новый элемент, а именно внимание к идее психологизма. Личность для Кареева – это субъект психических переживаний, желаний и стремлений. Она соединяет в себе индивидуальное начало (включающее в себя антропологические и психические силы) и социальное начало. Именно в этой связи общество, с точки зрения Кареева, – это сложная система разных психических и практических взаимодействий личности.

Будучи несколько отличными от представителей субъективного направления ввиду гораздо большего акцента на психологизм в рассмотрении личности, научные воззрения Кареева, как и его самого, часто относят к психологическому направлению в отечественной социологии, которое появилось на рубеже XIX и XX вв. под влиянием трудов И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева и И.П. Павлова. Основным предметом исследования, как и опорной точкой изучения общества для представителей данного направления были психические свойства человека. К этому направлению были близки и идеи «традиционных» представителей субъективного направления – Лаврова, Южакова и Михайловского, – однако именно концепция Кареева приблизилась к нему сильнее по сравнению с этими учеными-социологами.

Идея о важности изучения психической составляющей личности, помимо других трудов Кареева, нашла свое отражение в речи,

которую он произнес на годовом акте Психоневрологического института 2 февраля 1912 года¹. Речь была оформлена в виде статьи и опубликована в журнале «Вестник психологии». В ней Кареев не размышляет о психологии как об автономной науке, а рассуждает именно о ее значении для общественных наук, в первую очередь для социологии; то есть «только о той стороне психологии, которой эта наука обращена к наукам, изучающим мир духовной и общественной культуры человека»². Эту же мысль подтверждает и название статьи – «О значении психологии для общественных наук».

Как представитель психологического направления в социологии, Кареев утверждает, что именно психологический фактор, будучи незаслуженно игнорируемым общественными науками, следует изучить более подробно и признать его важную роль. Причем это игнорирование психологического фактора прослеживается еще со времен основания социологии О. Контом, когда тот не включил в свою известную классификацию наук психологию, посчитав ее чистой метафизикой. Поскольку психология, по мнению Кареева, занимает промежуточное место между изучением мира природы и мира человека, Конт должен был включить ее, расположив между биологией и социологией. Кроме того, в своей классификации Конт слишком сильно обособлял одну науку от другой, в чем заключается еще одна его ошибка. Эти ошибки Конта, как утверждает Кареев, связаны с серьезным противоречием в его рассуждениях: он, сам того не замечая, мыслил психологически. Особенно это проявилось при написании его работы «Дух позитивной философии», в которой три стадии развития – теологическую, метафизическую и положительную – проходит именно человеческий ум, то есть эволюционирует именно мышление, а это – вопрос психологии, правда, чисто интеллектуалистической. Конт также полагал, что в основе всех общественных учреждений и организаций лежат идеи и мнения людей. Другими словами, без них ни одна организация не сможет существовать и главное –

¹ См.: Кареев Н. О значении психологии для общественных наук // Вестник психологии криминальной антропологии и педологии. 1912. №1. С. 78-88.

² См.: Там же. С. 78.

возникнуть. Идеи же и мнения, что также очевидно, – это область изучения именно психологии.

Имплицитно отводя психологии определенную роль, Конт тем не менее, опять же имплицитно, сосредоточил свое внимание только на одной ее стороне – интеллектуалистической: «Старая психология признавала три душевные способности, которые обозначала как ум, чувство и волю, а у Конта выходило так, как будто достаточно изучения одной сферы, то есть мнений, идей, мирозерцаний, чтобы понять социальную жизнь»¹. По мнению Кареева, в этом заключается еще одна ошибка основателя социологии, потому что невозможно игнорировать волюнтаристский аспект в человеческой психике, равно как и чувства с эмоциями. Более того, в основе всех общественных форм, учреждений и организаций, а именно это Кареев считает предметом изучения социологии, в большей степени лежит именно волюнтаристский аспект, поскольку именно он заставляет людей действовать и взаимодействовать. Именно волевые процессы проявляются в действиях людей, в их поступках и практических отношениях к другим людям².

Итак, психология, как отмечает Кареев, изучает мир представлений, чувствований и стремлений личности. Но этого недостаточно, потому что личность никогда не существует автономно от других личностей, но находится в тесном взаимодействии с ними, вступает в различные социальные отношения и связи. Отсюда проистекает целесообразность разделения психологии на две части: интраментальную и интерментальную. Если интраментальная психология изучает внутренние процессы личности, то интерментальная занимается исследованием «процессов психического действия одной личности на другую»³. Последнюю также можно назвать коллективной, или социальной, психологией. И несомненно, что именно она – интерментальная психология – имеет особое значение для социальных наук, поскольку «вся общественная жизнь состоит из внешних проявлений человека в слове и деле, и в основе всех культурных и социальных отношений, наблю-

¹ Там же. С. 80.

² См.: Там же.

³ Там же. С. 82.

даемых нами вокруг нас, находится психическое взаимодействие, интерментальная психическая жизнь»¹.

Рассуждения Кареева приобретают критическую окраску отнюдь не только в отношении концепции Конта. Он утверждает, что представители других направлений в социологии тоже недостаточно внимания уделяли психологическому фактору. Речь, конечно, идет преимущественно об интерментальном психологическом факторе, коль скоро мы выяснили, что он более важен для общественных наук. Его игнорирование, по мнению Кареева, наблюдается, прежде всего, в трех крупных социологических направлениях – социальном дарвинизме, органицизме и экономическом материализме. Представители социального дарвинизма пытались сблизить социологию с биологией, объяснить законы, действующие в социальной жизни, с помощью законов, действующих в природе среди животных. Кареев критикует такой подход, потому что очевидно, что его представители совершенно не учитывали, что человек – существо иного рода по сравнению с животным, а главное, что их рознит, – это и есть психологическая составляющая. Более того, несмотря на то что в животном мире также существует взаимодействие, интерментальные психические связи между людьми все же более сложны. Представители еще одного направления, которое также становится объектом критики Кареева, отождествляли функционирование общества с работой живого организма. Речь идет об органицизме и наиболее ярком его представителе – Г. Спенсере. В данном случае критика Кареева сводится к тому, что органицизм рассматривает единицы общества слишком дискретно, то есть отрицает существование каких-либо связей и отношений между ними. Другими словами, основная ошибка органицистов заключается в игнорировании интерментального психологического взаимодействия между людьми. Наконец, представители еще одного направления – экономического материализма – больше других преуспели в попытке включить интерментальный психологический фактор в объяснение социальной реальности. Однако и они в итоге не пришли к признанию его истинного значения. Экономический материализм,

¹ Там же. С. 83.

как утверждает Кареев, внес свой вклад тем, что увидел существование в основе всех общественных учреждений не только лишь одних идей и мнений, но также и производственных отношений, возникающих в процессе создания материальных благ. Однако представители этого направления никак не стали дальше развивать эту идею и соответственно не пришли к тому, что в основе производственных отношений в свою очередь лежит не что иное, как интерментальные психологические связи. Это означает, что, как утверждает Кареев, производственные отношения не рождаются сами по себе, а являются продуктом социальных связей и отношений.

Тезис о том, что психология (в частности интерментальная, социальная) имеет большое значение для социологии, может ввести нас в заблуждение: мы ошибочно попытаемся сблизить эти науки и даже приравнять их. Тем не менее необходимо помнить, как говорит Кареев, что это совершенно разные науки, и их сближает только то, что одна лишь «помогает» другой, «готовит для нее почву». «Социальная психология должна заниматься изучением процессов интерментальной психической жизни»¹, которые лежат в основе всех производственных отношений между людьми. Эти практические отношения и взаимодействия возникают как следствие разнообразных потребностей людей – в пище, в жилище, в одежде, во внешней безопасности, во внутреннем спокойствии и т. п.². В свою очередь из производственных отношений формируются целые общественные организации и учреждения, то есть некоторые объективные системы. Изучением их как раз и занимается социология. Следовательно, по мнению Кареева, основное различие между этими двумя науками – социальной психологией и социологией – в том, что первая изучает интерментальные психические связи и отношения, а вторая – их конечный результат, который находит выражение в различных формах организации общественной жизни.

Основной вклад Кареева в социологию, который, помимо прочего, нашел отражение в произнесенной им речи «О значении пси-

¹ Там же. С. 86.

² См.: Там же. С. 87.

хологии для общественных наук», таким образом, в том, что он доказал, что социология не может быть полноценной без учета ученым-исследователем психологической составляющей общественного устройства. При этом мы выяснили, что особое значение для социологии имеет волюнтаристская и интерментальная (социальная) психология. Значимость волюнтаристской психологии обусловлена тем, что «... формы социальной организации сводятся в последнем анализе к известным отношениям между людьми, к их волевым взаимодействиям»¹. Интерментальная же психология даже превосходит по своему значению для социологии психологию волюнтаристскую: по мнению Кареева, «... именно социологии, основанной на интерментальной психологии, принадлежит будущее, тогда как другие направления... обречены на вымирание, а если и могут рассчитывать на какую-нибудь будущность, то лишь под условием усвоения... психологизма»².

Швиндт Ульяна Сергеевна

Екатеринбург, УФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
аспирант, uliana_s@list.ru

¹ Там же.

² Там же. С. 84.

РАЗДЕЛ V

ИДЕИ Н.И. КАРЕЕВА
О СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ
И ПРОСВЕЩЕНИИ

Н. Кареев

МОДЕЛЬ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ Н.И. КАРЕЕВА

В России предпосылкой становления социологии была публицистическая деятельность ученых, стоящих у истоков данного процесса¹. Среди них наиболее примечательной на этапе социологического просвещения была фигура профессора Н.И. Кареева.

В своих воспоминаниях Н.И. Кареев отмечал, что с детства стремился передавать другим те знания, которые имел сам. Эта черта полностью проявилась у него в гимназии, а затем и в университете по отношению к товарищам по учебе. В литературной деятельности он также ориентировался не на узкий круг специалистов, а на широкую читательскую аудиторию, подбирая темы, интересные для многих. Николай Иванович рано понял, что в самом знании заключается нечто «важное, дорогое, интересное, самодовлеющее». В частности, говоря о выступлениях на митингах, он отмечал, что стремился не к пропаганде и агитации, а к «информированию, осведомлению, разъяснению политических понятий»².

Целая серия книг («Беседы о выработке мировоззрения»³, «Письма к учащейся молодежи»⁴, «Мысли о сущности общественной деятельности»⁵) написана ученым с целью побуждения молодежи к выработке ею самостоятельного отношения ко всем жизненным вопросам.

Просвещать, образовывать, заниматься наукой – этому кредо профессор Н.И. Кареев следовал всю жизнь. Называя себя «книжным человеком» и «кабинетным ученым», он не отрывался от жизни, отвечая на ее запросы, в частности, связанные с необходимостью создания новой науки об обществе. Увлечению социоло-

¹ См.: Кукушкина Е.И. Социологи и публицистика // Социологические исследования. 2011. №3. С. 126–134.

² См.: Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990. С. 286–287.

³ См.: Кареев Н. Беседы о выработке миросозерцания. Продолжение «Писем к учащейся молодежи о самообразовании» с кратким указателем самообразовательного чтения. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. 1895.

⁴ См.: Кареев Н. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. 8-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904.

⁵ Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности. 2-е изд., доп. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1901.

гией способствовал не только личный исследовательский интерес, но и знакомство с Максимом Максимовичем Ковалевским, которое впоследствии переросло в тесную дружбу и общее стремление способствовать просвещению широких слоев общества.

Будучи по основному образованию историком, Николай Иванович занял в новой науке нишу библиографа первых изданий по социологии, а также биографа первых социологов. Отметив жесткие цензурные условия в России, ученый подчеркивал тот факт, что главным органом пропаганды новой науки стала «передовая журналистика». Действительно, публикации по социологии начали выходить в солидных журналах социально-гуманитарного профиля: «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Русское богатство», «Русская мысль». В дальнейшем появились журналы, прямо специализирующиеся на позитивистской тематике – «Знание», «Дело», «Критическое обозрение». Причем, по оценке Кареева, эта «социология журнальная» была «более научной, чем публицистичной»¹.

Противодействие признанию социологии шло не только со стороны власти; университетская «кафедральная» наука также либо совсем ее игнорировала, либо относилась к ней недружелюбно. В том числе и поэтому дело социологического просвещения поначалу пришлось взять на себя журналистике. Итак, по мнению Н.И. Кареева, «русская социологическая литература возникла в недрах передовой журналистики», а ее наиболее влиятельный орган – «Отечественные записки» сделался первой социологической кафедрой в России².

Считая образование важным условием институционализации любой науки, Н.И. Кареев особое внимание уделял опыту преподавания гуманитарных дисциплин за границей. Работая в Варшавском университете, выступая с лекциями и докладами в университетах Германии, Австро-Венгрии, Италии, Швейцарии, Франции и других европейских стран, он приобрел знакомства в научных и литературных кругах. В воспоминаниях он выделял дружественные контакты с французскими социологами Р. Вормсом и Г. Тар-

¹ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. статья, прим., И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 353–354.

² См.: Там же. С. 35.

дом, итальянскими социологом А. Лориа и криминалистом Р. Гарофало, швейцарским философом Л. Штейном¹.

С одной стороны, становление социологического образования Н.И. Кареев считали исторически обусловленным явлением эволюции научной мысли в сторону ее гуманизации. Поскольку социология является наукой «об обществе во всех существенных сторонах его бытия», изучающей «человеческую личность во всех ее общественных проявлениях и отношениях», она находится «ближе к основной черте гуманитарного образования, чем политика, юриспруденция и экономика»². Перечисленные дисциплины считаются гуманитарными благодаря социологической постановке вопросов.

С другой стороны, мода на социологию, установившаяся в конце XIX в., не способствовала прояснению ее предмета. Социологией в России в это время пробовали заниматься естествоиспытатели, врачи, статистики, учителя, инженеры, журналисты, имеющие об этой науке крайне смутные и противоречивые представления. Поэтому необходимо было переосмыслить роль и значение социологии для того, чтобы она не стала просто «придатком», например, к истории или другой частной общественной науке.

Общие представления Н.И. Кареева о социологии как научной и учебной дисциплине были следующими.

- По мнению ученого, социология «заслуживает быть предметом отдельного преподавания». Она привлекает к себе общественное внимание, возбуждая споры среди тех, кто интересуется связью науки с жизнью. Книги по социологии пользуются популярностью и активно издаются за рубежом. В России социологические статьи появляются в общих журналах, находя своих многочисленных читателей³.
- Для социологии важно «войти в круг университетского преподавания» хотя бы для того, чтобы добиться систематизации разрозненных знаний об обществе в процессе чтения лекций и подготовки учебных пособий⁴.

¹ См.: Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 211, 219.

² См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. 2-е изд. с перем. С.-Петербург: Издатель, 1899. С. 1–29.

³ См.: Кареев Н.И. Взгляд на современное состояние социологии // Социология в России XIX – начала XX веков (Вып. 1). М., 1997. С. 39–40.

⁴ См.: Там же. С. 40.

- В университетах «социология должна быть приурочена к одному из существующих факультетов». Для Н.И. Кареева вопрос о том, на каком из факультетов будет организована кафедра социологии не был принципиальным. Так, он привел в пример дискуссию, развернувшуюся по данному вопросу во Франции, где одни сторонники нового предмета считали, что этим факультетом должен быть историко-филологический, а другие – юридический. Ученый сделал вывод, что если организация кафедры социологии зависит от инициативы профессоров того или иного факультета, то ее преподавание нельзя ставить в зависимость от выбора последнего.
- Более важным для институционализации социологии как предмета университетского преподавания является ее статус отдельной от других общественных дисциплин, самостоятельной науки. Ученый утверждал, что она не должна «являться с какой-либо специальной окраской, например, психологической или исторической, юридической или экономической»¹. Вместе с тем, при чтении общего курса социологии должен быть учтен профиль факультета для того, чтобы слушателям была более понятной взаимосвязь этой науки с получаемой ими специальностью.
- Учитывая интегральный характер социологии, Н.И. Кареев предъявлял особые требования к преподавателям, профессионально занимающимся этой наукой: они нуждаются в «энциклопедическом образовании сравнительно с лицами, посвящающими себя другим отраслям знания». Конечно, в первое время преподавателями социологии будут выступать представители других родственных наук, но они должны интересоваться тем, что происходит за пределами их первоначальной области знаний.
- В российской высшей школе социология должна утвердиться не только как учебная, но и как академическая дисциплина: в этом случае ее положение в ученом мире упрочится. Николай Иванович приводил пример Франции, где социология в конце XIX в. входила в круг предметов, по ко-

¹ Там же. С. 41.

- торым можно было писать диссертации и по которым присваивались научные звания. Понятно, что такая ситуация давала возможность преподавателям социологии повысить свою квалификацию и открывала перспективы научной карьеры тем студентам, кто избрал эту специальность основной профессией.
- Преподавание курсов социологии в университетах может способствовать систематизации самой науки. Н.И. Кареев отмечал, в условиях методологического кризиса общественных наук в конце XIX в., особенно важно определить основные вопросы, которые может поставить социология, а также дать «свод более или менее установившихся истин», которые она может достигнуть в деле изучения общественной жизни¹.
 - Для успешного преподавания социологии в высшей школе требуется составить особые программы и пособия. Ученый отмечал, что новая наука пока обделена и тем, и другим. Если по другим наукам преподаватель всегда может указать и общие, и специальные пособия, то «ищущему социологического образования <...> приходится, на первых порах, обращаться к целому ряду сочинений»². Однако такое хаотичное чтение не принесет особой пользы без программы, приводящей в систему разрозненные знания. Составить такую программу – главная задача в деле утверждения социологии как учебной дисциплины.
 - К существенному недостатку, мешающему преподаванию социологии, Н.И. Кареев относил отсутствие специфической терминологии, языка социологии. Конечно, на первых порах новая наука вынуждена заимствовать у других наук термины, переносящиеся в нее либо без всякого изменения смысла, либо с небольшим изменением. Однако и сами социологи могут употреблять одно и то же понятие в разных смыслах или обозначать его разными словами. Все это затрудняет взаимное понимание социологами друг друга, а также дает возможность противникам утверждения этой науки сомневаться в ее самостоятельности, заявлять

¹ См.: Там же. С. 42.

² Там же. С. 44.

о ее вторичности по отношению к устоявшимся отраслям знаний об обществе¹.

Н.И. Кареев разработал конкретную программу, руководство которой, как он считал, дает возможность продвинуться в деле институционализации социологии. Она включала следующие шаги:

- Использование метода сравнительно-исторической индукции при накоплении и разработке фактического материала, необходимого для построения научных теорий.
- Четкое определение предмета – теории эволюции социальных явлений, позволяющей социологии найти свое место среди других наук.
- Избавление от односторонних подходов к изучению общества (органицизм, социальный дарвинизм), сближение отдельных направлений развития социологической науки.
- Включение психологии в разряд наук, предшествовавших социологии. Научный синтез биологических, психологических и экономических объяснений общественной жизни как база социологии.
- Утверждение отдельного места социологии среди таких устоявшихся наук, как, например, история, юриспруденция, политическая экономия.
- Укрепление влияния социологии на постановку и решение исторических, политических, юридических и экономических вопросов. Одновременно использование общей наукой об обществе результатов частных наук.
- Сближение на социологической почве отдельных общественных наук².

При такой программе развития социологии будет возможным ее преподавание в высшей школе как самостоятельной дисциплины.

Ученый не только разрабатывал программу теоретически, он обращался к опыту других профессоров в поисках способов и форм социологического образования. Так, среди прочих Н.И. Кареев выделял курс энциклопедии права Н.И. Коркунова. Как уже

¹ См.: Там же. С. 45–46.

² См.: Там же. С. 49–50.

уже было отмечено, в России того времени невозможно было открыто преподавать социологию, поэтому университетские профессора называли курс достаточно широко, например, «Энциклопедия права» или «Историческая энциклопедия», чтобы не вызывать подозрений со стороны Министерства народного просвещения. Что касается названного курса Н.И. Коркунова, введенный в него значительный психологический и социологический материал, по мнению Н.И. Кареева, поднимал его до «философской пропедевтики обществоведения», а дополнение методов экономическим подходом позволило «придать этому достаточно спорному предмету университетского преподавания <...> значение настоящего социологического курса»¹.

Учитывал Н.И. Кареев и взгляды западных коллег, в частности, американского социолога Ф. Гиддингса на то, что социология как предмет преподавания является своего рода пропедевтикой для тех, кто планирует изучение других общественных наук. Однако, по мнению русского социолога, социология не должна быть ограничена ролью общего введения, она вполне может быть предметом общего образования, так как по своему значению и содержанию с ней не может сравниться ни одна из частных наук.

Таким образом, Н.И. Кареев предложил модель социологического образования для представителей всех специальностей высшей школы, построенную на взаимодействии социологии с другими общественными науками. В этой модели, с одной стороны, социология как предмет преподавания использует достижения других наук, являясь в то же время для них общей основой. С другой стороны, социология рассматривается как независимая от других дисциплин, самостоятельная наука и предмет образования.

В конце XIX – начале XX вв. вопросы социологического просвещения были в центре научной дискуссии. Поддерживая позицию Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского, большинство сходилось во мнении, что студенты всех специальностей в университете должны прослушать общий курс социологии. Наибольший интерес вызывала идея Н.И. Кареева о возможности соединения в едином комплексе юридического, экономического и исторического

¹ Там же. С. 38–39.

знания. Многие ученые считали сближение наук полезным не только для улучшения преподавания каждой из них, но и для возведения на этой единой основе «величественного здания социологии» (Ковалевский) – общей науки о человеческом обществе.

Большой интерес у российских представителей новой науки вызвала идея объединения усилий ученых всех стран для совместного занятия социологическими проблемами. В первую очередь, речь шла о деятельности Международного социологического института (1893 г., Париж). Основатели Института выдвинули принципиальные положения, позволяющие выявить специфику социологического подхода к изучению общества. Среди этих принципов можно назвать следующие:

- Рассматривать все выявленные социальные факты в тесной взаимосвязи, не пропуская ни одного из них в своих исследованиях.
- При анализе социальных фактов пользоваться в первую очередь объективным методом, то есть наблюдать и классифицировать.
- Изучать общественный мир в том виде, как он существует в реальности. Изучать его прежде, чем предпринимать какие-либо реформы.

Реализация данных принципов могла помочь социологии найти свое место среди других наук об обществе и стать независимым предметом образования.

Итак, модель социологического образования Н.И. Кареева была просветительской, она не предусматривала подготовку профессиональных социологов и соответствовала начальному периоду институционализации социологии как науки. Главный акцент в реализации данной модели был поставлен на необходимости включения социологии в учебные программы студентов всех специальностей и определение границ этой дисциплины по отношению к другим общественным наукам.

Буланова Марина Борисовна

Москва, РГГУ, д. соц. н., профессор, marina_bulanova@inbox.ru

Н.И. КАРЕЕВ – ОСНОВОПОЛОЖНИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Считается, что социологическое образование стало осуществляться в России с конца 1870-х гг.¹. Среди тех, кто первыми начал читать лекции социологического содержания были М.М. Ковалевский, Н.М. Коркунов, И.В. Лучицкий, П.А. Сорокин. Значительный вклад в организацию начала социологического образования в России внес Н.И. Кареев. Как утверждает Е.И. Кукушкина, Н.И. Кареев был первым, кто в 1890-х гг. «прочитал полный систематический курс социологии студентам университета»².

В 1890–1897 гг. по желанию студентов Санкт-Петербургского университета Н.И. Кареев читал курс «Основные вопросы социологии с историко-критической точки зрения». Этот курс «пользовался большим успехом у студентов и стал основой первой программы по социологии»³, а также обозначил контуры будущего университетского социологического образования в России. Н.И. Кареев был уверен, что социология в России, как и в Европе, пройдет путь от чтения лекций «к появлению преподавания в высших учебных заведениях и формированию университетских кафедр»⁴.

В 1894 г. Н.И. Кареевым были опубликованы «Письма к учащейся молодежи о самообразовании»⁵, а в 1895 г. «Программа чтения для самообразования»⁶ по социологии. В этих работах были выделены семь разделов:

1. Социология как наука, изучающая законы управления общественными явлениями.

¹ См.: Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX–XX вв. М.: Онега, 1995. С. 19.

² Кукушкина Е.И. История социологии: Учебник. М.: Высшая школа, 2009. С. 125.

³ Кареев Н. Введение в изучение социологии. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 418.

⁴ Кареев Н.И. Основы русской социологии / Подгот. текста, вст. статья, прим., И.А. Голосенко. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. С. 387.

⁵ Кареев Н. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894.

⁶ См.: [Кареев Н.] Социология [Энциклопедическая программа] // Программы чтения для самообразования. [Сборник для содействия самообразованию] С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 17–18.

2. Научный и этический элементы социологии.
3. Отношение социологии к биологии и психологии.
4. Отношение социологии к другим общественным наукам.
5. Зависимость истории от природы.
6. Сущность исторического процесса и роль личности в истории.
7. Что такое прогресс?

В 1897 г. по материалам лекций, читаемых в Санкт-Петербургском университете, Н.И. Кареев издал специальное учебное пособие «Введение в изучение социологии», которое было предназначено для самообразования. Пособие представляло собой развернутый библиографический обзор публикаций по социологии. Как утверждал автор, он «ставил своей целью дать лицам, интересующимся социологией, общее руководство, которое помогло бы им ориентироваться в социологической литературе, познакомило бы с важнейшими вопросами, в ней поставленными, позволило бы критически отнестись к решениям, которые получили эти вопросы у разных писателей»¹.

Структура «Введения в изучение социологии» включала три раздела. В первом разделе объяснялось происхождение социологии, ее предмет, основные задачи и метод. Во втором рассматривались основные социологические направления: натуралистическое, дарвинистское, психологическое и марксистское. В третьем разделе было представлено отношение социологии к смежным наукам: биологии, психологии и правоведению, давались определения законов и закономерностей социологии, рассматривались влияние личности на развитие общества и различия объективного и субъективного в социологии. Заключение было посвящено современному положению социологии в системе общественных наук и перспективам преподавания ее в университетах.

О содержании читаемых Н.И. Кареевым социологических курсов, можно судить по таким его публикациям, как «Историко-философские и социологические этюды»² (1895), «Задачи социоло-

¹ Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. XIII.

² См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. 2-е изд., с перем. С.-Петербург: Издатель, 1899

циологии и теория истории¹ (1897), «Основные направления социологии и ее современное состояние»² (1903), «Указатель социологической литературы»³ (1905).

Как отмечал Н.И. Кареев, социологическая проблематика негласно проникала в учебные курсы историко-филологических и юридических факультетов. В перспективе, по его мнению, в России преподавание социологии пройдет такой же путь, как и в Европе – от чтения отдельных лекций к появлению частных курсов в высших учебных заведениях и открытию в университетах кафедр социологии.

В воспоминаниях⁴ Н.И. Кареев констатировал, что в первые годы XX столетия в России преподавание социологии было введено в курс обязательных для студента-историка предметов. Также 1 октября 1907 года на заседании ученого совета Психоневрологического института впервые было принято решение об образовании в институте кафедр социологии (заведующий – профессор М.М. Ковалевский) и уголовной социологии (заведующий – профессор С.К. Гогель). Сам же Н.И. Кареев был кооптирован в Совет Психоневрологического института. 21 мая 1916 года был принят новый устав Психоневрологического института, согласно которому было организовано Словесно-историческое отделение. Деканом этого отделения был избран Н.И. Кареев⁵.

В первые годы советской власти Н.И. Кареев преподавал социологию в Петрограде на Женских курсах. В 1918 г. он был внесен Наркомпросом в число 30 российских преподавателей социологии⁶. 25 марта 1919 года Совет Социологического института, созданного на базе Психоневрологического института, принял постановление о проведении особых уроков для преподавателей социологии. В числе назначенных лекторов был и Н.И. Кареев.

¹ См.: Кареев Н.И. Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии] / Отв.ред, предисл. и сост. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 479–500.

² См.: Там же. С. 16–36.

³ См.: Кареев Н.И. ...Указатель социологической литературы. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича. 1897.

⁴ Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990.

⁵ См.: ЦГА СПб Ф. 2555. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–4 об.

⁶ См.: ГА РФ. Ф. А-2307. Оп. 23. Д. 74. Л. 2–3 об.

В 1919 г. на заседании совета историко-филологического факультета Петроградского университета рассматривался вопрос об организации в университете кафедры социологии. Как вспоминал Н.И. Кареев, только двое – он и профессор А.С. Лаппо-Данилевский – высказались за, остальные – против или равнодушно молчали¹. Однако через несколько недель была создана новая комиссия, доклад на которой был сделан Н.И. Кареевым. В результате в ноябре 1919 года на факультете общественных наук Петроградского университета были образованы кафедра социологии и кафедра социологических и социальных учений.

В 1920-1921 гг. Н.И. Кареев читал в университете курс «История социологических учений». Но в 1923 г. были запрещены публикации его работ. 18 октября 1930 года Н.И. Кареев подвергся «критике» на заседании методологической секции «Общества историков-марксистов» и был лишен права преподавания.

Оценивая вклад Н.И. Кареева в процессы социологического образования в России, современные историки социологи отмечают, что его педагогическая деятельность была связана с формированием социологического образования в стране. По мнению Е.И. Кукушкиной, «особенно велики заслуги ученого в деле налаживания в стране системы социологического образования и создания его концептуальных основ»².

Глотов Михаил Борисович

Санкт-Петербург, д. соц. н., профессор, glotov.45@mail.ru

¹ См.: Кареев Н.И. Основы русской социологии. С. 153.

² Кукушкина Е.И. История социологии: Учебник. М.: Высшая школа, 2009. С. 116.

ВКЛАД Н.И. КАРЕЕВА В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЮ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Данная статья раскрывает взгляды Николая Ивановича Кареева на российское образование конца XIX – начала XX века в контексте современного образовательного процесса.

Кареев был убежден в том, что общество в конечном счете – совокупность личностей, которые имеет свои цели¹, а главная задача образования – духовное развитие личности. Идеал же образования – не в попытках разгадывать потребности будущего, а в следовании навстречу потребностям настоящего, которые уже проявились или только проявляются: мыслительные способности развиваются на реальных примерах, дух обогащается, а духовный горизонт расширяется.

Главным принципом построения обучения на всех уровнях для Кареева был переход от представляемых образов к научному знанию. Для исторического образования он разработал новые правила отбора информации, классификации, систематизации материала и его представления в учебниках². Кареев был противником влияния религии и политики на образование: педагогика должна, по его словам, руководствоваться научными и этическими соображениями. Сегодня в России до сих пор разделяют этот принцип: большинство школ являются светскими, за исключением специализированных учебных заведений.

Рассмотрим предложения Кареева по реформированию системы общего школьного образования дореволюционной России. Он предложил деление общего образования на четыре группы³. Первая группа включает курс родного языка и дополнительно иностранного. Вторая группа является основой обучения и включает курсы философии и научного знания. Третья ориентирована

¹ См.: Кареев Н. Введение в изучение социологии. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.

² См.: Кареев Н. Идеалы общего образования. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.

³ См.: Лыскова И.Е. Н.И. Кареев о проблемах женского образования в России в аспекте персонального менеджмента // Женщина в российском обществе. 2014. №3. С. 80–86.

на профессиональную подготовку и разделение дисциплин в зависимости от дальнейшего профиля обучения. Четвертая – воспитывает в учениках духовно-нравственные начала¹. Кареев выступал за всеобщую доступность образования, что на рубеже XIX–XX вв. осуществить было сложно. Кареев предвидел массовизацию образования в России и частично внес в нее свой вклад.

Затем, Кареев, первым в России, обращает внимание на выпускников средних образовательных учреждений с точки зрения необходимости их поддержки в выборе карьерного пути и самоопределения в целом. Он вдохновлялся студентами, заботился об их личностном становлении; несколько его трудов ориентировано именно на учащуюся молодежь². В работах «Письма к учащейся молодежи о самообразовании» (1895)³, «Выбор факультета и прохождение университетского курса» (1897)⁴, «Идеалы общего образования» (1901)⁵ русский ученый проявляет гуманистические наклонности, обращает внимание на исключительную важность понимания человеком смысла своей жизни и необходимость сопряжения с ним образовательного и жизненного пути, раскрывает значимость самообразования. Кареев пишет: «...под самообразованием я разумею... чтение серьезных книг и статей главным образом научного и философского содержания лишь в силу внутреннего интереса к их содержанию, т. е. желания немедленно... найти ответ на тот или иной вопрос. ... Не может быть и речи не только о принуждении, но и о самопринуждении»⁶. Можно заметить, что сегодня, в век цифровых технологий и клипового мышления без самомотивации и принуждения к образованию обойтись сложно. Особенности трудности с концентрацией внимания и осознанием

¹ См.: Там же.

² См.: Павлова Т.В. Российское высшее образование на рубеже XIX–XX веков: семинарии Н.И. Кареева и формирование научной школы по новистике // Манускрипт. 2016. №1. С. 23–28.

³ См.: Кареев Н. Письма к учащейся молодёжи о самообразовании. Изд. 3-е. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895.

⁴ См.: Кареев Н. Выбор факультета и прохождение университетского курса. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.

⁵ См.: Кареев Н. Идеалы общего образования. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.

⁶ Кареев Н. Идеалы общего образования. С. 14.

важности получения образования испытывают ученики младшей и средней школы, так как зачастую они мотивированы внешним образом или принуждены к учебе родителями. Здесь самообразование уже отличается от данного в определении Кареева, ведь несмотря на то, что современный мир изобилует возможностями для саморазвития, чаще всего люди либо сами принуждают себя к занятиям, либо оказываются принужденными к ним другими.

Говоря о необходимости личностного подхода к образованию, Кареев затрагивает вопрос «отцов и детей». Старшее поколение желает образовать младшее по своему образу и подобию, нередко путем своеобразной дрессировки¹. Но быстротечность и изменчивость развития истории и мира не терпит консерватизма и требует новых подходов, в том числе и к обучению. Подход же «дрессировки» на практике вызывает страх и неприязнь к тому, что принуждают совершать. Соответственно, в этом случае, с точки зрения Кареева, о духовном обогащении и развитии личности по ее собственным мотивам и желаниям речи идти не может.

И, наконец, Кареев размышляет о реформации системы образования высшей школы. Как практикующий преподаватель, Н.И. Кареев критиковал систему университетского образования дореволюционной России. В ту эпоху не существовало общеуниверситетского образования, которое бы подразумевало осведомленность во всех областях научного знания. Напротив, образование было профильным: общеправовым, общелингвистическим, общемедицинским. По мнению Кареева, законченное университетское образование должно полностью охватывать весь спектр научных дисциплин в относительно равной глубине и небольшой тягой к специализации, иначе оно не может называться университетским². В образовательных программах высшей школы в современной России присутствуют элементы чисто университетского образования, например, широкий круг предметов, преподаваемых на первом курсе вне зависимости от специализации (математика, психология, история, культура речи), присутствует разделение на модули по этим программам, однако остав-

¹ См.: Кареев Н. Выбор факультета и прохождение университетского курса.

² См.: Кареев Н. Идеалы общего образования.

шиеся три курса углубляются именно в профильные узконаправленные дисциплины. Поэтому современное высшее образование нельзя назвать университетским в определении Кареева. Реалии современности диктуют необходимость именно прикладной, узкой подготовки в большинстве специальностей, поэтому взгляд Кареева на широкий охват и глубину знаний в каждой из наук не до конца соответствует потребностям XXI века.

Также, описывая систему высшего образования в дореволюционной России, стоит упомянуть небезызвестные кареевские «семинарии» – тематические курсы, подразумевающие самостоятельную работу студентов, помимо обязательных к посещению лекций. Семинарии проводились Кареевым в рамках его курсов по новистике, и были отмечены особым вниманием к практической работе студентов: их даже сравнивали с учебными лабораториями¹. Частично, подобные практики существует и в современном образовательном процессе высшей школы в рамках т. н. семинарских занятий.

Николай Иванович Кареев – значимая фигура в становлении российского образования. Хотя и некоторые тезисы из его трудов начала XX века с трудом сопоставимы с началом века XXI, все они направлены на гуманизацию образования, уважение каждой личности и раскрытие ее потенциала. Этот личностный подход актуален в образовании и сегодня, спустя более ста лет.

Романова Мария Игоревна

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, студентка,
m.romanovaa@gmail.com

¹ См.: Павлова Т.В. Российское высшее образование на рубеже XIX–XX веков: семинарии Н.И. Кареева и формирование научной школы по новистике.

РАЗДЕЛ VI

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
И ИСТОРИОСОФИЯ Н.И. КАРЕЕВА

Н. Кареев

РОССИЙСКИЕ АНАЛИТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Мировая политика, международные отношения, принципы и нормы их определяющие, причины неравноправия людей, конфликтов между народами и способы их смягчения и устранения всегда были и остаются объектами размышлений учёных-историков, международников и философов, начиная с Геродота и Фукидида. О социально-политических и идейных концепциях как об одном из важных аспектов общественной жизни стали говорить в Новое время в связи с возникновением централизованных суверенных государств¹. Полагают, что официальное признание социальной политики и международного права как отдельных научных дисциплин состоялось только после Первой мировой войны. Ссылаются при этом на то, что первая кафедра международных отношений была основана в университете Уэльса в 1919 г. Затем аналогичные кафедры и факультеты возникли в других вузах мира, и сегодня их насчитываются многие сотни.

Однако это вовсе не значит, что до этого межчеловеческие и социально-политические отношения вовсе не исследовались и не изучались. Нет, они изучались, но преимущественно в рамках истории, философии, политологии и правоведения. Первая кафедра по изучению законов природы и народов была учреждена при Гейдельбергском университете еще в XVII веке, а образовательная академия по обучению дипломатии – в Париже в 1712 г. Были серьёзные исследования истории социальных и национальных отношений на различных континентах (А. Дебидур, российские ученые Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Л.А. Комаровский, Е.В. Тарле и другие). Не следует забывать и о К. Марксе с его глубоко научными прогнозами процессов интернационализации и глобализации, который изучал современные ему формы капиталистического производства и обусловленную ими национальную и международную политику.

¹ См.: Ideology and international relations in the modern world / Ed. Alan Cassels. London; New York: Routledge, 1996.

Ужасы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) действительно подтолкнули людей к более широким размышлениям о причинах подобных бедствий, о роли народов и государств в их возникновении, а также о путях и способах недопущения повторения трагических ошибок прошлого. Все больше людей убеждались в том, что мир – это «самое желательное состояние, когда каждый человек спокойно пользуется всеми его правами»¹, – наступит только в том случае, если концепция мироустройства, основанная на силе и гегемонии отдельных личностей и государств, будет заменена системой коллективной безопасности и верховенства права, а государства станут строго руководствоваться в своей политике нормами демократии, прав человека и народов. Они начинают осознавать также, что человечество может добиться политического прогресса только путём диалога и содействуя общим интересам.

Новое понимание философии общественной жизни формировалось на основе анализа событий, предшествовавших войнам, революциям и конфликтам, их причин, а также социальных порядков, установившихся после них. При этом определились и основные направления этой науки: изучение причин войн и конфликтов, объяснение происходящих в отдельных странах и в мире в целом процессов, их движущих сил, поиск путей установления более справедливого общественного строя и эффективного управления национальными и международными процессами через формируемые соответствующими народами институты, а также соблюдения всеми субъектами национальной и международной жизни достигнутых ими договорённостей.

В целом это был шаг в верном направлении, но как часто бывает в жизни, первые шаги и опыт решения проблем стали восприниматься как некие каноны, которые следует считать священными и неизменными, строго придерживаться всегда. Это было попыткой узаконить *государствоцентрический взгляд* на общественную жизнь и обусловленную им практику, формировавшие нормы поведения и статус человека-подданного в эпохи доминирования единоличной власти. Этот взгляд лежит в основе философии поли-

¹ Vattel E.de. The Law of Nations: Or, Principles of the Law of Nature Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns. Indianapolis: Liberty Fund, 2008. P. 431.

политического патриархата, абсолютизма, права на использование власти по усмотрению ее обладателей. Это философия прошлого, отжившего, говоря словами Д. Мэдисона и К. Маркса, консервация традиций мертвых поколений, давящих, как кошмар, на умы живущих.

Обществоцентристский взгляд, формировавшийся и распространявшийся по мере просвещения и познания законов природы и народов, немалая заслуга в чем принадлежит и Н.И. Карееву, исходит из того, что все общественные процессы должны быть организованы во благо, прежде всего, членов самого социума и подчинены целям всеобщего блага. Он лежит в основе философии народовластия, последовательное осуществление которого объединяет людей и народы. Длительное доминирование государствоцентристского взгляда на общественную жизнь, особенно заметного в странах с авторитарными режимами, поддерживаемое частью обществоведов, поставило этих последних в положение средневековых алхимиков, а сами олицетворяемые ими науки – в «методологически наиболее отсталый сегмент социальных наук».

Н.И. Кареева с полным правом можно считать философом и социологом политики и международных отношений. Его много томная «История Западной Европы» – прежде всего, история культурных и социальных отношений. Общим историко-философским резюме первых трех томов была изданная отдельно «Философия культурной и социальной истории нового времени»¹, в которой он объяснял содержание основных понятий и категорий истории. В следующих томах социальной истории Кареев посвящал отдельные разделы², в которых обобщал «существенное содержание социальной истории», суть крестьянского вопроса и земельных отношений в каждую исследуемую им историческую эпоху, динамику промышленного развития и перемен в быту, эволюцию

¹ См.: Кареев Н. Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300–1800). Введение в историю XIX века (Основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII веков). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893.

² Кареев Н. История Западной Европы в новое время (развитие культурных и социальных отношений). В 8 томах. С.-Петербург: Тип. И.А. Ефрона, 1892–1917 гг. Т. IV. С. 499–662; Т. V. С. 699–765.

капитализма, проблемы жизни пролетариата, пауперизм и связанные с ними социально-экономические теории, политические и моральные учения, а также социальные движения на континенте.

Н.И. Кареев выделял в буржуазной революции политическую и социальную стороны. С одной стороны, падение абсолютизма, с другой, падение феодализма, – соответствуют стремлениям к свободе и к равенству. Властные отношения более консервативны. На примере Наполеона Бонапарта ученый показывает контрреволюционера под маской революционера, диктатора, стремившегося превзойти Людовика XIV¹, и в то же время человека революции и ее спасителя, сохранившего завоевания революции своим законодательством.

Социально точен сравнительный анализ Кареевым идейно-политических направлений общественной мысли 19 века – консерватизма и либерализма, анархизма и социализма². Полагаю, что он весьма актуален и для постсоветской России, руководство которой пытается вернуть страну к спорам времен позднего средневековья с нападками на идеи демократии и либерализма с позиций крайней реакции (Г. Греф, В. Путин, А. Силуанов, А. Чубайс и др.). Думается, некоторые граждане и средства массовой информации, называя определенные фигуры «демократами» и «либералами», оказывают им незаслуженную честь.

Н.И. Кареев считал либерализм прогрессивным учением, являющимся естественным продолжением более ранних идейно-политических движений за свободы человека и народа как в национальной, так и в международной жизни. Либерализм выступает за свободу и автономию личности как двигатели прогресса. Отличие прогрессивных учений от реакционных ученый видел в том, что последние выступали против свободы личности. Они придерживались взгляда на человека как на существо, «которое не может быть предоставлено самому себе, которое должно быть заключено в известные, по возможности самые тесные рамки; которое, наконец, необходимо держать под постоянной опекой властей духов-

¹ См.: Там же. Т. IV. С. 51.

² См.: Кареев Н. История и философское значение идеи прогресса // Северный вестник. 1891. №12. С. 57-75.

ного и светского характера»¹. Реакционные стремления были тесно связаны с идеями и бытовыми формами Средних веков, не дававшими простора личному развитию, в то время как либерализм являлся наследником гуманизма, протестантизма, просвещения XVIII века, принципов и демократических идей Американской и Французской революций, проповедовавших культурную и политическую эмансипацию личности. По мнению ученого, борьба между либерализмом и реакцией – это, с одной стороны, борьба между свободой личности и стремлением к максимальному ограничению личных прав и свобод во всех сферах жизни, а с другой стороны, борьба за свободу совести, свободу мысли, научного творчества, свободу слова, печати, за уважение человеческого достоинства, за равноправие граждан против идеологии и практики отрицания всяких прав и свобод человека, за исключением таковых у господствующих групп населения. Важным правом личности либерализм считает участие общества в управлении государственной жизнью путем формирования подконтрольных ему представительных органов власти.

Интерес представляет также сравнительный анализ социально-политических воззрений либерализма и утилитаризма у Кареева. Отмечая разное понимание ими прав и свобод человека, историк находит общее место, объединяющее эти школы социальной мысли: демократическую точку зрения. Либералы, как известно, выводили права и свободы человека и народов из законов природы: все люди сотворены равными и наделены одинаковыми и неотчуждаемыми правами, такими как право на жизнь, на свободу и стремление к счастью, для содействия которым они учреждают правительства, «справедливая власть которых основывается на согласии управляемых» и, если правительство нарушает их права, то «народ вправе изменить его или упразднить и установить новый строй, основанный на таких принципах и организующий управление в таких формах, которые должны наилучшим образом обеспечить безопасность и благоденствие народа»². Утилитаризм отрицал естественность прав человека и противопоставлял

¹ Там же. Т. IV. С. 283.

² Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л., «Наука», 1990. С. 34.

им принцип «наибольшего счастья для наибольшего количества людей», претворение в жизнь которого должно стать целью законодателя; общая польза должна быть основанием суждений о законодательстве. Т. е. права и свободы, как и у Э. Берка в его полемике с Т. Пейном, превращаются в позитивные, рукотворные, а их набор и измерение целиком определяются законодателем.

Н.И. Кареев считал утилитаризм как теорию, объясняющую генезис нравственности, неудовлетворительным и противоречивым, но видел в нем и прогрессивные моменты: признание народа верховным сувереном, правомочным волей своего большинства, устанавливаемой путем прямых, открытых и всеобщих выборов, проводимых ежегодно, избирать и обновлять состав своих представительных органов. Здесь позиции либерализма и утилитаризма весьма близки, различия наблюдаются только в видении структуры властей, вернее – в понимании соотношения общества, верховного суверена и ветвей власти. Если для либерализма и демократических республиканцев функционирование независимых друг от друга ветвей власти в качестве противовесов является гарантией от авторитаризма и тирании, то утилитаристы считали разделение властей вредным для общества, поскольку ограничивает верховенство народа. На самом деле это расхождение – следствие определенного недоразумения: при точном соблюдении принципов республиканизма и верховенства общества никакого покушения здесь не может быть, поскольку все ветви власти формируются самим народом в качестве подконтрольных ему служебных институтов. Н.И. Кареев, обращая внимание на эти видимые различия¹, не высказывает собственного мнения по данному вопросу. Общим в них он видел то, что стремление к практическому воплощению их теорий порождало демократические и революционные движения, способствовавшие признанию и расширению прав человека и народов. Либеральные идеи легли в основу Декларации независимости, Конституции США, демократических движений и революций XIX–XX веков, а концепция утилитаризма стала и знаменем движения за всеобщие избирательные права, за равноправие женщин и т. д.

¹ См.: Кареев Н.И. История Западной Европы в новое время. Т. IV. С. 489.

Ученый обращает внимание также на идейную сторону социальной истории нового времени¹. В один и тот же 1776 г. свет увидит трактат Т. Пейна «Здравый смысл», Континентальный конгресс североамериканских колоний примет «Декларацию независимости», а профессор кафедры моральной философии университета Глазго А. Смит издаст свое «Исследование о природе и причинах богатств народов». Оценки соотношения общества и государства, природы и призвания политической власти в них почти тождественны. Вдумчивый и беспристрастный аналитик исторического процесса Н.И. Кареев видит в этом выражение классового интереса молодой буржуазии, считавшей вмешательство государства, как она его понимала (общество порождено нашими потребностями, государство – нашими пороками и злом; первое способствует продвижению нашего счастья в положительном направлении, объединяя наши привязанности и интересы, последнее – отрицательно, ограничивая наши недостатки; первое поощряет общение, второе создает различия; первое – патрон, последнее – каратель) в экономическую жизнь недопустимым.

Еще один аспект, на который обращал внимание и Кареев, может быть актуален в наше время. На примерах Э. Берка, Ф. Гизо, А. де Токвилля и многих других философов политики видно, как демократические воззрения, содержащиеся в их сочинениях, приходили в резкое противоречие с их практикой в качестве политических деятелей. Можно видеть, как политическая власть и научная истина оказываются несовместимыми друг с другом, и некогда считавшийся талантливый ученый превращается в апологета авторитарной власти, адвоката волюнтаризма и правового произвола. Исследователь американского содружества и известный политический деятель Великобритании Дж. Брайс, отвечая на вопрос, почему самых достойных и талантливых людей не избирают президентами, называл несколько причин. Во-первых, самые способные и талантливые люди часто выбирают не политику, традиционно считающуюся «грязным» делом, а сферу бизнеса, где они добиваются больших успехов. Уже добившись статуса богатого человека, некоторые из них могут пойти и в политику, но

¹ См.: Там же. Т. IV, С. 505–507.

уже во имя престижа и славы. Во-вторых, практика продвижения по политической линии основана не на учёте положительных качеств человека, а на близости человека к продвинувшимся раньше политикам. Говоря словами Ш. де Голля, по карьерной лестнице часто продвигают тех, кто умеет нравиться, а не тех, кто этого действительно заслуживает. В-третьих, если талантливый человек и попадёт во властные структуры, то он, в силу яркости своей личности, приверженности истине и справедливости, обретёт там больше оппонентов и противников, чем его коллеги, не обладающие этими качествами. При системе соперничества в институтах власти честным и талантливым людям трудно подняться наверх. Имеются в виду интриги и грязные игры, на которые беспринципные люди являются мастерами, и на что действительно достойные и честные люди никогда не пойдут, а потому вскоре вынуждены будут покинуть эту сферу деятельности. Поэтому очень мало умных людей остаётся в политике. Так полагали во все времена. В предисловии к английскому изданию политических работ Марка Тулия Цицерона приводится распространённая в древности и Средние века формула: «глупцы спешат туда, куда ангелы остерегаются ступить». Речь идёт как раз о сфере политики и власти. Вспомним также и оценку Джефферсоном высказываний Роше Фуко и Монтескье о том, что большинство нечестных людей гнездятся вблизи власти и богатств¹. Из них в большинстве своём состоит так называемая «властвующая элита». Наиболее успешно карабкаются по ступеням властной иерархии те из них, которые ревностно служат не обществу, стране и народу, а своему непосредственному начальству. В связи с этим часто возникал вопрос о соотношении политики, власти и морали², что так актуально для истории России.

Пришедшие под лозунгами «Больше социализма!», «Нет бюрократизму!», «Вся власть советам!», «Борьба с привилегиями» и т. д. к власти криминальные и антироссийские силы превратили

¹ См.: Джефферсон Т. Автобиография. Заметки о штате Виргиния. Л.: Наука, 1990. С. 34.

² См.: Мутагиров Д.З. Роскошь, мораль и политика // Политэкс. 2012. Т. 8. №3. С. 252–272.

их в полную противоположность и создали институт порабощения народа, ограбления национальных богатств, добытых трудом поколений людей, и возврата к крепостничеству. Есть основания полагать, что это далеко не все, что грозит Российской цивилизации, о чем свидетельствуют откровенно выражаемые симпатии к коллаборационистам, сражавшимся против своего отечества на стороне фашизма.

Общественный прогресс – это восхождение человечества от низших и менее совершенных форм организации жизни и труда к более высоким и совершенным формам. Он сопровождается сменой способов производства, интернационализацией их передовых форм, социальными, промышленными, научно-техническими, информационными и иными революциями, заменой монархических порядков республиканскими, признанием прав и человека и народов с их постепенным расширением. Все это происходило и продолжает происходить скачкообразно, путем чередования революций и контрреволюций, временными отступлениями и возвратами к отжившим себя порядкам, сопровождаемыми утратой многих из прежних достижений и переоценкой ценностей. Разумные люди учатся на уроках истории, сравнивают и сопоставляют темпы прогресса, застоя и регресса при разных системах общественной жизни, статусы человека-труженика при каждой из них, выявляют их причины, доводят их до сознания современников, соотечественников и соплеменников, помогая им избавляться от навязываемых силами старого мира иллюзий и организуя их для дальнейшего продвижения по пути прогресса.

Мутагиров Джамал Зейнутдинович

Санкт-Петербург, СПбГУ, д. филос. н., профессор

ФОРМУЛА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И СОЦИАЛЬНОГО ПРОГРЕССА В СОЦИОЛОГИИ Н.И. КАРЕЕВА

Будучи ярким представителем субъективной школы в русской социальной философии конца XIX – начала XX века, Н.И. Кареев возвёл социологию в ранг науки способной выработать формулу исторического процесса и социального прогресса. Современной версией понятия «формула общественного прогресса», используемого Н.И. Кареевым, в настоящее время может быть понятие «теория общественного прогресса или теоретическая концепция общественного прогресса», что в принципе одно и то же.

Кареев считал, что социология наиболее подробно может разработать теорию исторического процесса и общественного прогресса. Он писал: «Формула прогресса может дать идеальные критерии для оценки исторического прогресса; без подобной оценки справедливое суждение о фактах истории и её смыслах невозможно»¹. Особое внимание в своих работах Н.И. Кареев уделяет выяснению сущности исторического процесса и его содержания. Он считал, что исторический процесс – это производительная деятельность людей, подчёркивая при этом, что содержание исторического процесса – не что иное, как волевая деятельность людей и общественные изменения. Именно поэтому он настаивал на изучении природы человека в его социальном и психологическом смысле. Кареев отмечал, что между индивидами и обществом («надорганической реальностью») существует постоянное взаимодействие, и именно оно составляет прагматическую историю. Поэтому, считал Кареев, в основе исторического процесса лежит психология людей. В связи с этим он замечал, что сущность прагматического процесса истории состоит в постоянном психологическом проникновении личности в исторические события. При этом Кареев полагал, что основная проблема в понимании сущности исторического процесса состоит в определении влияния личности на культурные процессы истории, на социальную, духовную и материальную сферы общества.

¹ Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. С.-Петербург: Издание О.Н. Поповой, 1895. С. 263.

Кареев осознавал, что изменение «культурных фактов» в обществе является не только результатом воли людей, и что эволюционные изменения могут подчиняться собственным закономерностям. Культурные изменения в обществе обуславливаются самыми разными причинами, которые находятся под влиянием «суммы целей». При этом Кареев постулирует, что общая цель не существует «сама по себе», а зависит от целей людей. В культурной эволюции именно творческая деятельность личности, которую поддерживают другие личности, становится тем фактором культуры, который определяет содержание исторического процесса.

Кареев отчётливо представлял, что способность привносить в жизнь что-то новое свойственна не всем людям, и что многое определяется благоприятными условиями, которые, в конечном счёте, и определяют появление новаций в обществе. Этими условиями, по Карееву, являются не только природные, материальные и экономические факторы, но и духовные факторы, которым Кареев уделял особое внимание. К ним он относит обычаи, увлечения, привычки, мысли и эмоции, влияющие на личность. Эти явления человеческого сознания ученый относил к психическим и социальным факторам, составляющим «надорганическую среду».

Кареев поставил вопрос – каково соотношение объективных и субъективных («бессознательных и сознательных») факторов в социальной эволюции, в историческом процессе, и описал сложность этого взаимодействия. Исторический процесс переплетён с жизнью каждого поколения. Например, традиции, будучи составным элементом общественной культуры, не просто пассивно влияют на жизнь поколений, но активно противодействуют творческой инициативе личности. Тем не менее, даже самые устоявшиеся традиции дают человеку какую-то степень свободы и с течением времени подвергаются изменениям. Обладая достаточной устойчивостью, традиции сохраняют единство и солидарность в обществе. Однако и они меняются с течением времени через подражательство отдельным творческим личностям. Новое явление в культуре или в социальной жизни может остаться недостаточно известным или не соответствовать потребностям общества.

С другой стороны, нововведение, тормозящее развитие социальной жизни, может быть принято только потому, что у общества нет сил противостоять ему. В то же время традиции, закреплённые в культуре, обладают большим подражательным потенциалом, являются важнейшим фактором функционирования исторического процесса.

Если попытаться суммировать краткое изложение взглядов Кареева на сущность исторического процесса, то можно отметить:

Во-первых, исторический процесс актуализируется в двух аспектах – прагматическом (практическом) и культурном. В первом движущей силой являются люди (личности); культурный процесс напрямую связан с инволюцией культурных норм.

Во-вторых, роль личности в историческом процессе нельзя объяснить, противопоставляя её массам. Сами личности не равны, наряду с творческими личностями имеются пассивные, отсюда и влияние их на исторический процесс различно.

В-третьих, культурная эволюция и деятельность творческой личности находятся в постоянном взаимодействии. Деятельность личности, как правило, оказывает влияние в малых социальных группах, в то время как культурные принципы являются движущей силой масс или больших социальных групп.

Кареев считал, что на основе исследования исторического процесса можно обосновать научную концепцию социального прогресса. В трудах Кареева идея прогресса представлена как субъективная концепция эволюции (исторического процесса), которая основывается исключительно на психологических и этических предпосылках. Кареев утверждал: «Нужно, чтобы общественный идеал не только соответствовал высшим ценностям, какие могут ставиться социальной жизнью с этической и юридической, экономической и политической точек зрения, но, чтобы он был ещё психологически и социологически возможен, чтобы осуществление его было вероятно, чтобы он даже мог рассматриваться как необходимый результат всей социальной эволюции»¹. Практическое значение концептуальной модели социального прогресса находит своё отражение в формуле эволюции, в которой фиксируется как цель, так и средство обеспечения прогрессивного развития общества.

¹ Там же. С. 264.

В формуле общественного прогресса, по мнению Кареева, должны быть зафиксированы представления о пути развития общества и условия при которых это развитие возможно. Следует также зафиксировать способы превращения человека в идеальную личность и необходимые для этого условия. И только отказавшись от абстрактных идей и изучив законы, которые регулируют эти процессы, можно разрабатывать научную теорию прогресса.

В своих трудах Кареев постоянно возвращался к вопросу «Что такое прогресс, в чем заключается прогрессивное развитие общества?» В многочисленных исследованиях этого вопроса у Кареева имеются описания и определения прогресса в социологическом смысле. В сущности, содержание этих описаний состоит в следующем: «Прогресс – это не что иное, как толкование смысла жизни постановкой всё более и более высоких целей и достижение этих целей с помощью растущей культуры и общественной организации, которые увеличивают способность человека воздействовать на природу»¹. Из этого определения следует, что прогресс – это то, что даёт человеку больше средств для существования и развития. С ростом технических знаний и укоренением в этической культуре общества высоких моральных качеств, человек «облагораживает» борьбу за существование. Это проявляется в обострении чувства справедливости в людях, альтруизме, совести. Эти моральные принципы становятся основой организационных форм общественной жизни, что делает стихийную нерегулируемую борьбу за выживание неприемлемой и вредной для личности и для организованной жизни в целом. По мнению Кареева, такой прогресс возможен только тогда, когда люди с развитой психикой объединяются в общество и организуют взаимодействие между собой на высокой духовной основе. Ученый считал, что прогресс – это такие средства, которые обеспечивают совершенство личности. Исходя из этого можно утверждать, что прогресс имеет экономические, интеллектуальные и моральные основания. Объединяя эти основания Кареев выводит формулу прогресса: «Прогресс, с одной стороны, постепенный рост уровня человеческого развития, сопровождаемый условиями, при которых всё большее и боль-

¹ Там же. С. 283.

шее число людей поднимается до этого уровня; с другой стороны – это более справедливое разделение труда среди людей»¹. Развитие духовности человека с точки зрения Н. Кареева невозможно отделить от политической жизни общества, от прогрессивных изменений, которые освобождают человека от подчинения и наделяют его свободой. В тоже время развитие высоких моральных качеств в человеке невозможно без прогресса правосудия, призванного защитить личность от произвола.

Освобождение человека от борьбы за выживание не может осуществиться без институционализации экономической жизни, которая единственная может освободить его от эксплуатации и обеспечить общественную солидарность. Эти относительно обособленные процессы политического, правового, нравственного, социального развития являются составными частями общего социального прогресса, взаимно обуславливая друг друга. Кареев хорошо понимал, что эти сферы общества не могут развиваться равномерно и совпадать в своём поступательном движении. Совпадать в темпах своего развития они могут только в исключительно благоприятных условиях.

В реальных условиях прогресс и регресс проявляются в виде «кризисов эволюции». В процессе разрешения кризисов эволюции общество переходит к более высоким стадиям развития, хотя не исключен и обратный путь. Стадии развития общества Кареев разделяет в зависимости от степени развития следующим образом.

1. «Стадия анархии» – примитивная жизнь диких племён, которая регулируется с помощью семьи, наполнена противоречиями, обособленностью и борьбой за выживание.
2. «Стадия деспотизма» – управляет грубая сила, продолжается борьба за выживание, однако общество уже объединено, хотя и при помощи насилия, появляется деление на касты, развивается экономическая эксплуатация.
3. «Стадия умеренного насилия» – ослабление давления грубой силы в управлении обществом, борьба за существование становится не такой жестокой как прежде, власть получает относительное признание, а подчинение становится более сознательным.

¹ Там же. С. 297.

4. «Стадия сотрудничества, свободы и порядка» – грубая сила ещё присутствует, но противоречия существуют в сдержанной форме, общество менее зависимо от окружающей среды и освобождается от власти каст, наблюдается рост гражданского сознания и добровольное подчинение власти.
5. «Стадия справедливости и правосудия» – идеальное общество: солидарность при господстве закона и справедливости, торжество индивидуальной свободы и равенства.

Нельзя не заметить крайнюю абстрактность и умозрительность представленных рассуждений Кареева о путях исторического процесса и его модели социального прогресса, однако следует помнить, что Кареев представлял субъективную школу в русской социологии и историографии, которая отличалась некоторой наивностью и романтизмом.

Подводя итоги, представленным выше рассуждениям относительно разработанных Кареевым формул исторического процесса и социального прогресса можно сделать некоторые выводы:

- содержанием исторического процесса является взаимодействие элементов общества («надорганической среды»), благодаря активным действиям людей, взаимодействию личности и общества и взаимодействию личностей друг с другом;
- в основе культурного потенциала общества и его духовного богатства лежит активная деятельность людей, развития сознания, творческой мысли, способностей и умений;
- исторический процесс существует как процесс формирования и развития личности, которая выступает в качестве основного активного элемента в историческом процессе;
- субъектом и объектом исторического процесса является человек, который не только активно на него влияет, но и сам является объектом влияния, выступает не только творцом культуры, но и сам находится под её влиянием.

Анализируя формулу социального прогресса, Кареев утверждает, что прогресс можно рассматривать как общее понятие, включающее в себя различные явления социальной жизни:

- умственный прогресс – развитие интересов и способностей к духовной деятельности;

- нравственный прогресс – развитие высоких моральных качеств и совершенствование этических норм в обществе;
- политический прогресс – формирование и утверждение в обществе свободы и демократических принципов жизни;
- юридический прогресс – утверждение равенства и совершенствование правовых норм;
- экономический прогресс – развитие солидарности, кооперации, взаимодействия субъектов экономической жизни, обеспечивающие благосостояние каждого человека.

Кареев значительно продвинулся вперёд в изучении социального прогресса по сравнению с теориями, разрабатываемыми народнической социологией, основные положения которой он разделял. Кареев сумел избежать узкого понимания социального прогресса, благодаря включению в его теоретическую модель практически всех областей человеческой деятельности.

Формула общественного прогресса Кареева базируется на трёх основаниях, определяющих главную цель прогресса. Первый – определяющей основой достижения прогресса в обществе является свобода и наличие солидарности. Второе основание включает в себе определение путей достижения общественного идеала. Это достижение заключается в критическом реформировании социальной организации общества, его культуры и быта.

Это касается, прежде всего, той части надорганической среды (общества), которая развивается «неразумно, противореча и природе, и потребностям человека». Третьим основанием является самоосвобождение личности, что выражает закон самого прогресса. Самоосвобождение личности заключается в подчинении ею «надорганической среды».

Кареев занимает видное место в ряду представителей русской социологии. Работы Кареева стали известны среди социологов Европы и Америки, и рассматриваются ими как интеллектуальное направление в социально-политическом движении людей, стремящихся к демократии и свободе.

Мальченкова Анна Евгеньевна

Санкт-Петербург, СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, к. соц. н., доцент,
palzu73@gmail.com

ТЕОРИЯ МИРОВОГО И РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ТРУДАХ Н.И. КАРЕЕВА

Среди отечественных исследователей, ставивших перед собой задачу не просто описать исторические события, но и попытаться проникнуть в их внутренний смысл, на одно из первых мест следует поставить Н.И. Кареева. В его научном наследии работы, посвященные философии истории, социологическим и психологическим аспектам исторического процесса, вопросам методологии изучения истории, представлены в большом количестве. Примечательно, что докторская диссертация Н.И. Кареева, защищенная им в 1884 г., была выполнена на тему «Основные вопросы философии истории. Критика историко-философских идей и опыт научной теории исторического процесса»¹. По мнению И.Д. Осипова, «эта работа по-своему уникальна, поскольку в ней впервые в отечественной философии всесторонне и критически анализируются практически все известные концепции философии истории и на этой основе развивается оригинальная философия истории Н.И. Кареева»². Сам ученый так характеризовал влияние философии на его взгляды: «Философские интересы не покидали меня, приняв историко-теоретическую и социологическую окраску»³.

Общественно-политическая ситуация, в рамках которой происходило становление Кареева как исследователя, сообщила его методологическим позициям некоторую эклектичность и противоречивость. Н.И. Кареев неизменно позиционировал себя как реалист, сторонник позитивистских и материалистических идей. Его взгляды на историю развивались под впечатлением от работ Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского, а также вульгарных материалистов, в частности Л. Бюхнера. Молодость Кареева пришлась на время активного проникновения в Россию

¹ См.: Кареев Н. Основные вопросы философии истории: Т. 1–3. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883–1890.

² Осипов И.Д. История и культура в философии Н.И. Кареева (к 160-летию со дня рождения)// Вече: альманах русской философии и культуры. 2011. №22. С. 174.

³ Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990. С. 251.

идей О. Конта и Г. Спенсера, появления трудов их русских последователей – П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, и это нашло отражение в его научном творчестве. О мощном влиянии социологии на исторические воззрения Кареева писали Б.Г. Сафронов¹, Л. Новикова и И. Сиземская². Особенно серьезное воздействие на формирование его исторической концепции оказали взгляды позитивистов. Т.А. Двуреченская отмечала: «Кареев строит свою классификацию наук, опираясь на идеи О. Конта, посвященные этой теме»³. Г.Г. Поздеева прямо указывает на то, что «историософская концепция Кареева, в целом, свидетельствует о приверженности автора основополагающим принципам позитивизма»⁴. Как и большинство позитивистов, историк выступал за выбор «золотой середины» между идеализмом и материализмом, хотя ему и не удалось выработать их синтетическое единство. Вместе с тем на философские основания его общего и исторического мировоззрения оказали серьезное влияние взгляды В.С. Соловьева, однокашника Кареева по гимназии и университету, а также Л.Н. Толстого. Некоторые авторы полагают, что Кареев стремился, насколько это было возможно, дистанцироваться от позитивистской методологии изучения исторического процесса и «обосновать возможность исторического знания... в противоположность позитивизму»⁵.

Философское осмысление исторических событий, по мнению Н.И. Кареева, являлось главной задачей философии истории. Она представляла собой комплексное историческое знание, которое суммировало выводы трех дисциплин, занимающихся историческим познанием: историографии (описания конкретных исторических событий), историологии (теории исторического процесса, максимально освобожденной от оценочных суждений), историо-

¹ См.: Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. С. 119.

² См.: Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1999.

³ Двуреченская Т.А. Сущность исторического процесса и проблемы личности в философском наследии Н.И. Кареева: Дисс... канд. филос. наук. М., 1998. С. 10.

⁴ Поздеева Г.Г. Историософские взгляды Н.И. Кареева: Дисс... канд. филос. наук. М., 2000. С. 25.

⁵ См.: Халтурин Ю.Л. Структура исторического знания по Н.И. Карееву // Рукописный журнал Общества ревнителей русской философии. №6. 2003.

софии (теории философии истории). В основе этой модели – деление наук на феноменологические (изучающие единичные, индивидуальные факты и явления), номологические (стремящиеся выявить законы, т. е. общие, повторяемые, однообразные, воспроизводимые связи) и деонтологические (направленные на определение принципов, оснований, целей, смыслов)¹. Данная классификация весьма схожа с контовской (абстрактные и конкретные науки), а также с той, что дали представители баденской школы неокантианства (номотетические и идиографические – В. Виндельбанд, генерализующие и индивидуализирующие – Г. Риккерт).

Философия истории, в трактовке Н.И. Кареева, выступала как «абстрактно-феноменологическое изображение перемен в жизни человечества»². Ее теоретической основой являлась историософия, представлявшая собой своеобразную метафизику истории и способствовавшая выработке ключевых принципов философии истории. Задача философии истории, по Карееву, – в том, чтобы на основе первичных обобщений метафизику истории и ее методов показать действие законов развития «среди данных условий и влияние этих условий на процесс развития»³. Тем самым она объединяет усилия и задачи феноменологии и номологии и позволяет окинуть критическим взглядом путь, пройденный человечеством, понять смысл исторических событий. Это тем более важно с учетом того, что «историческая наука не в состоянии представить целостную картину всемирно-исторического процесса»⁴. Рефлексивно-деонтологическая функция философии истории обусловила то, что ее главной задачей Кареев был склонен считать «суд над историей», то есть сопоставление ее событий с неким возможным идеалом, который являлся бы закономерным следствием исторического прогресса, пусть даже и субъективно понимаемого.

Философию истории от истории отличает степень абстракции: «И в истории возможна целая градация от художественных картин,

¹ См.: Кареев Н. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / С.-Петербург: [Брокгауз-Эфрон; Прил. к журналу «Вестник и библиотека самообразования»], 1903. С. 19.

² Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 7.

³ Там же. С. 77.

⁴ Халтурин Ю.Л. Структура исторического знания по Н.И. Карееву. С. 43.

мелочных подробностей, длинных перечислений частных до отвлеченных схем, до общих характеристик, до крайних формул, – ряд ступеней между конкретностью непосредственного исторического материала и абстрактностью, так сказать его квинтэссенцией. В этом смысле философия истории будет, в конце концов, то же изображение всемирной истории, только доведенное до известной степени абстрактности»¹. Кроме того, философия истории «не должна вносить в историю ничего, чего не дала бы сама наука, кроме точки зрения, руководящей идеи, объединяющего принципа»².

Исторический процесс, по Карееву, детерминирован основными направлениями развития социума. Отсюда принципы истории по своему характеру социологичны: изучением ее законов должна заниматься социология. Как отмечал Б.Г. Могильницкий, социология рассматривалась Кареевым «в узкопсихологическом плане, как наука, опирающаяся прежде всего на материалы психологических исследований»³. Сам историк так характеризовал роль психологии и социологии в изучении исторических явлений: «Историей мы называем изменяющуюся во времени совокупность явлений духовной и общественной жизни человека, а эти явления управляются законами, которые должны исследовать психология и социология. Поэтому для научного объяснения истории достаточно законов психологических и социологических и нет надобности прибегать к открытию специально исторических законов»⁴. Исторические же законы Кареев откровенно называл «могилой истории»⁵.

При этом в состав социологии в качестве «процессуального» компонента социальной динамики должна была входить уже упомянутая выше историология. Фиксация финальных изменений возлагалась на вторую часть социальной динамики – динамическую морфологию. Как отмечают А.В. Зацепин и А.С. Попов, «целью

¹ Кареев Н. Собрание сочинений [в 3-х т.]. Т. I. История с философской точки зрения. С.-Петербург: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1911. С. 53.

² Там же. С. 95.

³ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900-х годов. Томск: Из-во Томского ун-та, 1969. С. 123.

⁴ Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Т. I. С. 113.

⁵ См.: Там же. С. 142.

историологии как номологической науки является только объективное исследование исторического развития»¹. Предельная деидеологизация историологии была следствием влияния на Кареева взглядов итальянского философа Дж. Вико, выступавшего за создание объективного научного знания.

Кроме того, изучением процесса научного познания истории должна была заниматься особая эпистемологическая дисциплина – историка, которая определяла методологию изучения исторических событий. По мнению А.В. Малинова, она была составной частью философии истории и вместе с тем тесно примыкала к гносеологии². Любопытно, что какой-либо прогностической функции за историей Н.И. Кареев не признавал: она должна лишь «изучать конкретное прошлое без каких-либо поползновений предсказывать будущее, как бы изучение прошлого и ни помогало в иных случаях предвидению того, что может случиться или наступить»³.

Главным фактором развития исторического процесса, по мнению историка, выступала человеческая личность. Выдвигая ее на авансцену истории, Кареев стремился противопоставить осязательность людских поступков умозрительности спекулятивных построений, исходивших из гипотетического факта предзаданности хода истории. Ключевой принцип истории, по его мнению, следует сформулировать так: «История есть деятельность людей, ее процесс складывается из поступков человека»⁴. Персонифицированность исторического процесса, его зависимость от человеческих поступков обуславливает тесную взаимосвязь между теорией истории и коллективной психологией, которая позволяет выявить законы развития духовной жизни. Движение вперед по пути эволюции и прогресса есть результат действия воли исторических личностей, противостоящих инертной силе традиций: «Историческая

¹ Зацепин А.В., Попов А.С. Философия истории по Н.И. Карееву // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. 2019. №4 (34). С. 17.

² См.: Малинов А.В. Теория исторического процесса Н.И. Кареева // Клио. 2013. №2 (74). С. 24.

³ Кареев Н. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. 1–2. 2-е изд. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. Часть I. Историка: (Теория ист. знания). С. 29.

⁴ Кареев Н. Роль идей, учреждений и личности в истории. Одесса: Г. Бейленсон и И. Юровский, 1895. С. 3.

эволюция во всех своих проявлениях демонстрирует ослабление традиции и усиление творческого и личностного начала»¹. По мнению Ю.Л. Халтурина, человеческая деятельность в представлении Кареева являлась главной категорией исторического процесса, не позволявшей считать ход истории метафизически предзаданным². Из этого вытекал исторический антиномизм Кареева, полагавшего, что какие-либо закономерности, строгие причинно-следственные связи и неизбежно возникавшие детерминанты чужды историческому процессу, а попытки их выявить ненаучны. История в каждый свой миг представляет собой уникальную комбинацию факторов и условий, столь сложную и изменчивую, что она никогда больше не сможет повториться. Законы ее развития невозможно выявить, поэтому событийная сторона исторического процесса может быть подвергнута только первичному обобщению. Лишь общие черты человеческой психологии, тяготеющей к установлению социальной солидарности (как отмечал Кареев, «общественная организация возникает только на почве психического взаимодействия особей»³), и устойчивые формы жизни общества сообщают историческому процессу повторяемость и цикличность. Однако это не закономерность истории, а законсообразность, имеющая социологическую или психологическую природу и тесно связанная с прогрессом, который, в свою очередь, заключается в усилении значения человеческой деятельности, постепенно подчиняющей себе силы природы с помощью достижений науки и техники и ведущей к улучшению условий жизни человека. Прогресс связан не с историческим развитием как таковым, а с интеллектуальным совершенствованием людей, повышением уровня их нравственности и т. п., в рамках которых индивидуальное и общее должны находиться в состоянии гармонии. В этом проявлялось влияние на Кареева идей О. Конта.

Провозглашение деяний великих личностей главным фактором развития исторического процесса было одним из уязвимых мест теории исторического процесса Н.И. Кареева. Оно заставляло

¹ Малинов А.В. Теория исторического процесса Н.И. Кареева. С. 24.

² См.: Халтурин Ю.Л. Структура исторического знания по Н.И. Карееву.

³ Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Т. II. С. 56.

исследователя заниматься поиском причин всех без исключения явлений общественной жизни в человеческом сознании и в конечном счете создавало грандиозный, но совершенно недостоверный образ героя, беспрепятственно конструирующего историческую ситуацию сообразно своим желанием. Вместе с тем Б.С. Могильницкий справедливо отмечал: «Один из ведущих представителей “субъективной школы” в русской социологии, ревностный приверженец воззрений, рассматривающих личность главным деятелем в истории, Кареев тем не менее не мог обойти ни в своих теоретических исследованиях, ни тем более в историографической практике вопрос о роли масс в общественном процессе»¹. Кареев полагал, что угасание интереса исследователей к деяниям монархов и полководцев, сопровождавшееся возрастанием внимания к жизни массы, общества не может не свидетельствовать о прогрессе исторической науки. В этом также сказались влияние на него позитивистов, придававших большое внимание действиям различных социальных групп.

Вместе с тем, как полагает Г.Г. Поздеева, отрицание Н.И. Кареевым законов истории вступало в противоречие с позитивистским взглядом на сущность науки, которого он придерживался и согласно которому выявление законов является задачей каждой научной дисциплины. Кроме того, Кареев, как было сказано выше, признавал наличие биологических, психологических и социологических закономерностей, проявлявшихся в ходе исторического процесса относительно составных элементов исторических фактов.

Всемирная история, в представлении Кареева, не может быть сведена к простой сумме локальных историй. Активные политические, военные и культурные контакты отдельных государств, торжество высшей, т. е. западной, культуры «свидетельствуют равным образом о том, что история движется в объединительном направлении <...> ... Таким образом, над суммой частных историй возникает история общая, универсальная, всемирная»². Уже цивилизации Древнего Востока не развивались изолированно друг от друга, и это позволяет говорить о том, что вся история челове-

¹ Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 1900-х годов. С. 200.

² Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 6.

ства – это постепенное продвижение от историй отдельных государств к всемирной истории. Традиционное деление истории человечества на Древний мир, Средневековье и Новое время Кареев отрицал как ненаучное, хотя пользовался данной периодизацией и даже несколько усовершенствовал ее, прибавив четвертый период Новейшей истории, который, по его мнению, открывает Великая Французская революция. Ему весьма импонировала цивилизационная концепция Л.И. Мечникова, согласно которой степень развития исторических регионов напрямую зависела от географических факторов, а история человечества делилась на следующие этапы: речной (древнейшие цивилизации Древнего Востока), морской (средиземноморские цивилизации греческих полисов и Рима, морские державы Византии и средневековой Европы) и океанический (атлантические цивилизации европейских государств XVII–XIX вв., США и обозначившаяся к концу XIX в. «всемирная эпоха»). Использование ирригационной теории Мечникова позволило Карееву обосновать свой взгляд на историю как на постепенный процесс установления всемирных связей: «С этой точки зрения всемирная история и является перед нами как процесс постепенного установления политических, экономических и культурных открытий. В конце XV – начале XVI вв. человечество вступило в период океанической цивилизации»¹. Всемирная история, начало которой совпадает с открытием Америки, морского пути в Индию и началом Нового времени, осуществляет интеграцию локальных историй с помощью политических и экономических факторов и приходит на смену господству отдельных «рас». Кареев полагал, что народы не могут считаться равными друг другу; их следует разделить на низшие (неисторические) и высшие (исторические). Ареной действия первых исторических народов были Египет и Передняя Азия. Вытеснившие их римляне расширили границы сцены истории до масштабов Средиземноморья, а им на смену пришли европейские народы. Предпосылками создания единой цивилизации являлись греческая наука, римское государственное устройство и христианство, а ее первой формой стала империя Карла Великого. Европейская цивилизация зижди-

¹ Там же. С. 7.

лась на католичестве и феодальной иерархии. Находясь в состоянии непрерывного расширения, она приобщила к историческому действию сперва восточноевропейские народы, а затем и другие вплоть до Австралии и Океании. При этом Кареев подчеркивал, что «нельзя провести четкой границы между средневековьем и новым временем, потому что средневековые институты и структуры долгое время сказывались на всем строе жизни общества»¹. Таким образом, философия истории в представлении Кареева есть универсальная история, объединяющая локальные истории и выражающая те общие элементы, которые в них содержатся.

Историю России Кареев стремился изучить в функциональном контексте мирового исторического процесса. Заключительная глава его монографии «Общий ход всемирной истории» носит название «Место России во всемирной истории». По Карееву, определяющую роль в развитии России сыграли: во-первых, принятие христианства из рук Византии, превратившее Киевскую Русь в часть греко-славянского мира и отторгнувшее его от западного католического; во-вторых, установление монгольского владычества, приблизившее русские княжества к азиатскому, мусульманскому Востоку; в-третьих, реформы Петра Великого, которые содействовали сближению России с Западом. Став носителем западной культуры, Россия способствовала ее трансляции на Восток. Относительно позднее возникновение Древнерусского государства объясняется не тем, что славяне изначально не были «историческим» народом, а воздействием комплекса географических и климатических условий. Таким образом, к числу детерминант исторического процесса Кареев относил не только психологические и социологические закономерности, но и природные факторы. В связи с «теорией факторов» он стремился избежать односторонней трактовки исторического процесса. Главной причиной изоляции, по мнению Кареева, являлось расположение русских земель в стороне от культурных центров, и лишь наличие главной торговой артерии, связывавшей Новгород и Киев с Константинополем, позволило несколько смягчить последствия этого обстоя-

¹ Дунаева Ю.В. Западноевропейская история в исторической концепции Н.И. Кареева: Дисс... канд. ист. наук. М., 2002. С. 99.

тельства: «если бы не было великого водного пути “из варяг в греки”, как проводника византийской культуры, и культура шла бы сюда только с романского запада через Германию, по всей вероятности, русская история началась бы еще позже»¹. По мере развития народа, его культурный и образовательный уровень начинал оказывать на жизнь государства, общества и каждой личности большее влияние, нежели природная среда. Цивилизованные народы в меньшей степени зависят от особенностей климата и почвы, чем варварские. Крах культуры приводит к историческому застою и деградации нации. Это произошло и с Киевской Русью, жизненные силы которой постоянно истощались кочевниками, а в XIII в. над восточной частью территории Русского государства было установлено «чужеземное иго азиатской орды, препятствовавшее культурному ее развитию»². Восточная Русь впоследствии стала частью Азии, в то время как западные княжества оказались под гнетом Литвы и оказались объектом активной полонизации. Лишь сохранение христианства позволило этим двум частям Русской земли не утратить свое единство. Говоря о цивилизационной принадлежности России, Кареев отрицал наличие каких-либо существенных различий между Европой и Российским государством. Он достаточно жестко критиковал как теорию «Москва – Третий Рим», которая способствовала культурной и политической изоляции России от Запада, так и взгляды Н.Я. Данилевского, полагавшего, что романо-германский и славянский культурно-исторические типы представляют собой полные противоположности. Н.И. Кареев считал возможным создание универсальной цивилизации и утверждал, что «весь <...> ход всемирной истории и внутреннее развитие самой России приводят к тому, что Россия не должна быть ни Византией, ни Азией, а должна быть Европой»³, невзирая на ее постоянное движение начиная с XVI в. на Восток, в Среднюю Азию и к Тихому океану.

Гребенкин Алексей Николаевич

Орел, Среднерусский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ,
д. ист. н., доцент, angrebyonkin@mai1.ru

¹ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. С. 285.

² Там же. С. 283.

³ Там же. С. 299.

**О ДИАЛЕКТИКЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ
И СОЦИАЛЬНЫХ СТРУКТУР
В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ ПРОГРЕССА Н. КАРЕЕВА.
ИДЕЯ МИРОСОЗЕРЦАНИЯ**

Кризисное состояние современного общества обуславливает потребность в переоценке исторического знания и корректировке социального управления. В этих условиях актуализируется наследие российских мыслителей, для которых проблемы преобразования российского общества всегда были в центре внимания. Особое место в этом ряду занимает Н. Кареев, обращавшийся к проблемам изучения социальной реальности для того, чтобы «увидеть» будущее через прошлое и настоящее и вывести формулу «цельного мирозерцания».

Н. Кареев опирался на методологию позитивистской философии, вместе с другими отечественными философами-позитивистами¹, при этом проявляя широту взглядов и исследовательских интересов. Отличительной особенностью методологической концепции Н.И. Кареева является попытка преодолеть ряд существовавших в науке противоречий и расширить понимание истории через призму социальных и экономических взаимоотношений. Так, впервые в отечественных историко-методологических и социально-философских исследованиях он начинает не только употреблять термины «события» и «структуры», но и анализировать их в рамках единого предметного поля философии истории. Описываемые исторические события рассматриваются с одной стороны в онтологическом смысле, а с другой – в гносеологическом.

Вопреки взгляду на историю как на описательную науку об исторических событиях, Н. Кареев считал ее главной наукой в жизни человека и общества. Он утверждал, что все то, что произошло в развитии цивилизаций, а также то, что происходит в настоящем, должно быть включено в предмет исторической науки².

¹ См.: Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиэвистики. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1969.

² См.: Кареев Н. Историко-философские и социологические этюды. С.-Петербург: Издание О.Н. Поповой, 1895. С. 120.

Изучение собственной истории должно быть определяющей целью для любого народа, должно составлять основу его самосознания¹.

Примечательно, что, заложив основы отечественной историософии, сам Кареев осторожно относился к философии. Он называл ее «творчеством», которое развивается по двум линиям с целым рядом переходных ступеней: сциентистской («полюс знаний») и антисциентистской («полюс веры»)².

Исследуя особенности всемирного исторического процесса со времен античности до периода Нового времени, Кареев выстраивал исторические события в единую цепочку и пришел к выводу о поступательном цивилизирующем развитии истории. Значительное внимание Н. Кареев уделяет поиску смысла истории, конкретным историческим событиям, оценке деятельности выдающихся исторических деятелей. Несмотря на кажущееся сходство исторических событий, он исходил из убеждения в их исключительности и неповторимости. Видимо, именно этим можно объяснить тот факт, что в 1918 году, в непростой для России год установления власти большевиков, Н. Кареев издает свой труд «Великая французская революция»³, а в 20-х годах XX века в свет выходит работа «Две английские революции XVII века»⁴.

Исследуя, сопоставляя, сравнивая исторические события, Н. Кареев пытался определить закономерности развития цивилизации и высказывал собственное отношение к ним.

«Историческая жизнь – явление весьма сложное, и все его главные стороны никогда не встречаются с одинаковою полнотою и рельефностью в жизни каждого отдельного народа, в силу чего только путем сравнения и сопоставления исторических явлений у одного народа с аналогичными или противоположными явления-

¹ См.: Кареев Н. Беседы о выработке миросозерцания. Продолжение «Писем к учащейся молодежи о самообразовании» с кратким указателем самообразовательного чтения. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича. 1895. С. 11.

² См.: Там же. С. 74.

³ См.: Кареев Н.И. Великая французская революция. М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 2003.

⁴ См.: Кареев Н.И. Две английские революции XVII века. М.: Гос. публич. ист. б-ка России, 2002.

ми в жизни других оказывается возможность понять тот или иной единичный факт, то или другое общественное явление»¹. Многогранность, с которой автор описывает исследуемые исторические события, позволяет говорить о многофакторности исторического развития.

За каждым событием у Н. Кареева стоят конкретные человеческие личности, с их особой ролью в истории. Исследователь считал, что объективное оценивание исторических событий возможно сквозь призму гениальности конкретного человека. Рассуждая с позиций антропоцентризма, он подчеркивает, что «человек – центр мира истории, через которого и для которого происходит всё совершающееся в истории»². Поэтому его внимание привлекают характерные черты личности деятелей, их психология. Исследования всемирной истории подводят его к заключению, что происходящие в мировой истории события – это закономерный процесс постепенного объединения в единый цельный организм с центром в Европе. «Европа – настоящий центр всемирной истории, опередивший другие части света в своем развитии и влияющий на них и в экономическом, и в культурном, и в политическом отношении»³. Кареев признает однократность исторических событий и в данном случае выводит их за рамки истории, передавая в ведение философии и социологии. Европейское превосходство выступает в исторической картине мира Н. Кареева как способ сохранения «самобытного я» или, по крайней мере, как способ сохранения идентичности, её европейского характера.

С позиции Н. Кареева, наивысшая задача истории как науки заключается в объективном представлении всех ступеней развития человеческого общества. Философия истории же склонна субъективно представлять развитие цивилизации.

В своих работах исследователь неоднократно достаточно убедительно и содержательно описывает понятие прогресса. Поиски исторических закономерностей привели Н. Кареева к мысли, что

¹ Там же. С. 14.

² Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох / С.-Петербург: [Брокгауз-Эфрон; Прил. к журналу «Вестник и библиотека самообразования»], 1903. С. 86.

³ Там же. С. 253–254.

прогресс – норма исторического развития. Он выделяет такие виды прогресса, как умственный, нравственный, политический, юридический, экономический¹. Именно в результате прогрессивного развития всех элементов общества происходит его структуризация, положительные изменения в этической и общественной сферах. Кареев очень осторожно высказывает предположение о наличии взаимообусловленных связей между всеми видами прогресса, о значимости их в сфере общецивилизационного развития, как в изолированном, так и в взаимодополняемом состояниях. Различного рода взаимодействия он не называет социальной структурой, он называет это прогрессом, совокупностью.

«Дело в том, что в силу взаимодействия, происходящего между членами общества, в нем вырабатываются некоторые распространенные мировоззрения, некоторые господствующие моральные идеи, некоторые общепринятые и защищаемые нормы взаимных отношений между людьми, их поведения, соединения в группы и прочия, и прочия. Совокупность этих идей и норм проявляется так или иначе во всех элементах культуры и социальных формах, в деятельности членов общества и в крупных исторических течениях»². Результатом такого взаимодействия выступает генерирование миросозерцания, которое может быть соотнесено с идентичностью. Согласно учению Н. Кареева, наличие миросозерцания не ограничивает нас пониманием самих себя и осознанием окружающей действительности. Миросозерцание позволяет парадигмально выстроить жизненную концепцию и знать «как действовать в жизни»³.

В основании миросозерцания лежат конкретные научные факты и знания, а также идеи с элементами веры, которые должны иметь четкие очертания. Достигнуть уровня, при котором возможно формирование «цельного миросозерцания», возможно при условии самообразования по очерченной конкретной идеей программе и разнообразного чтения. Одна из значимых сторон миросозерцания заключается в определении сущности бытия и опреде-

¹ См.: Там же. С. 330.

² Кареев Н. Беседы о выработке миросозерцания. С. 96.

³ См.: Там же. С. 3.

лении своей роли в обществе и в истории. Согласно его учению, метафизические вопросы должны беспокоить каждого мыслящего человека. Причем для себя он определяет их в качестве «неразрешимых». С позиции Н. Кареева важно не только понимание смысла жизни в обществе, сколько сам процесс искания, который сопряжен с творчеством и поведением людей, выражается во взаимодействии государства, человека, права, экономических отношений¹, предполагает выработку личной идентичности.

Исключительность мирозерцания зависит от того, что является предметом познания и каким образом человек приобретает это познание. Значение идей Н. Кареева заключается в определении многофакторности мирозерцания. Его этическая сторона базируется на истине превосходства добра; физическая сторона отвечает за поиск места человека в природе; социологическая – за поиск места человека в обществе.

Таким образом, обращение к историческим событиям самых отдаленных времен и совокупное взаимодействие всех социальных структур, способствует выработке идентифицирующих основ личности, именуемых Н. Кареевым «цельным мирозерцанием». Ценность подхода заключается в перенесении на историю методов и приемов других наук, что расширило не только предмет познания истории, но и заложило предметные основы социологии, философии истории и других гуманитарных наук. Можно предположить, что прогресс – это способ и социальная структура расширения познавательно-деятельностного развития личности. Н. Кареев в своих трудах заложил основы изучения трансформации индивидуального и коллективного начала в изменяющихся общественных системах, что позволяет поставить задачу обнаружения взаимосвязи исторических событий и социальных структур.

Цифанова Ирина Владимировна

Ставрополь, Ставроп. краевой ин-т развития обр-я, повышения квалификации и переподготовки работников обр-я, к. ист. н., зав. лабораторией,
tsifanova@yandex.ru

¹ См.: Там же. С. 100–101.

Н.И. КАРЕЕВ О ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

Изучение проблемы соотношения личности и общества у Кареева связаны с рядом аспектов его концепции социологии как науки. Ученый характеризовал социологию в целом как «общую абстрактную науку о природе и генезисе общества, об основных его элементах, факторах и силах, об их взаимоотношениях, о характере процессов, в нем совершающихся, где бы и когда бы все это ни существовало и ни происходило»¹. При этом, одним из принципов концепции социологии Кареева является анализ психологической основы социальной жизни. Он считал, что взаимосвязь между индивидами имеет чисто психический характер, но в то же время отношения между ними «не ограничиваются одним духовным обменом... а касаются также и их материальной природы»². Анализируя социальные процессы, Кареев пришел к выводу, что они являются результатом взаимоотношений между членами общества: «Все, что мы относим к понятиям... социальной организации, существует только в личностях и через личности, т. е. или во внутреннем мире отдельных индивидуумов, или в форме взаимных отношений, в каких они между собою находятся»³.

Кареев писал, что психология должна изучать «процессы и результаты психического взаимодействия между людьми по всем трем категориям, – ума, чувства и воли» и что «отдельный человек участвует в жизни общества всеми сторонами своего духовного бытия»⁴. В качестве одной из основ для построения социологии Кареев видел психологизм с учётом прежде всего эмоционально-волевой стороны психики человека, так как ранее и психология, и социология уделяли ей мало внимания. Эта особенность понимания ученым предмета социологии позволяет раскрыть сущность

¹ Кареев Н. Общие основы социологии. Пг: Наука и школа, 1919. С. 9.

² Там же. С. 51.

³ Кареев Н. Введение в изучение социологии. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 103.

⁴ Там же. С. 99.

его подхода к социологической проблеме взаимоотношений индивида и общества. Здесь же можно обнаружить верную интуицию Кареева в отношении последующего развития социологической теории в направлении разработки теории действия.

К. Оганян отмечает: «в трактовке понятия общества [Кареев – *Прим. Т.М.*] объединил структурно-функциональный и трансформационный аспекты социальных явлений»¹. Оппонируя Конт, он считал индивидов первичными элементами социологического анализа. По Карееву члены общества находятся в постоянном взаимодействии, основанном на связях психических, а именно «практические отношения между людьми, создающие всю хозяйственную, государственную и правовую жизнь в обществе, и само общество как система взаимоотношений и взаимодействий между людьми, предполагают существование обмена мыслями и настроениями между отдельными членами общества»². За единицу как предмет исследования социологии принимается личность, а общество или отдельные его группы выступают как собирательные единицы³. Но при этом Кареев отказывался от «fikции естественного человека до общества или вне общества» и исходил из общечеловечности человека как начала социологии⁴. Для Кареева «предметом социологии выступает “экстраментальное”, которое, существуя только через личности и для личностей, являющихся его носителями, представляет собой некоторую объективную реальность, относительно самостоятельную и сохраняющуюся длительное время, составляющую особую жизненную среду, в которой личность пребывает и которая собственно личность из индивида образует»⁵. Психические взаимодействия индивидов между собой обретают постоянные формы, а их результаты «по отношению

¹ См.: Оганян К.К. Взаимоотношения личности и общества в социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Ф. Лилиенфельда // Концепт. 2013. №7 (июль). С. 2.

² Кареев Н. Общие основы социологии. С. 11.

³ См.: Мальсагова Х.И. О. Конт и Н.И. Кареев: развитие позитивизма в России // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2011. №4. С. 216.

⁴ Оганян К.К. Взаимоотношения личности и общества в социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Ф. Лилиенфельда. С. 2.

⁵ Мальсагова Х.И. О. Конт и Н.И. Кареев: развитие позитивизма в России. С. 216.

к отдельным личностям, составляющим общество... играют роль внешней среды, дающей личностям известную окраску и известным образом определяющей их деятельность, подчиняющей их себе как сложившейся культурно-социальной системе»¹.

Подход Кареева к анализу проблемы соотношения личности и общества раскрывается в двух основных различиях: фактическом и аналитическом.

Что касается первого, Кареев полагал, что социология должна изучать, «в чем заключаются взаимные отношения между личностью и обществом, взятым во всех его проявлениях, какие отношения бывают между ними и вообще между ними возможны»², принимая во внимание и то, что «общественность проявляется в различных культурных и социальных формах, определяющих и даже подчиняющих себе отдельные индивидуальные единицы, из коих складывается общество»³. Ученый рассматривал эту проблему в рамках социальной статики, ставя вопрос о том, «насколько личность только определяется этими формами и только им подчиняется и насколько, с другой стороны, сами эти формы независимы от воздействия на них со стороны личности»⁴, и социальной динамики, ставя вопрос о том, «есть ли история общества безличная эволюция или это – личный процесс»⁵.

Аналитическое различие заключается в том, что личность и составляет общество (аспект структуры) и преобразует его (аспект действия). Предлагая исследовать общество посредством изучения личности, Кареев считал необходимым такой порядок, во-первых, потому что «чтобы правильнее понять целое, нужно прежде всего исследовать части, из коих это целое складывается»⁶. Во-вторых, изучение личности есть изучение исходного и ключевого субъекта социальной жизни, стремящегося переработать своей мыслью и деятельностью целое в соответствии со своими потребностями. Таким образом, в феномене личности аналитиче-

¹ Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 295-296.

² Там же. С. 261.

³ Там же. С. 262-263.

⁴ Там же. С. 263.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 265.

ски проявляется и структурный и динамический аспекты социальной жизни. Кареев отмечал это и с точки зрения универсальности феномена личности для изучения различными науками, как номологическими, так и феноменологическими¹.

Во втором аспекте раскрывается смысл того, что принято называть субъективным фактором в связи с именем Кареева: структура общества и его социальные формы создаются при субъективном отношении отдельной личности к другим личностям и к образуемому ими обществу в целом. Интерес Кареева к «субъективной школе» как раз и вызван тем, что «он видел ее заслугу в том, что она впервые перенесла обсуждение важнейших социальных проблем из туманной сферы умозрительной философии на твердую почву научного позитивизма»². Субъективный метод связан с «идеей прогресса, которая предполагает субъективную, этическую оценку процесса общественной эволюции»³. При определении понятия «субъективный метод», Кареев подчеркивает, что он является лишь дополнительным по отношению к объективному, но необходимым в силу того, что «к общей идее существования, которая имеет одинаковую силу для всех наук, в науках гуманитарных и социальных присоединяется еще идея долженствования»⁴. Идея долженствования заключается в этическом отношении к обществу и миру в целом, которое «выражается в виде сконструированных человеком идеалов, формулируется в виде нравственных и общественных принципов, которыми должен руководствоваться человек в личной и общественной жизни и которые должны лежать в основе общественных форм и порядков»⁵.

¹ См.: Мальсагова Х.И. О. Конт и Н.И. Кареев: развитие позитивизма в России. С. 216.

² Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев о роли субъективной школы и генезисе в развитии русской социологии // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 67.

³ Мальсагова Х.И. О. Конт и Н.И. Кареев: развитие позитивизма в России. С. 218.

⁴ Кареев Н. Теоретические вопросы исторической науки // Н.И. Кареев. Собрание соч. Т. 1–3. Том I. История с философской точки зрения. С.-Петербург: Кн-во «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1911. С. 30.

⁵ Мальсагова Х.И. О. Конт и Н.И. Кареев: развитие позитивизма в России. С. 219.

Использование субъективного метода изучения развития общества в социологии отражает феномен реальных отношений личности и общества. Кареев считал, что с помощью субъективного метода можно выявлять роль личности в истории и ставить вопрос о прогрессивности общественного развития, что, в свою очередь, необходимо, так как «социология должна учить, каким образом можно воздействовать на социальную эволюцию, дабы последняя имела прогрессивный характер и дабы, с одной стороны, ускорять процессы, приближающие общество к более совершенному состоянию, а с другой — смягчать те неудобства, какие для настоящего могут заключаться в этих процессах», а также «указывать на средства и способы прогрессивной общественной деятельности» и «определять конечные цели этой деятельности»¹. Субъективизм помогает описать связь между личностью и эволюцией, действием и социальными изменениями.

Итак, позитивизм Н.И. Кареева имеет ярко выраженную этико-психологическую направленность. В социальном развитии общества присутствует психическая, субъективная составляющая; центральной проблемой социологии становятся взаимоотношения личности и общества, в том числе этические. Этика в социальных отношениях связана с волевым аспектом психических феноменов, с достижением идеала. Таким образом, Кареев не уходит от позитивистской установки, а, напротив, расширяет и углубляет ее за счет попытки предположить возможности теоретического синтеза объективного знания о человеческой психике с объективным знанием исторических и экономических закономерностей социальной жизни.

Мотакова Татьяна Владимировна

Вербилки, Московская обл., Талдомский дом-интернат «Березка»,
motakova.t@yandex.ru

¹ Кареев Н. Введение в изучение социологии. С. 358.

**ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ
ИСТОРИОСОФСКИХ ИДЕЙ Н.И. КАРЕЕВА
В ПРОЕКТЕ ИНТЕГРАЦИОННОЙ СОЦИОЛОГИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

В основу своего подхода к изучению социальной жизни Н.И. Кареев положил классификацию наук об обществе по степени обобщения ими социальных явлений или уровней абстракции. Это три основные науки – история, социология и философия истории, каждая из которых имеет свой предмет, метод и уровень обобщения фактов¹. При этом он признавал, что «история человечества не есть внутренне единый процесс, а совокупность целого ряда параллельных процессов, есть сумма историй отдельных народов, находившихся между собой в многообразных отношениях. Да и в истории каждого отдельного народа проявляется не одна какая-либо движущая сила, а действует великое множество таких сил»². И как глубокий исследователь, Кареев не мог не попытаться разрешить противоречие между методом познания общества как единого и целостного (хотя и внутренне дифференцированного) объекта социального познания и фактом «разведения» (дифференциации) методов его изучения по разным наукам. В неявном виде Кареев обозначил возможное направление сближения исторической науки, как фактологической (эмпирической), с социологией, как наукой абстрактной, теоретической. Это сближение вытекало из его представления о важнейшем методе социологии – эволюционном. Но и историческая наука не может абстрагироваться от конкретно-исторических условий, этапов эволюции отдельных фактов, которые она фиксирует. Она, как и социология, опирается на историческую точку зрения, на историзм. «Пользование в научных целях исторической точкой зрения можно вообще

¹ См.: Кареев Н. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. 1–2. 2-е изд. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. Часть I. Историка: (Теория ист. знания); Кареев Н. Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и исторического процесса. Ч. 1–2. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. Часть II. Историология: (Теория ист. процесса); Кареев Н. Общие основы социологии. Пг.: Наука и школа, 1919.

² Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Часть II. С. 47.

называть “историзмом” <...> Историческая точка зрения есть <...> по существу своему точка зрения генетическая и эволюционная»¹. Кареев, на мой взгляд, заложил перспективу интеграции социологической теории и исторической науки, что ведет к выделению особого направления изучения всемирной истории, и совмещению методов обеих областей социального познания. Это направление можно обозначить как социологическую теорию целостности всемирно-исторического процесса. Постараюсь обозначить контуры этого направления как исследовательского проекта.

С начала 1990-х гг. проблема мироцелостности все активнее обсуждалась исследователями глобальных процессов, что породило большое количество публикаций в России и за рубежом. Накопленный опыт осмысления целостности всемирной истории создает предпосылки для обновления ее теоретических моделей. Актуальность этой задачи определяется также обострившимся интересом исторической социологии и теоретической истории к построению общеисторической теории. Одним из путей реализации этой задачи, может стать создание теории целостности всемирно-исторического процесса на основе применения системного подхода.

В социологии сохраняется потенциал для участия в значимом мультипарадигмальном проекте социального познания – многосторонней, поликонцептуальной картине становления человечества как целостности. Социология может предложить пути наиболее адекватного применения системного подхода для решения поставленной задачи, поскольку именно социология сформировалась и развивается, развертывая взгляд на общество как на особый вид системы. Социологический подход к анализу социальных процессов, когда любые социальные феномены рассматриваются как продукты интеракций между различными видами субъектов, открывает перспективу строить теоретическую модель всемирно-исторического процесса как множества синхронно сосуществующих и взаимодействующих в пространстве и времени отдельных обществ, образующих региональные и мировую системы.

В этом случае предметом изучения становятся социально-исторические феномены (закономерности, структуры, отношения),

¹ Кареев Н.И. Из лекций по общей теории истории. Часть I. С. 203.

порождаемые системным типом взаимодействия. В теоретическом объекте, в рамках которого рассматривается проблема становления всемирной истории как целостности, центральным является представление об обществе как о предельном множестве реально сосуществовавших в историческом пространстве конкретных обществ. Это множество в истории общественной мысли было преимущественно объектом философии истории.

Согласно собственно социологической парадигме, участники всемирно-исторического процесса взаимодействуют в разной степени на всех этапах своей истории, что оказывает влияние на специфику развития отдельных обществ. Применению системного подхода предшествует задание онтологии всемирной истории как отношения целого и частей, когда части существуют как функции целого и им порождаются, а их специфика (особенное) обеспечивает существование целого (общего). Попытка именно таким образом строить общеисторическую теорию может вызвать возражения, в частности, на основании аргумента, что человечество в своей истории не представляло единого органичного целого и в настоящее время не превратилось полностью в систему; или с точки зрения предметной несостоятельности данного подхода, – будто бы попытки охватить всю историю (антихолизм К. Поппера), хотя задача отображения целостности вовсе и не предполагает отображения объекта в целом, т. е. всего многообразия его форм.

Контраргументом первому возражению является выделение в качестве объекта социологической теории целостности всемирно-исторического процесса того реального множества синхронно сосуществовавших и постоянно взаимодействовавших обществ – отдельных социальных организмов, связи между которыми носили и носят системный характер, поскольку разнообразные контакты и взаимные действия еще не есть система. Социальная система может возникнуть в процессе нарастания взаимных контактов и общения между индивидами и сообществами, перерастая в социальные взаимодействия, но может и не состояться. Причем в соответствии с современными представлениями о механизме развития сверхсложных социальных систем – системных комплексов – теория целостности всемирно-исторического процесса

должна опираться на трактовку его как самоорганизующейся целостности. Отсутствие, в частности, разработанных понятий *отдельного общества* как самодостаточного социального образования и *региональной системы отдельных обществ* затрудняет понимание мировой истории как единого целого, что в определенной степени спровоцировало обсуждение вопроса о невозможности не только существования единой цивилизации, но и о столкновении локальных цивилизаций (С. Хантингтон).

Хотя известна и другая крайность: И. Валлерстайн сделал мироцелостность основной единицей социально-исторического познания и даже единственной, сведя локальные социумы к эманациям мировой системы. Крайности такого миросистемного анализа попытался уравновесить В. Каволис, высказав идею о возможности порождать мироцелостность отдельными цивилизациями как локальными социокультурными системами. В этой связи особый интерес представляет подход Н. Лумана, который определял отдельные социальные системы как аутопойетические.

Из принципа самодостаточности локального развития возникли в свое время парадигма уникальности форм отдельных обществ (Н.Я. Данилевский, А. Тойнби, О. Шпенглер) и сам цивилизационный подход. Концепция мироцелостности разрабатывалась в трудах отечественных сторонников цивилизационного подхода, прежде всего у Е.Б. Черняка, Б.С. Ерасова, Ю.В. Яковца, В.С. Степина, А.С. Ахиезера, Н.С. Розова, А.С. Панарина, Л.И. Рейснера. Большие перспективы для исследования механизма становления мироцелостности открывает далеко еще не в полной степени используемая научным сообществом модель распада и интеграции мировых культур в интегральной социологии П.А. Сорокина.

Разрабатывать социологическую теорию целостности всемирно-исторического процесса необходимо опираясь на материалы эмпирических и теоретических исследований самых различных эпох социальной истории. Но предварять такой анализ должно онтологическое и методологическое обоснование интеграционной социологии исторического процесса как особой области знания, находящейся на пересечении теоретической истории и социологии. Цель такого типа исследования – обоснование мето-

дологических предпосылок интеграционной социологии исторического процесса как самостоятельного научного направления, возникающего на границе социологии социального развития и исторической социологии и имеющего специфический объект, предмет и метод, а также проведение анализа оснований и общего механизма становления целостности мировой истории. Для этого требуется по-новому взглянуть на возможности, открываемые системным подходом к изучению глобальных социально-исторических систем.

В качестве теоретико-методологических средств выступают: системный подход; трактовка системного подхода как структурно-генетического; определение целостности как состояния (интегративного качества) и как процесса (интеграции); рассмотрение всемирно-исторического процесса как становящейся системы.

При исследовании целостности всемирно-исторического процесса и его динамики необходимо опираться на ряд философских, общенаучных и частнонаучных методологических предпосылок. Привлечение философских методов предполагает использование таких категорий, как целое, субстанция, развитие, взаимодействие, качество. Общенаучным методологическим основанием выступает системный подход и его стороны: структурный, функциональный, генетический и целостный. Первостепенное значение необходимо придать применению методов социологической науки, из которых, прежде всего, методам работы с эмпирическими и теоретическими моделями, описывающими исторические и современные социальные объекты как структуры, интеграционные процессы, социальные институты, социальные общности. Кроме того, исследование должно базироваться на общесоциологических концепциях общества как органичного целого и стадийности развития всемирной истории, включающей этапы мировой цивилизации.

Уточняя методологическую «призму» предпринимаемого исследования, необходимо прояснить характер той области научного познания, в которой будет протекать поиск ответов на сформулированные задачи. Теория целостности всемирно-исторического процесса в том виде, в которой она определена, относится, на мой взгляд, к предмету мало разрабатываемой *социологии исторического процесса*, как особого случая работы по тематике

социологии социальных изменений или социального развития. Полагаю, что исторический процесс как объект познания может быть отображен в рамках, во-первых, теоретической истории, во-вторых, социально-философской теории общественного развития и в-третьих, собственно социологии истории. В чем различие подходов? Построение социально-философской теории истории (например, у Г. Гегеля, О. Конта, К. Маркса) опирается на принцип дедуктивного «развертывания» (выведения) некоторой предельно абстрактной идеи-конструкции исторического развития с использованием философских категорий. Теоретическая история при построении концепции всемирности в качестве исходных категориально-методологических оснований и концептуального ориентира преимущественно индуктивного исследования избирает некоторую социально-философскую и предельно идеализированную модель стадии (этапа или фазы) исторического развития. В свою очередь, при моделировании процессов прошлого и настоящего в социологическом знании ставится задача не создавать априори теоретическую модель процесса, а выявлять в историческом материале с помощью общенаучных подходов и методов инвариантные структуры социума. Только в этом смысле социологию и историческую социологию можно признать «родственными дисциплинами».

Социология исторического процесса – это не историческая социология. Полагаю, что *социология истории* опирается, прежде всего, на общенаучные методы (а не только социологические), применяемые, впрочем, в предметной области самой социологии, что и делает ее особой социальной наукой. *Историческая социология* строит социологические модели прошлого и описывает их на «категориальном» языке социологии, а не исторической науки, уточняя при этом содержание социологических концепций разного уровня. *Социология исторического процесса* разрабатывает специфический понятийный аппарат, который обогащает социологию социальных изменений и социального развития.

Теоретических концепций в социологии истории немного. Например, это концепция мироцелостного анализа И. Валлерстайна или теория социально-культурной динамики П. Сорокина. К ним примыкают анализ мирового исторического процесса, вы-

полненный «в ключе» концепции «длинной временной протяженности» Ф. Броделем, концепция исторических цивилизационных «волн» Э. Тоффлера и теория исторических способов развития М. Кастельса. Это также редкие исследования с использованием синергетической парадигмы. Основа этих концепций – применение общенаучных принципов и категорий: системного, целостного, синергетического, волнового, инверсионного (А. Ахиезер).

Здесь я пытаюсь предложить версию социологии исторического процесса: *«интеграционную социологию исторического процесса»*. Одним из важнейших ее источников явились исследования Н.И. Кареевым методов социальных наук. Построение теоретических моделей такого сверхсложного объекта, как социальный исторический процесс, требует поиска способов сближения не только методологий, но и их исходных онтологий, в которых зафиксирована специфика искомым закономерностей. «Главный вопрос социологической методологии касается способов открытия законов, которыми управляются общественные явления»¹. И хотя социология – это общая абстрактная наука о природе и генезисе общества, она неизбежно должна обращаться к изучению конкретных процессов как область знания «об основных его элементах, факторах и силах, об их взаимоотношениях, о характере процессов, в нем совершающихся, где бы и когда бы все это ни существовало и ни происходило»². Что невозможно без обращения к социальным фактам. В итоге, противопоставив социологию и историю, Кареев одновременно обозначил и путь их возможного синтеза, что может быть представлено в концепции особого вида теоретического знания об историческом процессе. Взаимодействие эмпирического и теоретического уровней знания в формировании исторической теории происходит в процессе восхождения от абстрактного к конкретному.

Этот метод наиболее уместен при построении теоретического знания о сложных саморазвивающихся системах, и именно он является наиболее адекватным задачам построения теории в исторической науке. Объект последней – отдельные конкретные социаль-

¹ Кареев Н. Введение в изучение социологии. 3-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 191.

² Кареев Н.И. Общие основы социологии. С. 9.

ные организмы – именно такие системы. При этом движение от абстрактно-эмпирического к абстрактно-теоретическому, и от него к конкретно-теоретическому не завершается как при построении теоретических моделей прочих изначально идеализированных объектов, а продолжается в направлении к конкретно-эмпирическому уровню. Это обусловлено тем, что объектами теоретических моделей в исторической науке являются конкретно существующие социумы и задача их изучения – это выяснение, как конкретные обстоятельства их существования формируют их устойчивую специфику, обозначаемую как исторические закономерности (особенное).

Онтологическим основанием теории целостности исторического процесса является следующее. Существование социальной формы бытия как исторического социума возможно, если: во-первых, исторический процесс протекает как потоки историй множества отдельных социальных организмов, устойчиво воспроизводящих свою локальную специфику – *локальные генотипы*; во-вторых, отдельные социальные организмы и их генотипы воспроизводятся через включение в интеграционную сеть взаимодействий локальных социумов и сами воспроизводят новые структуры – *региональные генотипы*; в-третьих, в структурах региональных генотипов закрепляются и устойчиво воспроизводятся локальные и региональные генотипы. Идеализированные объекты, которые представляют теоретическое знание в исторической науке, отличаются от теоретических схем более высокого уровня абстракции тем, что описывают реальные объекты – отдельные социальные организмы, и черты особенного этих реальных объектов могут быть обнаружены эмпирически и могут войти в содержание их теоретических моделей. Тем самым единство концептуальной модели исторической теории задается теоретической схемой на конкретно-теоретическом уровне, но полное свое завершение историческая теория получает после включения в нее эмпирических схем. Специфика исторической теории заключается в том, что основание ее единства состоит в единстве единичного и общего, составляющее своеобразие существования особенного в объекте исторической науки – отдельном социальном организме.

Игнатъев Владимир Игоревич

Новосибирск, НГТУ-НЭТИ, д. филос. н., профессор, ighnatiev.v@inbox.ru

**РУССКАЯ ИСТОРИОСОФИЯ:
ПРИНЦИП КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
УНИВЕРСАЛИЗМА Н.И. КАРЕЕВА
И ИДЕЯ ЛИЧНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА
В УЧЕНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ**

Идея историософии во многом ведёт своё начало от философского творчества Н.И. Кареева, разрабатывавшего принцип культурно-исторического универсализма, объединявший и многих современников Кареева: П.Г. Виноградова, Т. Н. Грановского, М.М. Ковалевского, А.С. Лаппо-Данилевского, Л.И. Мечникова, С.М. Соловьёва, Б.Н. Чичерина. Научные концепции выдающихся историков России объединяли «всемирно-историческая точка зрения и принцип культурно-исторического универсализма, ставший методологической основой школы отечественных историков»¹.

Историю Западной Европы, начиная с периода Средневековья с продолжением в Новое время, Кареев рассматривал как историю одного западноевропейского общества. Всемирно-исторический процесс всегда развивался в объединительном направлении, сближение между отдельными странами, народами происходит всё более активно. Процесс постепенного объединения человечества, расширение и углубление связей ведет к усилению общей универсальной составляющей культуры человечества. Каждый народ, каждая страны обладают изначально своей собственной, местной, особой жизнью. «Постольку, поскольку судьбы отдельных народов переплетались между собой... между народами установилась историческая преемственность; ...над суммой частных историй возникла история общая, универсальная, всемирная»². Целостность мира в философии истории Кареева передаётся через осмыс-

¹ Осипов И.Д. История и культура в философии Н.И. Кареева (к 160-летию со дня рождения) // Вече: альманах русской философии и культуры Вып. 22. С. 174–185.

² Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса) // Социология истории Николая Кареева: К 150-летию со дня рождения / Под ред. А.О. Боронова и др.. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 18, 20.

ление понятия «интернациональные системы». В современной глобалистике это получило название «фундаментальной глобализации». Исторический процесс, таким образом, по Карееву, совершается именно в коллективе. Особенности экономических, культурных, политических традиций народа обусловлены особенностями их жизненных устоев. Но многое является результатом заимствований, внешнего влияния других народов. Такую же позицию по поводу взаимовлияния культур занимали С.М. Соловьев и В.О. Ключевский.

В общественной жизни находятся в определенных взаимоотношениях обособленные по своему содержанию и по способам своего развития сферы: философия, наука, религия, литература, политика, народное хозяйство. Изменения в какой-то одной сфере влияют на другую. Например, изменения, касающиеся экономической сферы, отражаются в политике, в праве, в морали. Идейные изменения влияют на историю государственных учреждений, правовых норм, социально-экономических отношений. От них во многом зависит история литературы и искусства. Социальная история находится в тесной связи с историей идей (религиозных, морально-нравственных). Каждая специальная история охватывает какое-либо одно частное развитие и только через призму данного развития рассматривает эволюцию самого общества.

В своих рассуждениях об истории Кареев стремился соединить методы исследования истории, философии и социологии. Их объединяет и предмет изучения – общество и культура в процессе развития. Задача истории – изучать конкретное прошлое. Социология, по его мнению, должна заниматься изучением общественных форм и учреждений, взаимоотношением социальных групп. Философия истории должна заниматься динамической стороной общества. Теория исторического процесса – это часть философии истории, занимающаяся изучением форм и путей прогресса. В своей работе «Философия, история и теория прогресса» Кареев пытается выстроить логическую цепочку связи социогуманитарных наук – от конкретных историй до понимания включенности всего человечества в общий прогресс: «Знание наше делается более целостным, как скоро мы соединяем совокупность конкрет-

ных, но разрозненных народов, как части одного абстрактного целого – человечества. <...> Историческая наука на последней ступени объединения своего знания приводит нас к философии, которой мы в данном случае имеем право дать название историософии»¹.

В этой же работе он ставит ещё один важный вопрос: отношение науки к идеалу: «Научная философия истории не идеализирует действительности, но судит ее с точки зрения идеала». «Чтобы философия истории была научной, необходимо соблюдение двух условий: во-первых, материал ее (факты, их последовательность, их соединение) должен быть ей доставлен наукой; во-вторых, та формула прогресса, с точки зрения которой она объединяет историческое знание, должна играть роль только мерки, которую мы прикидываем к действительной истории, а не плана, по которому она происходит, и сама мерка эта должна соответствовать измеряемому предмету, т. е. не заключать в себе такого идеала, чтобы его не могла осуществить история, не указывать к нему путей, не находящих себе места среди условий исторического процесса вообще, не искать основы движения к этому идеалу вне мира явлений человеческой жизни»².

Вопрос о том, куда идёт человечество, какие цели ставит, какие идеалы проповедует, сводится у Кареева к главному субъекту истории – личности человека, которая формируется под влиянием органических (прирождённых, внутренних) условий, внешних, неорганических (окружающая природа) и надорганических в виде существующих культурных и социальных форм. В свою очередь географическая среда, культурные и социальные связи способствуют постоянному влиянию людей друг на друга. Вот это всё и создаёт «единство жизни народа и цельность надорганической среды»³.

¹ Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Очерк русской философии истории. Антология / Ин-т философии РАН; Ред.-сост. Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1996. С. 221, 222.

² Там же. С. 223.

³ Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Ч. 1–2. 2-е изд., перераб. С.-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1887. Часть I. Сущность и задачи философии истории. С. 53.

История существует через личностей, творящих её. Социальная жизнь – это разные системы отношений между людьми-личностями. Человечество, человеческое общество – это система отношений, где люди связаны в единое целое. Отдельные личности ставят перед собой и обществом цели. Все достижения техники были созданы творческими личностями. В истории Западной Европы личностное начало получило широкое развитие, что дало возможность выработать высокую культуру, улучшить материальный быт: технический прогресс Западной Европы был создан также благодаря развитию европейской личности¹.

Историософский вывод Кареева после аргументированного разделения им истории на общую и специальные заключается в том, что всеобщая история не может быть простым соединением специальных историй (стран, народов, отдельных сфер их жизни). Обязанность «общего» историка в том и заключается, чтобы «привести к одному знаменателю особые точки зрения специалистов по литературе и праву, по церковной или художественной истории, по политической экономии или философии и представить общую основу всего разнообразия исторической жизни»². Особое место русский ученый отводил философии как области духовного творчества. Истории философии и религии Кареев посвятил отдельные главы своей «Истории Западной Европы», заключая, что философия и религия служат выражением общего мирозерцания эпохи и отражением общих ее настроений и стремлений³. Можно сделать вывод, что системный подход к исследованию исторического развития человечества позволил Карееву наметить пунктиром, и даже предвосхитить, осмысление глобализации, которая проявила себя очевидной во второй половине XX столетия.

¹ См.: Кареев Н. Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300–1800). Введение в историю XIX века (Основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII веков). СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. С. 21.

² Кареев Н. История Западной Европы в новое время: в 7 т. Т. I. 5-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. С. 26.

³ См.: Кареев Н. История Западной Европы в новое время: в 7 т. Т. VI. Ч. II. СПб.: Тип. И.А. Эфрона, 1910.

«Философия истории, по его мнению, занимается поиском смыслов исторических явлений, судом над ними. Другое ее наименование – философская феноменология. Философия истории, по Карееву, включает историологию – учение о законах исторического процесса – и историку – учение о методах исторического исследования. По отношению к обеим отраслям философии истории историософия выступает в роли определенной метаконцепции, целостного мировидения, поскольку в деонтологическом и антропологическом подходах к историческому процессу осуществляется, согласно Карееву, синтез научно-объективного рассмотрения исторического процесса (метод номологических наук) и ценностного подхода (метод идиографических наук)»¹. Сам Кареев пишет, что «историософия есть разрешение таких вопросов историки, философии и номологических наук, без которых немислимо самое занятие философией истории. Особенно в наше время чувствуется необходимость в подобной дисциплине, когда история колеблется между самым грубым эмпиризмом и самыми произвольными субъективными толкованиями»².

По Карееву, предмет историософии может быть представлен в виде совокупности следующих составных частей: историческая номология как учение о закономерностях социально-исторического развития; деонтология, в основе которой лежит учение об общественных идеалах; философско-антропологический подход к осмыслению исторических процессов и явлений; использование методов социологии и психологии для конструирования имманентного хода исторического процесса; формула прогресса как методологический инструмент оценки исторических явлений и процессов.

В литературе историософское понимание как культурно-исторический универсализм, однако развития не получило. В отече-

¹ Русакова О.В. Историософия: толкования предмета и типология // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. №3. 2002. С. 3-28.

² Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософских идей и опыт научной теории исторического прогресса // Философия и общество. 1997. Вып. №1. С. 218-243. Глава 1. Понятие философии истории (фрагменты).

ственных исследованиях преобладала точка зрения Н.А. Бердяева, которая исходила из того, что историософия – это особая мыслительная традиция, особый подход к осмыслению истории. Речь в данном случае идёт об изучении русской истории, обычаев и традиций русского народа. По нашему мнению, в истории русской книжности это относится к такому памятнику древнерусской литературы как «Слово о Законе и Благодати» Митрополита Киевского Илариона¹. Церковная проповедь Илариона, оформленная в виде богословского трактата (середина XI века), сосредотачивает внимание на мессианской роли «свежего» русского народа. Через акт крещения на народ русский исходит благодать. Эта благодать трактуется как живое слово, а Моисеев закон как слово мертвое. В силу этого русский народ провозглашается особенным, носителем благодати. В церковно-православной традиции – народ «богоносец». К этому же типу литературы можно отнести тексты, связанные с идеологемой «Москва – Третий Рим». Сама идеологема получила обобщённое выражение в послании инока Псковского Филофея Великому князю Московскому Василию III (вторая четверть XVI века)², в котором он проводит мысль о том, что как наследнице Византии, России присуща универсальная, вселенская миссия православной империи. С одной стороны, она должна являться оплотом православия, а с другой, должна распространять эту веру по всему миру. Сочинение Филофея явилось продолжением пророчеств Илариона о выполнении Русью уникальной христианской миссии, о русском народе-богоносце.

В XVII столетии русская православная церковь претерпевает так называемый Великий Раскол на приверженцев Московской патриаршей церкви и сторонников «старой веры», которые после Манифеста 1905 г. стали именоваться старообрядцами. Историософская составляющая проповедей и социальной практики старообрядцев в центре внимания имела проблему прошлого и бу-

¹ См.: Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011.

² См.: [Старец Филофей]. Послание Великому князю Василию в нем же об исправлении крестного знамения и о содомском блуде // Библиотека литературы Древней Руси. Т.9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2006. С. 301–305.

душей судьбы русского народа. Истоки, характер и степень сохранности древнерусских и древнеправославных культурных традиций отразились в старообрядчестве. Изучение культуры русского народа требует исследования культурного наследия старообрядчества как хранителя и продолжателя древних традиций в конфессиональной, духовной и культурной жизни России.

Для русского человека и российской истории, по мнению писателей-старообрядцев в словах «Правда», «Истина», «Благодать» сосредоточено очень многое, отвечающее сокровенным тайнам русской души. Правдолюбец, праведник, правдивость – эти слова очень много значат для нашей истории. Принято считать ассоциативно, что по коренному своему значению «правда» связана со знаменитым сборником узаконений Древней Руси, с Русской Правдой, а «благодать» с трактатом Митрополита Илариона. Правдолюбец – неотъемлемое лицо российской истории и литературы. Это понятие в самом широком плане вписывается в историю старообрядчества, по своему содержанию оно применимо в качестве характеристики его духовных лидеров (протопоп Аввакум, иноки Соловецкого монастыря и др.). Люди, выдвигавшие идею «старой веры» в обличениях господствующей церкви и государства были подвинуты заботой о сохранении истинной, традиционной Руси. Как писал В.Г. Сенатов, «они служили России»¹. Правда и правдолюбие издавна – дело жизни и дело духовных исканий русского человека. Как пишет современный философ, «никак не свести такие поиски к задачам науки. Холодное, бездушное разглагольствование о правде не только не способно приблизиться к ее смыслу, но умерщвляет что-то самое сокровенное, ради чего родилось и не исчезло, к счастью, пока это слово – Правда. Только человек, страдающий о подлинных ценностях души, способен сказать весомые слова о Правде, ибо, Правда и Совесть – это не просто однопорядковые слова, это однопорядковые явления жизни, неразрывные состояния беспокойной души»².

¹ Сенатов В. Философия истории старообрядчества. Вып. 1–2. М.: Союз старообрядч. начетчиков, 1908. Вып.2. С. 68–69.

² Корольков А.А. Восхождение к нравственной философии // Какая философия нам нужна? Размышления о философии и духовных проблемах нашего общества /Сост. Ю.Н. Солонин. Л.: Лениздат, 1990. С. 99.

Формирование представления о личной ответственности за грехи свои перед Богом в историософии раннего старообрядчества проходит на фоне необходимости выбора между «никонианством» и «старой верой». Этот выбор должен сделать лично каждый русский человек. Обоснованию своего выбора в пользу веры отцов Аввакум и посвящает «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»¹. При этом ему приходится решать и другую нелегкую задачу – выбирать между мирской ответственностью за свою семью, жену и детей и ответственностью перед Богом за свои деяния и свою паству. Личная ответственность христианского человека в антропологическом смысле затрагивается Аввакумом в сочинении «Списание и собрание о божестве и о твари, и како созда Бог человека». Излагая события первых книг Библии, книг Бытия, он сопровождает это изложение своим собственным толкованием и православно-нравственными поучениями. Аввакум подчеркивает исключительность человека со всем сотворенным: «И бысть человек в душу живу. Зри: всю тварь сотворил словом, а человека боголепными руками»². Проблема ответственности связывается им с проблемой выбора личности в контексте известного проступка Адама и Евы, нарушении заповеди о запрете вкушения плода познания добра и зла. Для Аввакума эта ситуация близка лично. Уклонение от «древлего благочестия» для него есть то же самое преступление заповеди и нравственного закона. Расколоучитель проводит следующую мысль: каждый человек наделен личной свободой воли, в силу этого он отвечает перед Богом за уклонение от Правды.

В дальнейшем в связи с эволюцией раннего старообрядчества происходит его деление на различные церкви, согласия и толки³; особенно подчеркивается проблема личной ответственности человека, что сопровождается православно-нравственными поуче-

¹ См.: Житие протопопа Аввакума. СПб.: Наука, 2019.

² [Аввакум]. Списание и собрание о божестве и о твари, и како созда Бог человека // Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита: в 9-ти т. / Под ред. Н.И. Субботина. М.: Тип. Э. Лиснер и Ю. Роман, 1875–1895. Т. 5. С. 310–336.

³ См.: Лещинский А.Н. Православие: единство и разделения (социумные детерминанты, типология, противоречия и тенденции). М.: Изд-во РГСУ, 2011. С. 66–67.

ниями. Это нашло свое отражение в старообрядческом фольклоре, в частности, в духовных стихах. Эта проблема входит в контекст массового сознания русского православного человека, той или иной стороной отражается в вероучении тех групп, что составляют русский раскол и сектантство. Здесь историософия старообрядчества переходит на уровень массового сознания, входит в ткань духовной жизни всех его представителей.

Одним из таких примеров является беспоповщина. Возникнув в конце XVII века, беспоповцы отвергали церковно-православную иерархию, заменяли священников уставщиками и начетчиками. Беспоповцы – для своего времени наиболее радикальное течение старообрядчества. В 1692 и 1694 гг. Соборы новгородских старообрядцев-беспоповцев выработали основные положения их учения. По их мнению, с воцарением Антихриста на земле православие было утрачено, а значит, истинной церкви больше нет. Священство на Руси перевелось, поэтому нет возможности совершать таинства причащения и брака. Безбрачие стало обязательным для беспоповцев. Из христианских таинств, признавались только два – крещение и покаяние. Центральной идеей историософии беспоповцев явилось нежелание жить в мире зла, а в случае невозможности противостоять ему, принять добровольное мученичество. Отсюда в среде беспоповцев широкое распространение получили так называемые «гари» или самосожжения¹.

Протопоп Аввакум как духовный лидер старообрядчества одобрял это «добровольное мученичество». Он благословил на самосожжение своих сторонников и объяснил, что в отличие от самоубийц те, кто добровольно идут на гарь, «сожегшие телеса своя, души же в руке Божии предавшие, ликовствуют со Христом во веки веком самовольные мученики». Среди старообрядцев широкое распространение в связи с этим получил «Духовный стих», проповедовавший «гари» и самосожжения:

О братие и сестры, полно вам плутати и попам выкуп давати;
Елицы есть добрия, свое спасение возлюбите
И скорым путем, с женами и детьми, в царство Божие теките.

¹ См.: Никольский Н.М. История русской церкви. 3-е изд. М.: Политиздат, 1985.

Радейте, не ослабейте; великий страдалец Аввакум благославляет
И вечную вам память воспеваает:
Теците, теците, да вси огнем сгорите.

Самосожжение было объявлено старообрядцами добровольным мученичеством и тем самым подлежало оправданию. «Смерть в огне» стала практиковаться как главный способ мученичества, а самосожжение получило среди старообрядцев такую трактовку, как второе крещение или перекрещение – «крещение огнем». Современный энциклопедический словарь по старообрядчеству следующим образом определяет понятие «самосожжение»: «Самосожжение (иначе: гарь) – это мученическая смерть в огне, на которую добровольно шли многие старообрядцы, чтобы не впасть в руки антихристовы»¹. Словарь, изданный современными представителями старообрядчества, таким образом, трактует самосожжение в русле учений Аввакума о «добровольном мученичестве» и проповедника Капитона о царстве Антихриста. В последующем история ухода старообрядцев от «слуг Антихриста» была связана с толком бегунства («бегуны»).

Распространение воззрений и социально-политической идеологии старообрядчества по стране шло не только по линии бегунства, так сказать «движения в низах», но, как это ни парадоксально, к нему приложило свои руки и царское правительство. Используя методы политической ссылки и церковно-религиозных гонений, перемещая лидеров старообрядчества с одного места поселения в другое, правительство тем самым, не желая того, способствовало старообрядческому миссионерству. Пребывание выдающихся представителей русской политической, религиозной и культурной элиты в окраинных монастырях России имело неожиданное для областей последствие: перемещение этих лиц становилось своеобразной формой трансляции наиболее актуальных культурных, духовных и политических тенденций в среду северного и сибирского монашества, а оттуда и в старообрядческие общины. Современный исследователь пишет: «Только в Соло-

¹ Старообрядчество: лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. / Сост. С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. М.: Изд-во журнала «Церковь», 1996. С. 249.

вещком монастыре в XVI-XVII веках отбывали ссылку: Авраамий Палицын (выдающийся общественный и религиозный деятель Смутного времени, писатель), Арсений Грек (выдающийся богослов, ставший после возвращения из ссылки первым справщиком Печатного двора в Москве и учителем Греко-латинской школы в Кремле, получившей название патриаршей), Феофан Грек (афонский архимандрит, книжник, один из идеологов Соловецкого восстания), Никанор (игумен Саввино-Сторожевского монастыря, один из активных противников никоновских реформ, один из лидеров Соловецкого восстания) и многие другие выдающиеся деятели культуры и общественной мысли той эпохи... Массовая ссылка участников Соловецкого восстания в беломорские монастыри привела к многочисленным побегам иноков-старообрядцев, заложившим основы масштабного миграционного движения – «ухода в леса» от царского произвола и церковных преобразований¹.

Историософия старообрядцев опиралась на эту практику «ухода в леса» и на апокалиптическую литературу. Петербургский исследователь старообрядчества по этому поводу пишет: «Апокалипсическая литература ещё со времен Крещения Руси стала излюбленным чтением русского христианина. Апокалипсические темы неоднократно затрагивались и разрабатывались в оригинальной древнерусской литературе, опиравшейся на традиции святоотеческой мысли, начиная от святых Иринея Лионского и Ипполита Римского и заканчивая святым Ефремом Сирином. Святые отцы называли антихриста «змием», «зверем», «львом», «врагом», «губителем», «диаволом», «сатаною», «бесом преисподним», «сопротивником» и «супостатом»²

Итак, во-первых, историософия в нашем исследовании русской историософской школы представлена концепциями профес-

¹ Шаляпин С.О. Монастырская ссылка как специфическая форма культурной миграции // Диалог культур и партнерство цивилизаций: IX Международные Лихачевские научные чтения, 14–15 мая [Сборник тезисов] 2009 г. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. С. 467–468.

² Кожурин К.Я. Теории южно-западнорусских богословов как источник старообрядческой историософии // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. Спецвыпуск к 111-летию. СПб.: СПбГАУ, 2015. С. 55.

сиональных учёных и педагогов (Кареев, Бердяев, Зеньковский и др.), а также историософской литературой древнерусской книжности и старообрядчества. Во-вторых, мы придерживаемся мнения, что историософия, или философия истории, исследует имманентную логику развития человеческого общества. В данном вопросе мы разделяем точку зрения ряда авторов о том, что философия истории считается в философской практике одним из разделов, призванных «ответить на вопросы об объективных закономерностях и духовно-нравственном смысле исторического процесса, о путях реализации человеческих сущностных сил в истории»¹. В-третьих, идея личной ответственности индивида перед социумом выкристаллизовывалась в истории отечественной мысли как в богословской литературе, так и в исследованиях русских философов.

Арефьев Михаил Анатольевич

Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, д. филос. н., профессор, ant-daga@mail.ru

Давыденкова Антонина Гилеевна

Санкт-Петербург, СПбГАУ, д. филос. н., профессор, ant-daga@mail.ru

Зыкин Алексей Владимирович

Санкт-Петербург, СПбГАУ, д. культ. н., профессор, zykinalex@mail.ru

¹ Философия истории / Под ред. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 2001. С. 8.

**ПРОБЛЕМА СМЕНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЭПОХ
В РАБОТАХ Н.И. КАРЕЕВА
В СВЕТЕ НОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНЫХ ОБЩНОСТЕЙ**

Интерес к историческому мировоззрению Н.И. Кареева всегда был высок, потому что его «историософия» и «историология» были прекрасным примером системы представлений историка в эпоху начала сосуществования истории с другими социальными дисциплинами. В настоящей работе будут представлены результаты исследования вопросов новой практики периодизации истории в период наступления раннего Нового времени и связь этих новых представлений с воззрениями Н.И. Кареева. В частности, внимание будет уделено актуальности его идеи о способах самоидентификации человека в обществе с помощью культурных норм с учетом современного интереса к конструированию исторических парадигм в раннем Новом времени.

В качестве примера нас интересует работа Кареева «Очерки методологии гуманитарных наук», которую он задумал и издал в 1922 году¹. Одним из интересных аспектов его теории исторического знания является идея о консекутивных законах исторического бытия, в которой он отделил законы периодических смен от законов причинности (или каузальных)². Не менее значимой является идея об обязательной необходимости для истории допущений о значимости причинности и вероятности как основных способах мышления историка³. Таким образом, в трудах Н.И. Кареева сложилась сложная система представлений о последовательности и взаимосвязи исторических эпох. Одной из важнейших деталей этой концепции было то, что он стремился аккуратно разделить

¹ См.: Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990. С. 285. См. также: Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» // Вестник архивиста. 2012. №1. С. 239–245.

² См.: Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии / Подгот. текста и комм. А.В. Малинова, Е.А. Долговой // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. №3. С. 353.

³ См.: Там же. С. 362.

представление о последовательности исторических эпох и идею о преемственности обществ, находящихся на разных стадиях исторического развития.

Свои идеи о последовательности исторических эпох он воплотил в ряде учебных пособий и курсов лекций, которые имели в первую очередь систематизирующий, дидактический характер. Ключевой идеей его исторического синтеза являлось представление об объединении человечества начиная с древнейшей эпохи его существования¹. Одной из важнейших идей являлась идея параллельного сосуществования систем власти, которые другие историки были склонны видеть как сменяющие друг друга. Например, говоря о Древнем мире времени Александра Великого, он подчеркивал, что в его образе было две ипостаси – высшего магистрата города-государства и царя, похожего по своим функциям на персидского монарха. Эту же двойственность власти он подмечал в раннем Средневековье, когда правители варварских королевств были наследниками власти римских императоров для римского населения и народными вождями для пришедших с ними варваров². Главной его идеей было описание истории всего Древнего мира как истории универсальных монархий, т. е. таких монархий, главной целью которых было распространение своей власти до пределов ойкумены и как истории объединения различных традиций организации власти³. Одновременно, в одной из своих ранних работ он говорил о значимости мифа как феномена, отражающего формирование исторического самосознания, что в дальнейшем позволило ему увидеть в образе власти сочетание исторических и мифологических черт⁴.

В своих работах он предлагал класть в основу периодизации исторических эпох идею оценки общества не в абстрактных кате-

¹ См.: Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Ч. 1–2. 2-е изд., перераб. С.-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1887. Часть I. Сущность и задачи философии истории С. 55.

² См.: Кареев Н. Монархии Древнего Востока и Греко-римского мира. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. С. 144.

³ См.: Кареев Н. Что такое общественные науки / Н.И. Кареев // Введение в изучение социальных наук. С.-Петербург: Брокгауз и Ефрон, 1903. С. 383–384.

⁴ См.: Кареев Н. Миф и героический эпос // Филолог. записки. Воронеж, 1873. С. 9.

гориях, как это предлагала школа немецкой романтической философии и конкретно Гегель, а по сумме факторов, среди которых равное место должны были занимать не только формы государственного устройства, но и культура, философия и религиозные системы¹. Это позволило ему говорить об истории Европы в Новое время как истории единого культурного пространства, но одновременно заставило его обозначить эпоху Средневековья как эпоху распада². Здесь Кареев подметил, что основной проблемой оценки средневекового периода является дихотомия распада и объединения цивилизации. С одной стороны, для целостности концепции Нового времени нужно провести водораздел между раздробленностью Средневековья и объединением Европы в Новое время. С другой стороны, нельзя не увидеть, что средневековая Европа, несмотря на создание варварских королевств, не может рассматриваться как полностью раздробленная, так как имели место значимые факторы ее единства. Заметим, что была та же самая проблема, которую Кареев видел при рассмотрении эпохи Александра Великого – проблема континуитета и/или смены эпох в случае конкретно взятого исторического лица и его окружения.

Такая постановка вопроса оказалась в перспективе самой правильной; именно она завоевала значительную популярность в монографиях и исследованиях ученых конца XX – начала XXI в. Самым главным прорывом Н.И. Кареева было понимание того, что в конкретных исторических деятелях могло одновременно отражаться старое и новое. И в это же время при одновременных экспансии и объединении цивилизаций, в этом едином процессе отражаются два разных образа власти. Именно так стали ставить вопрос о переходе от Поздней Античности к Средневековью многие исследователи XX–XXI вв., рассматривая, например, и государственных деятелей галло-римского происхождения и варварских правителей как людей, воплощавших в себе две ипостаси.

Что послужило причиной успеха концепции Н.И. Кареева? Он опирался на наиболее значимые работы исследователей антич-

¹ См.: Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. С. 231–232.

² См.: Кареев Н. История Западной Европы в Новое время: Т. I. Переход от средних веков к новому времени. С.-Петербург: Тип. И.А. Ефрона, 1892. С. 8.

ного мира: Б. Нибура и др. В целом, историческое знание XVI–XIX вв. получило значительный импульс в связи с развитием новой научной хронологии Иозефа Юста Скалигера и др. Фактически, хронология стала одной из культурных норм образованного отношения к истории. Более того, история как дисциплина была заново создана на базе точности хронологии и ее соответствия если не самим многотомным хронологическим таблицам Скалигера, та хотя бы основным принципам их составления. Поскольку создание хронологической системы для изучения любого исторического периода стало нормой, в раннем Новом времени возросла роль истории как процесса конструирования идентичности с помощью хронологических изысканий. Н.И. Кареев не поднимал вопрос точной периодизации событий, однако его труды в области истории Древнего мира и раннего Нового времени показывают, что он обратил внимание на принципиальную методологическую особенность работ западноевропейских историков. Его заслугой было то, что он интуитивно увидел принцип непрерывности исторического процесса, который проглядывал в работах его зарубежных коллег – а именно, в их опоре на точно выверенную хронологию. Сама их творческая лаборатория вряд ли была ему известна, но нам представляется, что он почувствовал, как наличие надежного справочного материала в виде таблиц по всем эпохам истории Древнего Мира, Средиземноморья, Средневековья и Нового времени говорит о том, что эпохи не менялись радикально, а плавно и постепенно перетекали одна в другую.

Старостин Дмитрий Николаевич

Санкт-Петербург, СПбГУ, к. ист. н., доцент, d.starostin@spbu.ru

Кулешова Елена Владимировна

Санкт-Петербург, СПбГУ, к. ист. н., доцент, e.kuleshova@spbu.ru

**«МЫСЛИ ОБ ОСНОВАХ НРАВСТВЕННОСТИ»
Н.И. КАРЕЕВА
И «ОПРАВДАНИЕ ДОБРА» ВЛ. СОЛОВЬЕВА:
ДВА ПРОЕКТА НРАВСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ
КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ**

Вторая половина XIX столетия была отмечена фактическим началом отечественной этической мысли: в «Очерках вопросов практической философии»¹ П.Л. Лаврова, «Антропологическом принципе в философии»² Н.Г. Чернышевского, «Критике отвлеченных начал»³ Вл. С. Соловьева, «Задачах этики»⁴ К.Д. Кавелина, «Положении этический задачи в современной философии»⁵ и «Критике эмпирических начал нравственности»⁶ Л.М. Лопатина этика стала ведущей темой. Интеллектуальной тенденцией эпохи в этом отношении стали попытки «секуляризации этики» – разработки концепций, в которых этическое обладало концептуальной автономией по отношению к религии. Вместе с тем ключевой для многих мыслителей становилась и проблема недопущения редукции нравственности исключительно к «эмпирическим началам» в духе эвдемонизма, утилитаризма и эволюционистской этики.

С начала 1890-х годов во многом определяющим становится борьба против набирающего влияние учения Л.Н. Толстого, настаивающего на невозможности нерелигиозного отношения к миру и нерасторжимой связи нравственности с религией⁷. Наиболее известным ответом толстовской позиции станет «Оправ-

¹ См.: Лавров П. Очерки вопросов практической философии. С.-Петербург: Тип. И.И. Глазунова, 1860.

² См.: Чернышевский Н. Антропологический принцип в философии. Geneve-Vale-lyon: H. Georg, 1875. (Русская социально-демократ. библиотека).

³ См.: Соловьев В. Критика отвлеченных начал. М.: Унив. тип., 1880.

⁴ См.: Кавелин К. Задачи этики: Учение о нравственности при современных условиях знания. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1885.

⁵ См.: Лопатин Л. Положение этический задачи в современной философии: вступ. лекция в курсе «Типические учения в истории морали» // Вопросы философии и психологии. 1890. Год I. Кн. 2. С. 61-72.

⁶ См.: Лопатин Л. Критика эмпирических начал нравственности // Вопросы философии и психологии. 1890. Год I. Кн. 3. С. 64-104.

⁷ См.: Толстой Л. Противоречия эмпирической нравственности // Северный вестник. СПб. 1895. №1. С. 290-291.

дание добра» Вл. Соловьева – трактат, введение к которому будет посвящено обоснованию нравственности как самостоятельной науки. Изначальное обладание разумным сознанием общей идеей добра как «безусловной нормой», «формальной идеей» делает нравственность, строго говоря, сферой независимой как от религии, так и от теоретической философии с ее вопросами о познаваемости мира и свободе воли, хотя тесная связь морального сознания с этими моментами не может быть поставлена под сомнение¹. Нравственная философия, таким образом, должна эксплицировать содержание феноменологически данной «безусловной нормы» добра. Эта экспликация приводит Соловьева, как известно, к констатации трех чувств («первоначальных данных нравственности») – чувства стыда, жалости и благоговения, которые и являются основой всех остальных нравственных феноменов. Нравственная философия при этом оказывается у Соловьева – в очевидной полемике с Толстым – не пространством исключительно индивидуального морального выбора и действия, но феноменом, имеющим социальное измерение: общество суть «организованная нравственность», а следовательно, обязано стремиться к должному – в первую очередь, в национальном, экономическом, уголовном вопросах.

«Оправдание добра» вышло в последнее десятилетие века фактически тремя изданиями: после журнальных статей, составивших затем главы трактата, последовали издания 1897 и 1899 годов. Одновременно с соловьевским появилось и другое сочинение по этике – «Мысли об основах нравственности»² Н.И. Кареева, – также ставшее своеобразной приметой времени и выдержавшее три издания на протяжении десятилетия (1895, 1897, 1905³). В тесной связи с этой работой находились и «Мысли о сущности общественной деятельности»⁴ (1895, 1901), поскольку,

¹ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. М.: Академич. проект, 2010. С. 79.

² См.: Кареев Н. Мысли об основах нравственности. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895.

³ См.: Кареев Н. Мысли об основах нравственности: Прологомены по этике. 3-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905.

⁴ См.: Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895.

как и Соловьев, Кареев исходил из тесной связи нравственного выбора и социального действия, хотя для него главным оппонентом здесь было уже не учение Л.Н. Толстого, а марксизм, стремительно упрочивавший свои позиции на протяжении последнего десятилетия XIX века.

Если у Соловьева утверждаемая им автономия нравственных феноменов сохраняет, тем не менее, связи с религией – одним из конституирующих первоначальных элементов нравственности оказывается чувство благоговения перед высшим началом, – проект Кареева заключается в попытке последовательной секуляризации нравственной философии.

Начало процесса секуляризации в истории отечественной этики связывают с «утилитарной переоценкой ценностей» Н.Г. Чернышевским в начале 1860-х годов в статье «Антропологический принцип в философии». Однако сама статья Чернышевского была ответом на «Очерки вопросов практической философии» П.Л. Лаврова, вышедшую на рубеже 1850–1860 годов. У последнего автономия нравственного от религиозного достигается путем постоянной апелляции к достоверности «первоначальных» и «элементарных» психических феноменов, не требующих якобы дополнительных обоснований, но выступающих при этом основаниями нравственных феноменов. Редукция «элементарных» нравственных феноменов к первоначальным психическим побуждениям, позволяет, с его точки зрения, не только объяснить происхождение нравственности, укоренить ее феномены в человеческой природе, но и выстроить действительно научную систему этики. При этом Лавров пытался не только дать психологистическое обоснование нравственности, но и дать своеобразную феноменологию нравственного сознания, демонстрирующую эволюцию морального «Я» от первоначального эгоцентризма к действительному сосредоточению моральной философии – социальному измерению нравственности¹.

Психологизм в обосновании нравственности становится отправной точкой и для Кареева, ставшего к середине 1890-х годов

¹ См.: Лавров П.Л. Очерки вопросов практической философии / Лавров П.Л. Собрание сочинений в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1965. С. 339–461.

одним из наиболее влиятельных представителей «субъективной социологии». Кареев критикует утилитаризм, неспособный, с его точки зрения, объяснить такие ключевые этические категории, как «совесть» и «долг» в то время, как именно «долг» является фундаментальным понятием нравственной философии. Критикуя теологическое, метафизическое и социологическое обоснование нравственности, Кареев обращается к психологистическому разрешению проблемы ее генезиса: с его точки зрения, психологии и логики достаточно, чтобы объяснить происхождение чувства долга и показать его истинную природу¹. Чувство долга обладает непосредственной психологической достоверностью, которая мыслится Кареевым как средство перехода от морального гетерономизма к этическому автономизму. В критике кантовской этики долга (как разновидности метафизического обоснования нравственности) Кареев обнаруживает очевидное влияние Франца Brentano, также полагавшего, что этическое на самом деле обретается в сфере психологического: сокращенный перевод работы Brentano «О происхождении нравственного познания»² Кареев даже включил в первые два издания своих «Мыслей». Нравственность при этом оказывается подлинным источником социального действия: этическое и общественное суть две сферы реализации одних и тех же принципов³.

В психологизме этических построений Кареева можно увидеть след характерной для второй половины XIX столетия «экспансии» психологической науки, связанной с бурным развитием экспериментальной и интроспективной психологии, и, как следствие, отделения этой области знания от философии и становления в качестве самостоятельной научной дисциплины. Психологистическая тенденция этики Кареева была, однако, не только отражением определенной интеллектуальной атмосферы, но и имела основание в логике общей философской позиции автора. Помещая в центр своей концепции личность, нравственный идеал

¹ См.: Кареев Н.И. Мысли об основах нравственности. 1895. С. 82.

² См.: Brentano Ф. О происхождении нравственного познания. СПб.: Лаб. метафиз. исслед. при филос. фак. СПбГУ; Алетейя, 2000.

³ См.: Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. С. 3.

которой, с одной стороны, оказывался единственным критерием критической оценки действительности, а с другой – способом ее трансформации, с помощью психологистического обоснования нравственности Кареев пытался преодолеть релятивистские тенденции этого подхода, и дать научное обоснование природе нравственных идеалов, а через это – и самому субъективному социологизму.

Оба проекта этики, включающие, в понимании авторов, и социально-философский аспект, таким образом, пытались решить одни и те же задачи: обоснование автономии этики от религии и философии, критика «формализма» кантовского категорического императива, борьба против «эмпирической этики» и, как следствие, поиск объективных начал нравственных феноменов, которые оба мыслителя, каждый по-своему, пытались укоренить в самой природе человеческого сознания.

При этом два проекта не развивались автономно. Отношения Кареева и Соловьева имеют достаточно богатую как личную, так и интеллектуальную историю¹ [6]. Будучи друзьями юности, они сохранили, несмотря на расхождения по многим вопросам, хорошие личные отношения. Во второй половине 1880-х годов Кареев и Соловьев каждый по-своему, но в целом, как указывал Соловьев в статье «Немецкий подлинник и русский список» в едином ключе, выступили против Данилевского². В 1891 году между ними наметилась, хотя так и не развернулась в полной мере дискуссия по теоретическим вопросам исторической науки и проблемам философии истории: на статьи Кареева³ Соловьев в «Вопросах философии и психологии» ответил статьей «Руководящие мысли “Исторического обозрения”»⁴. В журнальной публикации материалов,

¹ См.: Малинов А.В. Соловьев и Н.И. Кареев (К истории взаимоотношений) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / Под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2019. С. 108–121.

² См.: Соловьев В.С. Немецкий подлинник и русский список // Вестник Европы. 1890. Кн. 12. С. 711.

³ См.: Кареев Н. Разработка теоретических вопросов исторической науки // Историческое обозрение: Сб. Историческ. об-ва при Императорск. С.-Петербургском ун-те. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. Т. I. С. 3-34; Кареев Н. Философия, история и теория прогресса // Там же. С. 113-164.

⁴ См.: Соловьев В. Руководящие мысли «Исторического обозрения» / В. Соловьев // Собрание сочинений. С.-Петербург: Просвещение, 1914. С. 363-373.

составивших затем «Оправдание добра», и в издании 1897 года также есть несколько любопытных в этом отношении фрагментов, исключенных затем философом из книжного издания 1899 года. Речь идет, во-первых, о комплементарном отзыве Соловьева на работы Кареева, посвященные значению личности в истории (вероятно, речь идет в том числе и о книге 1890 года «Сущность исторического процесса и роль личности в истории»¹), и представляющие собой одно из самых «симпатичных и утешительных явлений нашей современной литературы»². Во-вторых, о сочувственном упоминании кареевской критики экономического материализма³. Из этого можно заключить, что Владимир Соловьев неплохо знал работы Кареева 1880–1890-х годов, а значит, с высокой долей вероятности можно предположить его знакомство и с «Мыслями об основах нравственности» и «Мыслями о сущности общественной деятельности» – произведениями, написанными на тему, более всего занимающую отечественного философа в середине 1890-х годов. Вряд ли возможно говорить здесь о каком-либо влиянии: слишком далеко оба мыслителя стояли друг от друга по самым ключевым вопросам, да и масштаб их именно философского гения был несопоставим. Однако со всей определенностью можно сказать, что творчество Кареева было в числе тех интеллектуальных вызовов, в ответ на которые и родился проект «Оправдания добра» – одно из главных сочинений в истории отечественной этической мысли.

Сидорин Владимир Витальевич

Институт философии РАН, к. филос. н., науч. сотрудник,
vlavitsidorin@gmail.com

¹ См.: Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд., с доб. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914.

² См.: Соловьев В.С. Оправдание добра. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. С. 271.

³ См.: Там же. С. 446.

РАЗДЕЛ VII

Н.И. КАРЕЕВ
И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Н.И. Кареев

Н.И. КАРЕЕВ В «ВОЙНЕ БРОШЮР» 1917 ГОДА

Задача статьи – осветить эпизод одновременно, и просветительской, и политической деятельности Н.И. Кареева. Речь идет о выпуске двух его брошюр издательством ЦК Партии народной свободы в 1917 г.

Общеизвестны слова ученого из «Прожитого и пережитого» о том, что он не рожден для политической карьеры¹. Руководство столичным кадетским горкомом и депутатство в Первой Госдуме отвратили Кареева от активной политической работы². Оставаясь членом партии, он, ни в периодике, ни в воспоминаниях, никак не реагировал на последующие думские избирательные кампании. Молчание было нарушено только в период выборов во Всероссийское Учредительное собрание: в «Вестнике городского самоуправления» от 12 ноября 1917 г. вышла статья «Россия больна...»³.

Пару слов надо сказать о ситуации, сложившейся с агитационно-пропагандистской деятельностью партии после Февральской революции. Претендент на роль лидера всех оппозиционных сил (вспомним дискуссию о «двух» и «трех» лагерях П.Н. Милюкова и В.И. Ленина) превратилась в прибежище правых элементов из распущенных монархических партий. Соответственно, бывшая «полу-социалистическая партия»⁴ переместилась с позиции левого центра политического спектра на крайне правый фланг. Возглавивший весной 1917 г. вопросы агитации в секретариате руководящего органа князь В.А. Оболенский позднее вспоминал: «наш ЦК представлял собой единственную организованную общественную силу, противостоящую всему, как снежный ком возраставшему, социалистическому сектору русской общественности, который

¹ См.: Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990. С. 241.

² См.: Золотарев В.П. Николай Иванович Кареев (1850–1931) // Новая и новейшая история. 1992. №4. С. 140.

³ См.: Мягков Г.П. Н.И. Кареев в 1899–1906 гг.: «Досуговый дискурс» историка / Г.П. Мягков, В.А. Филимонов // Уч. Зап. Казан. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 2010. Т. 152. Вып. 3. Ч. 1 С. 175.

⁴ Милюков П.Н. [Выступление] // Съезд 12–18 октября 1905 г. / Конституц.-демократ. партия. М., 1905. С. 7; Чупров А.А. Конституционно-демократическая партия и социализм. М.: Нар. право, 1906. С. 16.

имел объединявший его центр в Совете рабочих и крестьянских депутатов»¹. Численная слабость усиливалась ошибками в идеологии. Прежде всего, речь идет об откладывании «на потом» решения насущных общественных проблем, т. н. «непредрешенчества», – делавшего кадетов, а позже, возглавляемых ими белогвардейцев, – абсолютно «неинтересными» для большинства населения.

В обстановке борьбы партия нуждалась в любой помощи от своих членов. Таковой и явились два небольших произведения, выпущенных весной и летом 1917 г. ЦК партии в Петрограде под маркой «Партия народной свободы». Казалось бы, исторические очерки («Отчего окончилась неудачей европейская революция 1848 года?» и «Чем была Парижская коммуна 1871 года?») предназначались исключительно для «народного просвещения», согласно терминологии тех лет. Однако выбранные темы отсылают нас к творчеству К. Маркса и Ф. Энгельса, видевших в данных событиях прообраз грядущей мировой революции.

Для иллюстрации позволю себе привести обширные цитаты из вышеуказанных брошюр. «Для того, чтобы так внезапно, так неожиданно, как это было весной 1848 г., по целому ряду стран пронеслась могучая революционная буря, конечно, были очень и очень глубокие причины натиска народов на правительства. Но этот натиск был стихийным, неорганизованным, во всяком случае, никем заранее не подготовленным, так что застал врасплох не только растерявшиеся власти, но и тех людей, которые находились по отношению к ним в оппозиции. Первый натиск был дружным, но потом начался разброд, как раз в то время, как у представителей старого порядка оставались в распоряжении и организация, и денежные средства, и военная сила»².

Обратим внимание на два момента. Во-первых, это логическая оппозиция «народ – правительство», (другой вариант, «общество – власть») столь популярное в политической пропаганде всех времен и народов. Стихийность и неорганизованность отсылает нас

¹ Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж: ИМКА-Пресс, 1988. С. 522.

² Кареев Н.И. Отчего окончилась неудачей европейская революция 1848 года? / Партия нар. свободы. Пг.: Тип. Сойкина, 1917. С. 10–11.

к петроградским событиям начала 1917 г. А кто может возглавить стихию, как не представляющая наиболее образованную часть общества партия? Во-вторых, что должно объединить разношерстную оппозицию вокруг партии интеллигенции? Только страх перед сплоченными силами реакции, опирающимися на международную поддержку.

Интересны также рассуждения Кареева о роли армии, т.к. «граждане и военные находились в разных лагерях, и если революция своими успехами была обязана победе над солдатами, тоже бывшими застигнутыми врасплох, то в сердцах военных людей возникло своеобразное чувство нанесенной офицерскому и солдатскому званию обиды»¹.

Возникает масса аллюзий. Страх революционных лидеров от А.Ф. Керенского до И.В. Сталина перед призраком «бонапартизма». Недовольство (как офицеров, так и кадетов) разлагающими армию последствиями от внедрения положений Приказа № 1 Петросовета. Быстро усиливающаяся зависимость всех политических сил воюющего государства от позиции, занятой армией и флотом. Пикантность ситуации состояла во всё большем сближении кадетского руководства с окружением Л.Г. Корнилова, что вполне соответствовало политтехнологической логике (декларируем одно, делаем противоположное).

И, наконец, вышеперечисленные политические ошибки ведут к торможению поступательного движения истории в рамках прогрессистской схемы. «Победа реакции в пятидесятых годах была полной и лишь с 1859 г. опять началось задержанное реакцией историческое движение, но без того широкого размаха, какой оно получило в 1848 г.»².

Во второй брошюре Кареев полемизирует с марксистским тезисом о Парижской Коммуне 1871 г. как незрелой форме диктатуры пролетариата. Изложение событий сопровождается разъяснением понятия «коммуна» исключительно как единицы территориального деления, и разоблачением легенды о руководящей роли I Интернационала (Международного общества рабочих).

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 31.

Ученый резюмирует: «Одним словом, в своей массе коммунары были ни сознательными социалистами, ни подонками общества, как их иногда пытаются изобразить сторонники и противники движений. Это был самый обыкновенный трудовой народ, бедствовавший от лишений и безработицы, выбитый и психически из обычной колеи, взявшийся за оружие во имя оскорбленного патриотизма, во имя угрожаемой республики, во имя элементарной справедливости, но не имевший никакой политической идеи, которая его объединяла бы, никакой социальной программы, которую он думал бы планомерно осуществлять»¹.

Возможно, стилистика «народной брошюры» «режет глаз» современному читателю, но смысл вполне понятен. Как эти положения соотносились с политической обстановкой 1917 г.? Первое, что приходит на ум, большевистское положение о «сознательном пролетариате». Второе, изложенная в ленинских «Апрельских тезисах» программа действий, ведущая, как и в 1905 г., к расколу единого фронта революционных сил.

Таким образом, известный ученый вложил свою «вдовью лепту» в идеологическую борьбу первых послереволюционных месяцев. Причем избрал наиболее подходящую для себя просветительскую форму, где политические смыслы скрываются за кратким изложением исторических событий. Возможно, его вклад в партийную издательскую деятельность этого периода был более весом, однако, данные факты прошли мимо внимания автора данной статьи.

Шевцов Алексей Владимирович

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, д. филол. н., профессор,
monografia.schevtsov@yandex.ru

¹ Кареев Н.И. Чем была Парижская коммуна 1871 года? / Издание Партии нар. свободы. Пг., 1917. С. 16.

ВЗГЛЯД Н.И. КАРЕЕВА НА СУЩНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Творчество выдающегося русского мыслителя и общественного деятеля Н.И. Кареева не потеряло своей актуальности и в наши дни и продолжает привлекать внимание многочисленных исследователей. В своих работах он рассматривал различные проблемы, касающиеся методологических основ социологии, сущности и задач философии истории, научных основ теории прогресса, сущности исторического процесса и роли личности в истории, классификации форм правления. Будучи не только ученым, но и активным участником общественных процессов, Н.И. Кареев не оставил без внимания и проблему сущности общественной деятельности.

В своей работе «Мысли о сущности общественной деятельности» он утверждает, что «человек, настроенный этически, ставящий разумную цель своей жизни, ... не может быть равнодушным к практическим общественным вопросам, не может не работать над их разрешением или не готовиться к такой работе»¹, а «общественная деятельность, чтобы быть достойною этого названия, должна быть в своем источнике и в своих результатах, в своей цели и своих средствах деятельностью нравственною»².

Кареев не разделяет мнения, что нравственность и общественная деятельность – две совершенно различные вещи, и первая уместна только в частной жизни, а вторая должна руководствоваться своими особыми принципами: «Конечно, “мораль” и “политика” ... две вещи разные, поскольку одна исходит из идеи справедливости, а другая – из идеи пользы или необходимости, но отсюда еще далеко до раздела всей жизни человека между “моралью” и “политикой” в том смысле, чтобы жизнь частная была подчинена одной “морали”, а жизнь публичная – одной “политике”»³.

В общественной деятельности Н.И. Кареев выделяет мотив, цель и средства. Мотив – чувство, побуждение, заставляющее человека

¹ Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности. 2-е изд., доп. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. С. 4.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 4–5.

заниматься общественной деятельностью. Цель – состояние общества, которое должно быть осуществлено данной деятельностью. Средства – поступки общественной деятельности человека.

Что касается мотива, то человек может стремиться к общественной деятельности либо по своекорыстным, либо по идеальным побуждениям. В первом случае ближайшую цель своей общественной деятельности он полагает в самом себе, во втором случае – в обществе. Н.И. Кареев настаивает на том, что «общественная деятельность должна иметь своим объектом не просто общество, а общественное благо»¹, поэтому тот, кто, выступая в качестве общественного деятеля, равнодушен к этому благу и смотрит на общество исключительно с точки зрения своей личной выгоды, на самом деле является не деятелем, а дельцом или карьеристом. Кареев резюмирует: «мотивы общественной деятельности, заслуживающей этого названия, заключаются не в эгоистической, а в альтруистической стороне человеческого бытия»².

Цель общественной деятельности тоже должна находиться в самом обществе: «Кто становится общественным деятелем ради того, чтобы служить исключительно своим собственным интересам, тот поступает безнравственно, и наоборот, выступление на публичную арену именно ради общего блага, этого верховного критерия этики, есть факт нравственный»³. Кареев уверен, что некоторое объективное высшее благо, являющееся настоящим критерием нравственности, существует и «это высшее благо есть счастье всех, всеобщее благополучие»⁴. Общественная деятельность должна иметь объективную цель и не может заключаться в чем-либо ином, кроме пользы общества, а сама эта польза не может пониматься иначе, как в смысле всеобщего благополучия: «Верховный критерий нравственности и высшая цель общественной деятельности таким образом совпадают в одном и том же принципе счастья всех или, делая уступку несовершенствам жизни, наибольшего блага наибольшего числа людей»⁵.

¹ Там же. С. 6.

² Там же. С. 7.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Там же.

С точки зрения Н.И. Кареева в общественной деятельности не должно быть этического противоречия целей и средств, так как средства всегда бывают в то же время и целями, а цели становятся средствами по отношению к другим целям: «Вся существующая в жизни цепь целей, целей-средств и средств-целей должна подчиняться какому-либо одному принципу, т. е. или все позволено, как учит политический макиавеллизм, и тогда о нравственности не может быть никакой речи, или есть нечто, что ни в каком случае непозволительно, и тогда в общественной деятельности нет и не может быть места для морального иезуитизма»¹. Поэтому: «Если бы правило “цель оправдывает средства” – было верно, то ради общественной цели человек имел бы право не только совершать дурные поступки по отношению к другим людям, но и искажать свою собственную нравственную природу, поступаясь, раз цель все оправдывает, своими убеждениями, заглушая в себе голос совести, ни во что не ставя требования чести»².

Н.И. Кареев настаивает на том, что «общественная деятельность есть деятельность свободная»³ и ей нет или почти нет места в «полицейском государстве», управляемом бюрократически, так как в таком государстве только лица, стоящие у власти, могут иметь инициативу. Одна из самых благородных общественных деятельностей, по мысли Кареева, это деятельность защитника народных интересов, так как «во-первых, народ, это – большинство общества; во-вторых, это – трудящаяся масса, на которой покоится все материальное благосостояние общества и государства; в-третьих, это – наиболее обездоленный класс общества, наиболее нуждающийся в помощи со стороны интеллигенции и государства; в-четвертых, класс, в культурном отношении наиболее отсталый, благодаря чему его легко эксплуатировать, пользуясь его незнанием и непониманием, не только его врагам, но и ложным друзьям, проделывающим над ним свои эксперименты»⁴.

Общественная деятельность предполагает идеал умного, честного и умелого деятеля. По мнению Н.И. Кареева, каждый обще-

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 23.

³ См.: Там же. С. 60.

⁴ Там же С. 66.

ственный деятель должен носить в своем сердце идеальный образ самого деятеля, идеальные представления о том, чем должна быть его деятельность: «Этот образ может быть туманен и неясен... и долг общественного деятеля перед собою, как разумною и нравственною личностью, и перед обществом в качестве его члена... заключается в том, чтобы очерчивать резче и прояснять этот образ, ... делать этот образ все более и более жизненным, близким к условиям и нуждам действительности, все более и более его облагораживать, дабы он соответствовал идеалу действительно разумного, действительно справедливого, действительно полезного работника на поприще общественной деятельности»¹. В своих заявлениях общественный деятель не может ссылаться на чью бы то ни было волю, так как его требования должны быть основаны исключительно на идее. «В общественных делах нельзя ссылаться ни на свою, ни на чужую волю, ибо где воля, там возможность и произвола, где возможность произвола, там возможность неправды»².

Общественная деятельность предполагает также и идеал совершенного общества, поскольку «все свои идеальные представления общественного характера, подобно идеалам чисто нравственным, человечество творит, чтобы иметь путеводную звезду в своей исторической жизни, чтобы знать, как устраивать свое общественное существование»³. Формированием общественного идеала должна заниматься наука, и оно «должно состоять не в рисовании фантастических образов и утопических картин, а в творчестве этических и социальных принципов и практических идей о том, что возможно, что удобно, что полезно, – в творчестве, отдающем себе отчет в своем собственном процессе и опирающемся на данные научных исследований, т. е. на данные естествознания, психологии, социологии, политической экономии, юриспруденции, политики и истории»⁴. Кроме того, в формировании общественного идеала должна участвовать и совесть человека, его нравственное чувство, так как «этика оправдывает только такие общественные идеалы, которые имеют в своей основе – и при том на самом деле,

¹ Там же. С. 82.

² Там же. С. 111.

³ Там же. С. 82.

⁴ Там же. С. 85.

а не по видимости только – идеи личного достоинства человека, всеобщего счастья, идеи, которые в творчестве и в осуществлении общественного идеала должны быть всем – и мотивом творчества, с одной стороны, и целью, и средством осуществления, с другой»¹.

Продуктивная общественная деятельность, как справедливо полагает Н.И. Кареев, немыслима без надлежащей образовательной и научной подготовки, поскольку «общество имеет право требовать, чтобы его деятели были достаточно подготовлены к тому сложному и трудному, самостоятельному и ответственному вмешательству в общественные дела, которое они на себя берут»².

Вот что, по мнению Кареева, имеет право требовать общество от своих будущих общественных деятелей и на что должна быть направлена их образовательная подготовка:

1. Общее нравственное и умственное развитие, как условие целесообразной и полезной общественной деятельности.
2. Уважение личности человека и стремление к общему благу.
3. Интерес к общественным делам.
4. Социологическое и этическое образование, знание важнейших фактов социальной и этической жизни человека, знание экономических и политических теорий.
5. Наряду с этим теоретическим образованием общее историческое образование.
6. Особые знания из тех областей, которые станут непосредственным предметом общественной деятельности.
7. Сознательный выбор направления общественной деятельности.
8. Чувство ответственности перед самим собой и перед обществом за результаты своей общественной деятельности³.

Особую важность для подготовки общественного деятеля имеет изучение истории, а конкретно таких ее аспектов:

Во-первых, это научные биографии выдающихся общественных деятелей разных стран с критической оценкой их деятельности по ее целям и средствам. Всякие биографии, написанные с определенной моральной целью или с намерением внушения известного

¹ Там же. С. 87–88.

² Там же. С. 124.

³ См.: Там же. С. 131–132.

политического воззрения, панегирики с шаблонной фразеологией, какие пишутся часто без научного отношения к предмету, той цели, о которой идет речь, служить не могут.

Во-вторых, научные описания, разборы и характеристики деятельности отдельных политических партий, история их внутреннего развития, их борьбы с другими партиями, их успехов и поражений, их достоинств и недостатков, их ошибок и достигнутых ими результатов и т. п. Опять необходимое условие – беспристрастие. Во всяком случае, не следует пренебрегать и пристрастными сочинениями, если только пристрастие не переходит в панегирик: тогда лучше обращаться к памфлетам, в которых есть критика.

В-третьих, научные повествования о крупных общественных движениях, особенно, когда на сцене являлись не только единичные деятели и политические партии, но и народные массы. Причины и результаты движений, условия, влиявшие на их ход, их внутренние перипетии, наступавшие за ними реакции – все это должно быть научно понято и трезво изображено.

Наконец, в-четвертых, истории отдельных общественных вопросов, их постановок и решений, истории преобразований разного рода, отношений, подлежавших преобразованиям, их возникновения, борьбы партий по их поводу, участия в них отдельных лиц, их хода, их результатов¹.

Н.И. Кареев понимает, что для общественной деятельности необходимы определенные условия, которые он подразделяет на внутренние и внешние. Внутренние – это качества самих общественных деятелей: «на общественную деятельность наибольшее право имеют наиболее сильные умом и образованием, чуткостью и преданностью общественным интересам, характером и опытностью люди»². То общество, в котором такие люди не могут пробиться вперед, на место, принадлежащее им по праву, существенно теряет в своем развитии.

Внешние условия общественной деятельности Кареев разделяет на культурные и социальные. Культурные условия – это общее состояние образованности и нравов в обществе: «Нужна из-

¹ См.: Там же. С. 133–134.

² Там же. С. 142.

вестная ступень культурного развития для того, чтобы могла начаться в данной среде настоящая общественная деятельность: на этой именно ступени из более или менее однородной массы общества выделяются единицы, которые иначе... понимают вещи, интересующие массу»¹.

Социальные условия могут быть экономическими и политическими. Первые Н.И. Кареев не анализирует, а политические условия зависят от той степени свободы, какой в данном государстве могут пользоваться отдельная личность и все общество: «Личность в себе самой носит свое право на свободу, и общество, как совокупность отдельных личностей, имеет тоже свое собственное право, а кроме того, свободного проявления общественных сил и, следовательно, наибольшего простора общественной деятельности требует и сама польза общества»². Свободу он определяет как право личности (и общества, как совокупности личностей) распоряжаться собою, так как личность сама в себе видит свою собственную цель, и ее право – требовать, чтобы ею не распоряжались без ее согласия, как средством для достижения целей, ей посторонних.

Однако, с другой стороны, существует государство и в каждом государстве существует власть, т. е. опирающееся на фактическую возможность право распоряжения и принуждения. Как отмечает Кареев, вся задача теоретической и практической политики – найти надлежащие отношения между свободой и властью, между личностью и обществом, как совокупностью отдельных личностей, носящими в себе принцип свободы, с одной стороны, и между обществом, как целым, и его воплощением в государстве, как представителями принципа власти, с другой. По мысли Н.И. Кареева, в вопросе о взаимных отношениях свободы и власти, личности, общества и государства между теорией и практикой не должно существовать разногласия: «Свобода вытекает из прав личности, и моя свобода не может основываться на каком-либо принципе, кроме того, на котором основывается и чужая свобода. Существование власти есть социальная необходимость, и в чьих руках власть не находилась бы – в моих ли, в чужих ли, одно это

¹ Там же. С. 143.

² Там же. С. 148.

не может служить основанием для того, чтобы я в первом случае не поставил ей во имя чужой свободы тех границ, какие во имя моей свободы нашел бы нужным ей поставить во втором случае»¹.

Н.И. Кареев убежден, общественная деятельность – это призвание. Личность должна быть свободна в выборе своих целей. Ставя сам себе цель своей жизни, человек сам же должен найти или определить свое жизненное призвание. Говоря об общественной деятельности, Кареев не дает никакого общего для всех рецепта: «Я не знаю, что нужно делать всем. Я знаю только, что мне нужно делать, и я это делаю, но я не знаю, что всем одинаково нужно делать, и даже прямо думаю, что такого дела нет и быть не может»². Он полагает, что человека нужно учить, развивая в нем мыслительную способность, умение анализировать явления жизни и продукты чужого и собственного мышления, привычку критически относиться к каждому вопросу и каждому его решению, обогащая его ум фактическим и идейным знанием и тем помогая ему в его искании цели жизни, в его стремлении найти свое жизненное призвание: это путь ума, путь исследования, анализа, критики, путь доказательства и убеждения, путь знания и науки, путь наиболее верный и надежный.

В заключение приведем слова Н.И. Кареева, с которыми он обращается к людям, у которых предполагает достаточно развития, чтобы его совет был принят и осуществлен: «Находите сами цель своей жизни, определяйте сами свое жизненное призвание, побольше думайте, изучайте себя и окружающую среду, прислушивайтесь к тому, что говорят другие, читайте и учитесь, анализируйте и критикуйте, взвешивайте, сравнивайте и выбирайте, но не воображайте, что кто-либо за вас может решить вопрос о том, чем вам быть и что делать, или имеет право требовать от вас, чтобы вы были тем-то и тем-то и делали то-то и то-то»³.

Шляпников Виктор Валерьевич

Санкт-Петербург, СПбУ ГПС МЧС России, к. филос. н., доцент,
shlyapnikovv@mail.ru

¹ Там же. С. 151.

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 35.

РАЗДЕЛ VIII

СОВРЕМЕННЫЙ ОТКЛИК
НА СОЦИАЛЬНЫЕ ИДЕИ Н.И. КАРЕЕВА:
ЛИЧНОСТЬ, ОБРАЗОВАНИЕ, МОЛОДЕЖЬ

А. Кареев

ЛИЧНОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЕ СТРАХИ И ПРОГРЕСС В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПЕРЕОСМЫСЛЯЯ Н.И. КАРЕЕВА¹

Одним из основополагающих в научных изысканиях Н.И. Кареева выступает вопрос о роли личности в истории. Его разрешение связано с трактовкой личности, общества, прогресса и их взаимосвязи. В центр истории Н.И. Кареев ставит человека, полагая, что все в истории существует через личность, в ней и для нее². Усиливая значение человека, социолог пишет: «Реальны только люди, составляющие общество со всеми состояниями их сознания и их взаимными между собою отношениями, с их стремлениями и деятельностями»³.

Какие же состояния сознания определяют жизнь современного человека и как они определяют его цели и модели поведения? Концепция общества риска определяет современность как состояние неопределенности. Тогда наиболее соответствующим ему состоянием сознания, по всей видимости, выступает катастрофическое сознание и социальные страхи. Страх относится к числу противоречиво и динамично изменяющихся явлений общественного сознания, но в современном обществе страх охватывает практически все сферы и приобретает новые, ранее не исследованные, формы.

Вопрос изучения социальных страхов не нов для науки, однако он находится на периферии научных исследований и разработок. Еще Л. Уорд, а затем П. Сорокин рассуждали о счастье как критерии социального прогресса. Представители русской философии, Н.А. Бердяев, Л. И. Шестов, С.Л. Франк, связывали страх с отчуждением, осознанием человеком конечности жизни, отсутствием смысла жизни, чувством вины и др. Внимание социологов к проблематике страхов, и в частности, понимание конструктиви-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31435.

² См.: Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы. Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. С. 253.

³ Кареев Н. Преподавание истории на экономическом отделении Санкт-Петербургского политехнического института // Известия Санкт-Петербургского Политехнического института. 1904. Т. 2. Вып. 1–4. С. 17.

стами страха как функции оценок, позволили показать страх не только как эмоциональное состояние, но и в связи с социальной и культурной средой, и тем самым «перевести» его в разряд социальных феноменов.

Интерес российских ученых к социальным страхам был актуализирован в конце 1990-х гг. Одна из первых фундаментальных работ, «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века»¹, рассматривает страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием как катастрофа. Представляя эмоциональную сторону социальной жизни как комбинации уверенности и страха, В. Шляпентох и С. Матвеева оценивают катастрофическое сознание как результат постоянного чувства страха, владеющего общественным сознанием долгое время².

По данным исследований ФОМ, только у 5% россиян ничего не вызывает тревог и опасений. Люди испытывают страхи, связанные с повседневной жизнью (за жизнь и здоровье близких, за детей/внуков, безденежья, терактов и др.), с внутренней ситуацией в стране (страх повышения цен, обнищания, гражданской войны, безработицы, роста преступности и т. д.), а также с ситуацией в мировых и глобальных процессах (страх химического и радиационного заражения, ядерной войны, массовых эпидемий, истощения ресурсов и т. п.)³.

Основой катастрофического сознания выступает вера в грядущую катастрофу, страх, а следовательно, исторический пессимизм, который В. Дильтей назвал самым широким и всеобъемлющим среди великих жизненных настроений⁴. Индекс социальных ожиданий, который рассчитывается ВЦИОМ с 1991 года, ни разу

¹ См.: Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. (По материалам международных исследований) / Под ред. В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина, В.А. Ядова. М.: Моск. обществ. науч. фонд: Ин-т социологии РАН: Ун-т Штата Мичиган, 1999.

² См.: Там же.

³ См.: Тревоги и опасения: повседневная жизнь, страна, мир. Опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 31 марта 2019 г. (проект ФОМ-ОМ) [Электронный документ]. Режим доступа: <https://fom.ru/Nastroeniya/14194>.

⁴ См.: Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология: XX век: антология / Ред. С.Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 220.

не получил положительного значения (когда число оптимистов в обществе превышает число пессимистов), а в апреле 2020 года достиг одного из самых минимальных значений за 30 лет («– 81» при возможном интервале индекса от «– 100» до «+ 100»)¹.

Очевидна невозможность понимания современности без анализа страхов как базовой биологической эмоции, психического процесса и состояния общественного сознания.

Возвращаясь к идеям Н.И. Кареева, отметим: личность выступает здесь как субъект психических переживаний, мыслей, чувств, желаний, и отсюда как исходный пункт социальных процессов. Отдельные события и общественный процесс в целом осуществляет отдельный человек, который постоянно поднимает общество «к более совершенному состоянию»².

Придерживаясь деления истории на прагматическую и культурную (событийную и бытийную) Н. Кареев подчеркивает, что действия различных людей имеют неодинаковый характер и выстраивает свою знаменитую пирамиду деятелей. Верхнюю ступень лестницы занимают инициаторы – это люди новой идеи, которые понимают жизнь лучше других, способны предугадывать результаты общественного движения; они призывают решительно идти за собой и должны создать твердых последователей своих идей и активных деятелей.

Постулируя катастрофическое сознание как типичное состояние современного человека и определяя рост пессимизма как тенденцию кризисных состояний общества, мы должны поставить очередной вопрос: как влияют социальные страхи на возможность появления инициаторов и выполнение ими своей мобилизационной функции?

Принципиально важным выступает оценка значения страхов в социальной мобилизации. Страх может вызывать активную реакцию, побуждая человека действовать так, чтобы избежать грозящих опасностей. Однако активная реакция на страх может проя-

¹ См.: Индекс социальных ожиданий. ВЦИОМ. [Электронный документ]. Режим доступа: https://wciom.ru/news/ratings/indeks_soc_ozhidanij/.

² Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Ч. 1–2. 2-е изд., перераб. С.-Петербург: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1887. Часть I. Сущность и задачи философии истории С. 246.

виться и как разрушительное поведение. Социология и психология катастроф видят одну из ключевых проблем именно в способности человека к конструктивным действиям в этих случаях. Многочисленные учебные тревоги, учения спасателей, курсы оказания первой помощи, уроки ОБЖ – все эти механизмы направлены на попытку научения человека конструктивному поведению в ситуации страха.

Конструктивисты в области социологии и психологии, например, М. Арнольд¹ связали эмоции с когнитивными процессами и оценкой ситуации. Американским психологам² удалось разработать систему зависимостей между определенными эмоциями и комбинациями оценок. Страх наиболее часто оказывался связанным с неуверенностью. Отсюда носитель катастрофического сознания теряет способность к инновационному мышлению: он испытывает страх при столкновении не только с негативными, но и с позитивными изменениями, что заставляет его избегать любых новшеств.

В не менее сложном положении оказываются и представители другой категории на пирамидальной лестнице Н. Кареева – ученики, основной механизм действий которых основан на подражании. Однако подражание обуславливается подходящими условиями, без которых нововведения не могут распространяться. К этим условиям Н.И. Кареев относит не только материальные, природные, экономические силы, но и привычки, обычаи, предрассудки и все разновидности эмоций и мыслей, которые имеют влияние на деятельность человека («надорганическая среда»)³. Социальные страхи, негативный опыт окружающих людей подрывают нормальное развитие общества на основе подражания, вносят дезориентацию и затрудняют адаптационные процессы, вызывая панику, стресс, депрессию и апатию⁴. Страх будущего нарушает переход

¹ См.: Arnold M.B. *Emotion and personality*. N.Y.:Columbia Univ. Press, 1960.

² См.: Schneider D.J., Hastorf A.H., Ellsworth Ph. *Person perception*. 2 ed. MA: Addison Wesley, 1979.

³ См.: Гекер Дж.Ф. Вклад Н. Кареева в социологию // Рубеж (альманах социальных исследований). 1992. №3. С. 37–52.

⁴ См.: Витковская М.И. Теоретико-методологические проблемы изучения «страха» в социологии // Вестник РУДН. 2003. №4–5. С. 90.

учеников к самобытному мастерству, они не «перерастают» своих учителей и не пополняют слой инноваторов.

Следовательно, социальные страхи вмешиваются в реализацию прогресса, снижая готовность людей к его осуществлению. Сама по себе идея прогресса, как пишет Н. Кареев, выступает мощным активизатором социальной деятельности человека; чем большее количество членов общества верит в прогресс и его желает, тем больше есть шансов у самого прогресса. «Только там есть действительная история, где человек стремился поднять действительность до идеала»¹.

Тем самым социальные страхи препятствуют цели прогресса – реализации личностного начала в обществе с полной солидарностью, господством кооперации, индивидуализма, истины и равенства. Критерий прогресса, определяемый как развитая личность, которая имеет возможность удовлетворять свои потребности² и проявлять интересы и аффекты более высокого порядка (любовь, дружба, филантропия), исключает доминирование в общественном сознании одной из наиболее негативных эмоций – чувства страха.

Формула прогресса по Н. Карееву включает три элемента: идеал, под которым понимается развитая личность при наличии индивидуальной свободы и общественной солидарности; пути достижения идеала через критическую мысль, которая «переделяет» культуру, быт и социальную организацию; закон прогресса, утверждающий самоосвобождение личности, и подчинение себе личностью надорганической среды. Отсюда, человек, испытывающий социальные страхи, не способен реализовать ни один из элементов этой формулы прогресса.

Это дает более глубокое понимание частого нахождения современных обществ на том этапе (эпохе, согласно терминологии Н.И. Кареева) истории, когда прогресс не добивается существенных успехов. Катастрофическое сознание, характеризующее молодого

¹ Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд., с доб. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. С. 14.

² Малинов А.В. Очерки по философии истории в России: в 2-х т. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2013. С. 52–54.

человека¹ как потенциального субъекта истории, с одной стороны, искажает механизмы формирования инноваций в обществе, а с другой – формирует деструктивные механизмы реализации предлагаемых социальных новшеств. Человек, подверженный большому числу постоянных, устойчивых социальных страхов, перестает быть социальным деятелем по Карееву.

Способность осознавать свой страх и анализировать причины его возникновения – одно из главных достижений на пути превращения человека в зрелую личность². Н.И. Кареев глубоко осознавал громадную роль истории в образовании и воспитании народа, особенно молодежи³. Он ставит в прямую зависимость от состояния исторического образования общества его прогресс, способность его осуществления, пути развития нации: «количество исторических знаний, сообщаемых средней школою, определяются не потребностями школы высшей <...>, а задачами общего образования»⁴. Представляется, что данная идея применима и к вопросу о механизмах преодоления социальных страхов молодежи, и может быть расширена через поддержку идеи гуманизации образования и формирования критически мыслящих личностей.

Абрамова Софья Борисовна

Екатеринбург, УФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
д. соц. н., профессор, sofia_abramova@mail.ru

Антонова Наталья Леонидовна

Екатеринбург, УФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
к. соц. н., доцент, n-tata@mail.ru

¹ См.: Епифанова А.Ю. Катастрофическое сознание как фактор формирования жизненных сценариев современной российской молодежи // Социально-экономические явления и процессы. 2013. №8 (54). С. 160–163.

² См.: Логинова Е.Г. Страх в нравственном сознании студентов педвуза (опыт конкретного социологического исследования) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. №10 (31). С. 206.

³ См.: Золотарев В.П. Общая теория истории в понимании Н.И. Кареева // Новая и новейшая история. 2003. №2. С. 29–43.

⁴ Кареев Н. О школьном преподавании истории (Из лекций по общей теории истории. Ч. III). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. С. 14.

**ПРОШЛОЕ КАК «ВЕЩЬ ДЛЯ НАС»:
ПОНИМАНИЕ ПОЗНАНИЯ ИСТОРИИ Н.И. КАРЕЕВЫМ
И ОТНОШЕНИЕ МОЛОДЁЖИ ПЕТЕРБУРГА
К ПОЗНАНИЮ ИСТОРИИ**

Идея о том, что процесс «исторического познания, в котором предметы/процессы прошлого могут быть даны только как имманентные объекты, но не как “вещи сами по себе”»¹, не нова. Обращение к изучению познавательных процессов в исследовании прошлого (а, как мы помним, история в переводе с греческого означает «исследование») можно увидеть в работах Й. Хладениуса, Й. Дройзена, М. Хальбвакса, Р. Коллингвуда, М. Блока, В. Бенямина, Р. Козеллека, Й. Рюзена и др. Какое место занимает среди мыслителей, размышлявших о самом процессе познания прошлого, русский ученый Н.И. Кареев?

Наряду с М.М. Ковалевским и И.В. Лучицким, Кареев относится к т. н. «Ecole Russe» («Русской школе»), оказавшей влияние на французскую историю крестьянства. «Данный термин, введенный в оборот в последней четверти XIX в. Ж. Жоресом, до сих пор имеет широкое хождение у французских историков»². Сама «Русская школа» просуществовала «с 1860–1870-х годов до начала 1930-х годов, когда она подверглась идейному и организационному разгрому в качестве некоего сообщества “буржуазных историков Запада в СССР”»³.

Как верно отмечает Долгова Е.А., анализируя так и неизданную в 20-е годы XX в. Н.И. Кареевым «Общую методологию гуманитарных наук», «дисциплинарная принадлежность циклов его работ и отдельных произведений трудно определима»⁴. При этом «историки оценивали его труды как классические для теории

¹ Буллер А. Введение в теорию истории: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука; 2013. С. 19.

² Васильев Ю.А. Феномен «Ecole russe»: теория истории Н.И. Кареева // Знание. Понимание. Умение. 2010. №2. С. 124.

³ Там же. С. 125.

⁴ Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / Под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М.: РОССПЭН, 2019. С. 14.

и методологии исторической науки, прикладных исторических исследований; социологи указывали на роль ученого в процессе институционализации социологической науки в России; психологи обозначали работы исследователя как особое направление русской психологической школы; правоведы оценивали его вклад в развитие своих отраслей знания; политологи указывали на профессиональную постановку и исследование сюжетов и проблем политической науки... философов интересовала важнейшая составляющая творчества исследователя – его историософские взгляды»¹.

Идеи Н.И. Кареева о связях истории с философией, психологией и социологией, можно считать одним из признаков появления в XX веке процессов взаимодействия между науками (сегодня «меж-», «транс-» и «метадисциплинарностью» никого не удивить).

Его, к примеру, можно также считать одним из тех мыслителей рубежа XIX–XX вв., чьи разработки могут свидетельствовать о зарождении такой междисциплинарной области, как социальная психология. В частности, если история опирается в своем объекте исследования на факты, т. е. события разного уровня (событий личной, семейной истории, истории населенного пункта, региона, государства, этноса, человечества и т. д.), то основной единицей изучения социальной психологии можно считать взаимодействие в обществе. В интерпретации Долговой, Кареев как раз «говорит о принципе вчувствования в событие, о принципе понимания»², и в его понимании «история играет роль “науки с неполной индукцией”, когда есть только факты, а выводов сделать не получается», и если «у одной истории не получится, есть методология других наук в помощь – психологии, социологии»³.

В своих «Письмах к молодежи» Кареев сравнивает историческую науку и поэзию, говоря о том, что первая «воспроизводит жизнь на основании фактических данных и путем исследования, другая – на основании общих впечатлений от жизни и путем чис-

¹ Там же. С. 14–15.

² Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье. Материалы конференции – «круглого стола» // Вопросы философии. 2017. №9. С. 50.

³ Там же.

того творчества»¹. Рассуждая об образовательной значимости рассмотрения разных точек зрения на то или иное важное и/или сложное историческое событие, он пишет о том, что «необходимо не доверяться одному какому-либо историку, а, по крайней мере, знать наиболее важные взгляды других историков, всю историю суждений о данном событии»². Данная мысль коррелирует с идеями об историческом воображении и историческом конструктивизме: в зависимости от угла зрения, события прошлого могут быть репрезентированы, реконструированы, воссозданы по-разному.

«Но хорошо понимая, что историк может описывать события прошлого в различной перспективе – как иронической, так и в комической, а также сатирической, – мы вовсе не обязаны воспринимать прошлое в той эмоциональной перспективе, которую нам предлагает историк, а мы имеем свободу определять свою собственную перспективу видения прошлого <...> не только под углом накопленного человеческого опыта, но и с точки зрения своих моральных принципов и ценностей»³.

В этой связи, предлагаем ознакомиться с мнениями об исторической науке, высказанными школьниками, студентами разных специальностей колледжей и вузов Санкт-Петербурга в возрасте 14–25 лет (N=622) в процессе их участия в социологическом анкетном опросе в октябре 2017 – июне 2018 гг. Исследование было посвящено тематике 100-летия революции 1917 года. Частично материалы проекта уже были опубликованы⁴. В опросе студентов Санкт-Петербургского Политехнического Университета Петра Великого принимала участие доцент Е.Г. Поздеева, а также другие преподаватели кафедры рекламы и связей с общественностью и студенты этого вуза.

¹ Кареев Н. Письма к учащейся молодёжи о самообразовании. 3-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 123–124.

² Там же. С. 125.

³ Буллер А. Введение в теорию истории. С. 88–89.

⁴ Абросимова Н.В. Революция как разновидность политических конфликтов в оценках студентов и школьников Санкт-Петербурга // Солидарность и конфликты в современном обществе. Материалы научной конференции [XII-х Ковалевских чтений]. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2018. С. 170–171.

Опрошенным было предложено ответить и на вопрос (всего в анкете было 20 вопросов) «Как Вы относитесь к исторической науке?». Большинство (64,2%) ответивших сказали, что в той или иной степени им нравится изучать историю (нравится – 21,1%; скорее нравится, чем не нравится – 43,1%). Те, кому в разной степени не нравится изучать историю, составили 24,1% от ответивших; из них: 9,5% выбрали вариант «не нравится», а 14,6% – «скорее не нравится, чем нравится».

Респондентов также попросили оценить суждение: «Человеку XXI века пригодятся в жизни знания по истории России начала XX века». Были получены такие результаты: 42,9% выбрали вариант «скорее верно, что эти знания нужны, чем неверно»; 36,2% ответивших остановились на варианте «полностью верное суждение, эти знания нужны». Усомнились в положительной оценке предложенного суждения 9,9% респондентов, при этом ответ «скорее неверно, что эти знания нужны, чем верно» выбрали 8,0%, а полностью неверным суждение о том, что в XXI веке человеку пригодятся исторические знания о России начала прошлого века посчитали 1,9% ответивших.

Таким образом, среди опрошенных можно заметить наличие интереса к изучению исторической науки, при этом, большее количество участников опроса полагают, что знания о событиях 100-летней давности могут пригодиться в жизни современному человеку.

Абросимова Наталья Валерьевна

Санкт-Петербург, СПбГУ, к. пол. н., gio00@ya.ru

**ЛИЧНОСТЬ. СРЕДА. ОБРАЗОВАНИЕ.
РАЗМЫШЛЕНИЯ К 170-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. КАРЕЕВА**

В современных концепциях информационно-сетевого общества превалируют идеи технологического детерминизма, когда главная роль в трансформации всех сфер социальной жизни отводится новым технологиям. А какова роль личности в данном процессе, особенно в преодолении или предотвращении негативных для общества изменений?

Н.И. Кареев рассматривал личность как системообразующее начало жизни общества. При этом, сам процесс становления, развития личности он рассматривал как результат постоянного взаимодействия ее с организованной социальной средой. «Тенденция над-органической среды заключается в лишении личностей их самостоятельности и оригинальности, тогда как личное начало состоит не только в отстаивании индивидуальной независимости, но и в изменении культурно-социальных форм по индивидуальной инициативе»¹.

По мнению Н.И. Кареева, в изменение социальной среды реальный вклад могут внести только люди критически мыслящие, самостоятельные, оригинальные. При этом, серьезное значение имеет и морально-этический потенциал личностей.

Сегодня интересен подход Н.И. Кареева к роли личности в рамках культурного развития. Выступая против преувеличения саморазвития в культуре и умаления личного творчества, он в то же время обращал внимание на «силу, подчиняющую личность над-органической среде и целые поколения моментам ее эволюции»², которую обозначил как культурную традицию. Кареев оставил открытым вопрос о взаимоотношениях культурной традиции и личной инициативы, сославшись на неразработанность частных теорий культурной эволюции³. Однако и сегодня он оста-

¹ Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд. с доп. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. С. 531.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. С. 528–531.

ется чрезвычайно актуальным как раз в силу неоднозначности его проявления и сложности разрешения.

В целом этот вопрос ставит перед нами выбор: или человек приспосабливается к реальности и становится лишь носителем и потребителем сложившихся под воздействием объективных обстоятельств культурных ценностей, или он изменяет их. Н.И. Кареев рассматривает культурный процесс как «постоянное взаимодействие личностей и культурных форм»¹. Здесь нам важен подход автора к самой личности, инициирующей новые культурные формы. С одной стороны, Н.И. Кареев полагал, что такая личность должна быть самостоятельной, целесообразной, оригинальной²; а с другой, – подходить к развитию общества как эволюционному процессу, видеть взаимосвязь всех элементов общественного развития, обладать системным мышлением: «идея причинности должна быть исследована не только по отношению к прагматическим фактам, но и по отношению к фактам культурным»³.

Концепции Н.И. Кареева о проблемах развития общества и роли в нем личностного фактора, на наш взгляд, достаточно актуальны сегодня, как минимум, по двум причинам. Во-первых, эпоха культуры постмодерна отрицает системность и причинность происходящего, а поведение личности рассматривает как цепь случайностей. Во-вторых, происходит повсеместное внедрение в практику общественной жизни виртуальных форм коммуникаций с разрозненным набором аудио и видеоинформации. Все вместе формирует разорванное, эклектическое сознание, продуцирующее зачастую асоциальные формы поведения.

Наиболее характерны такие формы мышления и поведения для молодежи (по данным ВЦИОМ, почти 97% молодежи в возрасте до 24 лет практически ежедневно пользуются соцсетями). Подобные информационные коммуникации формируют фрагментарную, мозаичную культуру, складывающуюся из разрозненных обрывков знаний, что сочетается с неразвитостью системного мышления, слабым социальным иммунитетом. В мозаичной куль-

¹ Там же. С. 538.

² См.: Там же. С. 419.

³ Там же. С. 341.

туре на смену личности приходит человек массы, подверженный различным манипуляциям. В оценке как внутри-, так и внешнеполитических событий активно усваиваются образы-стигмы: либерал, патриот, красные, белые и т. д. Это, в свою очередь, приводит к радикализму мышления, незнанию, непониманию закономерностей развития истории и культуры, как своего, так и других народов, а отсюда часто и неуважительному отношению к ним.

Следствием информационных манипуляций можно назвать и рост завышенных социальных ожиданий у молодежи. Часто молодежь «нулевых» называют инфантильным поколением, которое хочет всего и сразу, без особых затрат. Обратной стороной нереализованных ожиданий является рост социальной агрессии среди определенной части молодежи или социальной апатии и инертности. Последняя часто сопровождается уходом молодежи в разнообразные сферы виртуального пространства вплоть до суицидальных.

Сегодня усиливается так называемый «вторичный контакт с миром» через фиксацию на электронные носители происходящих событий и отсутствие «живой» реакции на них. Не секрет, что важным побудительным мотивом принятия запрета использования различных цифровых гаджетов в школах явился рост провокационных видеосюжетов, выкладываемых школьниками в соцсетях.

Виртуализация реакции («лайкнуть», а не вмешаться действием, словом), свидетельствует, на наш взгляд, о падении уровня социальной активности молодежи. Если субъективно оценивать поведение студентов, в массе своей они внутренне «закрепощены»: это боязнь сказать лишнее, быть неправильно истолкованным. Возможно, это причина провокационных видеосюжетов школьников и т. п. Когда есть другой, менее ответственный, безличностный, виртуальный способ привлечения к проблеме, молодежь активно использует его.

Таким образом, современная среда высоких технологий – это не только комфорт, доступ к услугам, межличностным и групповым связям, но и новые формы коммуникации молодежи, которые способствуют снижению ее социальной активности, личной ответственности, усилению эклектичной, внесистемной культуры

мышления и поведения. А реальность становится все более динамичной, требующей активности, оригинальности мышления и социальной ответственности от тех, кто хочет влиять на ее направленность – от молодежи. Общественный запрос на такие качества личности очевиден.

Неслучайно опросы ВЦИОМ (от 2 сентября 2019 г.) выявили следующие приоритетные задачи современной школы: развитие аналитического мышления и умения рассуждать (41%), развитие индивидуальных способностей и талантов (39%)¹. Как видим, эти запросы полностью перекликаются со взглядами Н.И. Кареева: «главную основу <эмансипированной личности – Н.Ж.> мы должны искать в самостоятельности творческой способности самой личности»².

Важнейшим институтом по формированию указанных качеств личности являются образовательные учреждения всех уровней. И главная их задача, на наш взгляд, – это противопоставление мозаичной и фрагментарной культуре системной культуры. Это культура не столько образованного, сколько думающего, понимающего человека, способного оперировать моделями, объясняющими реальность, или создавать свои.

Качество школьной подготовки своих детей большинство родителей оценивают как умеренно-позитивное. Но по мнению половины опрошенных россиян (51%), ситуация в сфере образования за последние 5–10 лет ухудшилась³. Исследователи отмечают и определенное падение интереса к высшему образованию. У этих процессов есть системные причины. Но нельзя игнорировать и сугубо образовательные проблемы.

Прежде всего, это форма подачи материала. Формализованная риторика при современном информационном пространстве неэффективна. Молодежи нужен открытый и честный диалог, диспут. Но развитие новых форм информационных коммуникаций усиливает

¹ См.: Школьное образование: задачи, приоритеты, потребности. 02.09.2019. ВЦИОМ [Электронный документ]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9874>.

² Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. С. 531.

³ См.: Школьное образование: задачи, приоритеты, потребности.

технократический подход в организации и методике образования (особенно гуманитарного), а чрезмерное использование дистанционных форм обучения сокращают непосредственный контакт с преподавателем. Учащимся гораздо сложнее осмыслить такую подачу информации, чем свидетельствуют результаты наших опросов.

Подавляющее большинство опрошенных (84%) отдали предпочтение аудиторным занятиям с преподавателем: такие занятия несут в себе больше информативности и дискуссионности. Те же, кто предпочел дистанционные формы обучения, мотивировали свой выбор, главным образом, фактом «появления свободного времени». Примечательно, что все опрашиваемые студенты были практически едины в выделении такого фактора выбора типа занятия как «личность преподавателя». Полагаем, что речь идет о профессионализме и качестве учебного процесса. В целом, опросы показали, что наиболее интересными и эффективными формами интерактивного обучения студенты считают: «социальные проекты», «обучающие игры», «обсуждение сложных дискуссионных проблем», «внеаудиторные занятия (экскурсии, мастер-классы, выставки)». Открытые формы занятий, на наш взгляд, помогут и молодым преподавателям гуманитарных наук, которые сами иногда оказываются «заложниками» информационного потока (часто сомнительного характера). В то время как их главной задачей является формирование когнитивного мышления.

В этой связи, в периферийных вузах весьма актуальна проблема повышения квалификации преподавательского состава через живые формы обмена опытом с лучшими преподавателями вузов страны. В определенной степени, полагаем, здесь было бы полезно использовать советский опыт.

Эклектику демонстрирует и сама система преподавания в вузах. Одни и те же темы, а иногда и целые разделы повторяются в разных дисциплинах. Вероятно, этот факт можно объяснить появлением новых, а по сути смежных специальностей. Но с другой стороны, многие вопросы методического характера могли бы решать сами вузы, если бы работали факультетские, кафедральные аналоги методических советов. Однако, укрупнение учебных подразделений практически сделали таковые нефункционирующими.

Думается, что и сам переход на систему бакалавриата, изначально ориентированного на производственно-прикладной характер обучения в вузах, не благоприятствует развитию системного мышления. Магистратура же, предполагающая более высокий теоретический уровень подготовки, охватывает крайне незначительную часть студенчества и, к сожалению, часто не соответствует требованиям, поскольку в нее набирают контингент с непрофильным базовым образованием.

Автор доклада не имеет практики работы в школе, однако, полагает, что с аналогичными проблемами они сталкиваются еще в большей степени. О чем может свидетельствовать и открытое письмо профессора МГУ А. Асмолова Министру просвещения РФ с упреком в радикализме мышления и отсутствии толерантности к инакомыслию, что, будучи таковым, обязательно сказывается на образовательном процессе. Мало того, Асмолов полагает, что новые школьные образовательные стандарты могут привести к ослаблению внимания к индивидуальным интересам детей и расширению масштаба различных форм буллинга¹. Как тут не вспомнить слова Н.И. Кареева о том, что только «вечная борьба теоретических и практических мирозерцаний, вечное столкновение интересов возбуждает в развивающемся человеке самостоятельную личность»². А чрезмерное давление социальных институтов ее нивелируют. Вопрос в том, какую личность мы хотим сформировать: активного творца или потребителя предлагаемой продукции. Полагаем, что только самостоятельные, активные творцы смогут использовать технический прогресс во благо человека и осуществить «новый культурный ренессанс» (К. Шваб).

Живенок Надежда Владимировна

Калининград, Калининградский ГУ, д. соц. н., доцент,
nadejda-rgy@mail.ru

¹См.: Заслуженный профессор МГУ Александр Асмолов поставил вопрос о воле недоверия министру просвещения // Мел. Медиа про образование и воспитание детей. 23.12.2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://mel.fm/novosti/1673508-231219>.

² Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. С. 78.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ В ДИСКУРСЕ «НАУЧНОГО РЕАЛИЗМА» И «ЭТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ» (ПО Н.И. КАРЕЕВУ)

В духе научного реализма, Н.И. Кареев был уверен, что «социология может оставаться вполне на научной почве, с одной стороны, строя общие теории, с другой – внося в эти теории и этическую точку зрения». При этом, нельзя смешивать «научное беспристрастие с нравственным безразличием»¹.

Многие проблемы социологии могут подвергаться оценке с «этической точки зрения». Без этого социологический анализ явлений и процессов даже не может считаться вполне научным, объективным, а оказывается напротив, односторонним и просто «бездушным», оторванным от «живой жизни». К проблемам, в отношении которых необходима «этическая точка зрения», относится преемственность поколений.

Один из «вечных» аспектов преемственности поколений – отношение к традициям. Является ли отказ новых поколений от тех или иных традиций своего рода «предательством», проявлением неуважения к старшим поколениям, или преодоление старых традиций является чем-то естественным и нормальным в силу определённых исторических причин и условий? Соответственно, должны ли старшие поколения заботиться о непременном продолжении традиций предков, привитии традиций новым поколениям или «жизнь» традиций, их продолжение должно быть предоставлено на «усмотрение» самих новых поколений? В работах Н.И. Кареева мы находим определённые рассуждения и выводы на данную тему.

Прежде всего, важен тезис: «уважение к добрым традициям не должно быть слепым подражанием тому, что делали прежние поколения, особенно не должно быть подражанием формам и деталям»². При отсутствии слепого подражания, важна суть, реальное содержание той или иной традиции, а не только «формы и детали».

¹ Кареев Н. Введение в изучение социологии. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1897. С. 389.

² Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности. 2-е изд., доп. С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. С. 94.

Можно также сделать вывод о том, что суть тех или иных традиций может быть актуальна в новых условиях, но при этом в реализации этой традиции возможны новые «формы и детали». Показательный пример в этом отношении – развитие добровольчества (волонтёрства) в современных условиях. Получает обновление форма, включая название движения, – чаще употребляется международный термин «волонтёрство» (и «волонтёры»), чем термин советской поры – «добровольчество» (и «добровольцы»). Но важнее этого сохранение и творческое развитие сути самого этого общественно-значимого движения (а не «слепое подражание прежним поколениям»).

Важным аспектом преемственности поколений является отношение к определённым идеям и идеалам прошлого. Каждое новое поколение «должно выработать свой идеал»¹.

В связи с этой темой можно вспомнить и поэтический образ из стихотворения М. Светлова «Гренада»:

«Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить»

При этом Н.И. Кареев говорит о поколении не в смысле молодежи, а «в смысле современников, среди которых настоящими выразителями идей данного периода являются, конечно, не те, кому еще нужно учиться у старших»². Тем самым на первый план выдвигается нечто общее для современников – «идеи данного периода». Именно они являются основой солидарности и преемственной связи поколений также и применительно к поколенческим когортам разного возраста.

Открытым остается вопрос о преемственности применительно к переходным эпохам трансформаций. В конце XX в. российское общество вступило в эпоху социальной трансформации, что вызвало разлом в преемственности поколений³, в том числе в сфере идей, идеалов. Но насколько глубоко перелом сказался на

¹ Там же. С. 93.

² Там же.

³ См.: Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. 2002. №7. С. 111.

расхождений между разными возрастными-поколенческими группами (когортами) в сфере идей и идеалов, и остались ли общие идеалы?

Используем для анализа материалы социологического опроса «“Отцы и дети”: конфликт и сотрудничество, преемственность поколений 2018», организованного Л.Г. Лебедевой. Анкетный опрос проводился в Самаре и Самарской области. Опрошено 438 респондентов, представляющих разные возрастными-поколенческие группы в возрасте от 18 лет и старше, 46,1% респондентов мужского пола, 53,9% – женского пола. Были выделены целевые возрастными-поколенческие группы респондентов, с учётом социально-исторических условий вступления во взрослую жизнь (примерно в 16-18 лет). 1-я группа – в возрасте 18–29 лет (112 респондентов). Данная группа прошла (проходит) становление в качестве молодых взрослых в последние примерно одиннадцать лет до проведения опроса (с 2007-2008 гг. по 2018 год). Это сегодняшняя молодёжь. 2-я группа – в возрасте 30–44 лет (105 респондентов). Период становления в качестве молодых взрослых пришёлся на период социальной трансформации российского общества (с 1991–1992 гг. примерно по 2007 год). Это молодёжь первого постсоветского периода. 3-я группа – в возрасте 45–49 лет (97 респондентов). Группа входила во взрослую жизнь именно в период «перестройки» (с 1985 г. по 1991 год). Это молодёжь периода «перестройки»; 4-я группа – в возрасте 50 лет и старше (124 респондента). Вхождение во взрослую жизнь у этой группы пришлось на период до «перестройки» (до 1985 года). Это молодёжь ещё советской поры;

Исходя из материалов опроса, респондентам субъективно ближе всего идеал «Социальной справедливости»: этот вариант на безусловном 1-м месте как по всей выборке (45,4%), так и практически по всем целевым группам (в 3-й группе делит 1-е и 2-е места). По другим вариантам ответа уже проявляются различия между группами. На 2-м месте по всей выборке, а также у 1-й, 2-й и 4-й групп вариант «Права человека, свобода самовыражения личности», но у 3-й группы на 1-м/2-м местах ответ «Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государ-

ства в экономику». На 3-м месте по всей выборке как раз «Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику», но у 1-й, 2-й и 4-й групп этот пункт лишь на 4-м/5-м местах. А у 4-й группы на 3-м месте «Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок». На 4-м месте по всей выборке и у 4-й группы ответ «Социальное равенство», а у 1-й, 2-й и 3-й групп этот пункт занимает 3-е место.

Примечательно, что у самой младшей группы пункт «Социальное равенство» получил больше голосов (23,2%), чем пункт «Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику» (20,5%). А у самой старшей группы – пункт «Сильная жесткая власть, способная обеспечить порядок» больше чем пункт «Социальное равенство» (22,6% и 21,0%). Также каждый восьмой респондент (12,1%) выбрал ответ «Никакие из указанных», что можно интерпретировать и как «нигилистическое отчаяние». Такая позиция проявляется особенно в старших возрастных группах. Некоторое противоречие обнаруживается в ответах 3-й возрастной группы. С одной стороны, очевидно либеральная позиция «Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику» делит 1-е и 2-е места (по 42,3%) с пунктом «Социальная справедливость». С другой стороны, пункт «Права человека, свобода самовыражения личности», занявший 4-е место (17,5%), уступил в этой группе 3-е место пункту «Социальное равенство» (26,8%). Это свидетельствует об определённой неоднородности и «мозаичности» представлений возрастно-поколенческих групп.

Эти примеры свидетельствуют о существенных различиях мировоззренческих позиций у разных возрастно-поколенческих групп, в частности, о более «либеральных» позициях 3-й группы (с возрастом 45–49 лет – поколения «перестройки») и о более «консервативных» позициях 4-й группы. В общем же наибольшей поддержкой большинства респондентов пользуются лозунги, отражающие социальную справедливость, демократические права и свободы граждан. Но в общественном сознании весьма заметно представлены и другие (либеральные и консервативные) социальные взгляды и подходы (неоднородная, «мозаичная» картина

взглядов). Трансформации ценностных ориентаций и нравственных принципов – наличие «альтернативных качеств людей и их структур»¹ – представляют серьёзный вызов для взаимодействия различных групп людей, в том числе разных возрастно-поколенческих групп.

Знаменательно, что на вопрос «Считаете ли Вы себя гражданином Новой России, готовым к реализации своих прав и обязанностей?» – наименьшая доля положительных и наибольшая доля отрицательных ответов (21,8% и 43,5%) – в самой старшей группе. В остальных группах доля положительных ответов примерно одинаковая – около 35%; затруднились с ответом больше всего в самой младшей группе – 47,3%.

Итак, есть социальные проблемы, препятствующие признавать себя полноценными гражданами Новой России. Прежде всего, это относится к старшей возрастно-поколенческой группе. Тем не менее, можно признать, что процесс утверждения Новой России в сознании россиян идёт, особенно среди более молодых поколений. Так, среди них на вопрос о гражданской принадлежности к Новой России положительный ответ дали 35,7% (больше, чем в других группах), а отрицательный лишь 17,0%. Этому, на наш взгляд, способствуют сложившиеся в российском обществе традиции патриотизма, в формирование и сохранение которых внесли огромный вклад как раз старшие поколения.

Н.И. Кареев выступал против догматического преувеличения роли возраста в решении общественных вопросов, и за сотрудничество «отцов» и «детей». Он писал: «у каждого возраста есть свои недостатки и свои хорошие стороны, но правота того или другого взгляда и право считать его выражением стремлений поколения современных деятелей зависят не от возраста того, кем этот взгляд высказывается и разделяется, а от его ума, знаний и таланта. Умный, знающий и талантливый юноша всегда найдет сочувствие и поддержку у людей старшего возраста. Лишь при догматическом утверждении, что “яйца курицу не учат”, с одной стороны, и при не менее догматическом утверждении, что перед

¹ Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. №8. С. 5.

шествующим молодым поколением всякое старьё прочь с дороги, с другой стороны, возможны прискорбные недоразумения между “отцами” и “детьми” одного и того же действующего или собирающегося действовать поколения»¹.

В связи с процессами конца XX в. в России сложились негативные условия социальной солидарности: речь идет о различных видах неравенств (неприемлемых с «этической точки зрения»). Это снижает поддержку реформ. При этом определена национально-гражданская идентичность большинства россиян – патриотическое отношение к стране². «Любовь к Отечеству – великая и святая любовь, но она требует, чтобы мы знали свое Отечество со всеми его недостатками, требующими исправления, и знали, что любить отечество не значит постоянно петь: “гром победы раздавайся”»³.

Для Н.И. Кареева «научный реализм» и «этическая точка зрения» с её «идеалом общественной правды» взаимосвязаны. «В делах человеческих наука, лишённая возможности предсказывать, но не лишённая способности предвидения, может направлять нашу деятельность в ту сторону, куда обращены были взоры всех друзей человечества, т. е. к идеалу общественной правды». При этом «и творчество идеала, и его осуществление должны быть проникнуты научным духом»⁴.

Активное и целенаправленное культивирование принципов и ценностей социальной справедливости и социальной ответственности, гражданственности и патриотизма – можно считать научной и морально-идеологической основой солидарности страт и гармоничной преемственности российских поколений.

Лебедева Людмила Геннадьевна

Самара, Самарский гос. эконом. ун-т, магистр, ludleb@mail.ru

¹ Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности. С. 93–94.

² См.: Лебедева Л.Г. Социализация личности в дискурсе преемственности поколений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. №4 (52). С. 122.

³ Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности. С. 113.

⁴ Там же. С. 105.

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Одной из основных задач Советской власти была ликвидация массовой неграмотности населения (декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г.). Важнейшее значение имело «Положение о единой трудовой школе РСФСР» (опубликовано 16 октября 1918 г.), в соответствии с которым создавалась единая трудовая 9-летняя школа, состоящая из 2 ступеней с бесплатным и совместным обучением детей обоего пола на родном языке. Параллельно с развитием общего образования было положено начало мощному развитию профессионально-технического и высшего образования. В период с 1941 по 1975 года учебными заведениями профессионально-технического образования было подготовлено около 33 млн. квалифицированных рабочих. Особый этап в развитии профессионально-технического образования связан с организацией средних профтехучилищ. С конца 60-х гг. XX века в данных учебных заведениях молодежь получала профессию и общее среднее образование.

Проведенные реформы в системах общего и профессионально-технического образования оказали существенное влияние на все стороны жизни советского гражданина. Труд, являющийся основной идеологической категорией в советском обществе, не стал исключением.

В научной литературе по социологии существует корпус работ, посвященных рассмотрению отдельных вопросов образования на разных этапах исторического развития российского общества. Результаты исследований по данной теме представлены в работах П.Н. Милюкова, Л.С. Выготского, В.Н. Шубкина и его коллег, представляющих Новосибирскую школу, Ф.Р. Филиппова, А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова, В.Т. Лисовского, Г.А. Чередниченко и ряда других исследователей. Особое место среди ученых, занимающихся изучением данного предметного поля, на протяже-

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №19-18-00320.

нии уже многих десятилетий занимает великий русский историк, социолог и педагог – Николай Иванович Кареев.

Книги Н.И. Кареева на тему образования и самообразования, предназначенные для учащейся молодежи, – «Письма к учащейся молодежи о самообразовании»¹, «Беседы о выработке миросозерцания»², «Мысли об основах нравственности»³, «Идеалы общего образования»⁴ – остаются актуальными. А Работа «Выбор факультета и прохождение университетского курса» стала первым опытом оказания педагогической и психологической поддержки молодежи в решении вопросов, касающихся выбора профессионального учебного заведения, а также адаптации к процессу обучения в системе профессионального образования⁵. Также, в труде «Мысли о сущности общественной деятельности»⁶ автором были рассмотрены вопросы, характеризующие специфику индивидуального и социального поведения человека: одним из наиболее сложных для искреннего и глубокого осознания, представлялся вопрос о цели жизни и жизненном призвании.

Важно отметить, что Н.И. Кареев в своих научных трудах не только уделял большое значение вопросу демократизации системы образования и равноправию мужчин и женщин в деле получения образования, но также подчеркивал, что право на образование – это естественное право личности, которого были лишены многие молодые люди, особенно девушки⁷. Ученый не раз поднимал вопрос о равных правах мужчин и женщин в образовании и неоднократно на протяжении всего своего науч-

¹ См.: Кареев Н. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. 8-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904.

² См.: Кареев Н. Беседы о выработке миросозерцания. Продолжение «Писем к учащейся молодежи о самообразовании» с кратким указателем самообразовательного чтения. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича. 1895.

³ См.: Кареев Н. Мысли об основах нравственности: Прологомены по этике. 3-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905.

⁴ Кареев Н. Идеалы общего образования. 2-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909.

⁵ См.: Кареев Н. Выбор факультета и прохождение университетского курса. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897.

⁶ См.: Кареев Н. Мысли о сущности общественной деятельности. 2-е изд., доп. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901.

⁷ См.: Там же. С. 107.

но-исследовательского пути обращался к вопросам женского образования в России.

Опираясь при исследовании роли образования в становлении профессиональных династий в советском обществе на ряд идей Н.И. Кареева (в частности, о гендерном неравенстве, закрепленном на уровне массового сознания), необходимо отметить, что в СМИ (периодических изданиях) советского периода, являющихся важным инструментом воздействия на индивидов и формирования общественного сознания, были широко представлены биографические очерки трудящихся, отражающие трудовые стратегии советского гражданина и демонстрирующие роль образования в профессиональном саморазвитии и построении карьеры. Важно отметить, что главными героями таких материалов выступали как мужчины, так и женщины.

Актуальным, с исследовательской точки зрения, представляется изучение роли образования мужчин и женщин в процессе профессиональной преемственности поколений, так как получение профессионально-технического образования несомненно предоставляло для советских граждан новые возможности в трудовой сфере. Наиболее ярко это выражено в материалах биографических очерков представителей профессиональных династий того времени, представляющих производственные коллективы различных промышленных предприятий.

Для достижения поставленной цели авторами был осуществлен контент-анализ печатного периодического издания «Известия»¹. Объектом контент-аналитического исследования являются публикации ежедневной печатной газеты «Известия». Предмет исследования – частота и содержание номеров газеты, выходящей с 1960 по 1979 гг. включительно. В 1960-е и 1970-е гг. газета выходила ежедневно кроме воскресенья. Объем газеты: 4–12 полос.

Генеральная совокупность насчитывает 6128 номеров газеты (общее количество номеров с 1960 по 1979 гг.). Выборка формировалась на основе 62 газет, что составляет чуть более 1% от об-

¹ См.: 100 лет – 100 дней. Архив номеров газеты «Известия». Специальный проект к юбилею «Известий» // Известия. 13.03.2017 [Электронный документ]. Режим доступа: <https://100.iz.ru/rubric/122>.

щего числа выпусков за этот период. Тип выборки – случайный. Единицей измерения является число статей. Всего было закодировано и проанализировано 3012 статей. Фиксация результатов анализа осуществлялась с помощью отдельных кодификационных карточек на каждый анализируемый номер газеты с отметками закодированных категорий и позиций анализа.

Кареев писал: «Высший идеал образованности вовсе не в том заключается, чтобы знать все, что только знают все ученые мира, но в том, чтобы понимать все идеи века, имеющие общий интерес и могущие быть доступны каждому. И в целом обществе образование измеряется не суммой знаний, накопленных в головах отдельных ученых, а количеством и качеством идей, находящихся в общем обращении»¹.

Для описания роли образования в становлении «мужских» профессиональных династий исследуемого периода необходимо вспомнить рассуждения Н.И. Кареева о самообразовании: главной целью самообразования, по мнению ученого, является «выработка научного, нравственного и социального мирозерцания», т. е. «известного понимания мира, то есть всего, что существует, может существовать и должно существовать»². «Огненная симфония мартеновских печей взволновала душу, кажется, сняла лишние годы, расправила плечи, и он, Федор Тимоничев, идет к “своей”, десятой печи. Тут стоял много лет. К этой печи, уходя на пенсию, приставил своего сына Николая. С тех пор прошли годы. Колька окончил техникум, стал коммунистом, членом партбюро цеха. А еще двое сыновей учатся в металлургическом институте: Вовка – тоже мартеновец, он уже на шестом курсе, а Леониду еще долго в студентах быть. Когда придет на производство, будут новые проблемы решаться»³.

Важно отметить, что несмотря на то, что развитие профессионально-технического образования предоставляло большие возможности молодым людям в освоении различных профессий

¹ Кареев Н. Что такое общее образование? // Русская библиотека. Одесса, 1895. №7. С. 26.

² Кареев Н. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1894. С. 66.

³ Лисовенко Н. Хранители огня // Известия. 1967. №96. С. 3.

и, казалось бы, могло прекратить процесс профессиональной преемственности поколений, осуществлявшейся до этого «от отца к сыну», оно, расширив знания и компетенции трудящихся, позволило им остаться верными своим предприятиям. «Лучший шофер в артели – Ильючонок. Примерный тракторист, электрик, сварщик... – все, оказывается, Ильючонки. Это братья. У кузнеца Константина Григорьевича восемь сыновей, и каждому отец привил любовь к металлу, к горну, машинам. Еще юношами они узнали, сколько весит кузнечный молот. А после службы в армии Чеслав пошел в сварщики, Костя стал электриком, Станислав, Иван и Антон получили права шофера, Бронислав встал у токарного станка, Павел повел трактор. Не выбрал пока специальности только самый младший – Петр. Да ему и рано – в седьмом классе учится. Но и его уже нередко можно встретить в кузнице»¹.

Также необходимо обратить внимание, что анализ публикуемых в периодическом издании материалов позволил выявить: институт образования в советские годы стал не только эффективным каналом восходящей социальной мобильности, но и выступил важным механизмом поощрения советских трудящихся. «Дмитрий Маркин, майор запаса, член партийного комитета завода, привел на предприятие и своего сына Валерия. В механическом цехе парень начинал слесарем, отсюда в Советскую Армию уходил, сюда же вернулся после службы и за свою честную работу, за большое трудолюбие был командирован на учебу в металлургический институт за счет завода. Пройдет еще два года, и он вернется на «Азовсталь» с дипломом инженера-механика»².

Как уже отмечалось, развитие профессионально-технического и высшего образования в СССР затронуло не только мужчин, но и женщин. «У кадрового рабочего, прокатчика Вишнякова три сына стали инженерами. Окончили высшие учебные заведения и их жены»³.

Что касается роли развития института образования в самореализации советских женщин в труде, то массовизация профессио-

¹ Лыхварь Н. Великолепная восьмерка // Известия. 1968. №7. С. 4.

² Лисовенко Н. Хранители огня. С. 3.

³ Подвойский Л. Свершения одного поколения // Известия. 1960. №90. С. 2.

нально-трудового образования во многом позволила преодолеть волновавшее Н.И. Кареева «несправедливое» отношение к женщине в русском обществе. В своих воспоминаниях о детских годах, Н.И. Кареев писал: «В дни рождения и именин мама возила меня в собор к ранней обедне... Я по несколько раз прочитывал весь молитвенник, смущаясь не только тем, что во многих местах и молитвах говорилось об “отце и братьях”, но нигде не упоминалось ни матери, ни сестры. В своих обращениях к Богу я делал необходимую поправку: вот где и когда у меня зародилась мысль о женском равноправии»¹.

Для девушек и юношей, институт образования стал способом реализации профессиональных и карьерных стратегий: «Лаборантка Тамара Курохтина. Интересна судьба этой девушки. История завода – история семьи Курохтиных. Здесь работали ее дед и отец. Тамара пришла на завод по окончании средней школы. Сейчас она готовится к поступлению в институт. Молодежь лаборатории избрала ее комсоргом»².

Еще одной важной характеристикой контента анализируемого периодического издания, связанного с профессиональной сферой трудящихся в целом, династичностью и преемственностью поколений в частности, является широкое многомерное отражение на полосах газет за 1970-е годы трудовых подвигов женщин трудящихся.

Посредством получения профессионально-технического образования сделаны первые шаги в освоении женщинами исконно мужских профессий: «Таисия сказала, что хочет служить в армии. Девушка написала командующему военным округом. Отказал. Послала письмо в Москву наркому К.Е. Ворошилову. Разрешил! Так в 1930 году Таисия Руденок стала курсантом артиллерийского училища. Ахнула вся деревня, когда Таисия приехала из училища в первый отпуск. Стриженная. В брюках. На сапогах – шпоры! Прошел еще год, и в ту же школу поступила Мария»³; «У Рахманова

¹ Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990. С. 76.

² Фотография девушки-лаборанта // Известия. 1960. С. 2.

³ Гвардии подполковники // Известия. 1970. №56. С. 5.

5 дочерей и 25 внуков и внучек... Интересная деталь: старшая дочь, Ашурбиби, окончила в Душанбе пединститут, вернулась домой преподавателем немецкого языка. Вторая, Олия, росла и мечтала пойти по ее стопам. Но вот после выпускного вечера в школе отец улучил минуту, чтобы поговорить с ней: «В республике уже немало село за руль девчат, а наши все не решаются, будто боятся. Наверное, надо, чтобы кто-то подал им пример. Я вот думаю: раз ты моя дочь, может, лучше всего было бы, если бы это сделала ты. Я, конечно, ни на чем не настаиваю, реши все сама...». Летом вместо института Олия уехала на курсы механизаторов. Вместе с ней решили поехать туда пять ее подруг. Сейчас женщина за рулем трактора или комбайна – это стало в колхозе обычным явлением»¹.

Демократизация образования и труда привела и к идеологическому смещению в преемственности от траектории «от отца к сыну» («От отцов к сыновьям передается по наследству земля и вдохновенный труд на ней. На снимке отец и сын Картаузовы. За плечами у отца – Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, «целинного Маресьева» – большая яркая жизнь. Сын – Сергей – только начинает свою трудовую биографию. Вместе с отцом он выведет по весне на целинные просторы могучий трактор К-701»²; «Славные революционные и трудовые традиции заводского коллектива передаются из поколения в поколение, от отца к сыну. И становятся еще богаче и значимее. Свыше ста лет насчитывает трудовой стаж семьи Филипповых. П. Филиппов, дед заместителя начальника отдела В. Филиппова, был участником двух революций, отец А. Филиппов – один из инициаторов стахановского движения в Ленинграде»³) к формированию профессиональных династий по женской линии («Люба и Надя Леоновы из села Кочнево Уйского района Челябинской области. Сестры очень хорошие доярки и не собираются уезжать из села, в котором родились и в котором родилась их мать, Анна Васильевна, тоже знатная доярка совхоза»⁴; «Два года назад пришли

¹ Председатель // Известия. 1970. №6. С. 3.

² Растет молодая семья // Известия. 1977. №69. С. 1.

³ В неустанном поиске // Известия. 1978. №4. С. 2.

⁴ Близнецы // Известия. 1970. №56. С. 5.

на комбинат вместе со своей старшей сестрой сестры-близнецы Галя, Люда и Вера Шаченок. Здесь они освоили профессию мотальщицы, вступили в комсомол, добились первых трудовых побед»¹).

Итак, появившаяся в советские годы возможность получения гражданами профессионально-технического и высшего образования открыла перед молодыми людьми новые перспективы в овладении «профессией отцов». Широкий выбор профессий, по которым велось обучение, не только не стал причиной прерывания профессиональных династий, но и способствовал более эффективной интеграции образованных представителей молодого поколения на предприятия, где до этого уже трудилось несколько поколений их семей.

Для женщин массовизация профессионально-технического образования дала возможность овладеть исконно мужскими профессиями, добиться еще большего равноправия в трудовой самореализации, сформировать свои профессиональные династии, а также наравне с мужчинами использовать институт образования в качестве механизма реализации профессиональных и карьерных стратегий.

Мосиенко Ольга Сергеевна

Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, к. соц. н., доцент,
mosienko.olga@mail.ru

Чикарова Галина Игоревна

Ростов-на-Дону, Южный федеральный университет, стажер-исследователь,
galia201292@gmail.com

¹ К вершинам профессии // Известия. 1977. №63. С. 1.

**ИДЕИ Н.И. КАРЕЕВА
О ЛИЧНОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ ПРОГРЕССА
И ПРОБЛЕМА ПОТЕНЦИАЛА
СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ**

Современное общество с его стремлением к эффективному функционированию в условиях смешения общественных укладов, сжатием времени и усложнением пространства ставит перед субъектом новые проблемы и задачи. Личностная составляющая субъектной позиции становится ключевой в постановке целей и поведенческих стратегиях, и при этом приобретает уязвимость в контексте гибкости социума, ускользания порядка и размывания контуров будущего. В этой связи актуально обращение к наследию классиков социологии, анализировавших общество в переломных и стабильных условиях. Работы Н.И. Кареева особенно ценны исследованием личностной основы общественного прогресса. С позиций личностного вклада в историю общества и формирования самосознания, выяснения новых форм проявления активной позиции субъекта следует искать новые черты жизнедеятельности и показатели потенциала молодежи как той социальной силы, от которой прежде всего зависит прогрессивное будущее.

Перелистывая страницы биографии Н.И. Кареева, особое внимание привлекают те, которые посвящены его работе в должности профессора в Санкт-Петербургском политехническом институте¹. Н.И. Кареев преподавал всеобщую историю с акцентом на социологическом анализе сложных социально-политических процессов. Его взгляды были горячо поддержаны и открывали новые интеллектуальные перспективы в демократической обстановке института. Ученый подчеркивал: история действует на человека непосредственно – на его душу и опосредованно, пересоздавая весь уклад общества, от которого зависят свобода и личное благополучие². Цель прогресса – создание внутри себя идеала будущей

¹ См.: Погодин С.Н. Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017.

² См.: Кареев Н. Основные вопросы философии истории. Т. 1–3. С.-Петербург: Тип. А.И. Мамонтова, 1883-1890. Том II. С. 283.

личности и социального устройства, который бы способствовал развитию истинных целей и духовных интересов, формированию справедливых убеждений и готовности к уважению чужой личности¹.

Н.И. Кареев исследует исторический процесс в поисках того, куда и как ведет человечество история. Его интересует оценка истории с относительной, человеческой точки зрения. Эта точка зрения высвечивает значение экономических отношений, государственного строя, произведений искусства, что и определяет критерий, на основании которого мы можем отделять в истории менее важное от более важного².

По Карееву, взаимодействия личности и общества неоднозначны; ключевую роль в сложной борьбе с изменяющейся средой, особенно в переломные исторические периоды, выполняют идеалы. Создание общественных идеалов и их осуществление предполагают бесконечность и незавершенность процесса. Но в самой его механике важно, что это происходит через внутреннее, духовное преобразование личности и на основе совершенствования культуры. Служа цели регуляции общества, идеал далее трансформируется, конкретизируется, воплощаясь в нравственном, правовом, политическом и экономическом идеалах. Создание общественных идеалов целесообразно и необходимо, ибо они очерчивают грани пути развития общества. Анализируя процессы инновирования, Кареев занимает созвучную Г. Тарду позицию: идеалы зарождаются в умах творческой части общества; развитие культуры идет от меньшинства к большинству. Новые идеи и изобретения развиваются кругами, захватывая все большие социальные пространства. В процессе усвоения новых приемов и идей возникают препятствия, обусловленные неготовностью социальной среды к восприятию новаций³. Кареев разделяет мышление личности на высший и низший типы. Принципиальная характери-

¹ См.: Там же. С. 389.

² См.: Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историко-социальных идей и опыт научной теории исторического прогресса // Философия и общество. 1997. №1. С. 218–243.

³ См.: Осипов И.Д. История и культура в философии Н.И. Кареева (к 160-летию со дня рождения) // Вече: альманах русской философии и культуры Вып. 22. С. 180.

стика первого – в возможности спланировать комплекс действий и привлечь других к проведению его в жизнь. Низший тип связан с неспособностью индивидуальной инициативы, что ведет к выполнению чужой воли¹.

Анализируя содержание исторического процесса под углом зрения влияния волевых актов, Кареев связывает социологию с психологией. Прагматическая история раскрывается в режиме постоянного взаимодействия между индивидуумами и социальным целым. Каждое действие вызывается внутренними или внешними стимулами. «Однако, – говорит Кареев, – каждое из них зависит от индивидуального психического процесса»². Таким образом, Н.И. Кареев не отрицает роль социальной среды в развитии личности, но подчеркивает необходимость конкретного анализа их взаимодействия. К тому же, с ростом прав и свобод человека, увеличивается степень его автономии в отношении со средой, а соответственно меняется и сама среда как продукт деятельности индивидов. Личность теоретик раскрывает как двигатель и фактор истории³.

Сегодня проблема изучения представлений личности о собственной роли в истории, о том, как и в каких формах протекает прогресс, выяснение субъективной оценки готовности разрабатывать идеалы и следовать им – остается открытой. Индивидуализация и локализация, сопровождающие следование современного общества в сторону всеобъемлющего потребления, замыкание на собственных экзистенциальных проблемах препятствуют формированию исторического сознания и затрудняют понимание общественной роли личности.

Реализация идеалов и возможность развиваться в условиях свободы и духовности беспокоит молодое поколение. Желание быстро осваивать новое, используя возможности виртуальной среды, и одновременно получать практические навыки, участвуя в проектах и разработках, свойственны вузовской моло-

¹ См.: Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. 2-е изд., с доб. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. С. 346–347.

² Там же. С. 378.

³ См.: Оганян К.К. Взаимоотношения личности и общества в социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Ф. Лилиенфельда // Концепт. 2013. №7. С. 3.

дежи¹. Одновременно присутствуют трудности с самоорганизацией и дисциплиной, разбросанность интересов и нечеткие представления о своем будущем.

Как известно, механизм включения молодежи в общественные отношения имеет две формы: интеграцию и дифференциацию. В результате, на основе идентификации, субъект встраивается в определенный социальный порядок или вступает в конфликт, проявляет девиантность, входит в полосу отчуждения. В вопросе о роли современной молодежи в мейнстриме общественного прогресса актуальным является характеристика ее исторического сознания. Здесь важной чертой выступает «моральный релятивизм», равнодушие к идеалам, которые свойственны молодым людям. Эту точку зрения разделяют 64% молодежи и 70% старшего поколения².

В историческом сознании выделяют генетическое (подсознательное), культурное (образовательное), интуитивное сознание³. Генетическое массовое сознание отражает способ восприятия социальной реальности по принципу аналогии, здесь работает наследованная память и оценка прошлого. Культурная историческая память опирается на интеллект и социокультурные нормы и ценности общества, что предполагает осознанное восприятие истории. Эта сторона сформирована в том числе идеологами. Интуитивная форма сознания все в большей степени становится характерной для молодого поколения в связи с недостатком знаний, что вызывает тревогу. Этому есть ряд причин. Во-первых, в условиях высокой динамики общественных изменений и смены ценностных моделей в сознании молодежи не успевает сформироваться четкая система, что приводит к тому, что начинает преобладать практика суждений и оценок на основе личного субъективного опыта и интуитивных ощущений. Во-вторых, имеет место

¹ См.: Поздеева Е.Г. Активный студент как субъект образовательного пространства: черты образа и проблемы мотивации // Новые контуры социальной реальности: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 87–89.

² См.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Российская молодежь в контексте социологического анализа. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 146.

³ См.: Там же. С. 42.

«разбалансированность» массового сознания, смешение оценок исторических периодов и заслуг лидеров, что вызывает снижение интереса молодежи к поворотным этапам развития общества и роли личности в истории. В-третьих, социализация молодежи проходит под тотальным воздействием интернета, включая игры. При этом сокращается доля молодежи, имеющей идеал для подражания (если в возрасте 14–17 лет 31,5% молодежи имеют такой идеал, то в возрасте 25–30 лет – только 23,1%)¹. Идеалом и примером чаще всего выступают родственники и друзья. Это определяет специфику гражданского становления молодого поколения, в рамках которого можно увидеть как рост инициативного волонтерского движения, так и тенденцию к спаду низовой гражданской активности².

На вопрос о том, что значит быть гражданином Отечества, 30,6% студентов затрудняются ответить, а для 21,5% опрошенных это означает быть достойным гражданином. О том, что это значит быть социально активным, участвовать в жизни страны и общества заявили только 15,4% респондентов. В ответах студентов наблюдается амбивалентность: 40% чувствуют себя вполне свободными или считают, что живут в свободной стране, но при этом также около 40% чувствуют некоторое ограничение свободы или не чувствуют себя свободными вообще³. Двойственность представлений о свободе, которую связывают с духовной свободой, могуществом, властью, социальной независимостью, и соответственно несвободе – характерна не только возрастным группам, но и каждому индивиду⁴. Это отражает серьезные затруднения в субъектном самоопределении и духовном росте молодежи.

Интересно, что в наибольшей степени молодые люди ценят в людях ум, целеустремленность, уверенность в себе, доброту

¹ См.: Там же. С. 149.

² См.: Лубский А.В., Мамина Д.А. Гражданственность в молодежной среде как предмет теоретико-методологического дискурса // Социально-гуманитарные знания. 2019. №7. С. 69–78.

³ См.: Грибанова В.А. Уровень свободы студенческой молодежи и отношение молодых людей к своей стране // КПЖ. 2012. №4 (94). С. 102–108.

⁴ См.: Атагунов В.И., Аникеев О.А. Восприятие собственной свободы и самооценка в структуре «Я-концепции» студенческой молодежи // КПЖ. 2009. №11–12. С. 106–114.

и меньше всего выделяют инициативность, красоту, оригинальность. В целом историческое сознание молодежи сегодня не перегружено серьезными проблемами переоценки этапов развития общества и их лидеров. При этом в жизненных установках молодых людей преобладают прагматичные устремления и ориентация на позитивную деятельность. Молодые люди сегодня хорошо ориентируются в коммуникативном пространстве, ощущают себя частью мирового пространства и демонстрируют устремленность к освоению всего нового. Такие штрихи к портрету позволяют заключить, что характерной чертой жизнедеятельности молодежи выступает гибридизация – в структуре жизненной системы сосуществуют одновременно традиционная и современная модели, присутствуют свои идеалы и культурные образцы, обладающие традиционными чертами и современными формами. В результате действует особый тип саморегуляции, основанный на миксовании культурно-исторических образцов, присущих как локальной культуре, так и универсальных, привнесенных глобализацией¹.

Столь сложная картина характеристик, отражающих личностный потенциал, свойственный современной молодежи, в свете идей Н.И. Кареева заставляет глубоко задуматься о текущих процессах трансляции социологических знаний молодому поколению, чтобы содействовать формированию прочного фундамента для личностного вклада каждого субъекта в летопись исторического прогресса.

Поздеева Елена Геннадьевна

Санкт-Петербург, СПбПУ Петра Великого, к. соц. н., доцент,
elepzd@mail.ru

¹ См.: Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: исследование социокультурного механизма // Учёные записки ФНИСЦ РАН / Отв. ред. М.К. Горшков. Выпуск 7. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. С. 13.

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Образовательная сфера чутко реагирует на изменения в общественном развитии, адаптируется к тенденциям и динамике социальных преобразований и способна сама оказывать влияние на общественные процессы. Как одна из фундаментальных форм социальных институтов, обеспечивающих целостность и преемственность социокультурного опыта поколений, «система образования призвана не только противостоять глобальным разрушительным процессам, но и обеспечить действенную поддержку прогрессивных преобразований»¹.

Современные тенденции в определении роли и характера системы образования в России можно назвать глобалистскими, они совпадают с европейской и мировой моделями. Парадигма образования предполагает философское переосмысление задач среднего общего и высшего образования: от «хорошего образования на всю жизнь» к образованию на протяжении всей жизни; от послушания к инициативности; от знаний к компетенциям. Процесс образования длится в течение всей жизни, ибо совершается как путь индивида в культуру. Насколько такая система образования соответствует своему типу культуры, настолько она может замедлить или ускорить движение цивилизации, воздействовать на историческую судьбу своего народа, на изменение организации образования, основанного на трех константах: ребенок, знания, учитель? Ведь целью образования во все времена являлась социализация личности, передача культурного опыта поколений. В России произошли значительные изменения, затронувшие и образовательную систему: ЕГЭ, Болонская система, аспирантура как третья ступень образования, бесконечное изменение рабочих программ, дистанционное образование, платные интернет-лекции вместо живого общения с преподавателем. Не все это приняли.

¹ Бордовский Г.А., Нестеров А.А., Трапицын С.Ю. Управление качеством образовательного процесса. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2001. С. 5.

Образование призвано работать на будущее. Оно является источником, средством и наиболее действенным механизмом развития общества. Изменения в нашей жизни уже привели к негативным явлениям в системе образования в последнем десятилетии XX века. Сегодня вместо всесторонне развивающейся личности, ученик или студент превращается во всесторонне потребляющую личность, что может пагубно отразиться на будущем развитии общества. В этой связи ученые прорабатывают проблему национальной безопасности перед вызовами создания общества потребления, как части глобализации и западофикации. Происходит «обнищание души, при обогащении информацией». Ведь образованность – это не только умение пользоваться компьютерными технологиями, но способность сознательно и ответственно работать в информационном пространстве *собственного мира*. Использовать такую возможность сможет человек, обладающий устойчивой системой мировоззренческих ценностей, которая должна быть сформирована при обучении в средней и высшей школе. «Расширение образования, выработка мирозерцания, приобретение убеждений формируют в человеке личность»¹ – писал еще в середине 90-х годов XIX в. наш ученый историк, философ и социолог Н.И. Кареев. Он считал, что «культурный рост личности шел всегда рядом с ростом образованности»² и что «образование вводит человека в идеальную культурную среду, создающуюся личной мыслью великого множества философов, ученых, художников, общественных деятелей, работою массы поколений, опытом веков и народов, жизнью человечества»³.

Важная роль в формировании личности принадлежит наставникам, в случае образования – учителям и преподавателям. К сожалению, в 90-е годы учитель «был задавлен безденежьем, престиж профессии упал, а саму школу едва не превратили в сферу услуг»⁴. «Мы перестали говорить о том, что учитель – это не только профессия, не просто набор профессиональных умений

¹ Кареев Н. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. 3-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895. С. 74.

² Там же. С. 81.

³ Там же. С. 83.

⁴ Васильева О. Высокое служение. // Историк. №10 (22). Октябрь. 2016. С. 95.

и навыков, как сейчас говорят – компетенций. Все чаще можно было услышать, что школа – это место оказания образовательных услуг, и что прямая и главная обязанность учителя как раз и состоит в оказании таких услуг. Между тем учительство – это не оказание услуг. Это такое же служение, как служение врача или священника»¹. Хотя непосредственное общение учителя с учениками встречалось во всех философских, научных и религиозных школах Востока и Запада, современная методика склоняет к расширению использования инновационных технологий, дистанционного обучения: студенты все чаще слушают записанные лекции или лекции в интернете. При этом очевидно, что вузовская «живая» лекция приобщает студента к высокой культуре, задает эталон научного языка, ясного и систематического мышления, любви к своему предмету. Одна из главных задач образования – формирование критического мышления, которое обращает человека к внутреннему содержанию той или иной социальной ситуации, намерениям участников отношений. Содержание современного образовательного пространства блокирует эту способность, для овладения которой необходимо живое общение между преподавателями и студентами в вузах. «Пока звучит в вузовском пространстве России живое слово лектора-профессионала, пока доценты и профессора обладают важнейшей академической свободой – свободой доносить до студента авторские научные разработки и личностное видение учебного предмета, до той поры это пространство российской высокой культуры существует и развивается»².

Хороший преподаватель не просто стремится передать необходимый объем информации, но также обучает школьника или студента новым способам мышления и навыкам самостоятельной работы. В этом смысле снова необходимо вспомнить преподавателя Н.И. Кареева: «Никакое преподавание не может претендовать на то, чтобы дать помимо самостоятельного чтения все, что нужно знать и понимать образованному человеку. Напротив того, одним из признаков успешности преподавания и может служить

¹ Там же.

² Иванов А.В. Выстрел в высшее образование // Русский дом. №9, 2019. С. 22–23.

приохочивание к чтению книг по соответственной отрасли знания»¹. Современные школьники и студенты придерживаются другого мнения. Чтение книг в современном образовании не очень распространено. Требования учителей средней школы о необходимом и обязательном чтении специальной и художественной литературы учащимися игнорируются. Школьники используют методические разработки с пересказом содержания и сокращенные варианты программных классических произведений («Война и мир», «Преступление и наказание»). Некоторые вузовские преподаватели вводят в практику обязательное чтение монографий и научных статей, пытаются приобщить студентов к науке. Как показывает опыт, такая форма самостоятельной работы, с одной стороны, является неожиданной для первокурсника, а с другой, – интересной и поучительной (по мнению самих студентов).

При этом выясняется, что некоторые студенты в течение нескольких лет не брали книгу в руки. Подростки привыкли пользоваться смартфонами и быстро овладевают информацией, которая не всегда бывает проверенной и качественной. Клиповое мышление, по мнению ученых, обеспечивает защиту мозга от информационных перегрузок. Нынешние ученики могут одновременно слушать музыку, общаться в «чате», бродить по сети, редактировать фотографии и при этом еще заниматься уроками. Педагоги бьют тревогу: школьники не воспринимают длинные тексты, неспособны углубляться в суть, конспектировать материал. У них не развивается долгосрочная память, утрачивается аналитическое мышление. Вузовские преподаватели истории отмечают, что студенты при изучении исторических событий не умеют проводить анализ, устанавливать причинно-следственные связи, делать выводы, использовать исторические источники, определять их значение и характеристику. При подготовке к семинарским занятиям и создании презентаций по темам курса заметно отсутствие навыков самостоятельной работы. Гораздо проще, как считают многие, «вытащить» информацию из интернета и Википедии, не особо задумываясь о содержании и смысле.

¹ Кареев Н. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. С. 3.

Знания современных студентов по дисциплинам гуманитарного цикла, стали беднее по сравнению с 7–10-летней давностью. Студенты показывают слабое знание истории, географии, русского языка и литературы. На семинаре по истории на вопрос «Куда впадает Волга?» студенты целой учебной группы организовали дискуссию. Одна часть отстаивала Черное море, другая – Балтийское. Местом разгрома крестоносцев Александром Невским в 1242 г. определяют чаще всего Чукотское озеро или Онежское. Название науки о гербах называют «гербарикой». Некоторые студенты называют население Индии – индейцами, а Сибирь считают расположенной на берегу Тихого океана. На географической карте не могут найти реки Днепр, Днестр, Буг, Оку. На вопрос о слабых знаниях географии отвечают, что на дисциплину не распространяется ЕГЭ. Учащимся следует напоминать, что современная геополитика требует хороших знаний географии и истории. Во многих случаях студенты не могут правильно поставить ударение в простых терминах и фамилиях (Одоевский, Оболенский), которые должны знать из школьных уроков литературы.

Выше были упомянуты дисциплины гуманитарного цикла. Они во многом взаимосвязаны. Невозможно изучать историю без знания географии. Литература, которая зачастую основана на исторических материалах, также важна для изучения истории. Преподаватели-филологи констатируют снижение уровня знаний школьников и студентов по русскому языку и литературе. Исчезла необходимость правильной русской речи, происходит ее засорение иностранными словами. «Вопрос преподавания литературы и русского языка в школе и в вузе – это, по большому счету, вопрос нашего будущего», считает профессор МГПУ И.А. Бубнова¹. Важным для нас является сохранение национальных черт, а не переориентация на универсальные ценности «свободного» мира, чтобы в нем раствориться и потерять свои исторические традиции. Выступая на пресс-конференции в Кремле 19 декабря 2019 г., президент РФ В.В. Путин подчеркнул, что основой нашей идеологии должен быть патриотизм. Представителем Горного Ал-

¹ Бубнова И.А. Самое главное слово в русском языке – человек // Русский дом. №11. 2019. С. 34.

тая Президенту был задан вопрос о возможности увеличить количество школ с изучением национального тюркского языка, ибо на весь край осталась одна такая школа. Поддержка Президента была получена. Сохранение национального языка – одна составляющих патриотизма. Наиболее важными предметами в школьном образовании можно считать историю и литературу. Литература учит нравственным качествам. Роль истории огромна, ибо она «дает нам связь с традицией, с опытом, выработанным поколениями наших предков»¹.

Гуманитарное образование нацелено не на информирование, но на *формирование*; не на создание условий для передачи знаний, но на создание условий понимания. История играет важную роль не только в образовании, но и в воспитании патриотизма. Однако количество аудиторных часов по истории в вузах за последние годы сократилось до 36 часов. Учебники и пособия для бакалавров несут поверхностную, ограниченную информацию, подготовительные тесты несовершенны и составлены для профессиональных историков без учета негуманитарных специальностей. На наш взгляд, значимый эффект в воспитании патриотизма можно получить на занятиях историей с преподавателями в учебное и внеучебное время (краеведение, исторические и художественные музеи и выставки), в работе поисковых отрядов, в волонтерском движении и др. «Образованный человек отличается от необразованного, и культурные нации – от некультурных тем, что знают прошлое своей родной страны, и чем ближе это прошлое, тем лучше они его должны знать, ибо в нем только и заключается понимание окружающей среды, позволяющее избегать прежних ошибок, понимать которые учит история, – и находить подходящие средства для достижения поставленных целей»².

Сербина Ольга Александровна

Санкт-Петербург, СПбУТУиЭ, к. ист. н., доцент, serbina.olya@gmail.com

¹ Васильева О. Высокое служение. С. 96.

² Кареев Н. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. С. 139.

АКТУАЛЬНОСТЬ ВЗГЛЯДОВ Н.И. КАРЕЕВА В ОТНОШЕНИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Исследователи проблем детства все чаще говорят о слабой сформированности ценностных ориентиров молодого поколения современной России. Продлившийся период инфантилизма, обесценивание значимости школьного и профессионального образования, отсутствие жизненных целей становятся проблемами глобального характера.

Необходимость реорганизации многих сфер общественной жизни, социально-экономическое отставание нашей страны напоминают период стыка XIX и XX веков. Тогда бурный рост торговли, промышленного производства и развитие сельского хозяйства привели к несоответствию системы образования требованиям рынка. К 1897 году 79% населения не умело читать и писать. В странах Западной Европы соотношение было противоположным: во Франции – 15%, в Англии – 8%, в Германии – 2%. У нас из-за нехватки школ, 57% детей школьного возраста не учились. Кадровый дефицит сказывался на всех сферах экономики. В тот период остро встали вопросы мотивации к учебе, профессиональной ориентации.

Проблема связи профессионального образования, потребностей человека и требований рынка остро стоит и сегодня. По данным исследования, проведенного ВЦИОМ в апреле 2019 года, почти половина жителей России не работают по специальности диплома. Из них в качестве основных причин 30% указывают невозможность устроиться или отсутствие работы по профилю, 24% – более высокую зарплату в другой сфере, а 20% говорят, что «нашли себя» в другой сфере. Согласно данным Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, лишь треть молодых людей считает качественное высшее образование важнейшим фактором при устройстве на работу. Гораздо важнее, по их мнению, опыт работы, готовность много трудиться и нужные связи. Начиная с 2015 года интерес работодателей к выпускникам

вузов также заметно снижается. По данным доклада НИУ ВШЭ за 2018 год, доля предприятий, нанимавших на работу выпускников вузов, за последнее десятилетие, сократилось в строительстве на 30%, в торговле на 15%, в промышленности на 11%. На порталах по подбору персонала, таких как Superjob, графа «Образование» была удалена из формы заявок работодателей.

Это следствие оторванности российского образования от интересов экономики и бизнеса. Цифровые технологии изменили мир профессий. В Атласе профессий, которые составили эксперты Сколково, говорится, что к 2030 году исчезнут 57 существующих профессий и появятся 186 новых (специалист по киберпротезированию, биоэтик, специалист по кристаллографии, эковожатый, экопроповедник, эоаудитор, эксперт по образу будущего ребенка, специалист по детской психологической безопасности и др.) По прогнозам Оксфордского университета, 47 процентов сегодняшних профессий имеют высокую вероятность исчезнуть к 2025 году. Под угрозой оказываются такие профессии, как банковские клерки, турагенты, адвокаты, судьи, полицейские, юристы, учителя, врачи, фармацевты, кассиры, шеф-повара, водители и др. К 2022 г. на трассе М-11 «Москва – Санкт-Петербург» должны открыться беспилотные грузоперевозки. Эксперты Morgan Stanley предполагают массовое проникновение машин без водителей на рынок в 2026 г. и полную замену «человеческого» автопарка на беспилотный – через двадцать лет.

Автоматизация процессов требует массового переобучения кадров. При этом в условиях старения и сокращения населения, новые технологии, определяющие исчезновение одних и появление других профессий, могут смягчить нехватку кадров. Но вряд ли новые профессии станут массовыми. В такой ситуации здравый смысл, критический взгляд при выборе профессии школьниками и их родителями – обязательны для успешной профессиональной реализации в будущем.

Имеет ли современное поколение подростков навыки критического мышления? Опыт преподавания дисциплин зарубежными профессорами в Тюменском университете привел их к следующим выводам: российские студенты, зачастую, критическое мыш-

ление подменяют скептицизмом в отношении всего и вся. Однако не только зарубежные лекторы, но и преподаватели нашей страны отмечают, что обучающиеся не готовы к аргументированному анализу, повсеместно используя лишь субъективные суждения и описание. 92% студентов 1–3 курса обладают низким и средним уровнями интеллектуальных умений критического мышления¹. Еще один камень преткновения – желание получить одобрение со стороны преподавателя, что подразумевает страх ошибки при ответе на вопрос и страх задать вопрос на уточнение. Неспособность услышать противоположное своему мнению, неумение работать с обратной связью, непринятие конструктивной критики – все это о современных студентах. Истоки же данных проблем кроются в предыдущей ступени образования – школьной. Система школьного образования предполагает монологическую систему передачи знаний, готовящую в жизнь не свободномыслящих граждан, а успешно сдавших ЕГЭ. Шаблонное мышление проецируется школьной системой образования через все дисциплины, включая даже те, которые предполагают свободу мысли. Так, писатель Виталий Сероклинов, написавший для одной школьницы сочинение по своему собственному рассказу, был оценен на тройку за неправильное понимание мыслей автора, то есть самого себя. Этот резонансный случай еще раз обращает внимание на ошибочность любых взглядов, не совпадающих с официальной позицией, а значит и отсутствие развития собственных критических навыков.

В связи с вышесказанным, особый интерес сегодня приобретают идеи Н.И. Кареева, исследовавшего проблемы общего и профессионального образования, всестороннего развития личности, самообразования, выработки мировоззрения.

Понимание Кареевым пути самореализации в рамках школы представляет определенного рода сложность. «Школа... все-таки сама по себе не в состоянии была еще подняться до идеи школы не для церкви, не для государства, а для челове-

¹ См.: Кубрушко П.Ф., Галиев Т.Т., Бекбаева Ж.С. Показатели и уровни развития критического мышления студентов // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: Материалы 23-й Международной научно-практ. конференции 24–25 апреля 2018 г. / Под ред. Е.М. Дорожкина, В.А. Федорова. Екатеринбург: РГППУ, 2018. С. 420.

ка»¹. Кареев черпает идеал общего образования у итальянских гуманистов XIV–XV веков, как «обладание – в пределах доступных единичному уму, – идейным достоянием передового человека»². Школа должна способствовать большей индивидуализации человека и это возможно, если система школьного образования изменится. Во-первых, школа должна установить минимум требований для учащихся, имеющих средние умственные способности и среднее усердие в учебе. Во-вторых, прохождение школьной программы не должно занимать все время. Оставшееся время необходимо посвятить активному досугу. Николай Иванович предполагал, что лучшим занятием для саморазвития человека будет чтение книг по возрасту и интересу обучающегося.

Подбор литературы для чтения – задача школьного учителя. Педагог заинтересовывает в своем предмете и показывает путь для самостоятельного изучения, поощряя любознательность учеников подбором литературы. Литература должна не только соответствовать возрасту, но и быть интересной. Учащиеся, кому интересна та или иная дисциплина самостоятельно углубляют свои познания в ней, а кому не интересно – имеют «некоторый комплекс фактических и идейных знаний, равно необходимый всем»³. Учитель не должен стремиться получить ото всех равный набор знаний, так как это становится лишь показателем выполнения программы, а не характеристикой образованности молодежи. Тесная взаимосвязь школьного образования и самообразования позволяет достигать единой цели – удовлетворение внутренней потребности в знаниях, возможности самоопределения.

Самообразование способствует развитию индивидуальности человека. «Рано или поздно удовлетворение потребности в знании известного рода само вызовет потребность в знаниях другого рода, и вообще так или иначе индивидуальность найдет свое свободное проявление»⁴. Таким образом, школа становится отправным пунктом в индивидуализации человека. Она «должна за-

¹ Кареев Н. Идеалы общего образования. 2-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. С. 22.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 43.

заботиться о том, чтобы в известном объеме учащееся юношество усваивало по возможности разные знания», не должна «мешать проявлению и развитию внутренних способностей каждого, напротив того, обнаруживать и укреплять их»¹. Благодаря же самообразованию происходит «выработка мирозерцания»², ведь самообразование представляет собой активное критическое осмысление узнанного. Критическое мышление по Н.И. Карееву – орудие саморазвития.

Отсутствие развитого критического мышления не позволяет человеку осознанно подойти к пониманию себя, своих эмоций, желаний, ценностей, а также к осмыслению событий общественной и политической жизни. Формируемые на этой основе когнитивный диссонанс и стрессовые состояния приводят к ошибкам в ситуациях повседневного или жизненного выбора, к некорректным действиям, к жизненным просчетам, к потере контроля за социальной реальностью и отказу в принятии ответственности за совершаемые дела.

Первым серьезным выбором перед человеком становится выбор будущей профессии. Н.И. Кареев говорит о многозадачности такой проблемы, как выбор будущей профессии. Абитуриенту необходимо не только удовлетворить свои внутренние потребности в самореализации, сложность поступления и обучения, но и учесть тот материальный достаток, который принесет выбранная профессия, а также потребности общества в тех или иных специалистах.

Критическое мышление – это база, без которой в современном мире хаоса, многовариантности выбора, разного рода ловушек и афер, разнонаправленных ценностных установок, идей, сложно адекватно ориентироваться в окружающей действительности и эффективно реализовывать свой потенциал как человека и специалиста. Критическое мышление – это надситуативный тип мышления, выражающийся в широте взглядов, глобальном подходе к проблеме, открытой к познанию позиции. Оно не является

¹ Там же. С. 44–45.

² См.: Кареев Н. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. 8-е изд. С.-Петербург: Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. С. 33.

врожденным свойством или чертой характера, это определенная методология, которая помогает особым образом объяснить события.

Одним из главных признаков критического мышления является самостоятельность. Однако самостоятельность достаточно слабо развита у современных подростков. Согласно информации «Левада-центра» молодые люди, так называемого поколения Z, или как его еще называют «путинского поколения», менее всех возрастных групп населения считают, что нашей стране нужны перемены (51%), при этом направления перемен в целом совпадают с направлениями перемен, обозначенных другими возрастными группами опрашиваемых. Исследователи Института образования НИУ ВШЭ отмечают повышенный конформизм у молодого поколения. Так подростки в меньшей степени проявляют желание завести свое дело, и когда говорят о будущей работе в качестве желаемого сценария, чаще называют работу на корпорацию или государство.

Современная молодежь в большинстве своем с уверенностью смотрит в свое будущее, и менее половины опрошенных с опасением относятся к будущему страны в целом. При этом почти 80% положительно оценивают свое текущее настроение¹. Эти цифры свидетельствуют об отсутствии проблемного поля в повседневных практиках школьников, что препятствует полноценному развитию критического мышления.

Без должного уровня развития критического мышления, нонконформизма невозможно говорить об инновационном потенциале человека. Новатор – это личность, критически относящаяся к авторитетам и к общепринятому стандарту². Современные подростки, по данным ВШЭ, ратуют за ограничение публичного пространства ради того, чтобы не оскорбить чьи-то чувства, ради безопасности. Возможно, ограничения публичного пространства будут ими поддержаны и на законодательном поле. При этом отметим, что инновационный тип дает лучшие результаты там, где

¹ См.: Волков Д. Кто они – люди поколения Z? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3778752>.

² См.: Щербакова Д.В. Управление организационными инновациями в современных компаниях: социальные аспекты: Дисс... канд. соц. наун. (22.00.08). СПбГУ. СПб., 2007. С. 30.

общество более терпимо относится к «не таким, как все», к инакомыслящим. А без инноваций невозможно развитие страны на качественном уровне.

По словам известного ученого в области нейронаук и психолингвистики Т.В. Черниговской, мы живем в мире, который все время разный. И не только потому, что он эволюционирует, но и от того, с какой точки зрения на него посмотреть. Человек меняется, меняются его взгляды, ценности. И тот, с кем мы общались еще совсем недавно сегодня может быть уже совсем другой личностью. Сам мир становится нечеловекомерным. Искусственный интеллект перешел на наноскорости обработки информации. Мы живем в мире, с которым не знаем, что делать. Заниматься тем, чтобы технологически догнать передовые страны – бессмыслица. Они ведь тоже не стоят на месте. Надо искать другой путь развития. И в этом немалую роль должен сыграть интеллект другого типа, тот, который способен к критическому мышлению. Поэтому роль образования чрезвычайно. Необходимо учить детей жить в новом мире: справляться с потоком больших данных, учить непрерывному обучению, формировать навыки верификации информации, ее критическому осмыслению, давать навыки противостояния стрессу, понимания себя и воспитывать человечность. Эти навыки возможно приобрести только через саморазвитие, через индивидуализацию процесса школьного образования. Идеи Н.И. Кареева особо актуальны сегодня. Они должны послужить базой для дальнейшего осмысления и разработки в условиях современного мира.

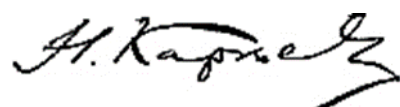
Щербакова Дарья Васильевна

Санкт-Петербург, СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, к. соц. н., доцент,
daria.ranepa@gmail.com

РАЗДЕЛ IX

О СОЦИАЛЬНОМ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ
АСПЕКТАХ ТВОРЧЕСТВА
Н. И. КАРЕЕВА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ
СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Н. И. Кареева". The signature is stylized and cursive, with a long, sweeping underline.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Первоначально планировалось ограничиться темой «Кареев-социолог». Однако небольшой объем (48 записей) вынудил расширить охват, включив публикации, тем или иным образом относящиеся к обществоведческой проблематике. За «бортом», преимущественно, остались исследования, освещающие исторический и педагогический аспекты деятельности Н.И. Кареева, предисловия и вступительные статьи к изданиям трудов Кареева, соответствующие разделы учебной литературы. Вопрос о включении в список тех или иных книг и статей решался составителем индивидуально, в меру его субъективных представлений о предметах и категориально-понятийных аппаратах социологии и обществоведения.

В качестве основных источников информации выступали электронные каталоги и коллекции РГБ, РНБ и ГПИБ, печатные указатели В.А. Филимонова и Т.Г. Щедриной¹.

Разумеется, узкий специалист не найдет здесь чего-то нового. Однако для лиц, впервые знакомящихся с темой, данный библиографический указатель может быть полезен.

В список включены печатные русскоязычные работы с 1972 по 2020 гг. Работы выстроены в прямой хронологии и пронумерованы; внутри года позиции расположены в алфавите первых авторов (остальные авторы выделены курсивом в описаниях). Имеются именной указатель и указатель заглавий. Полужирным шрифтом выделены: в первом указателе название; во втором – номер позиции для авторов; в третьем – заголовки и подзаголовки произведений.

Составитель выражает благодарность Г.А. Иоффе за ценные дополнения и советы.

А.В. Шевцов

¹ См.: **Николай Иванович Кареев: библиогр. указ. (1869–2007)** / [сост. В.А. Филимонов; науч. ред. Н.Н. Алеврас]. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008; **Избранная библиография работ о Н.И. Карееве (2008–2019)** / Сост. Т.Г. Щедрина // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / Ин-т философии РАН, Ин-т развития им. Г.П. Щедровицкого; под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. М., 2019. С. 165–173

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

1972

1. Гнатюк, Л.В. **Социологическая концепция Н.И. Кареева** // Актуальные проблемы истории философии народов СССР: [Сб. ст. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филос. ф-т. Каф. истории философии народов СССР; Ред. коллегия: В.В. Богатов (отв. ред.) и др.] ; М., 1972. С. 497–516.

2. Гнатюк, Л.В. **Теория исторического процесса, социология и философия истории Н. И. Кареева**: Автореф. дис. ... кандидат. филос. наук (09.00.03) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Филос. ф-т. М. 20 с.

1974

3. Краснухин, К.А. **Н.И. Кареев о познании общественных явлений** // Вестн. ЛГУ. Сер.: Философия. Экономика. Право. №17. Вып. 3. С. 77–86.

1975

4. Мягков, Г.П. **Об одной полемике в русской социологии: (Н.И. Кареев о теории культ.-ист. типов Н.Я. Данилевского)** // Сб. аспирант. работ. Гуманит. науки. История / Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина. Казань. С. 103–111.

1985

5. Голосенко, И.А. **Основоположник русской традиции историко-критического анализа социологических учений**: [К публ. рукоп. Н.И. Кареева «Основы русской социологии»] // Социол. исслед. №3. С. 175–178.

1990

6. Крашкина, Л.И. **Проблема личности и общества в творческом наследии Н.И. Кареева**: (Постановка пробл.) // Отечественная философия. М., 1991. С. 133–158. Рукоп. деп. в ИНИОН АН СССР № 4549 от 29.10.91.

7. Хитрова, С.Ф. **Идея социального прогресса в социологии Н.И. Кареева** // Русская философская мысль в 80-х гг. XIX в. о будущем России: [Сб. ст.] / АН СССР, Ин-т философии; [Отв. ред. Н.Ф. Уткина]. М. С. 49–59.

1992

8. Крашкина, Л.И. **Проблема личности в творческом наследии Н.И. Кареева**: Автореферат дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М. 22 с.

1993

9. Грифанова, Л.С. **Социальная философия Н. Кареева** // Русская философия: новые решения старых проблем: В 2-х ч.] / 2-й С.-Петербург. симпоз. историков рус. философии, 6–8 дек. 1993 г.; С.-Петербург. гос. ун-т; [Редкол.: А.Ф. Замалеев (отв. ред.) и др.]. СПб. Ч. 2. С. 50–51.

10. Осипов, И.Д. **Социология истории Н.И. Кареева** // Российская социология: Межвуз. сб. / С.-Петербург. гос. ун-т; Под ред. А.О. Бороноева. СПб. С. 35–44.

1994

11. Чубукова, Е.И. **Н.И. Кареев о соотношении национального и общечеловеческого в социально-философской концепции Н.Я. Данилевского** // Социальная философия и философия истории: открытое о-во и культура: Науч. конф.: Санкт-Петербург, 25–26 окт. 1994 г. Тез. докл. и выступлений. СПб. Ч. 2. С. 67–70.

1997

12. Новикова, Л.И. **Н.И. Кареев: социол. направление в рус. философии истории** / Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская // Философ. науки. №2. С. 73–84.

13. Синютин, М.В. **Типологический метод Н.И. Кареева** // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право, междунар. отношения. № 4. С. 67–73.

1998

14. Двуреченская, Т.А. **Сущность исторического процесса и проблемы личности в философском наследии Н.И. Кареева:** Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. М. 27 с.

15. Цвык, В.А. **Проблемы общественного развития в трудах Н.И. Кареева** // Отечественная философия: рус., рос., всемирная: Материалы V Рос. симпозиума историков рус. философии / Нижегород. гос. пед. ун-т; [Редкол.: А.Е. Шапошников (отв. ред.) и др.]. Н. Новгород. С. 338–342.

2000

16. Вострикова, В.В. **Кареев Н.И. о сущности общественной деятельности** // Изв. Орлов. гос. техн. ун-та. Сер.: Соц.-экон. и гуманитар. науки. №2 (17). С. 67–70.

17. Калмыков, А.А. **Н.И. Кареев о методах социологии** // Социология истории Николая Кареева: [Межвуз. сб.]: К 150-летию со дня рождения / С.-Петербург. гос. ун-т; [Под ред. А.О. Бороноева и др.]. СПб. С. 281–287. (Рос. социология; Вып. 2).

18. Козловский, В.В. **Синтез истории и социологии в трудах Николая Кареева** / В.В. Козловский, И.Д. Осипов // Журн. социологии и соц. антропологии. Т. 3. №4. С. 86–98.

19. Козловский, В.В. **Универсализм исторической социологии Николая Кареева** / В.В. Козловский, И.Д. Осипов // Социология истории Николая Кареева: [Межвуз. сб.]: К 150-летию со дня рождения / С.-Петербург. гос. ун-т; [Под ред. А.О. Бороноева и др.]. СПб. С. 241–252. (Рос. социология; Вып. 2).

20. Ростовцев, Е.А. **Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв.** // Журн. социологии и соц. антропологии. Т. 3. №4. С. 105–121.

21. Синютин, М.В. **К вопросу о методологии Н.И. Кареева** // Социология истории Николая Кареева: [Межвуз. сб.]: К 150-летию со дня рождения / С.-Петербург. гос. ун-т; [Под ред. А.О. Бороноева и др.]. СПб. С. 277–280.

22. Султанов, К.В. **Н. Кареев о теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского** // Социология истории Николая Кареева: [Межвуз. сб.]: К 150-летию со дня рождения / С.-Петербург. гос. ун-т; [Под ред. А.О. Бороноева и др.]. СПб. С. 300–307.

2001

23. Попова, М. **Идеи психологизма в социологической теории Н.И. Кареева** // Актуальные проблемы современной социологии: Ломоносов. чтения – 2001: В 2-х ч. / МГУ им. М.В. Ломоносова, социол. ф-т; Редкол.: Добренъков В.И. (пред.) и др. М. Ч. 1. С. 42–47.

24. Сидненко, Т.И. **Конфликт как психологическое и социально-правовое явление в произведениях Н.И. Кареева** // Психология XXI в.: Тез. Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб. С. 168–170.

25. Сидненко, Т.И. **Особенности либерально-исторической концепции общественного развития в произведениях Н.И. Кареева** // История Отечества на рубеже веков: Опыт, пробл., пути решения: Материалы межрегион. науч.-практ. конф.: [В 3-х ч.] / Оренбург. гос. пед. ун-т; [В 3-х ч.] / [Редкол. Иванова А.Г., Сафонов Д.А.]. Оренбург. [Ч. 1]. С. 167–171.

26. Сидненко, Т.И. **Творческое наследие Н.И. Кареева в контексте исследования проблемы: «личность и общество в России в XXI в.»** // Личность, образование и общество в России в начале XXI в.: Межвуз. сб. науч. тр. / Ассоц. «Университ. образов. округ С.-Петербурга и Лен. обл». СПб. С. 61–63.

2002

27. Гнатюк, О.Л. **Н.С. Тимашев о субъективной социологии Н.И. Кареева** // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, обществ. деятель = Nikolay Ivanovich Kareev: a man, a scientist, a public figure: Материалы I Всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева, Сыктывкар, 5-6 дек. 2000 г. / Сыктывкар. гос. ун-т; [Редкол.: Золотарев В.П. (отв. ред.) и др.]. Сыктывкар. С. 61–66.

28. Осипов, И.Д. **Философия культуры Н.И. Кареева** // Николай Иванович Кареев: человек, ученый, обществ. деятель = Nicholay Ivanovich Kareev: a man, a scientist, a public figure: Материалы I Всерос. науч.-теорет. конф., посвящ. 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева, Сыктывкар, 5–6 дек. 2000 г / Сыктывкар. гос. ун-т; [Редкол.: Золотарев В.П. (отв. ред.) и др.]. Сыктывкар. С. 36–40.

29. Сидненко, Т.И. **Проблема становления гражданского общества в произведениях Н.И. Кареева** // Взаимодействие личности, образования и общества в России в изменяющихся социокультурных условиях: межвуз. Сб. науч. тр. / Ассоц. «Университ. образов. округ С.-Петербурга и Лен. обл». СПб. Ч. 1. С. 57–59.

2003

30. Викторов, А.Ш. **Специфика социологической теории Н.И. Кареева и социокультурный анализ современного российского общества** // Актуальные проблемы социологической науки и социальной практики: Навстречу Второму Всерос. социол. конгр. «Сорокинские чтения – 2002», Москва, 17–18 дек. 2002 г.: В 3-х т. / МГУ им. М.В. Ломоносова, социол. ф-т; [Редкол.: В.И. Добренъков (пред.) и др.]. М. Т. 2. С. 399–417.

31. Малинов, А.В. **В.С. Соловьев и Н.И. Кареев: (К истории взаимоотношений)** // Журн. социологии и соц. антропологии. Т. 6. №2. С. 55–64.

32. Филимонов, В.А. **Н.И. Кареев о развитии идеи прогресса** // Третьи Петербургские Кареевские чтения по новистике, 6–9 дек. 1999 г.: Становление мира как общего дома человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.) / С.-Петерб. ун-т. СПб. С. 207–210.

2004

33. Пономарева, А.В. **Н.И. Кареев о понятии «культурная среда» и ее роли в формировании человеческой личности** // Университет. чтения / Макс Пресс. М. Вып. 6. С. 6–9.

2005

34. Громов, И.А. **Социологическая концепция Н.И. Кареева** // Актуальные проблемы социологического образования: Герценовские чтения, 2005 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 2005. С. 30–44.

35. Дунаева, Ю. **Социологический элемент философско-исторической концепции Н.И. Кареева** // Соц. и гуманитар. науки. Отеч. и заруб. лит. Сер. 11: Социология / Ин-т науч. инф. по обществ. наукам РАН. №4. С. 119–132.

2006

36. Леонтьева, О.Б. **«Формулы прогресса» в наследии П.Л. Лаврова и Н.И. Кареева** // Самар. земск. сб. №1–2 (13–14). С. 251–259.

37. Сидненко, Т.И. **Проблема конфликта в произведениях Н.И. Кареева** / Т.И. Сидненко, С.П. Хвезженко / Вест. С.-Петерб. ун-та МВД России. №2 (30). С. 358–361.

2007

38. Воронцов, А.В. **Основные вехи из жизни и творчества Н.И. Кареева** // Социологическое наследие Н.И. Кареева / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 4–15.

39. Глотов, М.Б. **Н.И. Кареев о социологии как позитивной науке и ее методологии** // Социологическое наследие Н.И. Кареева / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 75–77.

40. Громов, И.А. **Теоретико-методологические аспекты анализа Н.И. Кареевым проблемы объективного и субъективного в социологии** // Социологическое наследие Н.И. Кареева / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 16–26.

41. Дронов, В.Т. **Н.И. Кареев и самоопределение русской школы социологии** // Социологическое наследие Н.И. Кареева / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 27–41.

42. Малявин, С.Н. **Н.И. Кареев и субъективный метод в русской социологии** // Социологическое наследие Н.И. Кареева / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 42–65.

43. Малявин, С.Н. **Теория личности Н.И. Кареев и субъективный метод в русской социологии** // Герценовские чтения, 2007. Кафедре социологии 15 лет / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 55–58.

44. Настоящев, Е.О. **Диалектическое развитие русской социологии в трактовке Н.И. Кареева** // Социологическое наследие Н.И. Кареева / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 78–81.

45. Соловьев, К. **Николай Иванович Кареев: «Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан»** // Российский либерализм: идеи и люди / [Отв. ред. и сост. А. Кара-Мурза].. М., 2007. С. 395–400.

46. Шевцов, А.В. **Проблематика политической социологии и наследие Н.И. Кареева** // Социологическое наследие Н.И. Кареева / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 66–74.

2008

47. Мамонова, Ю.В. **Н.И. Кареев о роли субъективной школы в генезисе и развитии русской социологии** // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология, политология. Т. 8. №1. С. 66–69.

48. Мягков, Г.П. **Н.И. Кареев и казанские социологи** / Г.П. Мягков, В.А. Филимонов // Вестник экономики, права и социологии. №6. С. 115–122.

49. Никифоров, Ю.С. **Социологический подход в историческом исследовании конца XIX – начала XX века (Н.И. Кареев и М.М. Ковалевский)** // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования / Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского; [редкол.: Л. М. Архипова (отв. ред.) и др. Ярославль. С. 48–57.

50. Покатов, Д.В. **Н.И. Кареев о сущности общественной деятельности и роли политической элиты** // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер.: Социология, политология. Т. 8. №2. С. 3–5.2009

51. Буланова, М.Б. **Модель социологического образования, разработанная Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским** // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. Сер.: Философия, социология, искусствоведение. №2. С. 113–122.

52. Серов, А.П. **Личность и общество в трактовке Н.И. Кареева** // Вторые Кареевские чтения / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Сост. и науч. ред. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 67–68.

2010

53. Мамонова, Ю.В. **Н.И. Кареев как историк отечественной социологии**: Автореф. дис. ... канд. социол. наук: Спец. 22.00.01: Теория, методология и история социологии / Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. Саратов. 18 с.

54. Ревазов, В.Ч. **Кареев Н.И. – как первый систематизатор субъективной школы в русской социологии** // Тр. Сев.-Кавк. горно-металлург. ин-та (Гос. технол. ун-та). №17. С. 200–203.

55. Минаев, А.И. **Н.И. Кареев о британском парламентаризме** // Национальный/социальный характер: Археология идей и совр. наследство: [Материалы Всерос. науч. конф., Н. Новгород, 30 сент. – 2 окт. 2010 г.]. / [Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Нижегород. гос. пед. ун-т, Ин-т всеобщ. истории РАН, О-во интеллектуал. истории; Отв. ред. Репина Л.П.]. Н. Новгород. С. 283–285.

2011

56. Долгова, Е.А. **В поисках «общей методологии наук»: Синтез истории, социологии и психологии в работах Н.И. Кареева (1918–1931 гг.)** // Будущее нашего прошлого: Материалы Всерос. науч. конф., 15–16 июня 2011 г. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. Отв. ред. А.П. Логунов. М. С. 118–126.

57. Долгова, Е.А. **«Исследование не может вестись каким-либо одним методом»: Марксизм в работах Н.И. Кареева 1918–1931 гг.** // Изв. Смолен. гос. ун-та. № 3 (15). С. 223–231.

58. Малинов, А.В. **Н.И. Кареев. Общая методология гуманитарных наук** // Вече: журн. рус. философии и культуры / С.-Петербур. гос. ун-т, ин-т философии. №22. С. 147–174.

59. Мальсагова, Х.И. **О. Конт и Н.И. Кареев: развитие позитивизма в России** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. №4. С. 208–220.

60. Осипов, И.Д. **История и культура в философии Н.И. Кареева** // Вече: журн. рус. философии и культуры / С.-Петербур. гос. ун-т, ин-т философии. №22. С. 174–185.

2012

61. Бороноев, А.О. **М.М. Ковалевский в истории русской социологии Н.И. Кареева** / А.О. Бороноев, М.Б. Глотов // О-во. Среда. Развитие. №.2 (23). С. 68–72.

62. Долгова, Е.А. **Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922–1924 гг.** // Вестник архивиста / Рос. гос. гуманитар. ун-т. №1. С. 239–245.

63. Иванова, С.С. **Социокультурная типология Н.И. Кареева** // Глобал. науч. потенциал / Фонд развития науки и культуры. №6 (15). С. 48–50.

64. Копейкин, В.М. **Н.И. Кареев и социологическое образование в России** // Третьи Кареевские чтения / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. истории и теории социологии; Науч. ред. и сост. С.Н. Малявин; Отв. ред. А.В. Воронцов. СПб. С. 49–51.

65. Мальсагова, Х.И. **Особенности концепции человек–общество в социологии Н.И. Кареева** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология, политология. №4. С. 190–199.

66. Попов, А.С. **Н.И. Кареев о «субъективном элементе» в общественном познании** // Философские традиции и современность / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. №1 (1). С. 87–94.

2013

67. Долгова, Е.А. **«Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева (1850–1931)** // Историческая психология и социология истории. Т. 6. №2. С. 185–198. 68. Золотарев, В.П. **Н.И. Кареев и П.А. Сорокин** // Наследие. №3. С. 78–89.

69. Мальсагова, Х.И. **Теория и методология социологического знания Н.И. Кареева** // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология, политология. №2. С. 167–173.

70. Оганян, К.К. **Взаимоотношения личности и общества в социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Ф. Лилиенфельда** // Концепт: науч.-метод. электрон. журн / Межрегион. центр инновац. технологий в образовании. №2. С. 36–40.

71. Оганян, К.К. **Историко-социологический анализ нравственной личности в концепции Н.И. Кареева и А.И. Стронина** // Фундамент. исслед. №8–5. С. 1250–1254.

2014

72. Бочкарева, В.И. **Отечественные социологи-современники: (Н.И. Кареев – П.А. Сорокин)** // Наследие. №2 (5). С. 111–128.

73. Долгова, Е.А. **Неизвестный труд Н.И. Кареева: предисл. публикатора: [«Два новых научных труда по социологии»]** // Социол. журн. №4. С. 90–94.

74. Долгова, Е.А. **Два новых научных труда по социологии (НИОР РГБ, Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 2–54. Автограф. Подлинник. Черновик)** // Социол. журн. №4. С. 95–120.

75. Лыскова, И.Е. **Н.И. Кареев о цели жизни и жизненном призвании** // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №7–2. С. 162–166.

76. Лыскова, И.Е. **Философские и социологические корни персонального менеджмента: [взгляды Н.И. Кареева]** // В мире научных открытий / Науч.-инновац. центр. №7–2 (55). С. 757–776.

77. Николаев, Н.Ю. **Проблемы войны и мира в историко-социологических трудах Н.И. Кареева на рубеже XIX–XX вв.** // Культура, наука, образование: Пробл. и перспективы: Материалы III Всерос. Науч.-практ. конф. / Нижневарт. гос. ун-т; Отв. ред. А.В. Коричко. Нижневарт. С. 181–183.

2015

78. Дерюгин, П.П. **Организация как предел личной свободы: Актуал. пророчества Н.И. Кареева** / Дерюгин П.П., Тарасова О.О. // Четвертые Кареевские чтения: История и теория социологии: Материалы конф. / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, ф-т соц. наук, каф. социологии; Сост. А.В. Шевцов; Отв. ред. А.В. Воронцов; Науч. ред. С.Н. Малявин. СПб. С. 56–61.

79. Мартынович, С.Ф. **Опыт русской социологии: Н.И. Кареев** // Евразийск. науч. об-ние. Т. 2. №5 (5). С. 151–154.

80. Попов, А.С. **К вопросу о решении Н.И. Кареевым проблемы социально-исторического прогресса** // Наука, образование, о-во: Актуал. вопр. и перспективы развития, Москва, 30 сент. 2015 г. / АР «Консалт». М. С. 28–29.

81. Попов, А.С. **«Теория прогресса» Н.И. Кареева** // Святой равноапостольный князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси: материалы II Владимир. духовно-образоват. чтений / Мичуринская епархия Русской православной церкви (Московский Патриархат), Мичурин. гос. аграр. ун-т; [сост. Р.С. Леонов]. Мичуринск. С. 112–117.

2016

82. Малявин, С.Н. **Социология и историческая наука у Н.И. Кареева** // Пятые Кареевские чтения: История и теория социологии: Материалы конф., 18 дек. 2015 г., РГПУ им. А.И. Герцена; Науч. ред. и сост. С.Н. Малявин; Отв. ред.: А.В. Воронцов. СПб. С. 100–103.

83. Погодин, С.Н. **Позитивистские истоки мировоззрения Н.И. Кареева** // Россия в глобальном мире: Альм. / С.-Петербург. политех. ун-т Петра Великого. №9 (32). С. 549–552.

2017

84. Колмаков, В.Б. **Ценность жизни в русском позитивизме: Н.И. Кареев** // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. №2 (25). С. 37–56.

85. Малинов, А.В. **Логика методологии: (К публ. «Логических предпосылок всякой методологии» Н. И. Кареева)** / А. Малинов, Е. Долгова // Социол. обозрение. Т. 16. №3. С. 319–326.

86. Плотникова, Е.Н. **Был ли Н.И. Кареев марксистом** / Е.Н. Плотникова, С.Н. Погодин // Философия русской революции: [Моногр.] / С.-Петербург. политех. ун-т Петра Великого; [Осипов И.Д., Погодин С.Н., Кефели И.Ф. и др.; Отв. ред. И.Д. Осипов, С.Н. Погодин]. СПб. С. 119–126.

2018

87. Матвеевская, А.С. **Об отношении Н.И. Кареева к марксизму** // Философия марксизма. История и современность. К 200-летию со дня рождения Карла Маркса / С.-Петербург. политехн. ун-т Петра Великого; Под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб. С. 140–147.

88. Мишина, О.К. **Николай Иванович Кареев о развитии общества** // Генетическ. социология XXI. №.1/2 (6/7). С. 138–143.

89. Мотовникова, Е.Н. **История развития понятия типа (и типологического метода) в методологических работах Н.И. Кареева** // Studia Culturae / С.-Петербург. филос. о-во. №36. С. 60–70.

90. Попов, А.С. **Н.И. Кареев о социально-историческом прогрессе** / А.С. Попов, Е.А. Татарина // Вестн. науч. конференций / ООО «Консалтинговая комп. Юком». №4–4 (32). С. 98–100.

91. Попов, А.С. **Теоретико-методологические основания социально-исторических взглядов Н.И. Кареева** // Наука и образование / Мичуринск. гос. аграр. ун-т. Т. 1. №1. С. 33

92. Шалашников, Г.В. **Моральные аспекты выбора целей и средств для общественной деятельности в философских воззрениях Н.И. Кареев и П.Л. Лаврова** // Совр. пробл. права, экономики и управления / Ин-т законовещения и упр. №1 (6). С. 167–173.

93. Шмерлина, И.А. **Социальная жизнь животных в осмыслении отечественных социологов: П.А. Лавров и Н.И. Кареев** // Социол. журн. Т. 24. №3. С. 141–162.

2019

94. Гарбузов, Д.В. **Николай Иванович Кареев о войне и мире** / Д.В. Гарбузов, Н.Ю. Николаев, С.П. Рамазанов // Диалог со временем. №68. С. 267–281.

95. Долгова, Е.А. **«Одна профессура по социологии»: Всероссий. конкурс и институционализация новой каф. в Петрогр. ун-те, 1919–1922 гг.** // Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества: Сб. ст. / Отв. ред. В.В. Козловский, А.В. Малинов. Спб. С. 195–211.

96. Долгова, Е.А. **О неопубликованной работе Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922)** // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / [Б.И. Пружинин, Е.А. Долгова, А.В. Малинов, Л.А. Микешина, Е.Н. Мотовникова и др.; Под ред. Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина]. Сер. «Философия России первой половины XX века» М. С. 14–45.

97. Ломоносова, М.В. **Заново обретая утраченное: о малоизвестном очерке Н.И. Кареева: [«Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”. Очерк из истории анархизм»]** // Социол. исслед. №8. С. 96–100.

98. Лыскова, И.Е. **Н.И. Кареев и П.А. Сорокин об экономической природе личности** // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI в.: (К 130-летию со дня рождения): Сб. науч. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т им. П. Сорокина. Сыктывкар. С. 63–70.

99. Никонов, Л.А. **Социально-ориентированное государство в интерпретации Н.И. Кареева** // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Философия. №2 (48). С. 128–134.

100. Соболева, Н.А. **Культурно-социальная среда в воззрениях Н.И. Кареева** // Вестн. Твер. гос. техн. ун-та. Сер.: Науки об о-ве и гуманит. науки. №3 (18). С. 11–17.

2020

101. Бороноев, А.О. **Социология и историография Николая Ивановича Кареева. Конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева, Санкт-Петербург, 8–9 октября 2020 г.** / А.О. Бороноев, С.Н. Малявин // *Общество. Среда. Развитие.* №4 (57). С. 67–69.
102. Бочкарева, В.И. **Н.И. Кареев и литература** // VII Кареевские чтения: История и теория социологии: Материалы междунар. науч. конф. 18 дек. 2018 г. / Каф. социологии РГПУ им. А.И. Герцена; Ред.-сост. Г.А. Иоффе; Отв. ред. А.В. Воронцов; Науч. ред. С.Н. Малявин. СПб. С. 18–20.
103. Войцеховский, С.Н. **Историческая социология Н.И. Кареева и Н.С. Розова: сравнит. анализ идей** // *Молодой ученый.* №27 (317). С. 127–133.
104. Глотов, М.Б. **Методологические основы социологии Н.И. Кареева** // *Проблемы деятельности ученого и научн. коллективов.* №6 (36). С. 22–33.
105. Глотов, М.Б. **Участие Н.И. Кареева в процессах институционализации социологии в России** // *Социол. журн.* Т. 26. №2. С. 144–152.
106. Головин, Н.А. **«Рефлексологизм для меня совершенно неприемлем»: Влияние критики Н.И. Кареева на теорет. основу «Системы социологии» П.А. Сорокина** // *Социология науки и технологий / Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова.* Т. 11. №2. С. 97–112.
107. Малинов, А.В. **Наблюдение в социальных науках: (по материалам рукоп. Н.И. Кареева «Общая методология гуманитар. наук»)** / А.В. Малинов, Е.А. Долгова, В.В. Слискова // *Социология науки и технологий / Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова.* Т. 11. №2. С. 53–63.
108. Малинов, А.В. **Социология и право: (по материалам рукописи Н.И. Кареева): [отрывок из 6-й гл. неизд. кн. «Общая методология гуманитар. наук»]** / А.В. Малинов, Е.А. Долгова // *Социол. исслед.* №8. С. 120–129.

109. Малинов, А.В. **Социология как теоретическая наука (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»)** / А.В. Малинов, Е.А. Долгова // Социол. журн. Т.26. №4. С. 116–136.

110. Осипов, И.Д. **Концепция культуры в социологии истории Н.И. Кареева** / И.Д. Осипов, С.Н. Погодин // Социология науки и технологий / Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Т. 11. №2. С. 86–96.

111. Попов, А.С. **Проблема социально-исторического прогресса в историософских построениях Н.И. Кареева** // Державин. форум / Тамбов. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Т. 14. С. 66–73.

112. Соболева, Н.А. **Конструктивно-критическая оценка контизма в трудах Н.И. Кареева** // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах: VIII ежегод. сб. науч. тр. препод., аспирантов, магистрантов, студентов ф-та упр. и соц. коммуникаций: В 2-х ч. / Твер. гос. техн. ун-т; Под. общ. ред. И.И. Павлова. Тверь. [Ч. 1]. С. 41–47.

113. Шляпников, В.В. **Кареев Н.И. о сущности общественной деятельности** // Психолого-пед. пробл. безопасности человека и о-ва / С.-Петерб. ун-т гос. противопожар. службы МЧС РФ. №3 (48). С. 11–14.

2021

114. Воронцов, А.В. **Социологический дискурс о Карееве: по материалам конференции** / А.В. Воронцов, Г.А. Иоффе // Социол. исслед. №4. С. 158–160.

115. Долгова, Е.А. **Теоретические гуманитарные науки (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»)** / Е.А. Долгова, А.В. Малинов, В.В. Слискова // Вопросы философии. №5. С. 94–107.

116. Долгова, Е.А. **Прикладное знание в гуманитарных науках (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»)** / Е.А. Долгова, А.В. Малинов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. Социология. Т. 14. №1. С. 4–13.

117. Козлова, Л.А. **«Переход от истории к социологии» в учении Н.И. Кареева и историческая социология** // Социол. исслед. №4. С. 15–24.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Архипова, Л.М., 49
Богатов, В.В., 1
Бороноев, А.О., 10, 17, 19,
21, 22, **61, 101**
Бочкарева, В.И., **72, 102**
Буланова, М.Б., **51**
Викторов, А.Ш., 30
Войцеховский, С.Н., **103**
Воронцов, А.В., **38, 39–44,**
46, 52, 64, 78,
82, 102, **114**
Вострикова, В.В., **16**
Гарбузов, Д.В., **94**
Глотов, М.Б., **39, 61, 104,**
105
Гнатюк, Л.В., **1, 2**
Гнатюк, О.Л., **27**
Годвин, У., 97
Головин, Н.А., **106**
Голосенко, И.А., **5**
Грифанова, Л.С., **9**
Громов, И.А., **34, 40**
Данилевский, Н.Я., 4, 11
Двуреченская, Т.А., **14**
Дерюгин, П.П., **78**
Добреньков, В.И., 23, 30
Долгова, Е.А., **56, 57, 62,**
67, 73, 74, 85,
95, 96, 107,
108, 109, 115,
116
Дронов, В.Т., 41
Дунаева, Ю., 35
Замалеев, А.Ф., 9
Золотарев, В.П., 27, 28, **68**
Иванова, А.Г., 25
Иванова, С.С., 63
Иоффе, Г.А., 102, **114**
Калмыков, А.А., **17**
Кара-Мурза, А., 45
Кефели, И.Ф., 86
Ковалевский, М.М., 49,
51, 61
Козлова, Л.А., 117
Козловский, В.В., **18, 19,**
95
Колмаков, В.Б., **84**
Конт, О., 59, 112
Копейкин, В.М., **64**
Коричко, А.В., 77
Краснухин, К.А., **3**
Крашкина, Л.И., **6, 8**
Лавров, П.Л., 36, 92, 93
Лаппо-Данилевский,
А.С., 20, 95,
96
Леонов, Р.С., 81
Леонтьева, О.Б., 36
Лилиенфельд, П.Ф., 70
Логунов, А.П., 56
Ломоносова, М.В., **97**
Лыскова, И.Е., **75, 76, 98**
Малинов, А.В., **31, 58, 85,**
95, 96, **107, 108, 109,**
115, 116

- Мальсагова, Х.И., **59, 65, 69**
Малявин, С.Н., 38-41, **42–43, 44, 46, 52, 64, 78, 82, 101, 102**
Мамонова, Ю.В., **47, 53**
Маркс, К., 57, 86, 87
Мартынович, С.Ф., 79
Матвеевская, А.С., **87**
Микешина, Л.А., 96
Минаев, А.И., 55
Мишина, О.К., **88**
Мотовникова, Е.Н., **89, 96**
Мягков, Г.П., **4, 48**
Настоящев, Е.О., **44**
Никифоров, Ю.С., **49**
Николаев, Н.Ю., 77, **94**
Никонов, Л.А., **99**
Новикова, Л.И., **12**
Оганян, К.К., **70, 71**
Осипов, И.Д., **10, 18, 19, 28, 60, 86, 87, 110**
Петрушевский, Д.М., 96
Плотникова, Е.Н., **86**
Погодин, С.Н., **83, 86, 87, 110**
Покатов, Д.В., 50
Пономарева, А.В., 33
Попов, А.С., **66, 80, 81, 90, 91, 111**
Попова, М., **23**
Пружинин, Б.И., 96
Рамазанов, С.П., **94**
Ревазов, В.Ч., **54**
Репина, Л.П., 55
Розов, Н.С., 103
Ростовцев, Е.А., **20**
Сафонов, Д.А., 25
Серов, А.П., **52**
Сидненко, Т.И., **24–26, 29, 37**
Сиземская, И.Н., **12**
Синютин, М.В., **13, 21**
Слискова, В.В., **107, 115**
Соболева, Н.А., **100, 112**
Соловьев, В.С., 31
Соловьев, К., **45**
Сорокин, П.А., 68, 72, 98, 106
Стронин, А.И., 71
Султанов, К.В., **22**
Тарасова, О.О., **78**
Татарина, Е.А., **90**
Тимашев, Н.С., **27**
Уткин, Н.Ф., 7
Филимонов, В.А., 32, **48**
Хвеженко, С.П., **37**
Хвостов, Д.М., 96
Хитрова, С.Ф., 7
Цвык, В.А., **15**
Чубукова, Е.И., **11**
Шалашников, Г.В., **92**
Шапошников, А.Е., 15
Шевцов, А.В., **46, 78**
Шляпников, В.В., 113
Шмерлина, И.А., **93**
Щедрина, Т.Г., 96

УКАЗАТЕЛЬ ЗАГЛАВИЙ

- Академик А.С. Лапко-Данилевский в памяти научного сообщества, 95
- Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 75
- Актуальные проблемы истории философии народов СССР, 1
- Актуальные проблемы современной социологии, 23
- Актуальные проблемы социологического образования, 34
- Актуальные проблемы социологической науки и социальной практики, 30
- Актуальные пророчества Н.И. Кареева, 78**
- Будущее нашего прошлого, 56
- Был ли Н.И. Кареев марксистом, 86**
- В мире научных открытий, 76
- В поисках «общей методологии наук», 56**
- Вестник архивиста, 62
- Вестник Воронежского государственного университета, 84
- Вестник ЛГУ, 3
- Вестник Московского университета, 59, 65, 69
- Вестник научных конференций, 90
- Вестник Российского государственного гуманитарного университета, 51
- Вестник Санкт-Петербургского университета, 13, 116
- Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 37
- Вестник Тверского государственного технического университета, 100
- Вестник Тверского государственного университета, 99
- Вестник экономики, права и социологии, 48
- Вече, 58, 60
- Взаимоотношения личности и общества в социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Ф. Лилиенфельда, 70**
- Взаимодействие личности, образования и общества в России в изменяющихся социокультурных условиях, 29
- Влияние критики Н.И. Кареева на теоретическую основу «Системы социологии» П.А. Сорокина, 106**
- Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования, 49
- Вопросы философии, 115

- Всероссийский конкурс и институционализация новой кафедры в Петроградском университете, 1919–1922 гг., 95**
Генетическая социология XXI, 88
Герценовские чтения
– 2005, 34
– 2007, 43
Глобальный научный потенциал, 63
Уильям Годвин и его «Политическая справедливость». Очерк из истории анархизма, 97
Два новых научных труда по социологии, 73
Два новых научных труда по социологии (НИОР РГБ, Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 2–54. Автограф. Подлинник. Черновик), 74
Державинский форум, 111
Диалектическое развитие русской социологии в трактовке **Н.И. Кареева, 44**
Диалог со временем, 94
Евразийское научное объединение, 79
Журнал социологии и социальной антропологии, 18, 31
Заново обретая утраченное: о малоизвестном очерке Н.И. Кареева, 97
Идеи психологизма в социологической теории Н.И. Кареева, 23
Идея социального прогресса в социологии Н.И. Кареева, 7
Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922–1924 гг., 62
Известия Орловского государственного технического университета, 16
Известия Саратовского университета, 47, 50
Известия Смоленского государственного университета, 57
«Исследование не может вестись каким-либо одним методом», 57
Историко-социологический анализ нравственной личности в концепции Н.И. Кареева и А.И. Стронина, 71
Историческая психология и социология истории, 67
Историческая социология Н.И. Кареева и Н.С. Розова, 103
История и культура в философии Н.И. Кареева, 60
История Отечества на рубеже веков, 25
История развития понятия типа (и типологического метода) в методологических работах Н.И. Кареева, 89
К вопросу о методологии Н.И. Кареева, 21

- К вопросу о решении Н.И. Кареевым проблемы социально-исторического прогресса, 80**
- К публикации «Логических предпосылок всякой методологии» Н.И. Кареева, 85**
- Н.И. Кареев. Общая методология гуманитарных наук, 58**
- Николай Иванович Кареев: «Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан», 45**
- Н.И. Кареев: социологическое направление в русской философии истории, 12**
- Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель, 27, 28
- Н.И. Кареев и казанские социологи, 48**
- Н.И. Кареев и А.С. Лапо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв., 20**
- Н.И. Кареев и литература, 102**
- Н.И. Кареев и самоопределение русской школы социологии, 41**
- Н.И. Кареев и П.А. Сорокин, 68**
- Н.И. Кареев и П.А. Сорокин об экономической природе личности, 98**
- Н.И. Кареев и социологическое образование в России, 64**
- Н.И. Кареев и субъективный метод в русской социологии, 42**
- Н.И. Кареев как историк отечественной социологии, 53**
- Кареев Н.И. – как первый систематизатор субъективной школы в русской социологии, 54**
- Н.И. Кареев о британском парламентаризме, 55**
- Николай Иванович Кареев о войне и мире, 94**
- Н.И. Кареев о методах социологии, 17**
- Н.И. Кареев о познании общественных явлений, 3**
- Н.И. Кареев о понятии «культурная среда» и ее роли в формировании человеческой личности, 33**
- Николай Иванович Кареев о развитии общества, 88**
- Н.И. Кареев о роли субъективной школы в генезисе и развитии русской социологии, 47**
- Н.И. Кареев о соотношении национального и общечеловеческого в социально-философской концепции Н. Я. Данилевского, 11**
- Н.И. Кареев о социально-историческом прогрессе, 90**
- Н.И. Кареев о социологии как позитивной науке и ее методологии, 39**
- Н.И. Кареев о «субъективном элементе» в общественном познании, 66**

- Кареев Н.И. о сущности общественной деятельности, 16, 113**
Н.И. Кареев о сущности общественной деятельности и роли политической элиты, 50
Н.И. Кареев о теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского, 4, 22
Н.И. Кареев о цели жизни и жизненном призвании, 75
Кареевские чтения
– Вторые, 52
– Третьи, 64
– Четвертые, 78
– Пятые, 82
– VII, 102
- М.М. Ковалевский в истории русской социологии Н.И. Кареева, 61**
Конструктивно-критическая оценка контизма в трудах Н.И. Кареева, 112
О. Конт и Н.И. Кареев: развитие позитивизма в России, 59
Конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева, Санкт-Петербург, 8–9 октября 2020 г., 101
Конфликт как психологическое и социально-правовое явление в произведениях Н.И. Кареева, 24
Концепт, 70
Концепция культуры в социологии истории Н.И. Кареева, 110
Культура, наука, образование, 77
Культурно-социальная среда в воззрениях Н.И. Кареева, 100
Личность и общество в трактовке Н.И. Кареева, 52
Личность, образование и общество в России в начале XXI в., 26
Логика методологии, 85
Логические предпосылки всякой методологии, 85
Ломоносовские чтения – 2001, 23
Марксизм в работах Н.И. Кареева 1918-1931 гг., 57
Методологические основы социологии Н.И. Кареева, 104
Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов, 96
Модель социологического образования, разработанная Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским, 51
Молодой ученый, 103

Моральные аспекты выбора целей и средств для общественной деятельности в философских воззрениях Н.И. Кареева и П.Л. Лаврова, 92

Наблюдение в социальных науках: (по материалам рукоп. Н.И. Кареева «Общая методология гуманит. наук»), 107

Наследие, 68, 72

Наука и образование, 91

Наука, образование, общество, 80

Национальный/социальный характер: Археология идей и современное наследие, 55

Неизвестный труд Н.И. Кареева: предисл. публикатора, 73

О неопубликованной работе Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922), 96

Об одной полемике в русской социологии, 4

Об отношении Н.И. Кареева к марксизму, 87

Общая методология гуманитарных наук, 58, 62, 96, 107, 108, 109, 115, 116

«Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева (1850–1931), 67

Общество. Среда. Развитие, 61, 101

«Одна профессура по социологии», 95

Опыт русской социологии: Н.И. Кареев, 79

Организация как предел личной свободы, 78

Основные вехи из жизни и творчества Н.И. Кареева, 38

Основоположник русской традиции историко-критического анализа социологических учений, 5

Основы русской социологии, 5

Особенности концепции человек–общество в социологии Н.И. Кареева, 65

Особенности либерально-исторической концепции общественного развития в произведениях Н.И. Кареева, 25

Отечественная философия, 6, 15

Отечественные социологи-современники: (Н.И. Кареев – П.А. Сорокин), 72

«Переход от истории к социологии» в учении Н.И. Кареева и историческая социология, 117

Петербургские Кареевские чтения по новистике
– Третьи, 32

- Позитивистские истоки мировоззрения Н.И. Кареева, 83**
Политическая справедливость, 97
- Прикладное знание в гуманитарных науках (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»), 116**
- Проблема конфликта в произведениях Н.И. Кареева, 37**
- Проблема личности в творческом наследии Н.И. Кареева, 8**
- Проблема личности и общества в творческом наследии Н.И. Кареева, 6**
- Проблема социально-исторического прогресса в историософских построениях Н.И. Кареева, 111**
- Проблема становления гражданского общества в произведениях Н.И. Кареева, 29**
- Проблематика политической социологии и наследие Н.И. Кареева, 46**
- Проблемы войны и мира в историко-социологических трудах Н.И. Кареева на рубеже XIX–XX вв., 77**
- Проблемы деятельности ученого и научных коллективов, 104
- Проблемы общественного развития в трудах Н.И. Кареева, 15**
- Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах, 112
- Психология XXI в., 24
- Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества, 113
- «Рефлексологизм для меня совершенно неприемлем», 106**
- Российская социология, 10, 17
- Российский либерализм: идеи и люди, 45
- Россия в глобальном мире, 83
- Русская философия, 9
- Русская философская мысль в 80-х гг. XIX в. о будущем России, 7
- Самарский земский сборник, 36
- Сборник аспирантских работ, 4
- Святой равноапостольный князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси, 81
- Синтез истории и социологии в трудах Николая Кареева, 18**
- Синтез истории, социологии и психологии в работах Н.И. Кареева (1918–1931 гг.), 56**
- Система социологии, 106
- Современные проблемы права, экономики и управления, 92

- В.С. Соловьев и Н.И. Кареев: (К истории взаимоотношений), 31**
Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI в., 98
Сорокинские чтения – 2002, 30
- Социальная жизнь животных в осмыслении отечественных социологов: П.А. Лавров и Н.И. Кареев, 93**
Социальная философия и философия истории, 11
- Социальная философия Н. Кареева, 9**
- Социально-ориентированное государство в интерпретации Н.И. Кареева, 99**
- Социокультурная типология Н.И. Кареева, 63**
Социальные и гуманитарные науки, 35
- Социологическая концепция Н.И. Кареева, 1, 34**
Социологические исследования, 5, 97, 114, 117
- Социологический дискурс Кареева: по материалам конференции, 114**
Социологический журнал, 73, 74, 93, 105, 109
- Социологический подход в историческом исследовании конца XIX – начала XX века, 49**
- Социологический элемент философско-исторической концепции Н.И. Кареева, 35**
Социологическое наследие Н.И. Кареева, 39–42, 44, 46
- Социология и историография Николая Ивановича Кареева, 101**
- Социология и историческая наука у Н.И. Кареева, 82**
- Социология и право: (по материалам рукописи Н.И. Кареева), 108**
- Социология истории Н.И. Кареева, 10**
Социология истории Николая Кареева, 17, 19, 21, 22
- Социология как теоретическая наука (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»), 109**
Социология науки и технологий, 106, 107
- Специфика социологической теории Н.И. Кареева и социокультурный анализ современного российского общества, 30**
- Становление мира как общего дома человечества: динамика, этапы, перспективы (XV–XXI вв.), 32**
- Сущность исторического процесса и проблемы личности в философском наследии Н.И. Кареева, 14**
- Творческое наследие Н.И. Кареева в контексте исследования проблемы: «личность и общество в России в XXI в.», 26**

- Теоретико-методологические аспекты анализа Н.И. Кареевым проблемы объективного и субъективного в социологии, 40**
- Теоретико-методологические основания социально-исторических взглядов Н.И. Кареева, 91**
- Теоретические гуманитарные науки (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук»), 115**
- Теория и методология социологического знания Н.И. Кареева, 69**
- Теория исторического процесса, социология и философия истории Н.И. Кареева, 2**
- Теория личности Н.И. Кареев и субъективный метод в русской социологии, 43**
- «Теория прогресса» Н.И. Кареева, 81**
- Н.С. Тимашев о субъективной социологии Н.И. Кареева, 27**
- Типологический метод Н.И. Кареева, 13**
- Труды Северо-Кавказского горно-металлургического ин-та (Государственного технологического университета), 54**
- Универсализм исторической социологии Николая Кареева, 19**
- Университетские чтения, 33**
- Участие Н.И. Кареева в процессах институционализации социологии в России, 105**
- Философия культуры Н.И. Кареева, 28**
- Философия марксизма, 87**
- Философия русской революции, 86**
- Философские и социологические корни персонального менеджмента, 76**
- Философские науки, 12**
- Философские традиции и современность, 66**
- «Формулы прогресса» в наследии П.Л. Лаврова и Н.И. Кареева, 36**
- Фундаментальные исследования, 71**
- Ценность жизни в русском позитивизме: Н.И. Кареев, 84**
- Nicholay Ivanovich Kareev: a man, a scientist, a public figure, 27, 28**
- Studia Culturae, 89**

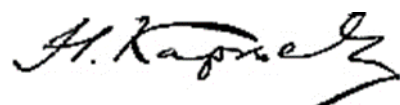
Шевцов Алексей Владимирович

Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, д. филол. н., профессор,
monografia.schevtsov@yandex.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

«ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ?»

Н.И. КАРЕЕВА

A handwritten signature in black ink, appearing to read "Н.И. Кареева". The signature is written in a cursive style with a long, sweeping tail on the final letter.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕД.-СОСТАВИТЕЛЯ ПЕРЕД ПУБЛИКАЦИЕЙ

Идея публикации текста Кареева в настоящем сборнике возникла по мотивам выступления на конференции октября 2020 года директора фонда А.А. Хованского, Андрея Ивановича Лазарева. Фонд хранит многочисленные выпуски журнала «Филологические записки», в котором Н.И. Кареев публиковал как свои первые научные опыты, так и ряд более поздних работ. В докладе А.И. Лазарева и его обсуждении была проведена мысль о переключке ранних работ Кареева о мифе с методологическими принципами структурализма и предвосхищении русским ученым ряда позднейших открытий в области исследования мифа. Этому посвящена статья Лазарева «Миф об основном мифе» настоящего сборника. Здесь стоит сказать о том, что ранний интерес Кареева к феноменам мифа, жанровых различий древних текстов, символических структур языческих культов свидетельствует об органичном усвоении им интеллектуальной культуры своего времени. В конце концов, то, что Кареев пытался описать как взаимодействие сравнительно-исторического и эволюционного методов, отчасти было методологическим отражением бурного расцвета структурной лингвистики и антропологии.

При этом в настоящем издании, посвящённом социологии, публикация строго филологической статьи Кареева была бы неуместна.

Статья «Что такое история литературы» таковой не является и, кроме того, менее известна читателю нежели работы Кареева о космогоническом мифе или «Мифологические этюды». Ее публикация преследует две цели: показать стиль кареевского научного текста, дать живой его образец, и при этом, показать связь двух основных, на наш взгляд, черт кареевского методологического творчества в социологии: строгой (даже скупой) научности и стремления к «очеловечиванию» социальной науки (вообще в творчестве Кареева есть две значимые «оговорки» в названиях программных работ: «Введение в *изучение* социологии»), открыва-

ющее эпистемологическую сущность этой книги и «Общая методология гуманитарных наук», неумышленно показывающее известное личностное измерение наук о человеке в творчестве ученого). «Что такое история литературы» – демонстрирует эту связь. К примеру, Кареев здесь, размышляя о предмете науки, приходит к выводу о том, что для занятий историей литературы необходим талант как поэтический, так и публицистический.

Статья «Что такое история литературы» написана и опубликована в V–VI выпуске журнала «Филологические записки» от 1883 года т. е. одновременно с выходом в свет докторской диссертации Кареева о философии истории, то есть речь идет об эпизодическом возвращении к литературе уже состоявшегося историка и философа. Кареев несколько раз ссылается на текст своего фундаментального труда, но все-таки большая часть текста посвящена не «истории», а «литературе». Создается впечатление, что ученый в определенный момент забывает о привязке своего определения истории как изображения эволюции к литературной фактуре. Куда важнее для него оказывается не вопрос о возможностях историка обнаружить и описать эту эволюцию, выстроить последовательность жанров и стилей, обнаружить общие формы и т. д., а проблема определения самого предмета. Статью следовало бы назвать «Что такое литература?». Более того, читатель обратит внимание: сам слог Кареева изменяет своей бег по мере перехода от методологических разъяснений к живому вопрошанию о природе вещей, становится легче, воздушнее. Кареев будто ненадолго оживляется, что ему обычно не свойственно и соответствует вдохновенному содержанию второй части статьи. Возможно это связано с тем, что при написании им были очень точно схвачены некоторые феномены. Так, он с истинной философской глубиной уподобляет различие между двумя типами философии («философия» и «наукообразная диалектика») и подобными родами литературы («поэзия» и «формальная поэзия», голая версификация). Очень интересна тройственная модель истинной литературы, включающая поэзию в широком смысле, публицистику и критику. Первая выражает жизнь; вторая – идеи о жизни; третья – является отражением рефлексии, это область любимой Кареевым методоло-

гии (причем Кареев здесь отмечает необходимость постижения критики для лучшего понимания ее предмета, первоначально выраженного для нас через эту критику, через ее формы и категории). Кареев замечает, что поэзия с одной стороны выражает индивидуальный образ реальности, а с другой, – концентрирует реальность; она одинаково отстает как от абстрактного понятия, так и от натуралистического изображения. В конечном счете, история литературы для Кареева становится способом описать историю вещей, наиболее волнующих человека, так как только литература способна их выразить. Здесь нет тяготения ни к историческому формализму, ни к иллюстративному пониманию искусства. Кареев очень точно чувствует специфику предмета.

Таким образом, предмет настоящей статьи Н.И. Кареева, его попытка найти место соприкосновения между спецификой научного мышления и ненаучной фактурой выражают центральную проблему всех гуманитарных наук, куда уже сегодня мы совершенно справедливо должны отнести и социологию с ее схожими интенциями обобщить и систематизировать сопротивляющуюся этому живую человеческую природу. Публикуемую статью в этом смысле можно рассматривать как парафраз анализа методологических проблем социологии, к которому Кареев обратится позже.

Статья «Что такое история литературы» здесь публикуется впервые после первой публикации. Текст переведен с дореформенной орфографии на современную. В некоторых местах сделаны комментарии с указанием авторства (примечания Кареева даются без пояснений). В остальном статья печатается без изменений, сохранен ряд словоформ, сегодня уже не употребляемых, в ряде мест пунктуация отличается от принятой сегодня (язык Кареева и так достаточно современен и не нуждается в дополнительном «омоложении»). В тексте также сохранены места, выделенные Кареевым. В первой публикации они отмечены разреженным шрифтом; здесь дополнены курсивом.

Г.А. Иоффе

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ? (НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛИТЕРАТУРЕ И ЗАДАЧЕ ЕЕ ИСТОРИИ)¹.

Определение сущности какой-либо науки, т. е. ее содержания и задач будет иметь всегда очень важное значение: только такое определение выделяет ту или другую науку в особую и самостоятельную отрасль знания и сообщает ей внутреннее единство, единство объекта и единство задачи. Но особенно необходимость в этом чувствуется в настоящее время, когда между специалистами одной и той же науки существует часто большое разногласие в понимании ее содержания и ее цели и когда некоторые отрасли знания не нашли еще такой формулировки своей сущности, которая могла бы считаться общепризнанной. Особенной неопределенностью, как нам кажется, отличается понятие *истории литературы*, что, впрочем, стоит [в] связи с различным пониманием того, что такое история вообще. Исследование последнего вопроса завело бы нас слишком далеко, как ни важно его решение в данном случае, и мы, говоря об истории литературы, не станем решать его в подробностях, а ограничимся самым общим указанием на все более и более распространяющееся понимание истории, как *изображения эволюции*, развития в той или другой области жизни общества: теперь история не может уже быть *хронологическим каталогом фактов*, разделенным на рубрики резко отграниченных один от другого периодов, она должна быть *изображением постепенной эволюции*, возникновения нового из старого, усиления или ослабления тех или других явлений в жизни общества. Жизнь общества, народа, человечества есть именно предмет исторической науки, жизнь, как совокупность явлений, совершающихся в обществе, явлений, которые развиваются, возникают одни из других и одни на другие оказывают влияние. Собственно говоря, все явления, изучаемые нами в истории, сводятся к человеческим деятельности и отношениям, которые

¹ Печатается по: Филологические записки. Год XXII. Воронеж, 1883. Вып. 5–6, С. 1–28. (Прим. ред.-сост.).

в каждую данную эпоху отличаются своеобразным характером, завися от данного состояния общества, от тех общих и частных причин, лежащих в самом обществе или вне его, кои производят то или другое его состояние. Эти явления мы можем классифицировать и рассматривать каждую их категорию в самой себе, сходя с почвы общей истории общества на почву частных направлений исторической науки, когда задачей нашей делается изображение эволюции, совершавшейся в одной какой-либо определенной категории явлений. Нужно только, чтобы каждая такая категория была строго определена, и чтобы надлежащим образом были поняты ее отношения как к другим категориям, так и вообще к жизни общества, взятой в ее целом: тогда только у частной, специальной истории будет главная, господствующая задача, тогда только содержание ее не будет случайным соединением данного в исторических памятниках материала.

В общественной жизни, принимая это выражение в широком смысле, мы можем различить два большие класса явлений: явления духовные и явления социальные в тесном смысле. Духовная и социальная жизнь народа, как объединенной суммы личностей, суть две различные стороны жизни общества в ее неразделённом целом: с одной стороны, мы имеем в ней дело с фактами индивидуального сознания и явлениями, возникающими на почве *психического взаимодействия особей*, с общественной мыслью, теоретической и практической, с другой – с фактами социальных отношений и явлениями, возникающими на почве *социальной организации*, с структурой общества, с системой отношений политических, правовых и экономических. Нечего говорить, что обе эти стороны в действительности взаимно проникаются одна другой *durch und durch*¹, как говорят немцы, но человек в виду каких-либо определенных целей может мысленно изолировать одну от другой, изучать каждую отдельно, насколько явления одного класса не соприкасаются с явлениями другого или находятся в более отдаленной с ними связи. Напр., экономическая история может игнорировать эстетическую, т. е. историю искусств, чего не

¹ С нем. – насквозь (Прим. ред.-сост.).

имеет права делать по отношению к политической, и наоборот, эстетическая может игнорировать юридическую, не имея права поступать так с моральной. Есть сферы жизни, есть категории явлений, стоящие ближе одна к другой и стоящие дальше, менее поддающиеся умственной операции, которая обособляет их одну от другой, и поддающиеся этому более, смотря по тому, как дело происходит в действительности.

Можно принять за правило, что чем уже и ограниченнее та или другая сфера, тем легче изучать ее изолированно от жизни общества в ее целом, и чем, наоборот, эта сфера шире и общее, тем она ближе подходит к этому целому, как совокупности всех сфер, но во всяком случае, и тогда, когда мы замыкаемся в более узкую сферу, которая одностороннее и менее полно отражает на себе все состояние общества, и тогда, когда мы расширяем предмет своего изучения и, благодаря этому, доходим до характеристики общества более разносторонней и полной, – в обоих этих случаях, если мы не ставим себе задачи изобразить всю жизнь общества, у нас должен быть *известный ряд однородных явлений, определенная сфера жизни*, как доставляющая основное содержание нашей науке, как составляющая главный предмет, около которого будут группироваться и имеющие отношение к избранному ряду и избранной сфере явления из других категорий жизни общества. Напр., кто берется изобразить историю частного права, тот необходимо в основу своего исследования положит эволюцию отношений между отдельными личностями, поддающихся юридическому определению, и лишь настолько не будет игнорировать явления других категорий, – историю религии, философии, науки, морали, государства, экономической жизни, – насколько эти явления соприкасались непосредственно с явлениями, составляющими главный предмет его исследования. Это, можно сказать, *общий принцип исторической группировки*¹, который необходимо иметь в виду при разрешении вопроса, чем должна быть всякая частная история (а в том числе история литературы).

¹ См. мои Основные вопросы философии истории. М. 1883. Том I, стр. 293 и след.

Если мы теперь поставим вопрос, к какому классу относятся те факты, с которыми имеет дело история литературы, к классу явлений духовных или к классу явлений социальных в тесном смысле, то ответ на этот вопрос не представит никакого затруднения: *литература вообще есть совокупность известных явлений в духовной жизни общества*. Нужно однако оговориться. Литературой народа в широком смысле мы называем сумму всех возникших в нем письменных памятников, но нельзя только эту сумму и всю ее считать предметом истории литературы: во-первых, совершенно основательно в эту историю включаются и такие продукты народного творчества, которые существовали и существуют в народной памяти и без помощи письма, так что с этой точки зрения гораздо правильнее было бы говорить – *история словесности*, нежели *история литературы*; во-вторых, не все письменные памятники могут составлять предмет истории литературы, потому что в противном случае ей пришлось бы заниматься всем когда-либо написанным и напечатанным. Этим мы хотим сказать, что в том случае, о котором идет у нас речь, литература и письменность не одно и то же, а потому история литературы не может быть сведена на историю письменности: с одной стороны, к письменным памятникам приходится прибавить произведения устной словесности, с другой, из этих памятников следует кое-что исключить, чтобы история литературы не превратилась в каталог фактов, только потому изучаемых вместе, что все они имеют один внешний признак. Существование письменных памятников имеет громадное значение для историка, ибо это – главный источник нашего знания о временах прошедших, источник, с которым другие сравняться никогда не могут, но не с этой стороны интересуется письменностью историк литературы: он видит в ней не материал, из которого мы почерпаем наши исторические знания, а предмет для исследования сам по себе; он видит в литературе, говоря общее – в словесности, особую категорию исторических явлений, которую можно выделить из других явлений, как самостоятельный предмет. Словом, историк литературы имеет дело с нею, не как с совокупностью исторического материала, служащего безразлично в тех или других целях исто-

рического исследования, но он сортирует литературные произведения и только на одной категории их сосредотачивает свое внимание. Как бы различно не понимались задачи истории литературы, никто не станет отрицать того, что центр тяжести ее находится в занятии теми памятниками словесности, которые для историка вообще имеют значение при изображении духовной, а не социальной стороны исторической жизни: памятниками слова являются и разные государственные акты, и сборники законов, и договоры между отдельными лицами и т. д. и т. д., т. е. все, что составляет источники для социальной, политической, юридической и экономической истории общества. Историк литературы остановится на завещании Владимира Мономаха и пройдет мимо Русской Правды, он будет изучать произведения Виктора Гюго и промолчит о всех французских конституциях с 1791 года до наших дней и т. д. Об этом, кажется, не может быть спора: письменные памятники, которые важны лишь как источники, на основании которых мы узнаем политический строй, юридические нормы и экономические отношения данного общества в данную эпоху, не составляют предмета истории литературы, которая есть таким образом исследование духовной стороны народной жизни. Это особенно было выдвинуто Тэном в его многочисленных работах, в которых мы видим главным образом духовную сторону жизни общества, психологическую сторону истории. «Подобно тому, читаем мы у Тэна, – подобно тому, как астрономия есть в сущности задача механическая, а физиология – задача химическая, так и история в сущности только психологическая задача. Историк, говорит он еще, изучает прикладную психологию, а психолог – общую историю. Я охотно отдал бы, читаем мы у него еще, пятьдесят томов хартий и сто томов дипломатических документов за мемуары Челлини, послания ап. Павла, застольные речи Лютера и комедии Аристофана». Всякий историк литературы, который не валит произвольно в одну кучу все письменные памятники, повторит эти слова, и только исследователь бедных и неразвитых литератур будет пристегивать к рассмотрению произведений, имеющих несомненное право на его внимание, и другие письменные памятники, коим, по нашему мнению, нет места в истории литературы.

Итак, из письменности (с устной словесностью, конечно), как предмета истории литературы, мы исключаем прежде всего памятники, коими историческая наука пользуется вообще, как источниками, дающими материал для воссоздания картины социального быта, политического строя, права и экономических отношений данного народа в данную эпоху: историк литературы останавливается только на тех памятниках словесности, которые служат источниками для воспроизведения картины духовной жизни данного общества в данную эпоху. Но и к этим памятникам возможно двойное отношение: историк духовной культуры вообще увидит в них совершенно такие же источники, какими для историка социальной структуры являются «хартии и документы», историк же литературы будет рассматривать каждый памятник сам по себе, – будут ли то комедии Аристофана, или Слово о полку Игореве, или трагедии Шекспира, или *Contrat social*¹ Жан-Жака Руссо, или романы и повести Тургенева, или сатиры Щедрина. Одно дело воспользоваться произведениями литературы, как историческими источниками, другое дело – самые эти произведения поставить предметом изучения. Если история литературы сведет свою задачу на психологическую историю общества, на историю духовной культуры, т. е. всей культуры народа *минус* социальные формы, то она чересчур расширит свою задачу; если она не станет делать предметом своего исследования памятники письменности, на основании которых историк пишет вообще психологическую историю общества, сами в себе², то где тогда *raison d'être*³ истории литературы, как особой отрасли знания? Поэтому мы можем выставить такой, пока, впрочем, отрицательный тезис: предметом истории литературы не могут быть такие письменные памятники, которые

¹ С фр. – общественный договор. Речь идет о трактате Ж.Ж. Руссо «Об общественном договоре, или принципы политического права» (*Прим. ред.-сост.*).

² Историк вообще имеет дело с самими явлениями жизни, историк литературы главным образом с памятниками, воспроизводящими жизнь: я говорю «сами в себе» не в том смысле, что следует изучать литературные произведения независимо от породившей их жизни, а в том, что здесь они сами играют роль изучаемых фактов, а не свидетельств только о других, посторонних фактах.

³ С. фр. – смысл существования (*Прим. ред.-сост.*).

рисуют нам внешние отношения в обществе, а занятие остальными не должно быть таким, которое видит в памятниках письменности лишь исторические источники для посторонних целей. Другой наш тезис, стоящий в тесной связи с первым, таков: внимание историка литературы должно сосредотачиваться на духовной стороне общественной жизни, понимаемой, как увидим ниже, в смысле очень широком, так как сюда мы включаем и отражение в сознании данных социальных отношений.

Литературные произведения сами по себе можно изучать по отношению к их содержанию и к их форме. Остановимся пока на вопросе об изучении их содержания: последнее должно служить основой для классификации памятников письменности. Мы уже исключили из истории литературы целый класс памятников по их содержанию: это – «хартии и документы» – и *Corpus juris civilis*¹ Юстиниана, и *Leges barbarorum*², и Русская правда, и *Magna charta libertatum*³, и Уложение царя Алексея Михайловича, и мало ли что еще в этом и ином роде. Оставляя область политики, права и экономики, всю социологическую сторону истории, и обращаясь к ее стороне психологической, мы и тут найдем разные сферы общественной жизни, по которым можно распределить все литературные памятники: веды и индусские Веды, и еврейское Пятикнижие, и гомеровы Илиада, и история Геродота, и трагедии Софокла, и диалоги Платона, и геометрия Эвклида, и спятившие с ума справочные словари александрийских эрудитов, и речи Цицерона, и схоластические трактаты средних веков, и памфлеты Ульриха фон-Гуттена, и астрономическое сочинение Коперника, и *Esprit des lois*⁴ Монтескье, и *Kritik der reinen Vernunft*⁵ Канта, и *On the wealth of nations*⁶ Адама Смита,

¹ Современное название свода римского гражданского права, составленного в 529-534 гг. при византийском императоре Юстиниане (*Прим ред.-сост.*).

² С лат. – варварские правды. Записи норм права, действовавших у древнегерманских народов в период складывания у них государств в период V-IX вв. (*Прим ред.-сост.*).

³ Великая хартия вольностей (лат.). Английский политико-правовой документ, составленный в 1215 г. (*Прим ред.-сост.*).

⁴ «О духе законов» (фр.). (*Прим ред.-сост.*).

⁵ «Критика чистого разума» (нем.). (*Прим ред.-сост.*).

⁶ «Исследование о природе и причинах богатства народов» (англ.) (*Прим ред.-сост.*).

и О происхождении видов Дарвина, и Nana¹ Золя, и древне-русские азбуковники и пчелы, и раскольничьи требники, и О пользе стекла Ломоносова, и Евгений Онегин Пушкина, – все это – памятники письменности, не подходящие под категорию «хартий и документов». Неужели историк литературы должен говорить и о геометрии Эвклида, и о Сумме Фомы Аквинского, и об Истории римского права Пухты? Конечно, нет. Но в таком случае будем говорить только об изящной литературе, исследовать одни belles-lettres², одну поэзию с подразделением ее на эпос, лирику и драму. Однако и это выйдет неудобным: Гомер, Пиндар, Софокл, Данте, Шекспир, Гете, Шиллер, Байрон, Гейне, Мицкевич, Пушкин, Гоголь, найдут, конечно, помещение для своих произведений в такой истории литературы, но с ними и Бог знает кто вотрется в нее с своими эпическими, лирическими и драматическими произведениями, а для Платона, для Цицерона, для Канта, для Белинского в ней места не окажется. Итак, перед нами альтернатива: или история литературы говорит de libris omnibus ex quibusdam aliis³, или же ей заниматься одним лишь изящным и имеющим притязание быть таковым. И историк литературы будет вечно колебаться между чересчур широким и чересчур узким пониманием своего предмета, если не постарается стать на определенную точку зрения.

Исключив из понятия литературы в том смысле слова, в каком нам требуется его определить, все, что подходит под категорию «хартий и документов», все, что в свое время имело характер «деловых бумаг», всю остальную письменность мы можем, правда, довольно грубо разделить на две категории, одну из которых назовем литературой специальной, другую литературой общей.

¹ 9-й роман из цикла «Ругон-Маккары. Естественная и социальная история одной семьи в эпоху Второй империи». (Прим ред.-сост.).

² С. фр. – художественная литература (букв.: красивая литература). (Прим ред.-сост.).

³ От лат. – обо всем и еще кое о чем. Фраза приписывается Пико делла Мирандоле, издавшему в 1486 г. трактат «Выводы философские, каббалистические и теологические» и вызвавшемуся в диспуте о его 900-х тезисах «объяснить всякую познаваемую вещь и некоторые другие». Употребляется в значении «обо всем и ни о чем»; фраза характеризует также подход к предмету со стороны дилетанта (Прим ред.-сост.).

Границы между этими двумя категориями установить довольно трудно, и на то есть причин масса, так что только чутьем должен иногда угадывать историк литературы, как поступить с тем или другим произведением. Во-первых, существует целая градация ступеней между наибольшей общедоступностью и общеинтересностью сочинения и наибольшей его специальностью, целая лестница переходов от тургеневских Записок охотника до какого-нибудь руководства к куроводству, и поставить черту, которая резко отделила бы одну категорию от другой, довольно-таки мудрено для всех стран и народов, для всех времен и эпох. Во-вторых, есть такие сочинения, которые, принадлежа к специальной литературе, некоторыми своими сторонами относятся к общей, особенно если вводят в сознание общества новые идеи, проникающие в общую литературу, или если идеи эти находятся в тесной связи, в близком родстве с идеями последней. В-третьих, в самой специальной литературе есть произведения, которые по своему характеру стоят ближе к общей, каковы наприм., многие сочинения философские и исторические, или наоборот, очень от нее далеко, как, наприм., математические трактаты. Мы думаем, что строгая классификация здесь невозможна, а если бы и была возможна, то придерживаться ее было бы педантизмом: важен принцип, важно найти руководящую идею, важно определить ту основу, тот ряд существенных в истории литературы фактов, около которых группировалось бы все остальное по своей близости или отдаленности относительно основного ряда и по степени этой близости, как сказано было выше об исторической группировке вообще. Если мы станем на ту точку зрения, что литература есть отражение жизни в сознании общества, то нам легко будет указать на ту категорию памятников письменности (и слова устного), которая наиболее подходит под это определение: все остальное тогда должно быть отнесено и размещено в разные специальности, в коих мы притом найдем разные степени близости к общей литературе. В последней яснее, полнее, разностороннее отражается жизнь, в специальностях отражение обесцвечивается, суживается, делается односторонне или, так сказать, улетучивается, испаряется в отвлеченности, по-

добно математическим формулам, способным возникнуть при каждом состоянии общества. Соедините воедино всю специальную литературу, и вы не найдете в ней такого отражения жизни, какое на первых же порах своего существования стала давать поэзия, несмотря на свой часто еще младенческий лепет. В этой поэзии непосредственно выражалась душа народа, отбивался пульс его жизни, соединялись его религия, его философия, его мораль, его политика, его понимание жизни, как она есть и как она должна быть.

Позднейшая литература, конечно, полнее и отчетливее отражает в себе жизнь и понимание жизни, но она уже специализируется, и в этом процессе дифференцирования развиваются такие направления письменности, которые становятся в полную противоположность с первобытной словесностью и при этом иногда составляют чуть не всю литературу книжных людей. Во-первых, возникает письменность специально-техническая, антипод первоначальной поэзии, имеющая нечто общее с практицизмом «деловых бумаг»: и здесь затронуты интересы жизни, но интересы практические, будничные, односторонние, мелкие, лишенные всякой поэзии, отрешенные от идеализма, и никто не станет давать им места в истории литературы, как ни важны они иногда в нашем существовании. Мы сказали, что это – произведения специально-технические, им же несть конца: они – специальные, потому что служат каким-либо частным житейским интересам; они – технические, потому что учат нас делать какое-либо дело, неважное и важное, мелкое и крупное, телесное и духовное, – все наставления по части домоводства, хозяйства, промыслов всякого рода, по части обучения детей и усвоения добытых знаний, по части того, как защищать свои интересы на суде, ритуалы всякого рода и т. п. Смешно было бы если бы историк литературы и «иппологическую литературу», которая интересна и важна, конечно, для кавалериста и ветеринара, считал за литературу. Письменность этого рода возникла путем эволюции не из первобытной словесности, а из закрепления путем письма того обучения словом и примером, которое и доселе в ходу в простой сельской жизни, когда отец учит сына пахать без «руководства

к сельскому хозяйству», когда мать учит дочь ткать без писанного учебника, и когда ребенок научается говорить без грамматики. Всю такую «литературу» мы безусловно исключаем из истории литературы, как бы ни драгоценны были ее указания для культурного историка вообще. Итак, «учебники» отходят от нас вслед за «деловыми бумагами». Но и из тех произведений письменности, которые имеют свой зародыш в первобытной словесности, которые развелись из нее путем дифференцирования, кое-что приходится исключить. В этом процессе дифференцирования отдельные отрасли словесности, бывшие первоначально соединенными в одно целое, специализируясь, все больше и больше теряли свой первоначальный характер и только тогда его удерживали, когда не были чересчур специальными. В народной поэзии мы находим соединение религиозных, философских, научных, моральных, политических, юридических и исторических концепций первобытного общества; впоследствии все дифференцировалось, все получило свою специальную литературу, и чем более что-либо специализировалось, тем менее отражало на себе окружающую жизнь: явилась теология, которая перешагнула за черту, отделяющую общую литературу от специальной, как скоро стала разрабатывать одну только догматику; явилась философия, с которой случилось то же самое, когда она отмежевала себе определенную область вопросов; возникла наука, которая пошла по тому же пути и раздробилась на множество частных специальностей; стали писаться трактаты о морали, не отражая на себе нравственного состояния общества; начали исследовать вопросы политики и права, подвергая разработке частности, и тут явились разные частные теории государственного, административного, международного, полицейского, уголовного, гражданского, торгового, вексельного и не знаю еще какого права, все более и более впадая в тон «деловых бумаг» и «учебников»; стала писаться история, которая также суживала свою задачу то до решения каких-нибудь головоломных ребусов вроде того, кто написал Слово о полку Игореве, или до изображения мельчайших подробностей какого-либо мельчайшего факта. Все это очень почтенно, очень по-

лезно, очень нужно, но историк литературы может не переступить за тот порог, где начинается крайняя специализация: в философии его заинтересует Шопенгауэр, да и то не весь Шопенгауэр, но ему останется чуждым спор ученых докторов схоластики; в области наук социальных он остановится на Монтескье, на Руссо, но, право, обойдет молчанием все курсы торгового и вексельного права; в истории он не пройдет мимо Огюстена Тьерри, но даже не сочтет нужным упомянуть о существовании какого-нибудь, хотя бы и очень солидного, но слишком специального исторического труда. Не в этих специальных областях должен искать историк литературы содержание своей науки: он может туда заглядывать время от времени, когда найдет там что-либо подходящее для себя, не слишком специальное, ибо в этих областях работают свои историки, историки философии, науки, политических учений, юриспруденции, специалисты историографии; он может туда заглядывать, но долго оставаться ему там нечего, ибо от Критики чистого разума он будет всегда торопиться к Фаусту Гете, от Фихте или Шеллинга к корифеям романтической школы. Авторы тех произведений, которые он изучает, не богословы, не философы, не ученые специалисты, не политики, не юристы, не историки по профессии, а поэты, литераторы, литературные критики, публицисты (пишущие, конечно, не о тарифах, джутовых мешках и т. п.), романисты, сатирики, лирики, драматурги, дидактики и пр. и пр., т. е. все прямые наследники слагателей народной быliny, сказки, песни, меткой пословицы и поговорки, творцов всего богатства народной словесности. Тут историк литературы – хозяин, тут его лары и пенаты, отсюда он может выйти, когда заметит что-либо близкое, родное, еще не вполне оторвавшееся от знакомой ему почвы в каком-нибудь философе, не совсем успевшем унести в надзвездные выси абсолюта, в каком-нибудь ученом, не совсем еще привыкшем думать, что на мир божий можно смотреть только в микроскоп, в каком-либо историке, не совсем еще зарывшемся в пыльном, давно не проветривавшемся архиве. Его писатель пишет, а читатель изучаемых им произведений читает не в ученом кабинете, не в лаборатории, не в архиве, а где

и когда придется. Вот та литература, историю которой он должен изобразить, если он не хочет превратиться в историка письменности в целом ее составе со всеми ее «деловыми бумагами», «руководствами» ко всему, к чему только могут существовать руководства, и специальными исследованиями всего, что только подлежит (а часто и не подлежит) исследованию.

Не думайте однако, что это только одна изящная литература, *belles lettres*, *schöne Literatur*¹. О, совсем нет: о бок с поэтом, в самом широком смысле этого слова, мы ставим литературного критика и публициста, а притом не отрицаем литературного (в тесном смысле) значения философов и ученых, коль скоро их идеи делаются достоянием поэзии, критики и публицистики (не всякой, конечно, повторяем). Все это выразители общественного мнения и настроения, все это их руководители: в своих произведениях они отражают жизнь общества или проливают на нее свет, внося в ее понимание свой личный, субъективный элемент, которому не должно было бы быть места в специальных отделах литературы. Во всяком однако случае центральное место в истории литературы должна занимать поэзия, а критика и публицистика уже представляют из себя переход к философии и науке, и вот почему мы утверждаем это.

Поэзия есть один из главных видов искусства, цель которого воспроизводить все, что есть интересного в жизни, обнаруживать какую-либо существенную и выдающуюся ее сторону с точки зрения той или другой преобладающей идеи яснее и полнее, чем она может быть видна в действительности, напоминать нам своими воспроизведениями то, что для нас интересно в жизни, и стараться до некоторой степени знакомить нас с теми интересными сторонами, которых мы не имели случая испытать или наблюдать в действительности². Вот почему искусство вообще отражает на себе всегда породившую его жизнь: оно знакомит нас с господствующими в обществе интересами, оно указывает на то, какие стороны жизни особенно развиты в обществе и с какой точки зре-

¹ С нем. – художественная литература (также букв. – красивая литература). (Прим ред.-сост.).

² Основные вопросы философии истории. Том II, стр. 82 и след.

ния смотрит общество на эти стороны; в его же истории мы находим историю уяснения жизни, историю понимания отдельных ее сторон. Другими словами, содержание искусства – общеинтересное в действительности, т. е. в природе и жизни. В разные времена и разные общества интересуются не одним и тем же, конечно, но есть такие стороны человеческого бытия, которые обращают на себя внимание всех народов и во все эпохи. Чем живет человек, то и воспроизводится в искусстве, хотя бы это были мечты, фантазии. Философия и наука тоже отражают на себе окружающую жизнь, но далеко не так: во-первых, тут происходит специализация вопросов, раздвигивающая живую ткань действительности на отдельные нити и сосредотачивающая наше внимание на каждой нити в ее особенности, вне ее отношения к целому жизни, иногда слишком отрывая ее от действительности и вводя в сферу неинтересных явлений природы и жизни; во-вторых, в действительности нет ничего отвлеченного, и в то самое время, как философия и наука все стремятся разрешить в абстрактные понятия, в которых все более и более бледнеет породившая их реальность, искусство стремится воспроизвести действительность, по мере возможности сохраняя сущность воспроизводимого, т. е. избегая абстракций, стараясь выразить все конкретно, в живых картинах, индивидуальных образах, представить идею не в отвлеченном понятии, а в живом, индивидуальном факте. Общеинтересное есть и в философии, и в науке, но есть в них много и неинтересного и совсем неинтересного; понять действительность стремятся и они, но их понимание условнее, требует большего напряжения, основывается на специальной подготовке, а потому менее общедоступно: в художественном произведении предмет или событие удобопонятнее, чем в отвлеченном понятии или в абстрактной формуле, рельефнее, чем в сухом описании или в сухом рассказе. Мало того: поэтический образ, выдвигая на первый план существенную, выдающуюся, типическую сторону действительного предмета, в котором она часто бывает затерта случайными, менее характерными, чересчур индивидуальными чертами, и в то же время не заставляя ее отрываться, подобно отвлеченному

понятию, от реальной почвы, а воспроизводя ее в сопровождении разных других черт, с коими она в действительности всегда необходимо или случайно связана, – такой поэтический образ скажет нам гораздо больше, чем любой соответственный, на самом деле существующий предмет, а это способствует и лучшему пониманию нами жизни. Наконец, еще одна особенность искусства делает его способным к самому полному отражению жизни: если наука воспроизводит действительность в сухом аналитическом описании, рассекая ее ножом анатома, если наука стремится понять ее, разрешивши все реальное в систему отвлеченных понятий, если свой приговор о жизни она произносит, обращаясь к одной рассудочной стороне человеческого духа, то в памятниках искусства, воспроизводящих действительность с большим сохранением сущности воспроизводимого, как целого в своей живой конкретности, и говорящих всему существу человека, и приговор о явлениях жизни получает особую силу: он делается удобопонятнее, общедоступнее, сильнее действует на человека.

Понятное дело, что не все искусства имеют одинаковое значение: живопись, музыка, скульптура и особенно архитектура имеют слишком ограниченные сферы, располагают слишком недостаточными средствами, говорят только глазу или уху, схватывают действительность только в один момент или выражают продолжающееся настроение, не заключая в себе никакой определенной идеи; у поэзии более широкая сфера, все, что может быть изображено и передано речью, вся внешняя действительность и весь внутренний мир человека, – более обильные средства в гармонии живописующего слова, более свободное распоряжение временем и пространством и форма более подходящая для выражения идеи. Это то и делает поэзию способной быть выразительницей тех высших стремлений человека, на почве которой выросла и философия, более отвлеченная и более способная по самим задачам своим переплетаться с специальными отраслями науки. Поэзия занимает какое-то срединное место между миром искусственной деятельности человека, пользующейся линиями, красками, звуками, но неспособной выразить то, что выражается только сло-

вом, и между миром искусственной деятельности, в котором главным орудием человека является слово: поэзия относится к искусствам и входит в состав словесности. С архитектурой, скульптурой, живописью, музыкой, с одной стороны, с философией и наукой – с другой, она служит нематериальным интересам жизни. По обе стороны этого ряда деятельность человека занята уже служением интересам материальным и теряет идейное значение: с одной стороны, та рука, которая возводит величественные храмы, иссекает из мрамора идеальную красоту, набрасывает на полотне проникнутую одним общим чувством картину природы и жизни, извлекает из струн чудные звуки, – эта же самая рука создает то, что нужно человеку для материального существования – жилище, одежду, пищу, все его орудия, как с другой, та же мысль которая творит художественные образы и ради одной жажды полного и точного знания исследует в философии и науке весь окружающий мир, – употребляется на исследование того, как облегчить и упорядочить существование человека в технической стороне жизни. Весь блеск идейной жизни общества сосредотачивается в поэзии и философии общества, с каким бы характером они не являлись, какие бы формы они не принимали: поэзия теряет свой идейный характер когда превращается в простую музыку стиха, в простое словесное живописательство, когда в ней форма начинает господствовать над содержанием, когда, пробегая в обратном, нисходящем порядке ступени низших искусств она доходит до простой архитектурности, весь фокус которой заключается в том, чтобы строчкам стихов придать ту или другую форму: это уже ремесло, а не искусство; равным образом философия утрачивает свой идейный характер, когда превращается в простую наукообразную диалектику, в сухое обрядовое морализирование Домостроя, когда отвлеченное понятие вытесняет из нее жизненную идею, когда, пробегая в нисходящем порядке ступени все более специальных и все более безыдейных наук, она доходит до того пункта, где даже наука перестает быть наукой, а превращается в сборник правил для того или другого рода человеческой деятельности. Общие художественные формы роднят поэзию с другими, осо-

бенно высшими искусствами, живописью и музыкой, общее идейное содержание роднит ее с философией и наукой, особенно с первой; словесное выражение идеи отличает ее от остальных искусств, выражение идеи в живом, индивидуальном образе отделяет от философии, по необходимости облакающей в наукообразную форму. Поэзия – главный орган воспроизведения общеинтересного в жизни, его уяснения, приговора над ним. Это – существенная основа содержания истории литературы, в которой тем уместнее будет захватывать и другие области, чем они ближе к идеалу полного изображения, понимания и оценки окружающей жизни: иная картина, иная симфония, иная философская концепция, иная научная теория, скорее привлекут к себе внимание *настоящего* историка литературы, чем иное произведение пера, которое по существующим кодексам *теории словесности* есть поэма, элегия, ода, трагедия, комедия, роман. Дело не в кличке, и всему свое место.

Таковыми соображениями руководимся мы, когда литературными произведениями в тесном смысле называем те, в которых наиболее рельефно воспроизводится, наиболее выясняется и оценивается окружающая действительность с ее светлыми и мрачными сторонами, с ее выдающимися характерами, с ее господствующими течениями, с ее внутренним содержанием и настроением. В основе *такой* литературы лежит бессознательная философия эпохи: обновление литературы, способной, как и всякое проявление человеческого духа, застывать на раз выработанных идеях и формах, совершается лишь тогда, когда в нее входит живая струя бессознательной или сознательной философии эпохи, струя действительной жизни, требующей художественного воспроизведения, уяснения на рельефных примерах, субъективной оценки, как и философия только тогда делается общеинтересной, удобопонятной и общедоступной, когда в нее проникает голос жизни, когда она обращается ко всему существу человека, когда она обновляет свои приемы, принимая более изящные формы поэзии и удерживая в пределах самого необходимого неизбежную в науке отвлеченность и сухость. С этой точки зрения поэзия есть только орган бессознательной или сознательной филосо-

фии века, не философии уединенных мыслителей и замкнутых школ, а философии всей современной жизни. Главное тут не форма, а содержание: содержание общей философии века находит себе и другие формы, лишь бы оно было продуктом внутренней жизни всего человека, а не результатом одной, оторванной от жизни головной работы ученого, решающего только вопросы, поставленные всем предыдущим развитием его специальной области или случайно избранные, вне всякого отношения к современной жизни в ее существенных и постоянных проявлениях и в тех ее сторонах, которые можно назвать общечеловеческими. Не одна поэзия в области словесности отражает на себе действительность, ее типы и характеры, ее думы и настроение: живое чувство, подвижный ум и помимо чисто художественных форм, в простом красноречии, сочетающем в высшей гармонии содержание и форму, дадут и картину жизни, способную своим блеском затмить сотни бесцветных романов, и уяснение этой жизни, более рельефное, чем в целой массе наукообразных рассуждений, и общую оценку, более правдивую, чем сотни схоластических философствований. Произведения писателей, одаренных способностью «глаголом жечь сердца людей», по всей справедливости должны занимать место в истории литературы, будут ли то пламенные обличения церковного проповедника, бурные речи народного трибуна, едкие памфлеты общественного реформатора и т. д. Это все и есть публицистика, та публицистика, мимо которой не может пройти историк литературы: и в публицистике мы видим жизнь, хотя не столько отраженную в зеркале художественного творчества, сколько преломленную в новой среде индивидуальной субъективности проповедника, оратора, памфлетиста, и здесь уясняется современная действительность накоплением выдающихся, бросающихся в глаза характерных ее черт, и здесь над жизнью произносится приговор во имя известной, признанной или не признанной философии. Оба рода литературы беспрестанно переходят один в другой, поэзия нередко яснее, чем обыкновенно, проникается разными тенденциями (особенно сатира), творческий, поэтический дух оживляет проповедь, ораторскую речь, памфлет. И другие

роды литературы способны к тому же отражению жизни, напри-
м., история, которая может подыматься до искусства и служить ору-
дием для воплощения общественных идей: развитие историогра-
фии должно быть, конечно, предметом особой специальной дис-
циплины, но историческое искусство, историческая философия,
нередко лежащая в основу публицистики, тесно соприкасаются
с областью историка литературы.

Значение двух главных рассмотренных доселе отделов общей
литературы далеко не одинаково. Центр тяжести поэзии нахо-
дится в воспроизведении, уяснении и оценке личной жизни,
в изображении движений человеческого сердца: даже обществен-
ный роман нового времени рассматривает социальные отношения
сквозь призму личной жизни, как роман исторический группирует
события прошлого вокруг одной или нескольких личностей,
индивидуальная жизнь которых интересна в том или другом
отношении. В этом отношении поэзия имеет дело с темами
общечеловеческими, с вечными и непреходящими сторонами
человеческой жизни. Главный интерес истории литературы
заключается в изучении различных, обусловленных разными
сторонами состояниями общества воспроизведений личных
характеров, отношений, чувств и т. п., в изучении разработки
старых тем, взятых из мира личной жизни, и постановки новых,
выдвигаемых жизнью, в изучении уяснения человеческого идеала
и приговоров над явлениями, вечно присущими человеческому
бытию, хотя и разнообразящимися до бесконечности в зависимо-
сти от исторического момента. Поэзия способна полнее воспроиз-
вести жизнь в ее вечных основах, уяснить ее смысл, высказать
приговор над ней, чем публицистика, которая берет действитель-
ность в данный момент, имеет дело не столько с людьми, сколько
с временными, преходящими общественными порядками,
отношениями, нравами и обычаями. Бессознательная философия,
лежащая в ее основе, есть философия не личных, а обществен-
ных идеалов, она не разрабатывает тонких вопросов личной
жизни, она видит в индивидууме не столько самостоятельную
личность, сколько члена общества, она произносит приговор
не над явлениями личной жизни, а над явлениями жизни общест-

венной. Конечно, нельзя отделить строго одну область от другой: личность и общество находятся в вечном взаимодействии, и целая градация ступеней существует между литературным произведением, в котором разрешаются вопросы только личной жизни, и таким, где мы встречаемся с разрешением вопросов чисто социального свойства. Но общее у обеих областей одно: никакие другие виды письменности не находятся в такой тесной связи с окружающей жизнью, не отражают на себе в такой степени идеи, существующие в обществе, не имеют такого близкого отношения к личным и общественным идеалам. Идеинное содержание жизни во всей своей полноте и неотрванности от реальной почвы составляет главную суть литературы в том смысле, в каком она делается предметом исторического изучения.

И однако историю литературы нельзя назвать историей идей и идеалов, даже ограничивши их сферой личной жизни и общественных отношений в самом общем смысле, т. е. исключивши идеи более специальные, напр., многие религиозные (догматы), философские (системы) и т. п. Важно тут не одно содержание, но и форма; история литературы имеет дело с идеями, которые связаны с известными формами, т. е. с идеями, взятыми не в их отвлеченности, а в нераздельном целом литературного произведения. История литературы должна представить литературу совершенно так же, как сама литература изображает жизнь, т. е. не отделяя идею от соединенного с ней индивидуального факта. Прототипом истории литературы должна быть критика, которая своим непосредственным предметом делает литературное произведение, воспроизводя его, уясняя и оценивая, и лишь стороной, *по поводу* рассматриваемого сочинения касается воспроизведенных в нем явлений жизни, идеи и идеалов, в нем заключающихся. Критика в самом широком смысле этого слова есть область литературы, которая служит органом специально-литературных идей. Последние могут составить содержание целой отвлеченной теории, и у этой теории может быть своя история: в критике они не отрываются от текущей литературы и связанной с нею жизни, не высказываются в голем и отвлеченном виде; они та кое же воспроизведение, уяснение, оценка литературных явле-

ний, каким сама литература становится по отношению к жизни; они тоже своего рода философия, философия литературного творчества. Критика занимается здесь не чем-нибудь специальным, а общеинтересным, удобопонятным, общедоступным, не отвлеченным психологическим вопросом о законах творчества, не практическими правилами литературной техники, а живыми, индивидуальными произведениями художества, реально существующими направлениями литературного творчества. Это творчество и суждение о нем находятся в вечном взаимодействии, влияя одно на другое: литературные идеи, вырабатываемые критикой, ложатся в основу творчества, литературные произведения дают материал для критики, которая обнаруживает их существенные и выдающиеся стороны, уясняет их содержание, оценивает их художественное значение. В истории литературы мы имеем дело не только с историей художественного воспроизведения жизни, но и с историей понимания этого воспроизведения, его задач и целей, его способов и приемов. Понятно, что историк литературы не может проходить мимо литературных идей: на их почве возникают разные направления, разные школы, разные вкусы, очень часто ясно не выраженные, но тем не менее господствующие у писателей и их читателей, все эти классицизмы, сентиментализмы, романтизмы, реализмы и натурализмы, которые рельефнее всего отражаются в критике. Историк философии не может, конечно, обходить вопрос о различных в разные времена способах понимания задач, целей, методов философии: тоже и историк литературы в своей области. Иначе, не приглядываясь к идеям, бессознательно лежащим в основе изучаемых им произведений, или сознательно выраженных критикой, он не поймет общественной роли литературы, ее роли и значения в действительной жизни. Критика расширяет его задачу: он следит не за одним развитием литературы, но и за развитием понимания ее значения в жизни; он имеет дело не с одним взглядом писателя, но и со взглядом на писателя, не с одной эволюцией творчества, но и с эволюцией требований от него во имя интересов личной и общественной жизни. Можно ли говорить о Пушкине, не говоря о Белинском? Можно

ли писать о Золя-романисте, не упоминая о Золя-критике? Критика так тесно связана с творчеством, что история литературы немислима без истории критики, главного органа литературных идей.

В этом тройственном составе общей литературы, художественному творчеству с его гармонией формы и содержания принадлежит центральное место: критика разрабатывает литературную форму в широком смысле этого слова, литературные идеи; публицистика – содержание, вопросы, поставленные жизнью; в художественном творчестве соединяется то и другое. Первая, отрешаясь от литературы, которая ее породила, отдаляясь от современного литературного движения, уходя в область отвлеченных или практических вопросов, утрачивает свой настоящий характер, сливается либо с областью, где разрешаются специальные вопросы науки, либо с областью, где разрабатываются не менее специальные вопросы техники; вторая, покидая ту почву непосредственной жизни, на которой действует художественное творчество, разрывая свою связь с зерном общей литературы, замыкаясь в сферу отрешенных от непосредственной жизни интересов или в сферу интересов, лишенных идейного содержания, сливается с областью отвлеченного знания или вступает в круг специального и детального разрешения практических, утилитарных вопросов.

Таково зерно общей литературы – художественное творчество, таковы ближайшие его соседи между другими отраслями всей письменности. История литературы должна быть историей этого творчества, понимания его задач и целей, выражаемых им идей и идеалов. Литература есть только один из видов человеческой деятельности; как внешняя, самобытная реальность, она не существует: определять ее в конце концов следует не в связи с ее произведениями, а в связи с процессом их творчества. Литературные произведения, заключенные в книги, суть результаты этого творчества, а не сама литература. Ее история не может заключаться в истории результатов, существующих как бы *an und für sich*¹: не сами по себе, не сами

¹ С нем. – сами по себе. (Прим ред.-сост.).

для себя, не сами в себе имеют они основу своего существования, ибо у них есть творцы и читатели, судьи и поклонники, ибо у них есть среда, в которой они возникли и играют роль. Пора всем наукам, имеющим дело с продуктами человеческой деятельности, стать на психологическую точку зрения: в частных, практических, *подготовительных* научных работах мы имеем право изучать эти продукты сами по себе, для себя и в себе, но в общем, идейном, окончательном мы должны стать на единственно верную точку зрения¹. Этим решается вопрос о характере *настоящей* истории литературы.

Не говоря уже о тех, которые чуть не все написанное и напечатанное считают за литературу, не имея никакого критерия для того, чтобы отличить литературу от письменности и прессы вообще, многие историки, вернее понимая термин, делают из истории литературы совсем не то, что следует. Первые чересчур расширяют свою область, занимаясь в сущности *библиографией*, пользы и значения которой мы не отрицаем; последние, сосредотачивая свое внимание на действительно литературных произведениях в сущности дают не историю литературы, а, как сказал бы немец, *Vorstudien dazu*², т. е. одни подготовительные работы. Такими подготовительными работами заняты профессора истории литературы в германских университетах, представители кафедры германской и романской филологии, изучающие только сами литературные произведения; во Франции под тем же названием преподается действительная история литературы, и книга Тэна *Histoire de la litterature anglaise*³ есть лучший образчик французского понимания науки. Такими подготовительными работами, какие господствуют в немецких университетах, могут быть — исследование языка памятника, его внешней судьбы, возникновение и развитие какой-либо легенды, какого-либо сказания, их

¹ См. Основные вопросы философии истории. Том I, стр. 397 и след. и между прочим примечание 7-ое на стр. 399. Кроме того, в заметке о брошюре г. Аппеля «Несколько слов о новейшем психологическом направлении языкознания», помещенной в V выпуске Филологических Записок за 1882 г., я отметил поворот в лингвистике, которая слишком уже рассматривала язык *an und für sich*.

² С нем. — предварительные исследования. (*Прим ред.-сост.*).

³ «История английской литературы» (фр.). (*Прим ред.-сост.*).

перенесение из одной страны в другую, их видоизменения, заимствования сюжетов, разные редакции, издания, переводы одного и того же произведения, возникновение, развитие, падение какой-либо литературной формы, разыскания псевдонимов и анонимов и пр. и пр., словом, разрешение массы вопросов лингвистических, археологических, палеографических, библиографических, исторических, культурных, биографических, связанных с изучением литературных памятников. Все это полезно и даром для науки не пропадает, все это должно быть до известной степени известно историку литературы, но неужели это одно называется занятием историей литературы? Неужели продукты живого творчества, отражавшие на себе жизнь своего времени, волновавшие живых людей, могут быть предметом только такого занятия, которое одно по своей сухости и отвлеченности от реальной жизни для каждого человека, способного понимать и ценить Софокла, Шекспира, Шиллера, должно казаться буквоедством и гробокопательством? Неужели ключ жизни, бьющий в поэзии, должен засориться в мусоре археологических раскопок? Неужели литературные споры всех времен должны замолкнуть перед исправлением мельчайшей погрешности в общепринятом мнении о времени написания того или другого произведения? Неужели идеи разных веков, облекавшиеся в форму страстной проповеди, должны отступить на задний план перед изложением судеб какого-нибудь «странствующего сказания»? Живое воспроизведение живой мысли для живых людей превращается в кладбище, на котором валяются трупы: дух, их оживлявший, отлетел, и равнодушный прохожий может только сказать: *sic transit gloria mundi*¹! Другой смысл получают эти раскопки, когда на них смотрят, лишь как на подготовительные работы: дорогу живым людям, певшим и слушавшим песни полные жизни! Пусть над этими полуразвалившимися гробницами с полустершимися эпитафиями пройдут перед нами воскресшие мертвецы и скажут нам свои заветные думы! Высший идеал общеинтересной, общепонятной, общедоступной истории – воскресить и заставить говорить мертвецов, – полнее всего отра-

¹ Так проходит мирская слава (лат.). (Прим ред.-сост.).

ражалась их жизнь в яснее всего они говорили в своей литературе. Не букву, а дух, мысль, идею должна изучать история литературы, как таковая, а не как *Vorstudien dazu*. Все науки, не считая практических прикладных дисциплин, мы можем разделить на номологические (теоретические) и феноменологические (описательно-повествовательные), выключая отсюда и философию с ее творчеством идеалов¹. Феноменологическая наука есть воспроизведение, уяснение, оценка конкретных явлений природы и жизни в их индивидуальных и родовых признаках, воспроизведение описания и повествования. Такова и история: она описывает и рассказывает, уясняет и произносит свой суд, восстанавливает в памяти общее и частное, индивидуальное и коллективное. Феноменологические науки способны принимать формы искусства, и история более всех других, воспроизводя ту же самую человеческую жизнь, которую воспроизводит искусство: тонкая разграничительная черта отделяет хороший исторический роман от художественной истории, по одну сторону этой черты преобладает *Dichtung*², по другую *Wahrheit*³. Литература также может быть предметом истории, и история литературы, этой *Wahrheit und Dichtung* человечества, наиболее способна по самому предмету своему сделаться художественной. Во многих направлениях исторической науки (напр. в истории экономического строя) невозможно воспроизведение с возможно большим сохранением сущности воспроизводимого, т. е. так, чтобы здесь было как можно менее отвлеченного и как можно более конкретных воссозданий индивидуального, но именно в истории литературы воспроизведение может быть наиболее адекватно воспроизводимому: в других областях истории вы пользуетесь источником вашим, как свидетельством о факте, вы не можете воскресить перед читателем самое явление во всей его реальности; для историка литературы источник, художественное произведение и есть тот факт, о котором он говорит: он ставит его пред вашими глазами, не как свидетельство о другом факте,

¹ Основные вопросы философии истории. Том I, стр. 105 и след.

² Поэзия (нем.). (Прим ред.-сост.).

³ Истина (нем.). (Прим ред.-сост.).

но как самый сохранившийся факт, говорящий сам за себя, – и оживляет его перед вами, вводя в соответственную ему, добытую рядом подготовительных работ, обстановку. Он воспроизводит минувшую жизнь литературы, обнаруживает существенные и выдающиеся ее черты полнее и яснее, чем они могли бы быть видны при несистематическом чтении, напоминает нам известное и знакомит нас с тем, чего мы еще не знаем. Мы решительно думаем, что историк литературы наиболее должен проникнуться духом изучаемых им явлений, духом по возможности полного и рельефного воспроизведения действительности, тем более, что для этого у него есть средства: его факты сами говорят за себя и просятся на страницы его книги.

Не думайте, что мы рекомендуем превратить историю литературы в «хрестоматию образцов для разбора», какие употребляются в школах, хотя такие хрестоматии полезнее тощих «учебников истории литературы», в которых пестреют собственные имена писателей, годы рождения, смерти, выхода в свет книг, названия произведений с краткими, т. е. сухими и бесцветными «изложениями содержания». Это – две крайности. Художник не выкладывает вам на стол всех предметов, которые описывает: «смотрите мол сами»; настоящий историк не превращает рассказа в сухой каталог имен лиц, народов, стран, городов, рек, гор, в календарь достопамятных событий с обозначением года, месяца и числа, в статистику рождений, браков, смертей, битв, восстаний, мирных договоров. *Est modus in rebus*¹, и есть искусство, пред которым бессильны и которому не нужны никакие рецепты. История литературы не хрестоматия и не справочная книга, не пучки лучей от незримого светила и не свинченный проволокой скелет когда-то жившего человека. Мы лучше познакомимся с солнцем, отраженным в маленьком зеркале, чем по одному пучку лучей его, пропущенному в темную комнату; мы лучше представим себе давно умершего человека по его портрету, чем по оставленному им платью и по костям его, вырытым из могилы. Весь секрет в том, что настоящая история литературы требует от занимающегося ею, по крайней мере, способности к тем двум родам литературной

¹ От лат. – есть мера в вещах. Всему есть свои границы. (Прим ред.-сост.).

деятельности, которые наиболее близки к художественному творчеству, хотя и поделили между собой вопросы о форме и содержании, соединяемых художником в высшую гармонию, да нужен еще тот философский дух, который один делает из разрозненных знаний истинную науку. Но и сама история литературы есть только часть общей истории человечества, долженствующей сделаться философией истории¹. Было бы, впрочем, слишком долго распространяться о значении истории литературы для философии истории: я хотел только ответить на вопрос, поставленный в заголовке этой статьи, и смею думать, что ответил на него определенно: предмет истории литературы – эволюция художественного воспроизведения жизни в связи с эволюцией личных и общественных идеалов, а также форм и направлений литературного творчества.

[Н. Кареев]

¹ О значении вообще отдельных наук для философии истории см. мою речь *О современном значении философии истории*. Варшава. 1884. Об идеале других исторических наук я предполагаю написать ряд статей, из которых первой будет настоящий этюд. Здесь я замечу одно: так как все-таки история литературы занимается не историей самой жизни, в целом которой литература играет притом далеко не первостепенную роль, а историей воспроизведения жизни, ее иллюстрацией, то для общей истории, особенно философской, история литературы разрешается в историю идей вообще (миросозерцания и морали), т. е. произведения литературные начинают здесь играть роль свидетельств о фактах и утрачивают значение самостоятельных явлений. В общей истории на первом плане сама жизнь, а история литературы специально занимается воспроизведением жизни, которое на жизнь общества оказывает влияние лишь по заключающимся в этом воспроизведении идеям. С этой точки зрения литература делается лишь особой формой психического взаимодействия, а потому не может, как форма, считаться существенным элементом культуры (См. что сказано о значении истории искусства для общей истории в *Основных вопросах философии истории*. Т. II, стр. 82–86). Общая история не должна быть механическим соединением специальных: последние должны слиться органически, утратив каждая тот признак, который специализирует ее область.

**МИФ ОБ ОСНОВНОМ МИФЕ
(ПО ПУБЛИКАЦИЯМ Н.И. КАРЕЕВА
В «ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ЗАПИСКАХ»)**

*Молния – это трения между небом и землей,
высекающие искры любви.*

А. Давидович

Журнал Алексея Андреевича Хованского «Филологические записки», к сожалению, до сих пор остается одной из повсеместно забытых страниц в истории становления российской гуманитарной науки. В связи с вызванной известными историческими событиями опалой на сравнительно-историческое языкознание, сочинения, опубликованные за время существования журнала, на долгие годы выпали из сферы исследовательского внимания. Даже с реабилитацией компаративистики эти материалы пол столетия пребывали в забвении, о чём можно судить по публикациям учёных профильных кафедр столичных университетов и даже академиков. Тем не менее, в своё время журнал Хованского был высоко оценен в академических кругах. В течение нескольких лет, пока в 1867 году у Академии наук не появилось собственное издание, «Филологические записки» вместе с приложением «Славянский вестник» были единственным профильным журналом в Российской империи и к началу XX века являлись одним из самых авторитетных журналов, посвященных гуманитарным дисциплинам.

Вне исследовательского поля долгие годы оставались и ранние статьи Н.И. Кареева в «Филологических записках», посвященные культурологической тематике, этапам развития мифологической, религиозной и научно-философской мысли, восприятию литературы как социальной дисциплины.

Всего в журнале было опубликовано порядка двух десятков его статей и переводов (объем 400–500 страниц). Увы, приходится констатировать, что в настоящее время эти труды остаются не вполне оцененными по достоинству. Между тем в них будущий

академик обращался к фундаментальным вопросам, поиск ответов на которые обрел особую актуальность в XX веке¹.

Это, прежде всего, касается выдвинутой столетие спустя академиком В.В. Ивановым и В.Н. Топоровым теории *основного мифа*, осмысление структуры и эволюции которого стало насущной проблемой в связи с возвратом мифологического сюжета в символическое пространство России в статусе элемента государственного герба. Поэтому задача чёткого и ясного описания символического наследия, нашедшего выражение в русском народном героическом эпосе и в христианской агиографии, представляется делом государственным и важным в историко-культурном отношении.

«Филологические записки» не попали в библиографический список «Исследований в области славянских древностей», описывающих теорию основного мифа в индоевропейской и в связи с этим в славянской мифологии². А между тем есть по крайней мере

¹ Приведу неполный список публикаций Кареева в «Филологических записках» (в описаниях сокращенно «ФЗ»; из-за неочевидной пагинации, чаще всего номер выпуска приводится как «1–6»): **Главные антропоморфические боги славянского язычества** // ФЗ. Год XI. [Славянский Вестник]. Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейна и Губернского правления, 1872. [Вып. 1–6]. С. 1–23, 24–44, 45–61; **Миф и героический эпос** // Там же. С. 1–24; **Космогонический миф** // ФЗ. Год XII Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейна и Губернского правления, 1873. [Вып. 1–6]. С. 1–10; **Мифологические этюды** // Там же. С. 1–21, 22–46, 47–64, 65–80; **Очерки из прошедшего и настоящего науки о языке** // ФЗ. Год XIII Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейна и Губернского правления, 1873. [Вып. 1–6]. С. 2–22; **Мифологические этюды (серия вторая)** // Там же. С. 1–9; 10–22, 21–46; **Книга закона Ману (Mānava-Dharma-Śāstra)** / Пер. Н.И. Кареева // ФЗ. Год XIV. Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейна и Губернского правления, 1874. [Вып. 1–6]; С. 1–21; **О «новом взгляде» Г. Шапиро** [По поводу «нового взгляда» на сравнительное языкознание]. Статья 1 // Там же. С. 1–16; Статья 2. // Там же. С. 16–23. **Религия древних германцев по Тациту** [Изложение главы книги М.А. Geffroy. Rome et les Barbares: Étude sur la Germanie de Tacite. Paris: Didier et C°, 1974.] // Там же. С. 1–6; **Очерки Возрождения** // ФЗ. Год XV. Воронеж: Тип. Н.Д. Гольдштейна и Губернского правления, 1875. Вып. 6. С. 1–38; **Расы и национальности с психологической точки зрения** // ФЗ. Год XVI. Воронеж: Тип. В.И. Исаева и Губернского правления, 1876. В. 2. С. 1–24; **Архив для славянской филологии** // Там же Вып. 4. С. 1–8; **Что такое история литературы?** (Несколько слов о литературе и задаче её истории) // ФЗ. Год XXII. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1883. Вып. 5–6. С. 1–28; **Литературная эволюция на Западе** // ФЗ. Год XXIV. Воронеж: Тип. В.И. Исаева, 1885. [Вып. 1–6]. С. 1–46.

² См.: Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М.: Наука, 1974.

несколько оснований для того, чтобы релевантные этой теме публикации журнала могли быть упомянуты в библиографии. Это наводит на мысль, что они не были знакомы авторам. Здесь речь идет о трудах Ф. Буслаева, Д. Будде, Д. фон Шеппинга. Но прежде всего это касается статей Н. Кареева «Главные антропоморфические боги славянского язычества», «Миф и героический эпос», «Космогонический миф» и «Мифологические этюды», потому что именно в них практически повсеместно распространенный космогонический миф о брачном союзе между Небом-отцом и Землей-матерью, с которым автор связывает происхождение небесных религий, рассматривается в контексте *основного вопроса о происхождении всего сущего*. Статьи Н.И. Кареева в этом свете видятся ключевым звеном, выпавшим из цепочки преемственности между мифологической школой XIX в. и изысками учёных-классиков века XX-го. Во многом благодаря им, прорисовываются контуры структуры и содержание мифа, полагаемого в разные времена и в разных контекстах за основной.

Надо сказать, что эти ранние статьи мало известны карееведам. Между тем, они представляют большой интерес, и производят впечатление творений зрелого уже ума и академической эрудиции, практически не уступающих статьям академиков, печатавшимся в «Филологических записках».

В этих работах Н.И. Кареев соединяет лингвистическую теорию мифа М. Мюллера с психологическим подходом А. Куна и впервые предлагает различать в мифе две стороны – не только лингвистическую, но и психологическую, называя одну *баснословием*, а другую *басномыслием*. Под басномыслием он понимает мифическое мирозерцание, то есть ненаучное или метафорическое истолкование явлений живой природы, происходящее из естественного жизненного опыта. Баснословие же представляет собой неверное толкование слов, вызванное забвением первоначального смысла.

По мнению Н.И. Кареева, первичный миф об основании мира обусловлен мифическим мирозерцанием и антропатией (Л. Фейербах), когда явлениям природы передаются поведенческие черты и инстинкты, характерные для человека. По словам

А Куна, «зерно древнейших и самых значительных божеских мифов у индогерманцев основано на тех представлениях природы, которые были отражением собственной жизни народа»¹. Таким образом, в «эпоху чистой мифической мысли», когда весь запас сведений «ограничивался мифическими представлениями в области умозрения и немногими эмпирическими знаниями в области практической жизни»², человек подводит *основной вопрос* о происхождении всего сущего под вопрос о рождении, в связи с чем видит в явлениях природы – дожде и грозе – брачный союз: «Огонь добывался в древнейшую эпоху сверлением деревянную палочкой в куске дерева, что сближалось с половым актом; зарождение молнии объяснялось тем же огнесверлением в небесах, отсюда связь между молнией и происхождением первого человека»³. Другой исследователь славянской мифологии А.Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях» доказывает существование подобных взглядов на союз неба и земли у славян, причем дождь, оплодотворяющий землю, является метафорой *seminis genitalis*. Особенно примечательна между прочим в этом отношении следующая, пережившая первоначальное верование примета: если дождь смочит молодую чету в самый день брака или случится гроза во время венчального обряда, то это предвещает новобрачным чадородие и богатство⁴.

С психолингвистической точки зрения в основном мифе есть два аспекта, определяющих два коммуникативных концепта, различных по характеру, или качеству, взаимодействия: один – *любовный брачный союз* или *половой акт*, проявляющийся в дожде и радуге⁵, другой – в громе и молнии – *конфликтный змееборческий сюжет*, в котором Громовержец, «убивая ритуального противника, вызывает плодородие (в частности, дождь) и этим обес-

¹ Kuhn Ad. Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks. Berlin: F. Dümmler, 1859. S. 259.

² Кареев Н.И. Космогонический миф. С. 2.

³ Там же. С. 5.

⁴ См.: Чудинов А. История Русской женщины в последовательном развитии ее литературных типов // Филолог. записки. 1871. [Вып. 1–6]. С. 20.

⁵ См.: Афанасьев А.Н. Народные поэтические представления радуги // Филологические записки, 1865. В.1 С. 35–48.

печивает процветание страны»¹. Но если Н.И. Кареев связывает основной миф с основным инстинктом, обеспечивающим плодородие и благополучие, то В.В. Иванов и В.Н. Топоров описывают миф, в котором за источник благоденствия народа и государства полагается убийство змея. Индоевропейское змеборство, по их мнению, имеет специфический контекстуальный характер и несет на себе отпечаток вполне определенной исторической эпохи, когда сюжетная схема мифа «я убью тебя» соответствовала определенным социально-политическим реалиям. Здесь надо отдать должное академикам: рассуждая об основном мифе они всё-таки признают, что древнейший космогонический сюжет «может рассматриваться как отдаленный аналог (Н.В. – А.Л.) и в определенном смысле (Н.В. – А.Л.) источник соответствующих мифов»².

Если воспринять мысль Н.И. Кареева о первичности мифического мирозерцания в сравнении собственно с мифом, змеборческий мотив, видится вторичным по отношению к антропопатическому мифу о брачном союзе и обусловленным, по словам М. Мюллера, забвением основного смысла: «Для того чтобы какое-нибудь [понятие] получило мифологический смысл, необходимо, чтобы в языке утратилось или затемнилось сознание первоначального, собственное значение [понятия]»³. В таком порядке змеборческий мотив мифа об основании всего сущего представляется вторичным баснословием, появившемся в связи с забвением и пересказом на иной лад первичного космогонического мифа: вместо предания о благодатном брачном союзе, появляется новый, практически также широко распространенный сюжет о битве Бога Грозы с драконом или змеем.

В своих статьях Кареев показывает, что вообще в основе сюжетов борьбы с чудовищами коренится древний миф природы, а множество последующих героических мифов и народных преданий суть отпрыски космогонических прототипов. Рассматривая лингвистическую и психологическую стороны мифа,

¹ Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. С. 123.

² Там же. С. 157.

³ [Мюллер М.] Сравнительная мифология Макса Мюллера. М.: Тип. Грачева и К°, 1863. С. 67.

автор считает поиск ответов на эти вопросы важным и для антропологов в самом широком смысле. Для современной антропологической лингвистики, например, мотивы основного мифа представляют интерес с точки зрения моделирования (по проявляющейся в них коммуникативной практике) личности интерпретатора.

Сравнивая психологические стороны любовного и змееборческого мотивов мифа, можно обнаружить их корреляцию с соответствующими психотипами, идентифицирующимися в зависимости от качества коммуникации, в котором исследователи выделяют два основных типа – *конструктивный* и *деструктивный*, в основании которых лежит либидо и мортидо, соответственно¹. Специфика коммуникативного поведения с точки зрения лингвоперсонологии обусловлена проявлениями того или иного психотипа рассказчика, на основании которого строится интерпретация одного или другого мотива в случае как с басномыслием, так и с баснословием. Лингвокультурный анализ мотивов основного мифа позволяет понять не только логику построения сюжета, но и приоритетную модель поведения, определяющую поступки персонажей в зависимости от психотипа интерпретатора². На этом основании моделируется проявляющаяся в коммуникативной практике личность, поскольку каждый из психотипов видит в мифе сначала сюжетную схему, соответствующую его особенностям коммуникативного поведения: в одном нарративе вербализуется конструктивный концепт, в другом – деструктивный.

Рассматривая лингвистическую сторону понятия основной миф, важно иметь в виду историческую полисемию: значения понятия изменяется с течением времени. Так, Н.И. Кареев полагает основным, послужившим фундаментом позднейшей мифологии и религии, миф о брачном союзе между Небом-отцом и Землей-матерью, тогда как В.В. Иванов и В.Н. Топоров принимают за основной змееборческий мотив, объясняя его уни-

¹ См.: Берн Э. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. М.: Бомбора, 2017.

² См.: Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М.: Гнозис, 2019. С. 394.

кальность «спецификой исторического контекста». С точки зрения учения об исторической полисемии, отрицающего возможность построения «истории одного понятия» вне связи с конкретными случаями его исторического использования¹, обе интерпретации имеют равное значение, что снимает остроту в дискуссии о его однозначной трактовке.

Кареев едва касается социологической, не говоря уже о конфликтологической стороны основного мифа. В социологическом отношении змеборец представляется символом воинского сословия². То же самое можно заметить и в отношении труда Иванова и Топорова, которые рассматривают змеборческий мотив главным образом в этно-культурном аспекте и обращают внимание на социальную сторону в связи с возрастающей ролью второй (военной) функции: в соотнесении схемы мифа с набором реалий средневековой феодальной дружины. К военной функции змеборца добавляется метеорологическая – обеспечение плодородия. Вот это смешение функций в одном явлении вызывает особый интерес, поскольку непосредственно связано с двумя мотивами основного мифа. Но если у Н.И. Кареева основой основ представляется жизнедательное плодородие, то В.В. Иванов с В.Н. Топоровым «в общей перспективе социальной системы функций» предлагают взять за основополагающую инверсивную интерпретацию: «наряду с военной и метеорологической функцией выделяется и функция, связанная с плодородием, производительной силой»³.

В этом соединении функций, с одной стороны, связанных с громом и военной активностью, а с другой – с плодородным дождем и сельским хозяйством, обнаруживаются и различные коммуникативные качества главных героев мифологического сюжета – конструктивные и деструктивные. В одном случае в бинарной оппозиции демонстрируется и реализуется конфликт, в основании которого лежит ненависть к супостату, в другом –

¹ См.: Доманов О.А. Понятие контекста в контекстуализме Марка Бивира // Сибирский философский журнал, 2019. Т. 17. №2. С. 99–114.

² См.: Книга закона Ману (Mānava-Dharma-Śāstra) / Пер. Н.И. Кареева. С. 1–21.

³ Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. С. 191.

акт согласия, в основании которого – любовный консент¹. По сути, речь идёт о разных топосах – змееборческом и брачном, – реальностях текстуальных, проявляющихся в локусе дождя и грозы, т. е. в действительности пространства внетекстуального².

Русская культура имеет два основных источника – славянский (индоевропейский) и христианский (семитский), поэтому нас в первую очередь интересуют проявления змееборческого топоса как текстуальной реальности в индоевропейских и афразийских текстах и локусах. Между тем, змееборческий мотив можно обнаружить и в египетской мифологии. Близкая этому сюжету мифическая параллель содержится в древнеегипетском описании борьбы Бога Солнца Ра со змеем Аппопом. Та же сюжетная схема «я убью тебя» обнаруживается и в мифе о Горе и Сете. В других египетских мифах встречаются заговоры против змей: «Остерегайтесь змей и в земле, и воде!». «И да опишешь ты гнёзда змей твоих, находящихся в тебе, говоря: “Берегись, да не повредите вы кому-нибудь!”»³. Как видно, и в древнеегипетских текстах встречается увещание о бережном отношении к оппоненту.

В текстах Ригведы светлые тучки-коровки, дающие питательную влагу, захватывает чёрная грозовая туча, ассоциирующаяся со змеем, в борьбу с которым вступает один из древнейших змееборцев Индра: «Ты принес горè добро, связанное с влагой. Когда, о Индра, силой ты убил Вритру-змея»⁴. Этот мотив является доминирующим в мифологии индоевропейских народов. Особенно явно сословный характер мифа обнаруживается именно в Ригведе, где Индра, убивая змея-жреца Вритру, становится участником внутрисоциального конфликта. За убийство жреца ведический змееборец был вынужден скрываться на самом краю света в цветке лотоса, потому что мог принимать любой образ. Видимо, благодаря такому своему природному качеству, архетип змееборца проявился под самыми разными

¹ См.: Лазарев А.И. Основы консентологии. Воронеж, 2010.

² См.: Две библии – два пути. М., 2006.

³ Матье М. Древнеегипетские мифы. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 89.

⁴ Риг. I, 51, 4.

ми именами у самых разных народов, но повсеместно он прочно ассоциируется с воинским сословием. Кстати, любопытно, но если сравнить змееборческие отрывки из Ригведы и Ветхого завета, то практически невозможно различить эти тексты: «Ты принес горè добро, связанное с влагой» и «Ты стерл еси главу змию в водах»¹.

В Ветхом Завете змееборческий мотив встречается уже в первых главах первой книги Торы² и имеет параллельные места в псалмах царя Давида (см. выше). В Новом Завете змееборческий сюжет представляется одним из значимых мотивов Апокалипсиса. В христианской агиографии змееборство присуще множеству святых, особенно в народной интерпретации. Известны два мотива уже самого противостояния между героем и змием: наиболее распространённым является убийство героем дракона, но встречаются также и сюжеты молитвенной победы и усмирения дракона силою Слова Божьего (например, «Чудо Георгия о змие в Старой Ладогге»). В этом отношении особенно интересно апокрифическое Евангелие Псевдо-Матфея, в котором первопророчество реализуется следующим образом: «Тогда Иисус, сойдя с рук Матери Своей, стал перед драконами; они поклонились Ему, и когда поклонились, они ушли. И исполнилось то, что сказал пророк: “Хвалите Господа вы, сущие на земле, драконы”. И Младенец шел перед ними, и Он приказал им не причинять никакого зла людям». Можно предположить, что в этих двух типах коммуникации с драконами/змиями проявляются две модели взаимодействия с окружающим миром, характерные для разных социальных групп – огнём и воинским копьём или водой и жреческим Вещим словом, упоминаемым Н.И. Кареевым в статье «Мифологические этюды».

В первых главах книги Бытия, змееборческий мотив непосредственно связан с библейской космогонией вообще и в частности с созданием мужчины и женщины, их изгнанием. О сотворении женщины, как известно, есть два противоречивых упоминания. Первое: «мужчину и женщину сотворил их»³.

¹ Пс. 73:13.

² Быт. 3:15.

³ Быт. 1:27.

И второе: «И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел её к человеку»¹. Но поскольку Тора никак не поясняет два свидетельства о сотворении первой брачной пары, появились основания для их дополнительного осмысления, нашедшего место в каббалистической мифологии, в легенде о двух женах Адама – Лилит и Еве, что впоследствии проявилось и в средневековой иконографии, где Лилит представляется в змеином облике на Древе познания добра и зла («Грехопадение» Микеланджело в Сикстинской капелле). (С психологической и социологической точек зрения интересны радикально различные модели отношений, складывающихся в брачной коммуникации. Независимая Лилит, созданная в равных с Адамом условиях, стремится к полной эмансипации, тогда как Ева, ставшая прародительницей человечества, вписывается в патриархальную структуру отношений, потому как сотворена из ребра своего мужа. От потомства Евы ведет своё происхождение благополучный брак, о котором говорит Соломон: «Мудрая жена устроит дом свой, а глупая разрушит его своими руками»²). А в третьей главе книги Бытия встречается и сам змеборческий сюжет³, получивший номинацию Первоевангелие.

Любопытно, что разные переводы сообщают о радикально различном качестве коммуникации действующих лиц в зависимости от источника – греческого и масоретского. На церковнославянский с греческого стих переводится таким образом: «Той твою [змея] блюсти будет главу, и ты блюсти будешь его пяту», но современный русскоязычный перевод настаивает на иной сюжетной схеме: «Он будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить Его в пяту». В этих разных переводах Ветхого завета описываются противоположные качества взаимодействия. Церковнославянский текст, переведенный с Септуагинты, говорит об опеке и защите головы змея, взамен чему змий обязуется блюсти человеку пяту. Перевод же на русский язык из масоретского текста, минуя церковнославянский, описывает «основную» сюжетную схему.

¹ Быт. 2:22.

² Притч. 14:1.

³ Быт. 3:15.

Эта коммуникативная инверсия обращает на себя особое внимание в связи с такой броской номинацией, как Первоевангелие¹, появившейся в конце XIX века в связи с переводом Ветхого Завета А.П. Лопухиным. В своё время редактор и его преемники решали прежде всего задачу просвещения, поэтому старались согласовать святоотеческие толкования с современными данными библеистики². На этой почве змееборческий мотив получил новый импульс в христианском богословии, что породило новую мифологию. Современные православные словари объясняют появление термина Первоевангелие тем, что именно в связи с первым упоминанием змееборческого сюжета появляется «благовестие» о Спасителе, который должен прийти и «убить змея». В этом, по мнению переводчиков, состоит Благая Весть, тогда как о новой заповеди «Да любите друг друга!» в толковании этой номинации и помина нет.

В лингвистическом контексте надо заметить, что сегодня упоминание змееборческого сюжета представляется как фигура речи, антропатическая и зооморфическая метафора по отношению к греху и дьяволу, то есть ни о каком реальном змееборстве речи и не идёт. В таком свете змееборство видится топосом, не имеющим аутентичного референта во внетекстуальной реальности. Но особый интерес в этом контексте привлекает лексическая инверсия глаголов *блюсти* (*защищать*) или *поражать* (*проявлять агрессию*), в которой очевидны две сюжетные схемы и два противоположных коммуникативных варианта: оппозиции находятся либо в мирном сосуществовании и конструктивном взаимодействии, либо явно в конфликтном и деструктивном. Оставляя в стороне вопрос определения «правильного перевода», отметим только сам факт репрезентации в библейских текстах двух типов взаимодействия в змееборческом сюжете и сравним его с инверсией в описании качества коммуникации между главными героями двух мотивов космогонического мифа.

Следуя советам Н.И. Кареева – различать в мифологии психологическую и лингвистическую стороны, новые интерпретации

¹ См.: Коскелло А. Борец за народную Библию // Вода живая. 2014. №9. С. 18–19.

² См.: Там же.

змееборческого сюжета в Бытии нужно рассматривать уже не как вторичную, а как, пожалуй, мифологию третьего порядка. На наш взгляд, коллизии с библейским змееборческим сюжетом представляются явным отзвуком мифов природы. Однако Н.И. Кареев предупреждает, что в попытках отыскать отголоски основного космогонического мифа в позднейших мифологиях и религиях нужно быть крайне осторожным и сводить мифологический сюжет к космогоническому мифу, если только имеются «достаточно прочные аналогии, способные без натяжек свести гипотетический миф на действительно возможное в первобытную эпоху мифическое мирозерцание»¹. И всё же аналогия со змееборческим мотивом космогонического мифа настолько сильно бросается здесь в глаза, что возникают сомнения не только в его собственно индоевропейской оригинальности, но и в претензии на статус основного в космогоническом смысле.

Итак, из сравнения представлений Н.И. Кареева и взглядов В.В. Иванова с В.Н. Топоровым на содержание понятия основной миф можно сделать следующие выводы: во-первых, змееборческий сюжет представляет собой только один из мотивов, обусловленный забвением первоначального брачного космогонического мифа, то есть не является первичным и основным; во-вторых, змееборческий мотив в силу своей распространенности среди народов не только индоевропейских, но и других, следует рассматривать не столько в этнографическом, сколько в социологическом контексте: миф касается универсальной социальной страты – воинской, то есть по существу представляется не этническим, а социально-стратификационным; в-третьих, на фоне противоречий во взглядах на содержание основного мифа можно рассуждать об исторической полисемии понятия, когда змееборческий сюжет представляется только одним из мотивов мифа, полагаемого Н.И. Кареевым за основной.

Лазарев Андрей Иванович

Воронеж, Фонд им. А.А. Хованского, xovansky_fond@inbox.ru

¹ Кареев Н.И. Миф и героический эпос. С. 1–26.

ОТНОШЕНИЯ Н.И. КАРЕЕВА С ЛИТЕРАТУРОЙ

Влияние литературы на социологию и наоборот очевидно для отечественной интеллектуальной культуры середины XIX – начала XX в. Литература играла значительную роль в культуре и общественной жизни России, саму русскую культуру часто называют литературоцентричной.

Можно выделить такие элементы связи социологии и литературы у отечественных социологов, как ссылки на имена и тексты литераторов для иллюстрации социологических концепций; их участие в литературном творчестве; в литературных сообществах и организациях, их деловые и дружеские отношения с писателями и поэтами.

Н.И. Кареев, по его словам, еще в гимназии заучивал стихи своих любимых поэтов – А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова. Во время «короткого сидения» в Петропавловской крепости в 1905 г. он «развлекал» себя, вспоминая стихи Пушкина, которые с детства знал наизусть, «а читая новейшие работы о Пушкине, ...ловил себя на сожалении, что не пошел по литературной дороге»¹.

В трудах Кареев упоминал В. Шекспира, Д. Байрона, И. Гете, Г. Гейне, Жорж Санд, Э. Золя, А. Дюма, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.С. Грибоедова, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова.

К примеру, русский историк и социолог противопоставлял «крайнюю» позицию Т. Карлейля о человеческом воздействии на существующие общественные отношения «в желательном направлении» («культ героев») теориям, в которых понятие движущей силы было перенесено с выдающейся личности на однородную массу, на мудрость «народного духа». «Самое крайнее выражение этого взгляда мы находим в известных историко-философских рассуждениях ав-

¹ Н.И. Кареев. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вст. ст. и комм. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Лен. ун-та., 1990. С. 298.

тора «Войны и мира», который прямо приравнивал выдающую личность нулю»¹.

Многие социологи (Лавров, Михайловский, Ковалевский, Сорокин и др.) участвовали в литературном процессе и в духе критического реализма писали романы, повести, рассказы, поэмы, стихи, эпиграммы.

Кареев имел склонность к «стихосложению», а по поводу собственного стихосложения писал: «У меня рано обнаружилась версификаторская способность, которую не я один принимал за поэтический дар. Впоследствии я понял, что тут что-то не так, хотя я никогда не переставал пописывать стихи»². Свои поэтические опыты он оценивал с юмором – это «забава для себя и для других» и с этим «опытом» он обращался «как Тютчев», бросавший написанное. Но «с его стороны, правда, это было непростительно, он разбрасывал бриллианты и перлы, у меня же это были самые простые бусы, собирать которые совершенно не стоило». «Мой жанр – эпиграммы, акrostихи, шуточные оды»³.

Так, назначение Н.П. Боголепова и Н.А. Зверева в министерство народного просвещения в 1898 г. он отметил такой эпиграммой:

Вселились в министерство
В довольно равной мере
божественность и зверство
В нелепом богозвере»⁴.

Поэтические опыты Кареева сохранились. Большое собрание его стихов находится в архиве Академии наук в Санкт-Петербурге.

Отечественные социологи были знакомы с писателями и поэтами, и не только откликались на их творчество, но принимали активное участие в литературных сообществах и организациях.

¹ Кареев Н.И. Введение в изучение социологии [Избранные статьи по социологии] / Отв. ред., предисл. и сост. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 299.

² Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. С. 83

³ Там же. С. 302.

⁴ Там же. С. 344.

Так, Кареев в течение 25 лет был секретарем, а затем председателем Литературного фонда, членами которого были «многие нотабли» русской литературы, публицистики и науки (С.А. Венгеров, В.Г. Короленко, Н.К. Михайловский, Л.Е. Оболенский, В.Д. Набоков, П.Д. Боборыкин, Д.Н. Мамин-Сибиряк и др.). Они устраивали литературные собрания, вечера, празднования юбилеев. Кареев писал, что на разных литературных именинах и днях рождения у Н.К. Михайловского, у М.В. Ватсон, у Ф.Ф. Фидлера (переводчика русских поэтов на немецкий) бывал «генеральский смотр всей прогрессивной литературы»¹.

У социологов складывались не только деловые, но и дружеские отношения с писателями. У Кареева такие отношения складывались с В.Г. Короленко, Д.Н. Маминым-Сибиряком, И.С. Тургеневым.

Кареев познакомился с Тургеневым на банкете в его честь в 1879 г. в Москве, где присутствовали также М.М. Ковалевский, А.И. Чупров, университетские профессора А.Н. Веселовский (историк литературы), Н.В. Бугаев (математик) и др. Впоследствии Кареев часто во время своих научных командировок встречался с Тургеневым в Париже. В 1882 г. он навестил Тургенева, когда тот был уже сильно болен и никого не принимал. Но Тургенев согласился принять Кареева и их «встреча была теплой с обеих сторон»².

Бочкарева Вера Игнатьевна

Санкт-Петербург, СПбГУ, доцент, v.bochkareva@gmail.co

¹ Там же. С. 190.

² Там же. С. 327.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От составителя.....	3
Николай Иванович Кареев: социолог, философ, человек. Вместо вступительного слова (<i>А.В. Воронцов</i>)	13
Раздел I. О вновь обретенных социологических трудах Н.И. Кареева	
Сохраняя историю отечественной социологии: рукопись Н.И. Кареева «Уильям Годвин и его “Политическая справедливость”» в российском государственном архиве литературы и искусства (<i>М.В. Ломоносова</i>).....	25
Последний курс Н.И. Кареева (<i>А.В. Малинов</i>).....	35
Раздел II. История и систематика социологической мысли в трудах Н.И. Кареева	
Н.И. Кареев и традиция российской историографии социологии (<i>А.О. Бороноев</i>).....	47
Об опыте типологизации русской социологической мысли (<i>С.Н. Малявин</i>).....	51
Раздел III. Вклад Н.И. Кареева в отечественную и мировую социологию	
Критика Н.И. Кареевым бихевиоризма П.А. Сорокина: к вопросу о вкладе Кареева в формирование социологической теории действия (<i>Н.А. Головин</i>).....	69
Урбанистические аспекты в научном наследии Н.И. Кареева (<i>А.А. Бесчасная</i>).....	74
Политическая социология Н.И. Кареева (<i>О.Л. Гнатюк</i>)	81

Соотношение понятий политики и религии в работах Н.И. Кареева и М. Вебера (<i>О.А. Игнатьева</i>).....	89
Социологическое наследие Н.И. Кареева в американской научной литературе первой половины XX века (<i>О.А. Кажанов</i>).....	92
Раздел IV. Эпистемология и методология социологии в научном наследии Н.И. Кареева	
Предвосхищение исторической социологии? «Переход от истории к социологии» в трудах Н.И. Кареева (<i>Л.А. Козлова</i>).....	99
О современности некоторых метасоциологических идей Н.И. Кареева (<i>Г.А. Иоффе</i>).....	109
Н.И. Кареев о методологии социально-гуманитарного познания: от натурализма к его критике (<i>В.И. Медведев</i>).....	129
Социологические взгляды Н.И. Кареева: необходимость признания психологического фактора (<i>У.С. Швиндт</i>).....	139
Раздел V. Идеи Н.И. Кареева о социологическом образовании и просвещении	
Модель социологического образования Н.И. Кареева (<i>М.Б. Буланова</i>).....	149
Н.И. Кареев – основоположник социологического образования в России (<i>М.Б. Глотов</i>).....	157
Вклад Н.И. Кареева в институционализацию системы образования в России (<i>М.И. Романова</i>).....	161

Раздел VI. Социальная философия и историософия Н.И. Кареева

Российские аналитики социальной философии XIX века (<i>Д.З. Мутагиров</i>).....	167
Формула исторического процесса и социального прогресса в социологии Н.И. Кареева (<i>А.Е. Мальченкова</i>).....	176
Теория мирового и российского исторического процесса в трудах Н.И. Кареева (<i>А.Н. Гребенкин</i>).....	183
О диалектике исторических событий и социальных структур в контексте теории прогресса Н. Кареева (<i>И.В. Цифанова</i>).....	193
Н.И. Кареев о проблеме соотношения личности и общества (<i>Т.В. Мотакова</i>).....	198
Перспектива развития историософских идей Н.И. Кареева в проекте интеграционной социологии исторического процесса (<i>В.И. Игнатьев</i>).....	203
Русская историософия: принцип культурно-исторического универсализма Н.И. Кареева и идея личной ответственности человека в учении старообрядцев (<i>М.А. Арефьев, А.Г. Давыденкова, А.В. Зыкин</i>).....	211
Проблема смены исторических эпох в работах Н.И. Кареева в свете новых представлений о формировании культурных общностей (<i>Д.Н. Старостин, Е.В. Кулешова</i>).....	223

«Мысли об основах нравственности» Н. Кареева
и «Оправдание добра» Вл. Соловьева:
два проекта нравственной философии
как самостоятельной науки (*В.В. Сидорин*).....227

**Раздел VII. Н.И. Кареев
и общественная деятельность**

Н.И. Кареев в «войне брошюр» 1917 года
(*А.В. Шевцов*).....235

Взгляд Н.И. Кареева
на сущность общественной деятельности
(*В.В. Шляпников*).....239

**Раздел VIII. Современный отклик
на социологические идеи Н.И. Кареева:
личность, образование, молодежь**

Личность, социальные страхи и прогресс
в современном обществе:
переосмысляя Н.И. Кареева
(*С.Б. Абрамова, Н.Л. Антонова*).....249

Прошлое как «вещь для нас»:
понимание познания истории Н.И. Кареевым
и отношение молодёжи Петербурга
к познанию истории (*Н.В. Абросимова*).....255

Личность. Среда. Образование.
Размышления к 170-летию
со дня рождения Н.И. Кареева (*Н.В. Живенок*).....259

Преемственность поколений
в дискурсе «научного реализма»
и «этической точки зрения» по Н.И. Карееву
(*Л.Г. Лебедева*).....265

Роль образования
в становлении профессиональных династий
в советском обществе
(*О.С. Мосиенко, Г.И. Чикарова*).....271

Идеи Н.И. Кареева о личностном измерении прогресса и проблема потенциала современной молодежи (<i>Е.Г. Поздеева</i>).....	279
Возможности использования традиционных методов в современном образовании (<i>О.А. Сербина</i>).....	285
Актуальность взглядов Н.И. Кареева на развитие критического мышления детей школьного возраста (<i>Д.В. Щербакова</i>).....	291
Раздел IX. О социальном и социологическом аспекте творчества Н.И. Кареева: предварительный список публикаций (<i>А.В. Шевцов</i>)	
От составителя.....	301
Хронологический указатель.....	302
Именной указатель.....	317
Указатель заглавий.....	319
Приложение. «Что такое история литературы?» Н.И. Кареева	
Предисловие ред.-составителя к публикации.....	329
Что такое история литературы? (Несколько слов о литературе и задаче ее истории) [<i>Кареев Н.И.</i>].....	332
Миф об основном мифе: по публикациям Н.И. Кареева в «Филологических записках» (<i>А.И. Лазарев</i>).....	359
Отношения Н.И. Кареева с литературой (<i>В.И. Бочкарева</i>).....	371
Оглавление	374

**СОЦИОЛОГИЯ В ТРУДАХ
НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА КАРЕЕВА**

СБОРНИК к 170-ЛЕТИЮ Н.И. КАРЕЕВА

ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ
ГЕРЦЕНОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Редакционная коллегия:

Ответственный редактор: доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РГПУ им. А.И. Герцена, заслуженный работник высшей школы **А.В. Воронцов**

Научный редактор: доктор философских наук, профессор кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена **С.Н. Малявин**

Редактор-составитель: преподаватель кафедры социологии РГПУ им. А.И. Герцена **Г.А. Иоффе**

Отв. сост. Г. А. Иоффе

Отпечатано с готового оригинал-макета,
предоставленного авторами

Подписано в печать 21.12.2021. Формат 60 × 84 1/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 21,62. Печ. л. 23,5.
Тираж 100 экз. Заказ № 49к

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена
191186, С.-Петербург, наб. р. Мойки, 48

